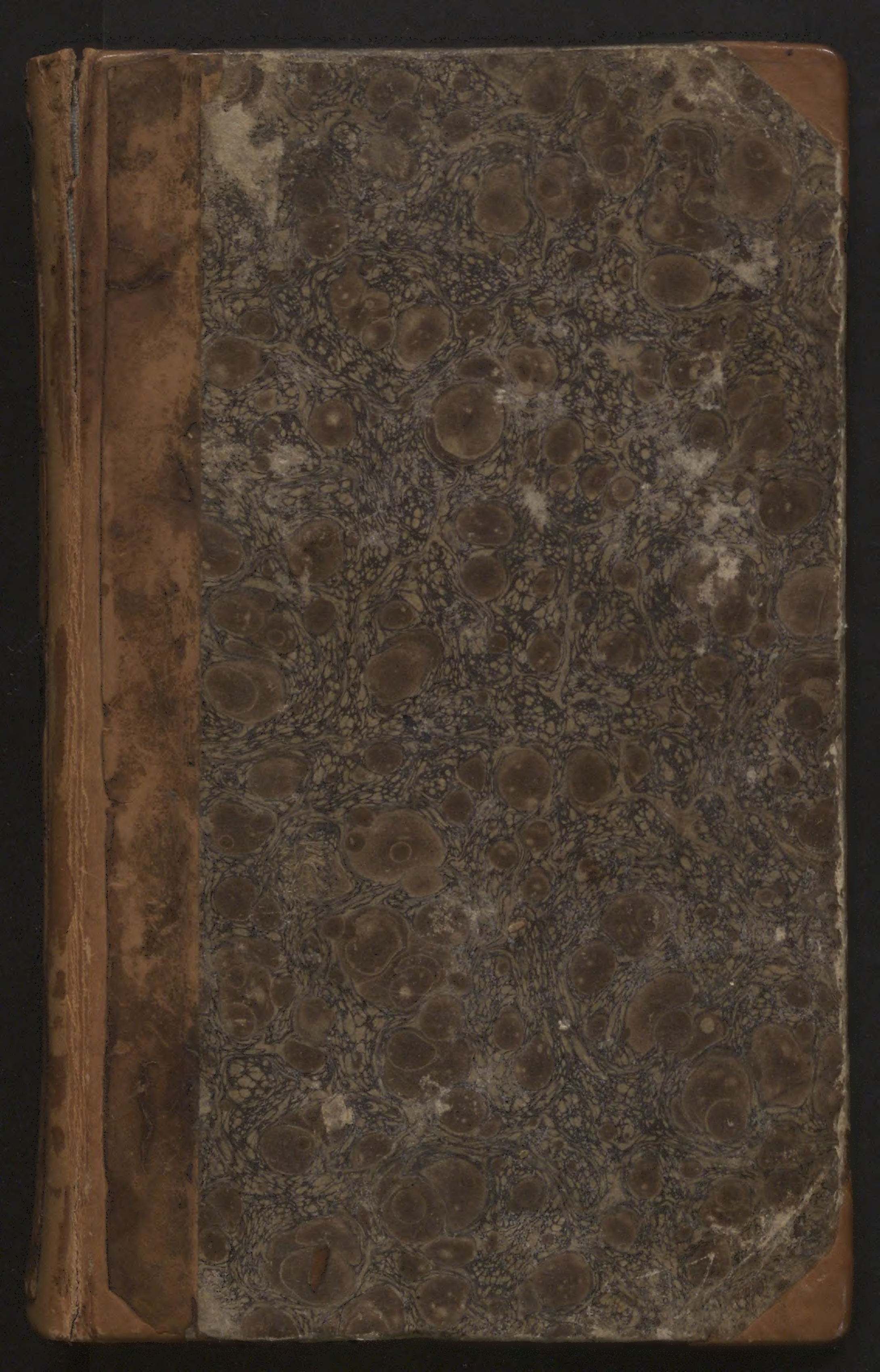
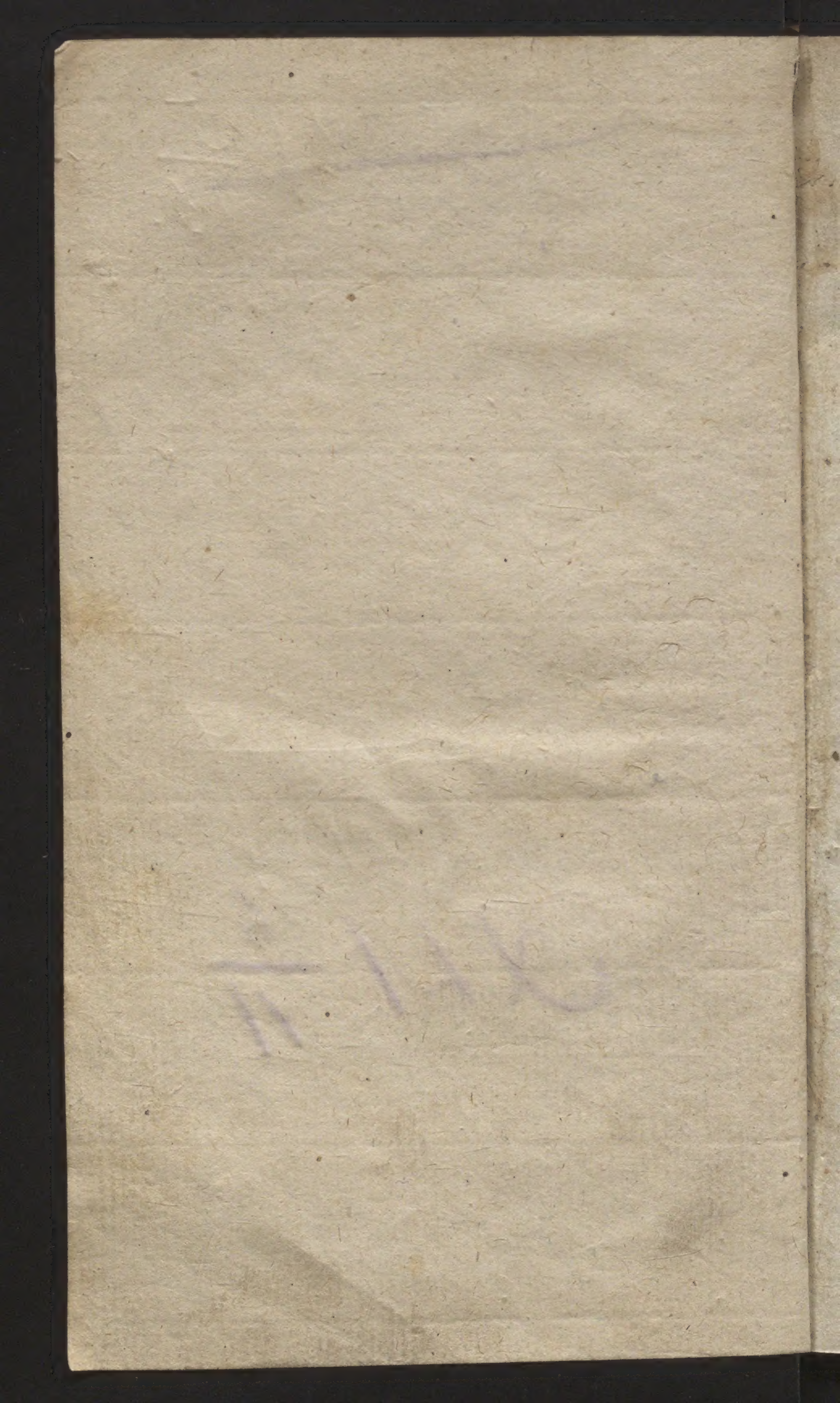

3-й экз

АВЛА ГЕЛЛІЯ

АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ

ЗАПИСКИ,

Содержащіяся [illegible] кı книгахЪ.

Переведены сЪ Латинскаго языка

вЪ

Московской Славено-Греко-Латинской Академіи.

Часть вторая.

МОСКВА

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической, сЪ Указнаго дозволенія.

1787.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВЕЩЕЙ

Содержащихся во второй части.

Страницы.

КНИГА XI.

и

КНИГА XII.

КНИГА XIII.

Стран.

)(4 ГЛАВА

ГЛАВА

КНИГА XIV.

КНИГА XV.

ГЛАВА

ны

странъ.

ГЛАВА

КНИГА

страп.

КНИГА XVI.

спра-

КНИГА XVII.

ГЛАВА

КНИГА XVIII.

страп.

ГЛАВА

стран.

КНИГА XIX.

КНИГА XX.

ГЛАВА

страп.

ПО-

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано.	*Стран.*	*Читай.*	*Строка*
nſulasque	5.	inſulasque	15.
безчувственностію, души	52.	безчувственностію души	11.
различіе	79.	различное	18.
тѣми	100.	тѣмиже	12.
atqae	128.	atque	14.
книхъ	151.	книгъ	2.
представлать	162.	представлять	17.
Хроникъ	204.	Хроника	9.
здаnіе	208.	зданіе	29.
вой-войны	241.	войны	6—7.
Геометрій	246.	Геометрія	14.
линія	—	линіи	19.
туша	250.	туда	23.
но оное	251.	на оное	18.
будешъ	255.	будемъ	5.
кагоніесть	256.	какогониесть	5—6.
побѣждаелъ	267.	побѣждаемъ	5.
вглянулъ	276.	взглянулъ	3.
exitimarit	292.	existimarit	23.
исторія	299.	исторіи	3.
въ со-дѣланіи	316.	въ содѣланіи	8—9.
будетъ	323.	будемъ	19.
Антисфеномъ	333.	Антисѳеномъ	33.
нѣколько	370.	нѣсколько	5.
приключивтуюсся	375.	приключившуюся	30.
увечьемъ	391.	увѣчьемъ	15.
и	400.	и	20.
рязсуждалъ	—	разсуждалъ	25.
ученику	—	ученику.	34.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА 1.

О началѣ слова Италіа, о штрафѣ называемомъ suprema, *о причинѣ сего названія, и о законѣ Атверіевомъ; и притомъ какими словами встарину назывался самый малый штрафъ.*

Тимей *въ Повѣстяхъ о Дѣлахъ Римскаго Народа*, на Греческомъ языкѣ сочиненныхъ, и М. Варронъ *въ Древностяхъ Дѣлъ Человѣческихъ* написали, что Италіа имѣетъ названіе Греческое; понеже воловъ, древнимъ Греческимъ языкомъ называемыхъ Ἰταλοὶ, родилось и паслось въ Италіи великое множество. А по сей причинѣ, что Италія тогда симъ скотомъ была весьма изобильна, можемъ мы догадываться, что штрафъ, называемый *suprema*, положенъ на каждый день по двѣ овцы и по тритцати быковъ: по множеству то есть быковъ и по недостатку овецъ. Но когда такой штрафъ, въ мѣлкомъ и крупномъ скотѣ состоящій, налагаемъ былъ отъ правительства, то быки и овцы иногда полагаемы были въ малую, иногда въ большую цѣну: а посему и штрафованіе дѣлалось неравно. Для сего послѣ по закону Атеріеву за каждую овцу по-

ложено по десяти, а за каждаго быка по сту ассовъ. Самый малый штрафъ [*minima*] состоитъ во одной овцѣ; *suprema* multa въ вышеупомянутомъ числѣ: выше сего числа штрафъ налагать запрещено; и для того сей штрафъ называется *suprema*, то есть самый большій. Посему когда и нынѣ отъ правительства Римскаго народа, по обычаю предковъ, налагается или самый большій или самый малый штрафъ; то обыкновенно наблюдается, чтобы *oues* [овцы] называемы были въ мужескомъ родѣ: и такимъ образомъ М. Варронъ законныя слова, которыя, при наложеніи самаго малаго штрафа, произносить должно, издалъ въ слѣдующемъ образцѣ:
„ M. Terentio quando citatus neque respondit neque
„ excusatus est, ego ei unum ouem multam dico.
И когда, безъ произношенія такимъ образомъ словъ, налагаемъ былъ штрафъ; то не почитался правильнымъ. Тоже М. Варронъ въ двадцать первой книгѣ о *Дѣлахъ Человѣческихъ* говоритъ, что и самое слово *multa* не Латинское, но Сабинское; и что до его времени находилось оно въ языкѣ Самнитянъ, происшедшихъ отъ Сабиновъ. Но многіе новые грамматики написали, что сіе слово, какъ и другія нѣкоторыя, говорится по противному разумѣнію рѣчи (*κατ' ἀντίφρασιν*). Поелику же свойство и употребленіе словъ требуетъ того, чтобы и мы нынѣ говорили также, какъ говорили многіе древніе, *multam dixit*, и *multa dicta est*: то

то я за пристойное почелъ замѣтить, что М. Катонъ иначе сіе сказалъ. Ибо въ четвертой книгѣ *Началъ* слѣдующія находятся его слова: „Imperator noster, si quis extra ordinem „depugnatum iuit, ei multam facit. А можно видѣть, что онъ съ намѣренія для красоты перемѣнилъ слово; понеже (1) штрафъ налагаемъ былъ въ стану и въ войскѣ, а не въ собраніи народа.

ГЛАВА 2.

О томъ, что elegantia *у древнихъ говорилась не о чистотѣ и изрядствѣ нравовъ, но о щегольствѣ въ платьѣ и въ столѣ, и почитаема была за порокъ.*

Elegans homo не говорилось въ похвалу; но симъ почти словомъ, во время М. Катона, означаемъ былъ порокъ, а не похвала. Ибо сіе можно видѣть какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, такъ и въ Катоновой книгѣ называемой, *Carmen de Moribus*. Изъ оной книги слова суть слѣдующія: „Auaritiam omnia uitia habere „putabant: sumptuosus, cupidus, elegans, vitiosus, „irritus qui habebatur, is laudabatur. Изъ сихъ словъ видно, что *elegans* встарину назывался, не по изрядству нравовъ, но по изряд-

 ству

(1) *Штрафъ налагаемъ былъ въ войскѣ*] Естьли солдаты не платили штрафа; то Трибуны брали закладъ, который называлъ я, по Фесту, censio hastaria. Солдатъ лишаемъ былъ части оружія, и за оную долженъ былъ платить деньги.

ству и великолѣпiю платья и стола. Потомъ слово *elegans* хотя и перестало быть во охужденiи; но и никакой похвалы удостоеваемо не было, развѣ чья elegantia была весьма умѣренна. Такъ М. Туллiй въ Л. Крассѣ и К Сцеволѣ non meram elegantiam, ſed multam parſimonia miſtam похвалилъ: „ Craſſus, говорить, erat parciſſimus elegantium; Scaeuola parcorum elegantiſſimus. Сверхъ сего изъ той же Катоновой книги разбито и прерывно записали мы и слѣдующее: „ Veſtiri, говоритъ онъ, in foro honeſte mos erat: domi quod ſatis erat. Equos carius quam coquos emebant. Poëticae artis honos non erat. Si qui in ea re ſtudebat, aut ſeſe ad conuiuia applicabat, graſſator uocabatur. И слѣдующее изъ той же книги изреченiе „ весьма справедливо: Nam uita, говоритъ, humana prope uti ferrum eſt; ſi exerceas, conteritur: ſi non exerceas, tamen rubigo interficit. Item homines exercendo uidemus conteri. Si nihil exerceas; inertia atque torpedo plus detrimenti facit, quam exercitatio.

ГЛАВА 2.

Какото и сколь велико различiе частицы, pro, *и о примѣрахъ сего различiя.*

Когда я отъ судопроизводства и отъ дѣлъ свободенъ бываю, и для тѣлодвиженiя или прохаживаюся или проѣжжаюся; то иногда самъ съ собою разсуждаю о такихъ, хотя мѣлкихъ и маловажныхъ и людьми не

довольно учеными презираемыхЪ вещахЪ; но для точнѣйшаго разумѣнія сочиненій древнихЪ, и для знанія Латинскаго языка весьма нужныхЪ: какЪ и не давно, вЪ Пренестинском ЪуединеніиодинЪ вечеру прохаживаясь, разсуждалЪ; каково и сколь велико вЪ ЛатинскомЪ языкѣ различіе нѣкоторыхЪ частицЪ, кЪ которымЪ принадлѣжитЪ и предлогЪ, *pro.* Ибо видѣлЪ я, что иначе говорится, „pontifices pro collegio decre„uisse; иначе, quempiam testem introductum pro„testimonio dixisse: иначе написалЪ М. КатонЪ вЪ четвертой книгѣ *Началъ*, „praelium factum „depugnatum que pro castris: и также вЪ пятой, книгѣ, urbis nsulasque omnis agro pro Jllyrio „esse: притомЪ иначе говорится, pro aede Ca„storis: иначе, pro rostris: иначе pro tribunali: „иначе, pro concione: и иначе tribunum plebis „pro potestate intercessisse. Но думалЪ я, что всѣ сіи рѣченія или конечно за сходныя и равныя, или во всѣхЪ мѣстахЪ за различныя почитающій ошибается. Ибо почиталЪ, что сіе различіе хотя одинЪ имѣетЪ источникЪ и начало: однако не одинЪ конецЪ. Сіе безЪ труда конечно узнаетЪ всякЪ, кто со вниманіемЪ разсудитЪ и получше взойдетЪ вЪ свойство Латинскаго языка.

ГЛАВА 4.

Какимъ образомъ К. Энній подражалъ стихамъ Еврипидовымъ.

Стихи Еврипидовы въ Гекубѣ отборностію словъ, острогою мыслей и краткостію славны и знамениты. Гекуба говоритъ къ Уликсу слѣдующее:

Τὸ δ᾽ ἀξίωμα, κἂν κακῶς λέγῃ, τὸ σὸν
Νικᾷ· λόγος γὰρ ἐκ τ᾽ ἀδοξοῦντων ἰὼν,
Κἀκ τῶν δοκοῦντων, αὐτὸς ὀ ταυτὸν σθένει.

Симъ стихамъ К. Энній, переводя оную трагедію, подражалъ не неудачно. Въ толикомъ же числѣ Энніевы стихи суть слѣдующіе:

Haec tu etsi peruerse dices, facile Achiuos flexeris:
Nam quum opulenti loquuntur pariter atque ignobiles,
Eadem dicta, eademque oratio aequa non aeque valet.

Хорошо, какъ я сказалъ, подражалъ Энній: но слова ignobiles atque opulenti, по видимому, не довольны ко изображенію словъ *ἀδοξοῦντων* и *δοκοῦντων*. Ибо ни всѣ ignobiles ἀδοξοῦσι; ниже всѣ opulenti εὐδοξοῦσι.

ГЛАВА 5.

Краткое нѣкоторое примѣчаніе о философахъ Пирронихахъ и Академикахъ, и о различіи между ими.

Философы, называемые отъ насъ Пирронгиками, по Гречески называются σκεπτικοὶ, то есть изслѣдыватели и разсуждате-

тели: ибо они ничего не утверждаютъ, ничего не опредѣляютъ; но всегда упражняются во изслѣдованіи и разсужденіи того, что изъ всѣхъ вещей опредѣлить и утвердить можно. И думаютъ, что они совсѣмъ ничего ни видятъ, ни слышатъ; но только такія въ себѣ чувствуютъ перемѣны и движенія, будто бы видятъ или слышатъ. А что инаково то самое, что въ нихъ таковыя перемѣны производитъ, о томъ сумнѣваются и не доумѣваютъ; и говорятъ, что достовѣрность и истинна всѣхъ вещей, по смѣшеннымъ и сліяннымъ признакамъ истинны и лжи, такъ кажется непонятна, что всякій неопрометчивый и въ разсудкѣ своемъ твердый человѣкъ долженъ употребить тѣ слова, которыя, какъ говорятъ они, употребилъ основатель сея философіи Пирронъ, ὀ μᾶλλον ὄτως ἔχει τόδε ἢ ἐκείνως ἢ ὀδετέρως. т. е. *Не больше сіе дѣлается тѣмъ, какъ и другимъ образомъ; либо ни тѣмъ ни другимъ.* Ибо говорятъ, что признаковъ и существенныхъ свойствъ каждой вещи знать и понять не можно; и сіе самое многообразно доказать и подтвердить стараются; о семъ и Фаворинъ весьма тонко и остроумно написалъ десять книгъ подъ заглавіемъ Πυῤῥωνείων τρόπων *Пирроническія перемѣны.* А есть древній, и въ рѣшеніи котораго многіе Греческіе писатели упражнялись, запросъ, въ чемъ и сколько между собою различествуютъ философы,

Пир-

Пирроническіе и Академическіе. Ибо и тѣ и другіе называются *σκεπτικοὶ*, *ἐφεκτικοὶ*, *ἀπορητικοὶ* *изслѣдывающіе*, *неподающіе согласія*, *сумнѣвающіеся*; понеже и тѣ и другіе ничего не утверждаютъ, и все почитаютъ за непонятное. Но говорятъ, что изъ всѣхъ равно вещей дѣлаются мечтанія, называемыя отъ нихъ фантасіами, не по естеству самыхъ вещей, но по перемѣнѣ души и тѣла тѣхъ, до которыхъ доходятъ оныя мечтанія. И такъ говорятъ, что всѣ на всѣ вещи суть *τῶν πρός τι*; а сіе значитъ, что нѣтъ ничего самаго изъ себя состоящаго, и собственную силу и естество имѣющаго, но все совсѣмъ къ чему нибудь другому относится: и все быть кажется таковымъ, каковымъ оно представляется во время видѣнія, и каковымъ дѣлается въ нашихъ чувствахъ, до которыхъ оно дошло; а не въ себѣ, откуда оно произошло. Хотя же сіе говорятъ какъ Пирроники такъ равно и Академики; однако различіе ихъ между собою почиталось какъ по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ, такъ наипаче потому, что Академики самое то *ничего понять не можно*, какбы понимаютъ, *и ничего опредѣлить не можно*, какбы опредѣляютъ: а Пирроники говорятъ, что и то самое никакъ не кажется истиннымъ, что ничто истиннымъ быть не кажется.

ГЛАВА

ГЛАВА 6.

О томъ, что ни Римскія женщины не клялися Геркулесомъ, ни мущины Касторомъ.

По повѣствованію древнихъ писателей, ни женщины Римскія не клялися Геркулесомъ, ни мущины Касторомъ. Но для чего они не клялися Геркулесомъ, извѣстно. Ибо они при жертвоприношеніи Геркулесовѣ не присудствуютъ. А мущины для чего божася не упоминали Касторова имени, о томъ не лехко сказать. И такъ ни въ какомъ достовѣрномъ писателѣ найти не можно, чтобы женщина сказала *mehercule*, или мущина *mecastor*. А *ædepol* клятва Поллуксомъ и мущинѣ и женщинѣ общая. Но М. Варронъ утверждаетъ, что самые древніе мужи, ни Касторомъ, ни Поллуксомъ не клялися; но клятва сія была только женская, взятая изъ Церериныхъ Елевсискихъ таинствъ. Однако мало по малу и мущины, по незнанію древности, начали говорить *ædepol*. И такимъ образомъ вошла въ обыкновеніе сія клятва. Но ни въ какомъ древнемъ сочиненіи не находится, чтобы мущина говорилъ *mecastor*.

ГЛАВА 7.

Весьма старинныхъ, изъ употребленія вышедшихъ и уже оставленныхъ словъ употреблять не должно.

Равно кажется не хорошо, хотя слова употреблять весьма старинныя и изъ употребленія вышедшія, хотя во употребленіе не вошедшія, и по новости грубыя и непріятныя: но думаю, что досаднѣе и предосудительнѣе говорить слова новыя, неизвѣстныя и неслыханныя, нежели оподлѣвшія и нечистыя. А новыми, говорю, кажутся и тѣ, которыя неупотребительны и оставлены, хотя они старинны. Сей порокъ по большей части свойственъ позднему ученію, называемому по Гречески ὀψιμαθία, такъ что, чему ты никогда не учился, и чего долго не зналъ, и когда нибудь началъ оное знать, со уваженіемъ о томъ во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ говоришь. Какъ въ Римѣ при насъ старинный и славный стряпчій, но скоропостижно и какбы скорохваткою сдѣлавшійся ученымъ, говоря судъ предъ градоначальникомъ, и хотѣвъ сказать, что нѣкто живетъ бѣдно и недостаточно, ѣстъ хлѣбъ смѣшанный съ отрубми, и вино пьетъ испортившееся и промзглое, сказалъ: „Hic eques Romanus apludam edit, et floces bibit. Всѣ бывшіе тутъ одинъ на другаго взглянули сперва лицемъ не веселымъ, смутнымъ и означающимъ сумнѣніе, что бы значили два оныя слова: по-

потомъ, какбы не знаю что онъ сказалъ по Тусски или Галаски, всѣ засмѣялись. А читалъ онъ, что древніе крестьянѣ отруби называли *apludam*; и что въ Плаутовой комедіи, называемой Astraba, сіе написано. Также слыхалъ, что встарину *floces* значили выжатыя винныя дрожди, какъ fraces масленыя подонки: [сіе читалъ онъ у Цециліа въ комедіи называемой Polumeni], и два сіи слова эберегъ для украшенія своихъ рѣчей. И другой, отъ нѣсколькихъ таковыхъ чтеній одурачившійся, когда соперникъ его просилъ объ отсрочкѣ дѣла, сказалъ: Rogo praetor, subueni, succurre: quonam usque nos *bouinator* hic demorabitur? И сіе громко онъ вскричалъ трижды и четырежды; *bouinator est*. Многіе притомъ бывшіе начали между собою перешептывать, какбы удивляясь странному сему слову. А онъ съ хвастовствомъ и веселостію сказалъ, видно вы не читали Луциліа, который обманщика назвалъ *bouinatorem*. И стихъ сей положенъ у Луциліа въ одиннатцатой книгѣ:

Est tricosus, bouinatorque ore improbus duro.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.

Какихъ былъ мыслей и что сказалъ М. Катонъ о Албинѣ Римлянинѣ, который Римскую повѣсть сочинилъ на Греческомъ языкѣ, извинившись напередъ, что онъ въ Греческомъ языкѣ неискусенъ.

Сказываютъ, что М. Катонъ справедливо и весьма пристойно опорочилъ А. Албина. (1) Албинъ, съ Л. Лукулломъ бывши Консуломъ, написалъ на Греческомъ языкѣ Римскую повѣсть. Въ началѣ оной повѣсти написано такъ: никто взыскивать на мнѣ не долженъ, естьли въ сихъ книгахъ будетъ что нибудь написано не очень исправно и чисто. Ибо я, говоритъ, Римлянинъ, родившійся въ Латіи. Греческій языкъ съ нашимъ весьма несходенъ. И для того, естьли въ чемъ найдется погрѣшность, прошу благосклонно мнѣ оную простить, и за сіе меня не порочить. Катонъ, прочитавъ сіе заглавіе, сказалъ: Подлинно ты, Авлъ, слишкомъ заврался, лучше захотѣвъ просить въ винѣ прощенія, нежели совсѣмъ не имѣть оной. Ибо мы обыкновенно просимъ прощенія тогда, когда или по неосторожности погрѣшили или по нуждѣ. А тебя, скажи пожалуй, кто принудилъ сдѣлать то, въ чемъ ты прежде содѣланія

---

(1) *Албинъ*] А. Постумій Албинъ, былъ Консуломъ отъ С. Р. въ лѣто 603. Цицеронъ въ Брутѣ пишетъ, что онъ былъ ученъ и красморѣчивъ.

нія просишь прощенія? Написано сіе у Корнеліа Непота въ книгѣ *о Знатныхъ Мужахъ*.

ГЛАВА 9.

Въ Кknown Критолаевыхъ книгахъ найденная повѣсть о послахъ Милетскихъ и Димосѳенѣ риторѣ.

Критолай написалъ, что послы изъ Милета пріѣхавшіе въ Аѳины по общенародному дѣлу, можетъ быть для изпрошенія помощи, призвали говорить вмѣсто себя ораторовъ, которыхъ они за благо разсудили. Призванные по приказанію говорили предъ народомъ за Милетянъ. Димосѳенъ на прошенія Милетянъ отвѣтствовалъ остро, и доказывалъ, что Милетянѣ помощи недостойны, и что сіе для общества не полезно. Дѣло отложено до слѣдующаго дня. Послы, пришедши къ Димосѳену, весьма усильно просили, чтобы онъ имъ не противорѣчилъ. Онъ просилъ за сіе денегъ; и сколько просилъ, столько получилъ. Назавтре, какъ опять о семъ началось разсужденіе, Димосѳенъ, шею толсто обвертѣвъ шерстью, вышелъ предъ народъ, и говорилъ, что онъ боленъ жабою [въ горлѣ]; и для того не можетъ говорить противъ Милетянъ. Тогда одинъ изъ народа вскричалъ, что Димосѳенъ боленъ жабою серебряною. Да и самъ Димосѳенъ, по объявленію того же Критолая, сего послѣ

слѣ не скрылъ: но и въ честь себѣ сіе приписалъ. Ибо спросивъ у комедіанта Аристодема, сколько онъ взялъ за представленіе, и Аристодемъ отвѣчалъ, талантъ: а я, сказалъ онъ, больше взялъ за молчаніе.

ГЛАВА 10.

О томъ, что К. Гракхъ вышеписанную повѣсть въ рѣчи своей приписалъ не Димосѳену, но Демаду ритору; и объявленныя самаго К. Гракха слова.

Что, по объявленію моему, въ предъидущей главѣ отъ Критолая написано о Димосѳенѣ; то К. Гракхъ въ рѣчи, которою онъ отсовѣтывалъ принимать Авфеевъ законъ, приписалъ (1) Демаду слѣдующими словами: *Ибо вы, Римлянѣ, естьли захотите употребить благоразуміе и добродѣтель, и естьли поищете; то найдете, что ни одинъ изъ насъ сюда не выходитъ безъ платы. Всѣ мы ораторы чего нибудь просимъ: и не для чего другаго всякъ предъ васъ выходитъ, какъ только чтобы съ васъ что нибудь взять. И самъ я говорящій предъ вами о томъ, чтобы вы умножили ваши пошли-*

---

(1) *Демаду*] Который былъ Аѳинскій ораторъ Димосѳеновъ соперникъ, о которомъ, по свидѣтельству Плутарха, нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ ораторъ превосходнѣе Димосѳена. Онъ былъ подкупленъ отъ Антипатра, однако послѣ Кассандромъ убитъ, и наказанъ за измѣну.

шлины для вашихъ выгодъ и для удобнѣйшаго правленія республикою, недаромъ выхожу: но прошу у васъ не денегъ, но добраго мнѣнія и чести. А выходящіе въ намѣреніи отсовѣтовать принятіе сего закона, просятъ не чести у васъ, но у Никомида денегъ. И совѣтующіе принять просятъ не у васъ добраго о себѣ мнѣнія, но у Миѳридата платы и награжденія за ихъ къ нему дружбу. А которые изъ нашего званія молчатъ, тѣ весьма остры: ибо у всѣхъ просятъ платы и всѣхъ обманываютъ. Вы почитая ихъ въ сіи дѣла не вступающимися, имѣете о нихъ доброе мнѣніе. А посольства отъ царей, думая, что они молчатъ для нихъ, даютъ имъ премного денегъ: подобно какъ въ Греціи, когда Трагикъ хвалился, что онъ за представленіе одной трагедіи получилъ (2) большой талантъ; то, сказываютъ, Демадъ, человѣкъ въ городѣ своемъ весьма краснорѣчивый, ему отвѣтствовалъ: Удивительно тебѣ кажется, что ты за то, что говорилъ, получилъ талантъ? я отъ

(2) *Большой талантъ*] Разумѣетъ талантъ Аттическій, содержащій 600 минъ или 6000 драхмъ Аттическихъ ([illegible]000 рублей). И такъ сей вѣсъ былъ самой большой въ Аѳинахъ. А Римляне назвали талантъ большой потому, что другіе были меньшей цѣны, какъ Неаволинскій, Регинскій, Сицилійскій. Плавтъ правда въ комедіи Rudens большой талантъ называетъ во 120 минъ (1200 рубл.) Но сей былъ Египетскій или Киринейскій.

отъ царя получилъ десять талантовъ за то, чтобы молчать. Нынѣ сіи самые превеликую плату получаютъ за молчаніе.

ГЛАВА 11.

Слова П. Нигидіа, которыми онъ говоритъ, что mentiri *и* mendacium dicere *есть различно.*

Точныя слова П. Нигидіа, человѣка въ знаніи честныхъ наукъ превосходнаго, котораго М. Цицеронъ почиталъ весьма разумнымъ и ученымъ: „Inter mendacium dicere et „mentiri distat. Qui mentitur, ipse non fallitur, „sed alterum fallere conatur: qui mendacium dicit, „ipse fallitur: **также сказалъ притомъ и сіе:** „Qui mentitur, fallit, quantum in se est: at qui „mendacium dicit, ipse non fallit, quantum in se „est. **Также и слѣдующее говоритъ о томже:** „Vir bonus praestare debet, ne mentiatur: „prudens ne mendacium dicat: alterum incidit in „hominem, alterum non. **Различительно подлинно и сладкорѣчиво столько мнѣній положилъ объ одной вещи, не менше какбы онъ говорилъ и о разныхъ вещахъ.**

ГЛАВА 12.

О томъ, что Хрисиппъ философъ всякое слово называетъ обоюднымъ и сумнительнымъ, а Діодоръ напротивъ никакого слова обоюднымъ не почитаетъ.

Хрисиппъ говоритъ, что всякое слово по естеству есть обоюдно, понеже одно

слово

слово можно принять въ двухъ или больше о значеніяхъ. А Діодоръ, по прозванію Кронъ, говоритъ, что *нѣтъ ни одного обоюднаго слова, и никто обоюдно не говоритъ и не думаетъ; и не иначе говоримымъ казаться долженствуетъ, какъ въ какомъ разумѣ себя говорящимъ почитаетъ тотъ; кто говоритъ. Но когда я*, говоритъ, *думалъ такъ, а ты принялъ оное иначе: то больше оное казаться можетъ сказаннымъ темно, нежели обоюдно. Ибо свойство обоюднаго слова долженствовало быть таково, что говорящій оное говорилъ бы два или больше. А никто думающій, что онъ говоритъ одно, двухъ или больше не говоритъ.*

ГЛАВА 13.

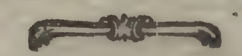
Что Т. Кастрицій думалъ о словахъ и о нѣкоторомъ мнѣніи К. Гракха; и что доказалъ онъ, что оно никакой не имѣетъ важности въ смыслѣ.

При Т. Кастриціи, учителѣ риторики, человѣкѣ важномъ и твердый разсудокъ имѣющемъ, читана была рѣчь К. Гракха на П. Попиліа. Въ началѣ оной рѣчи расположены слова обстоятельнѣе и красивѣе, нежели какъ требовало обыкновеніе древнихъ ораторовъ. Оныя слова, какъ я сказалъ, расположенныя суть слѣдующія: „Quae „vos cupide per hosce annos appetiſtis atque voluiſtis; „ca

„ ea ſi temere repudiaritis, abeſſe non poteſt, quin „ aut olim cupide appetiſſe, aut nunc temere repu„ diaſſe dicamini. И такъ сіе теченіе и звонъ круглаго и краткаго изреченія великое и отмѣнное въ насъ производило удовольствіе, тѣмъ больше, что мы видѣли уже тогда, что К. Гракху, мужу славному и знатному, такой слогъ былъ пріятенъ. Но когда сіи самыя слова чаще по прозьбѣ нашей прочитываны были; то сказалъ намъ Кастрицій, чтобы мы разсудили о силѣ и важности сего изреченія, и не допустили бы слуху нашему, сразмѣрностію порядочно текущей рѣчи услажденному, пустымъ удовольствіемъ наполнить и сердце наше. И какъ онъ сими словами произвелъ въ насъ большее вниманіе, то сказалъ: Вникните въ сіи слова, сколь они сильны; и скажите пожалуйте кто нибудь изъ васъ, естьли какая нибудь въ семъ изреченіи или важность или пріятность: „ Quae vos cupide per hosce annos „ appetiſtis atque voluiſtis; ea temere ſi repudiaritis, „ abeſſe non poteſt, quin aut olim cupide appetiſſe, „ aut nunc temere repudiaſſe dicamini. Ибо кому изъ всѣхъ людей не приходитъ на мысль, что часто случается то, ut quod cupide appetieris, cupide appetiſſe, et quod temere repudiaueris, temere repudiaſſe dicaris? Но естьли, думаю, говоритъ, написано бы было такъ: „ Quae „ vos per hosce annos appetiſtis atque voluiſtis, ea „ nunc ſi repudiaritis, abeſſe non poteſt, quin aut „ olim cupide appetiſſe, aut nunc temere repudiaſſe

„ dica-

„ dicamini. Естьли бы, говоритъ, сказано было такъ; то бы важнѣе и основательнѣе было изреченіе, и пріобрѣло бы справедливое нѣкоторое вниманіе въ слушаніи. А теперь сіи слова, *cupide* и *temere*, въ которыхъ вся состоитъ важность, не въ заключеніи только изреченія говорятся; но и выше, гдѣ ихъ употреблять было еще не надобно, полагаются: и долженствуя родиться и произойти изъ самаго вещи понятія, говорятся конечно прежде, нежели когда должно. Ибо естьли кто говоритъ; si hoc feceris, cupide fecisse diceris, тотъ говоритъ дѣло въ разсужденіи какого нибудь смысла заключенное и произведенное. А кто говоритъ; si cupide feceris, cupide fecisse diceris: тотъ не иначе говоритъ, как естьли бы сказалъ, si cupide feceris, cupide feceris. Сіе, говоритъ, я сказалъ не для того, чтобы опорочить К. Гракха [не дай Богъ такихъ мнѣ мыслей! ибо, ежели можно сказать, что въ толь краснорѣчивѣйшемъ мужѣ есть какой нибудь порокъ или погрѣшность, то все уже и важностію изглаждено и древностію закрыто]: но чтобы вы остерегались, дабы легко не обманутъся стройнымъ нѣкоторымъ звономъ бѣглаго краснорѣчія, и дабы прежде вникали въ самую силу вещей и словъ, и, естьли важно, безпорочно и справедливо будетъ изреченіе; то, естьли вамъ разсудится, плескали бы для таковой рѣчи и руками и

ногами: а ежели въ словахъ красиво и стройно разположенныхъ слабый, неосновательный и лехкомысленный смыслъ заключается; то не иначе бы о семъ думали, какъ когда люди съ крайнимъ безобразіемъ для смѣха подражаютъ шутамъ въ тѣлодвиженіяхъ.

ГЛАВА 14.

Трезвый и весьма изрядный отвѣтъ царя Ромула о употребленіи вина.

Л. Писонъ Фруги въ первой книгѣ лѣтописца, описывая жизнь и содержаніе царя Ромула, употребилъ весьма простую пріятность и вещи и словъ. Слова имъ написанныя суть слѣдующія: *Сказываютъ, что тотже Ромулъ, будучи позванъ на ужинъ, не много тамъ пилъ, понеже на завтре имѣлъ дѣло. Говорятъ ему: Ромулъ, естьли всѣ люди по стольку будутъ пить, то вино будетъ дешевле. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; оно будетъ дороже, ежели всякой будетъ пить столько, сколько захочетъ: ибо я пилъ, сколько хотѣлъ.*

ГЛАВА

ГЛАВА 15.

О слопѣ ludibundus *и* errabundus, *и подобныхъ протяженіяхъ слопъ: и что Лаберій такимже образомъ сказалъ* amorabunda, *какъ гопорится* ludibunda *и* errabunda: *и притомъ, что Сисенна чрезъ такое же слопо употребилъ нопое начертаніе.*

Лаберій *in Lacu Averno* любящую женщину неупотребительнымъ словомъ назвалъ *amorabundam.* О семъ словѣ Цеселлій Виндексъ *въ Запискахъ Днепныхъ Чтеній* сказалъ, что оно написано по тому начертанію, по которому *ludens* и *ridens* и *errans* называется *ludibunda*, *ridibunda* и *errabunda.* Теренцій Скавръ, весьма славный грамматикъ во время Императора Адріана бывшій, между прочимъ, о Цеселліевыхъ погрѣшностяхъ написаннымъ, написалъ, что онъ и въ семъ словѣ погрѣшилъ; понеже почелъ за одно, „ludens и ludibunda, ridens и ridibunda, errans „и errabunda. nam ludibunda, говоритъ, et ri„dibunda et errabunda ea dicitur, quae ludentem „vel ridentem vel errantem agit aut ſimulat. Но что побудило Скавра ко опорочиванію въ семъ Цеселліа, того подлинно я не нашелъ. Ибо несумнительно, что сіи слова по самому по крайней мѣрѣ роду значатъ тоже, что и первообразныя ихъ. А что значитъ ludentem agere vel imitari; больше почелъ я, что онъ того въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, нежели незнающимъ притворяется. Да и боль-

больше Скавру, опорочивающему Цеселлієвы записки, надлежало опущенное отъ него слѣдующее отъискать, чемъ и сколько различествуетъ „ a ludibundo ludens, et ridibundo ri„ dens, et errabundo errans, и другое сему подобное; разнятся ли они въ чемъ нибудь отъ первообразныхъ словъ, и какую силу имѣетъ сія къ таковымъ словамъ приданная частица. Ибо сего наипаче надобно было доискаться въ разсмотрѣніи такого начертанія, какъ доискиваемся in vinolento et lutulento et turbulento, напрасное ли и ничего незначущее сіе окончаніе, каковыя Греки называютъ παραγωγὰς; или конечная оная частица имѣетъ нѣкоторое собственное свое означеніе. Замѣчая же сіе Скаврово охужденіе вспомнилъ я, что Сисенна въ четвертой книгѣ повѣстей такого начертанія слово употребилъ слѣдующимъ образомъ: „Po„ pulabundus, говоритъ онъ, agros ad oppidum „ peruenit. Сіе значитъ, quum agros popularetur; а не такъ, какъ говоритъ Скавръ въ подобныхъ словахъ, quum populantem ageret vel quum imitaretur. Но когда мы доискивались, откуда происходитъ такое начертаніе, po„ pulabundus, et errabundus, et laetabundus, et „ ludibundus и другихъ многихъ подобныхъ словъ; то справедливо подлинно сказалъ нашъ Аполлинаръ, что кажется ему, что сія конечная частица, которою оканчиваются такія слова, показываетъ силу и изобиліе и какбы избыточество вещи симъ

сло-

словомѣ означаемой, какѣ *lætabundus* называется тотѣ, qui abunde laetus sit, *et errabundus* qui longo atque abundanti errore sit: и доказываетѣ, что всѣ прочія такое начертаніе имѣющія слова, чрезѣ сіе окончаніе довольную и избыточную силу и изобиліе означаютѣ.

ГЛАВА 16.

О томѣ, что весьма трудно нѣкоторыя Греческія слова переводитѣ на Латинскій языкѣ, изѣ числа которыхѣ естѣ слово πολυπραγμοσύνη.

Часто примѣчалѣ я, что весьма многихѣ названій вещей, ни однимѣ словомѣ, какѣ Греки, ни, когда наипаче сіи вещи многими словами называемѣ, толь ясно и толь живо на Латинскомѣ языкѣ изобразитѣ не можно, какѣ Греки изображаютѣ оныя однимѣ словомѣ. И недавно, когда принесена ко мнѣ была Плутархова книга, и читалѣ я заглавіе оной книги, которое было (1) *περὶ πολυπραγμοσύνης*, одному, который и буквѣ и словѣ Греческихѣ не зналѣ, спросившему, чья книга и о чемѣ написана? имя сочинителево немедлѣнно я сказалѣ: а вещи,

---

(1) Περὶ πολυπραγμοσύνης] Которое значитѣ заботу о многихѣ дѣлахѣ до насѣ ни мало не касающихся. Имѣющіе сей порокѣ по Латински называются ardeliones безпокойные, которые во всѣ дѣла мѣшаются, и все дѣлаютѣ, а ничего не совершаютѣ.

щи, о которой писано, скоро сказать не могъ. И сперва, поелику я думалъ, что не очень хорошо переведу, естьли скажу, что книга написана de negotiositate, вознамѣрился изобразить, какъ говорятъ, слово въ слово. Совсѣмъ не помнилъ я, чтобы или читалъ такое слово; или, естьли бы захотѣлъ и самъ выдумать, не было бы грубо и непристойно, когда бы ex multitudine et negotio сдѣлалъ одно слово: какъ говоримъ мы multijuga, et multicolora et multiformia. Но не менше такимъ образомъ непріятно бы сказано было, какъ естьли бы захотѣть однимъ словомъ изобразить πολυφιλίαν, или πολυτροπίαν, или πολυσαρκίαν. По сему, нѣсколько долго я помолчавъ и подумавъ, наконецъ отвѣчалъ: кажется мнѣ, что сего однимъ словомъ изобразить не можно, и для того многими словами хотѣлъ сказать означеніе онаго Греческаго слова: ad multas res adgressio, earumque omnium rerum actio, говорю, dicitur πολυπραγμοσύνη, о чемъ сочиненною сію книгу показываетъ сія надпись. Тогда невѣжда оный, несовершенными и некрасивыми моими словами побужденъ, и почетши πολυπραγμοσύνην за добродѣтель, сказалъ: Совѣтуетъ конечно намъ сей Плутархъ, не знаю кто онъ таковъ, со тщаніемъ и скоростію приниматься за отправленіе премногихъ дѣлъ; и имя самыя добродѣтели, о которой онъ говорить былъ намѣренъ, не безъ пристойности написалъ, какъ

ты

ты говоришь, въ заглавіи самой книги. НѢтЪ, говорю я: сіе, котораго ГреческимЪ названіемЪ показывается содержаніе сей книги, есть не добродѢтель, и не то, что ты думаешь, или что по своему мнѢнію я говорю, или что дѢлаетЪ ПлутархЪ. Ибо онЪ вЪ сей книгѢ всевозможно насЪ отвращаетЪ отЪ различнаго и безразборнаго и ненужнаго желанія вступаться и входить вЪ премногія какія нибудь дѢла. Но причиною настоящей твоей ошибки почитаю я мое некраснорѢчіе; понеже я и многими словами не могЪ изобразить того ясно, что отЪ ГрековЪ однимЪ словомЪ говорится весьма совершенно и явственно.

ГЛАВА 17.

Что значитЪ вЪ древнихЪ ПреторскихЪ указахЪ, qui flumina retanda publice redemta habent.

Когда по случаю сидѢвшимЪ намЪ вЪ библіотекѢ Траянова храма, и кое что разбиравшимЪ попались въ руки указы древнихЪ ПреторовЪ; то разсудилось оные прочитать и разсмотрѢть. ВЪ нѢкоторомЪ тогда древнѢйшемЪ указѢ нашли мы написано такЪ; *Qui. Flumina. Retanda. Publice. Redemta. Habent. Si. Quis. Eorum. Ad. Me. Eductus. Fuerit. Qui. Dicatur. Quod. Eum. Ex. Lege. Locationis. Facere. Oportu-*

tu-

tuerit. Non. Fecisse. И такъ спрошено было; что значитъ *retanda.* Нѣкто тутже съ нами сидѣвшій мой другъ сказалъ, что онъ въ седмой Габіевой книгѣ о *Происхожденіи Словъ* читалъ, что *retæ* называются дерева или съ береговъ рѣчныхъ къ водѣ наклонившіяся, или въ самыхъ каналахъ рѣкъ растущія, и названы a retibus, quod praetereuntes naues impedirent et quasi irretirent: и для того думаетъ онъ *retanda* flumina locari solita esse, id est, purganda: дабы никакой остановки или опасности судамъ на тотъ тростникъ попадающимъ не было.

ГЛАВА 18.

Какую Драконъ Аѳинейскій въ законахъ, народу Аѳинскому написанныхъ, положилъ казнь ворамъ? какую послѣ того Солонъ? и какую также наши Децемвиры, написавшіе двенатцать таблицъ? и притомъ приложено, что у Египтянъ воровство было позволительно, а у Лакедемонянъ нарочно и умышленно оное дѣлаемо было, и сіе почиталось за полезное упражненіе; и сверхъ сего достопамятное М. Катона изреченіе о наказаніи за воровство.

Драконъ Аѳинейскій почитался человѣкомъ добрымъ и весьма благоразумнымъ, и въ законахъ божественныхъ и человѣческихъ былъ искусенъ. Сей Драконъ былъ самый первый Аѳинейскій законодавецъ. Онъ въ законахъ своихъ всякому вору опредѣлилъ смер-

смертную казнь, и другія многія чрезвычайныя положилъ строгости. И такъ его законы, поелику казались весьма строги, не по опредѣленію и указу, (1) но по тайному и неписьменному согласію уничтожены. Потомъ приняты во употребленіе (2) другіе законы послабительнѣйшіе, сочиненные отъ Солона, бывшаго изъ числа славныхъ оныхъ седми мудрецовъ. Сей Солонъ въ своемъ законѣ опредѣлилъ ворамъ не

---

(1) *Но по тайному и неписьменному согласію*] Однако пишетъ Плутархъ въ Солонѣ, что Солонъ Драконовы законы за строгость и жестокость всѣ уничтожилъ, кромѣ изданныхъ о *Человѣкоубивцахъ*.

(2) *Другіе законы послабительнѣйшіе*] Однако нѣкоторые были и строжайшіе; ибо и Солонъ узаконилъ, какъ явствуетъ изъ Димосѳеновой Тимократеи, что ежели кто украдетъ больше, нежели на пятьдесятъ драхмъ (5. рубл.), такой приводимъ былъ ко градоначальникамъ и казнимъ смертію. Естьли кто также изъ училищъ платье или и малѣйшую вещь похититъ, или изъ бани или изъ пристани что нибудь украдетъ стоющее больше десяти драхмъ (одного рубля), тотъ казненъ будетъ смертію. На ту же казнь осуждаемы были и мошенники, по объявленію Ксенофонта и Есхина. Естьли кто возметъ, чего не положилъ, смертію казненъ былъ, какъ свидѣтельствуетъ Діогенъ Лаерттій. Однако подобный законъ и Іудеямъ приписываетъ въ *Древн. Іуд.* и утверждаетъ, что за сіе положено было же тожде наказаніе. Сверхъ сего и другіе законы были жесточайшіе, какъ и тотъ, что *ежели кто вышибетъ другому глазъ, тотъ долженъ лишиться обоихъ*. И за пьянство одного Архонта казнили смертію. Ежели кто во время бунта въ городѣ ни къ какой сторонѣ не пристанетъ, тотъ посылаемъ былъ въ ссылку, какъ Геллій нашъ въ кн. 2. гл. 12. свидѣтельствуетъ: а Цицеронъ утверждаетъ, что за сіе была смертная казнь.

не смертную казнь, какъ прежде Драконъ, но вдвое платить за похищеніе. А Децемвиры наши, по изгнаніи царей, законы для Римскаго народа на двенатцати таблицахъ написавшіе, ни съ равною строгостію въ наказаніи всякаго рода воровъ, ни съ весьма послабительною кротостію поступили. Ибо вора, на явномъ воровствѣ пойманнаго, тогда только убивать позволили; естьли онъ или воровалъ (3) ночью, или днемъ, будучи ловимъ, защищался оружіемъ. А изъ прочихъ явныхъ воровъ приказали свободныхъ сѣчь плетьми и отдавать въ рабство тому, у кого сдѣлана покража; естьли только они сдѣлали сіе днемъ, и не защищали себя оружіемъ: также рабовъ, на явномъ воровствѣ пойманныхъ, сѣчь плетьми и съ Тарпеина камня бросить, а недорослей, по произволенію Преторскому, сѣчь и платить причиненный ими убытокъ указали. Притомъ за воровство, (4) по законномъ

(3) *Ночью*] О различіи ночнаго и дневнаго вора, и какая сему наипаче была причина у Евреевъ, Аѳинянъ, и Римлянъ, смот. Гугона Гроціа кн. 2. о *Правѣ Войны и Мира* гл. 1. §. 12.

(4) *По законномъ обыскѣ найденное*] Сей обыскъ дѣланъ былъ такъ: *Кто шелъ искать въ чужемъ домѣ покражи, тотъ входилъ въ оной опоясавшись ниченками, и держалъ предъ глазами тарелку по причинѣ присутствующихъ хозяекъ и дѣвицъ.* А сей обычай Римлянѣ взяли отъ Аѳинянъ; у которыхъ искавшіе краденыхъ вещей, нагіе подпоясавшись запаномъ входилили въ подозрительные домы, свидѣтельству-

номъ обыскѣ, найденное чинили наказаніе, какъ за явное и ополиченное. Но нынѣ не по Децемвирскому оному закону поступаютъ. Ибо ежели кто о явномъ воровствѣ по суду и по порядку захочетъ учинить искъ; то дозволяется искать вчетверо. *Явное же воровство, какъ говоритъ Массурій, есть то, на которомъ застаютъ во время самой кражи. А кончится дѣйствіе воровства тогда, когда покраденное принесено уже въ назначенное мѣсто.* За покражу ополиченную, также за принятіе краденаго положено платить втрое. Но кто захочетъ знать, что есть *кража ополиченная*, что *принятіе краденаго* и другое многое до сего надлежащее, изъ благоучрежденія древнихъ взятое, и которое знать полезно и пріятно; тотъ найдетъ сіе въ Сабиновой книгѣ *о Воровствахъ*, въ которой написано и то, что простому народу на умъ не всходитъ, то есть, что не только людей и движимое имѣніе красть и похищать можно,

---

ствуясь прежде богами, что они ищутъ въ надеждѣ отъисканія; и когда находили, то тотъ, у кого былъ обыскъ, былъ штрафованъ. Дѣлавшій примѣчаніе на Аристофанову комедію, называемую *Облака*, даетъ причину, для чего нагіе входили въ домы; дабы то есть не внесли они чего нибудь спрятаннаго въ платье, и ложно хозяина дома въ воровствѣ не обвинили. А тарелку предъ глазами имѣли для того, понеже чужему мущинѣ не позволено было входить въ женскія комнаты, дабы не показалось, что онъ пришелъ больше для учиненія безчестія женщинамъ, нежели для обыска покражи.

но, но дѣлается кража домовъ и помѣстьевъ: и что обвиненъ въ воровствѣ одинъ поселянинъ, который, продавъ нанятое помѣстье, похитилъ у господина владѣніе онаго. И что больше на мысль взойти не можетъ, говоритъ Сабинъ, что почитается тотъ татемъ украдшимъ человѣка, кто, когда (5) бѣглому слугѣ случится итти мимо своего господина, будто одѣваясь разпахнетъ верхнее платье [togam] для укрытія его отъ глазъ господина. Наконецъ за всѣ другія воровства, которыя и неявными называются, положено платить вдвое. Притомъ, помнится, читалъ я въ книгѣ Аристона законоучителя, человѣка ученаго, что (6) у древнихъ Египтянъ, о которомъ родѣ людей извѣстно, что они были и въ изобрѣтеніи наукъ щастливы и въ познаніи вещей успѣшны, всякое воровство было позволительно и оставлялось безъ наказанія. О Лакедемонянахъ также, что не

(5) *Бѣглому слугѣ*] Ибо виноватъ въ воровствѣ и тотъ, съ помощію и по совѣту котораго воровство сдѣлано.

(6) *У древнихъ Египтянъ*] Терпимо у нихъ было воровство, но подъ извѣстнымъ условіемъ. Ибо закономъ было предписано, чтобы желающіе упражняться въ воровствѣ, у главнаго вора записали свое имя, и къ нему бы все украденное приносили; а ежели, у кого что нибудь украли, тотъ оному начальнику воровъ объявлялъ о семъ, и безъ труда свое возвращалъ, однако съ тѣмъ, чтобы по оцѣнкѣ четвертую часть изъ украденныхъ вещей отдать ворамъ,

не въ толь отдаленное время было, какъ повѣствуемое о Египтянахъ, многіе знаменитые писатели, сочинившіе записки о ихъ нравахъ и законахъ, объявляютъ, что и у сихъ трезвыхъ и острыхъ мужей воровать позволено было законами; и сіе юношество ихъ дѣлало не для безчестнаго прибытка, ни для снисканія достатка, чтобы посредствомъ онаго имѣть жизнь роскошную, ниже для набогащенія, но (7) вмѣсто воинскаго обученія и упражненія: потому что привычка и удача въ воровствѣ изощряла и укрѣпляла молодыхъ людей умы и къ хитрому дѣланію засадъ, и къ сношенію бдѣнія, и къ проворству въ тайномъ подходѣ. Но М. Катонъ, въ Рѣчи о Раздѣлѣ Воинамъ Добычи написанной, важными и ясными словами жалуется объ оставленіи безъ наказанія похищенія государственной казны и своевольства. Оныя слова, поелику мнѣ весьма понравились, при семъ я приложилъ: *Воры*, говоритъ онъ, *похитившіе имѣніе частныхъ людей, препровождаютъ жизнь въ окопахъ и заключеніи: а воры государственные въ золотѣ и багряницѣ.* А сколь свя-

(7) *Вмѣсто воинскаго обученія и упражненія*] Вся Лакедемонская республика расположена была къ дѣламъ воинскимъ; но похвальнѣе почиталось украдкою и обманомъ побѣдить непріятеля, нежели открытымъ образомъ. Плутархъ въ Марцеллѣ пишетъ, что онъ за обманъ сдѣланный побѣдителемъ большую приносилъ жертву. И такъ разсуждали, что сіе домашнее воровство есть пробою воинской хитрости.

свято и непорочно отъ благоразумнѣйшихъ мужей сдѣлано опредѣленіе воровства, того я не разсуждаю оставить въ молчаніи; дабы кто нибудь не почелъ воромъ только того, кто тайно что нибудь уноситъ или скрытно похищаетъ. Находятся о семъ слова Сабиновы во второй книгѣ Гражданскаго Права: *Кто прикоснется къ чужой вещи въ то время, когда бы долженъ былъ разсудить, что онъ сіе дѣлаетъ противъ воли хозяина, тотъ признается за вора.* Также въ другой главѣ: *Кто чужую потерянную вещь нашедши не объявилъ, тотъ виноватъ въ воровствѣ, хотя знаетъ чья оная вещь, хотя не знаетъ.* Такъ Сабинъ въ упомянутой теперь книгѣ написалъ сіе о вещахъ для кражи трогаемыхъ. Но должно помнить намъ, что по вышеписанному воровство сдѣлаться можетъ безъ всякаго прикосновенія, по одному только намѣренію украсть. По сему говоритъ Сабинъ, что не сумнѣвается онъ и о томъ, что и господина повелѣвшаго своему слугѣ что нибудь украсть должно обвинить въ воровствѣ.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА 1.

Разсужденіе Фаворина философа, въ которомъ онъ благородной женщинѣ совѣтуетъ рожденныхъ ею дѣтей кормить не молокомъ кормилицъ, но своимъ собственнымъ.

Было нѣкогда при насъ сказано Фаворину философу, что слушателя и послѣдователя его жена за нѣсколько предъ тѣмъ родила, и что семейство его умножилось родившимся сыномъ. Пойдемъ, говоритъ онъ, и навѣстить родильницу и поздравить отца, который былъ Сенаторъ изъ поколѣнія благороднаго. Всѣ мы тогда у него бывшіе пошли вмѣстѣ, и проводивъ его до дому, куда онъ шелъ, вмѣстѣ съ нимъ вошли въ оный. Тогда онъ, въ передней комнатѣ обнявъ хозяина и поздравивъ, сѣлъ съ нимъ; и, спросивъ сколь продолжительны и трудны были роды, притомъ узнавъ, что родильница, утомившись отъ труда и бдѣнія, спитъ, вознамѣрился разговаривать продолжительнѣе и сказалъ: я ни мало не сумнѣваюсь, что она будетъ кормить сына своимъ молокомъ. Но какъ мать родильницы говорила, что надобно ея пощадить, и приставить къ младенцу кормилицъ, дабы къ болѣзнямъ, въ родахъ понесеннымъ, не присовокупилась тяж-

ная и трудная должность кормленія. На сіе сказалЪ онЪ: прошу васЪ, государыня, позвольте ей быть всецѢлою матерію своего сына. Ибо что это за несовершенный и половинный, противЪ естества, родЪ матери, родить и тотчасЪ отЪ себя отвергнуть? питать во чревѢ своею кровію не знаю что то невидимое; а не кормить теперь своимЪ молокомЪ то, что она уже видитЪ, не кормить уже живущаго, не кормить человѢка, не кормить матернихЪ услугЪ требующаго? Не ужли ты, говоритЪ, думаешь, что природа сосцы дала женщинамЪ, какбы нѢкоторыя пріятнѢйшія пятнышки, не для кормленія дѢтей, но для украшенія груди? Ибо для сего, чего думаю, вы не сдѢлаете, многія чудныя женщины священнѢйшій оный тѢла источникЪ, родЪ человѢческій воспитывающій, (1) со опасностію, отЪ удержанія и поврежденія молока происходящею, изсушить и пресѢчь стараются, яко обезображающій знаки ихЪ красоты: и сіе дѢлаютЪ столь же безумно, сколь безумно, вымышляя нѢкоторыя беззаконныя средства, стараются и самый зачатый вЪ тѢлѢ своемЪ плодЪ выкидывать; чтобы оная гладкость чрева не сморщилась, и чтобы

(1) *Со опасностію отЪ удержанія и поврежденія молока*] Молоко удержанное отЪ избыточества загниваетЪ, *или* *ссѢдается*; а сосцы зардѢвшись желтѢютЪ, *и* дѢлается вЪ нихЪ инфламмація, *или* загниваютЪ.

бы отъ тяжести носимаго бремени и трудовъ рожденія оное не обвисло. И когда человѣка въ самомъ началѣ, какъ онъ еще производится и одушевляется, въ самыхъ рукахъ зиждущаго естества убивать, есть дѣло всеобщаго отвращенія и ненависти достойное: то кольми паче уже совершеннаго, уже рожденнаго, уже сына лишать пропитанія собственною, обыкновенною и сродною кровію. Но все равно, ибо такъ говорятъ, чьимъ бы молокомъ младенецъ ни питался. Такъ для чего же говорящіе сіе, естьли они столь естественныхъ чувствованій непонимающи, не думаютъ, что все равно и то, въ чьемъ бы тѣлѣ и изъ чьей бы крови человѣкъ составленъ и произведенъ ни былъ? Или отъ сильнаго дыханія и теплоты побѣлѣвшая кровь не таже теперь въ сосцахъ, которая была во чревѣ? Не явственно ли и въ семъ усматривается попеченіе природы, что зиждительная оная кровь, во внутренности своей составивъ все тѣло человѣка, при наступленіи уже времени рожденія (2) подымается въ вышшія части, представляетъ себя въ го-

(2) *Подымается въ вышшія части*] Груди и чрево удивительное имѣютъ сообщеніе, и отъ чрева кровь протекаетъ ко грудямъ, которыя имѣютъ существо ноздреватое: притомъ есть въ нихъ тѣла желѣзистыя имѣющія силу млекотворную. Когда младенецъ начнетъ шевелиться, то тогда уже бываютъ признаки но-

готовности для питанія начинающаго пользоваться свѣтомъ и жизнію, и новорожденнымъ подаетъ извѣстную и обыкновенную пищу? По сему не безъ основанія вѣрятъ, что, какъ сила и свойство сѣмени дѣйствуетъ въ произведеніи подобія тѣла и души, такъ въ томже дѣйствуетъ качество и свойство молока. И сіе примѣчено не въ однихъ только людяхъ, но и въ скотахъ. Ибо ежели козлятъ вскормить овечьимъ или ягнятъ козьимъ молокомъ; то почти извѣстно, что у первыхъ шерсть будетъ жесче, а у послѣднихъ мягче и нѣжнѣе. Въ деревахъ также и въ земныхъ плодахъ большую по большей части, во уменшеніи или во умноженіи ихъ свойства, силу и дѣйствіе имѣетъ вода и земля пита-

---

молока. А какимъ обр.зомъ тогда дѣлается молоко, и въ вышшія части поднимается, то объявляетъ Ипократъ въ кн. о *Вестествѣ Младенца.* Молоко же потому непремѣнно родится, что чрево отъ плода надымаясь давитъ желудокъ женщины; и ежели сіе давленіе случится тогда, когда желудокъ полонъ, то, что есть самое тучное въ пищи и питіи, выходитъ вонъ въ желудочную перепонку и въ тѣло. И какъ естьли кто, кожу много намазавъ масломъ, дастъ ей напаяться, и когда напаяется, будетъ жать самую кожу; то конечно масло выдетъ вонъ изъ сжатой кожи: такъ естьли и желудокъ будетъ имѣть въ себѣ тучность отъ пищи и питія, и будетъ сжатъ чревомъ; то тучность выдетъ въ желудочную перепонку и въ тѣло. И естьли тѣло женщины имѣетъ много скважинъ, то скорѣе дѣлаетъ сіе тучности изхожденіе; а ежели мало, то медлительнѣе.

тающая, нежели самое посѣянное сѣмя: и часто можно видѣть, что веселое и здоровое дерево, по пересажденіи на другое мѣсто, отъ соку худшей земли пропадаетъ. И такъ скажите пожалуйте, для чего родившагося теперь человѣка благородство, и тѣло и душу отъ благороднаго начала произшедшую повреждать, питая чужимъ молокомъ? А особливо ежели будущая кормилица или раба, или другая какая нибудь баба подлая, и, что по большей части случается, чужестранная и изъ варварскаго племени, ежели безпутная, ежели безобразная, ежели безстыдная, ежели пьяница. Ибо по большей части въ кормилицы безъ разбору берутъ всякую въ то время молокомъ кормящую. И такъ допустимъ ли мы сему нашему младенцу пагубною заразиться заразою; и въ душу и въ тѣло свое заимствовать дыханіе изъ самой худой души и тѣла? Сіе по истиннѣ есть то самое, чему часто мы дивимся, что иногда цѣломудренныхъ женщинъ дѣти бываютъ на своихъ родителей не похожи ни тѣломъ ни душею. По сему нашъ Маронъ, подражая онымъ Омировымъ стихамъ,

- - ὐκ ἄρα σοί γε πατὴρ ἦν ἱππότα Πιλεὺς
Οὐδὲ Θέτις μήτηρ. γλαυκὴ δὲ σ᾽ ἔτικτε θάλασσα,
Πέτραι τ᾽ ἠλίβατοι, ὅτι τοι νόος ἐστὶν ἀπηνής.

то есть.

Такъ не былъ по сему Пелей конеристатель
Родителемъ твоимъ, ни матерью Θетида:

Но моремъ синимъ ты на свѣтъ произведенъ,
И камнями верхи подъемлющими къ солнцу,
Понеже жестокъ ты душею.

искусно и разумно опорочилъ не одно рожденіе, какъ подражаемый имъ писатель, но грубое и суровое воспитаніе; ибо онъ о своемъ прилагаетъ слѣдующее:

И тигровъ воскормленъ Гирканскихъ ты сосцами.

Понеже то есть во вкорененіи нравовъ больше почти дѣйствуютъ нравы кормилицы и свойство молока, которое уже, съ начала получивъ свойство изъ состава отцова сѣмени, новое принимаетъ свойство и изъ матерняго тѣла и души. Да и кромѣ сего, кто можетъ и то оставить въ небреженіи и презрѣніи, что оставляющія, отсылающія отъ себя, и другимъ для вскормленія отдающія дѣтей своихъ матери, оный сердца и любви союзъ и сопряженіе, которымъ естество связываетъ родителей съ дѣтьми, разрываютъ, или по крайнѣй мѣрѣ уменшаютъ и ослабляютъ. Ибо когда младенецъ, другимъ [для вскормленія] отданный, взятъ будетъ отъ очей матери; то оный матерній жаръ мало по малу простываетъ, и весь шумъ пребезпокойной заботы утихаетъ. И объ отданномъ другой кормилицѣ сынѣ не менще забываетъ мать, какъ и объ умершемъ. Да и самое младенцево сердце, любовь и склонность стремится къ одной кормилицѣ; и равно, какъ случается съ подкидышами, никакой ни

чув-

чувствительности, ни горячности къ родившей матери онъ не имѣетъ. И потому, по изглажденіи и уничтоженіи первыхъ основаній естественной любви, ежели такъ воспитанные дѣти показываются сколько нибудь любящими отца и мать; то по большей почти части любовь оная бываетъ не естественная, но отъ учтивости происходящая и мнимая. Такъ разсуждающаго Фаворина слышалъ я на Греческомъ языкѣ: мысли его, для общей пользы, сколько можно было, я объявилъ. А до пріятности изобилія и плодовитости словъ все Латинское краснорѣчіе едва достигнуть можетъ; моя же несловесность совсѣмъ не можетъ.

ГЛАВА 2.

О томъ, что Анней Сенека разсуждая о К. Энніи и о М. Тулліи, разсуждалъ легкомысленно и неоснопательно.

(1) О Аннеѣ Сенекѣ нѣкоторые разсуждаютъ какъ о писателѣ безполезномъ и такомъ, котораго книгъ читать совсѣмъ не

(1) *О Аннеѣ Сенекѣ*] Напрасно Геллій ругаетъ Сенеку, который разумомъ, краснорѣчіемъ и важностію мыслей знатенъ, какъ пространно сіе доказываетъ Липсій въ предисловіи примѣчанія на Сенеку. Видно Геллій за то такое отъ сего писателя имѣетъ отвращеніе, что слогъ ихъ различенъ. Матерія высокая писана у него слогомъ пышнымъ; крѣпокъ и силенъ въ словѣ. Одна-

не для чего: понеже слогъ его кажется простъ и подлъ; вещи и мысли или какбы не кстати и по пустому стремительны, или какбы съ лехкомысліемъ и болтливостію хитры; а ученость рабская и мужичья, и никакой не имѣющая изъ сочиненій древнихъ почерпнутой ни пріятности, ни важности. Нѣкоторые же о томъ, что въ словахъ его мало красоты, не спорятъ; но утверждаютъ, что и въ вещахъ, отъ него предлагаемыхъ, усматривается его знаніе и ученость, и во обличеніи развратности нравовъ не непріятная строгость и важность. Мнѣ о всѣхъ его дарованіяхъ и о всѣхъ сочиненіяхъ разсуждать, и цѣнить оныя нѣтъ нужды: но что разсуждалъ онъ о М. Цицеронѣ, К. Энніи и П. Виргиліи, то предложу на разсмотрѣніе. Ибо въ двадцать второй книгѣ *Нравоучительныхъ Писемъ къ Луцилію* говоритъ онъ, что К. Энній о древнемъ мужѣ Цеѳегѣ написалъ слѣдующіе смѣшные стихи:

Dictus

Однако [признаться надобно] что слогъ не вездѣ хорошъ, ибо много отъ чистаго и древняго, а наипаче Цицеронова отступаетъ. И самъ Липсій весьма къ Сенекѣ привязанный не во всемъ его хвалитъ. Квинтиліанъ въ кн. 10. *Орат.* въ концѣ гл. 1. гораздо скромнѣе нашего Галлія говоритъ о немъ, хотя по слогу и не очень онъ къ Сенекѣ склоненъ. И такъ родъ рѣчи Квинтиліанъ не одобряетъ, но охуждаетъ такъ, что почти и превеликую ему приписываетъ похвалу по свидѣтельству Еразма.

- - Dictus ollis popularibus olim
Qui tum viuebant homines atque aeuum agitabant,
Flos delibatus populi, et suada medulla.

и напослѣдокъ о тѣхже стихахъ пишетъ сіи слова: *Я удивляюсь, что весьма краснорѣчивые мужи и страстные къ Эннію хвалятъ смѣшное за самое лучшее. А Цицеронъ между стихами его помѣщаетъ и сіи.* И притомъ о Цицеронѣ говоритъ слѣдующее: *Не удивляюсь я, что было кому сіи стихи писать; когда было кому ихъ хвалить: развѣ можетъ быть Цицеронъ великій витія вступился самъ за себя, и хотѣлъ, чтобы сіи стихи казались хорошими.* Потомъ весьма неразумно приложилъ и слѣдующее: *И у самаго Цицерона въ свободной рѣчи найдешь нѣчто такое, изъ чего видѣть можно, что онъ не напрасно читалъ Эннія.* Наконецъ полагаетъ охуждаемыя рѣченія, яко бы Цицерономъ заимствованныя отъ Эннія, который въ книгѣ о республикѣ написалъ такъ: „Ut Menelao Laconi quaedam fuit suaui„loquens jucunditas, и на другомъ мѣстѣ сказалъ, „breuiloquentiam in dicendo colat. Притомъ сей пустословъ тамже извиняя Цицероновы ошибки говоритъ: *Сію ошибку должно причесть не Цицерону, но времени. Надобно было сіе сказать, когда читаемы были оныя Енніевы слова.* Напослѣдокъ тамже пишетъ, что Цицеронъ сіе самое вложилъ для избѣжанія безчестія по причинѣ чрезмѣрной чистоты и красоты слога. И о

Виргиліи въ томже мѣстѣ говоритъ онъ слѣдующее: *И Виргилій нашъ не для чего другаго нѣкоторыя вложилъ стихи грубыя и мѣру превосходящія, какъ чтобы читающіе Эннія и въ новомъ стихотвореніи видѣли нѣчто древнее.* Но уже наскучили мнѣ слова Сенекины. Однако я не опущу сихъ шутокъ сего безразсуднаго и несмысленнаго человѣка: *Нѣкоторыя*, говоритъ онъ, *мысли К. Эннія столь высоки, что, хотя писаны они при людяхъ грубыхъ и непросвѣщенныхъ, однако могутъ нравиться и знающимъ вкусъ людямъ.* И, опорочивъ вышеписанные стихи о Цицеронѣ, сказалъ: *Которые такіе стихи любятъ, знай, что тѣ удивляются и отъ Сотерика сдѣланнымъ кроватямъ.* Можетъ подлинно Сенека показаться достойнымъ прилѣжнаго чтенія юношей, достоинство и красоту древняго слога сравнивъ съ Сотериковыми кроватьми, какъ ничего хорошаго неимѣющими, изъ употребленія вышедшими и презрѣнными. Однако послушай не многихъ нѣкоторыхъ словъ хорошо отъ самаго его сказанныхъ. Каковы суть слѣдующія сказанныя отъ него о человѣкѣ сребролюбивомъ и къ деньгамъ жадномъ: „Quid enim refert quantum „habeas? multo iſtud plus eſt quod non habes. т. е. *Что въ томъ за нужда сколько ты имѣешь? то, чего ты не имѣешь, гораздо больше.* Хорошо правда это, хорошо: но хорошо сказанное не столько приноситъ

юношe-

юношескому уму пользы, сколько очень худо сказанное вреда; и тѣмъ наипаче, когда и больше худаго, и нѣкоторое изъ онаго употреблено не за какое нибудь простое и маловажное умствованіе, но за совѣтъ въ дѣлѣ сомнительномъ.

ГЛАВА 3.

Откуда взято и произведено слово lictor, *и различныя о томъ мнѣнія Валгія Руфа и Тирона Цицеронова отпущенника.*

Валгій Руфъ во второй изъ книгъ, которыхъ надписаніе *о Вещахъ чрезъ Письма Спрашиванныхъ*, говоритъ, что lictor названъ a ligando: понеже, когда градоначальники Римскаго народа кого нибудь приказывали сѣчь розгами, ноги и руки его хожатый [uiator] ligabat uinciebatque; и тотъ, который изъ числа хожатыхъ officium ligandi haberet, назывался lictor; и въ семъ ссылается онъ на М. Туллія, и приводитъ его слова изъ рѣчи за К. Рабирія: *lictor*, говоритъ онъ, *colliga manus.* Такъ о семъ Валгій. И мы правда держимся его мнѣнія. Но Тиронъ Туллій Цицероновъ отпущенникъ написалъ, что *lictor* произведено или *a limo* или *a licio. Licio enim tranuerso*, говоритъ онъ, „quod „limum appellatur, qui magistratibus praeministrabant cincti erant. Естьли же кто Тироновы слова достовѣрнѣйшими почитаетъ потому, что первый слогъ въ словѣ lictor, какъ и въ сло-

вѣ

вѣ licium долгій, а вЪ глаголѣ ligo короткій; то оное ни мало до сего не касается. Ибо также какЪ a ligando lictor, и a legendo lector, a uiuendo uictor, a tuendo tutor a ſtruendo ſtructor названы сЪ протяженіемЪ тѣхЪ гласныхЪ, которыя вЪ первообразныхЪ глаголахЪ были короткія.

ГЛАВА 4.

ИзЪ седмой книги лѣтописца К. Эннія взятыя стихи, которыми описывается и опредѣляется разумЪ и ласковость человѣка нижшаго кЪ вышшему другу.

Весьма живо и искусно описано и опредѣлено отЪ К. Эннія вЪ седмой книгѣ лѣтописца, подЪ повѣстію Гемина Сервилія, мужа благороднаго, сколь разумну, сколь ласкову, сколь учтиву, сколь добросовѣстну, сколь на языкЪ скромну, сколь наблюдающу благопристойность вЪ разговорахЪ, сколь знающу древности и старыя и новыя обыкновенія, сколь свято наблюдающу и хранящу тайности, сколь наконецЪ вЪ житейскихЪ скукахЪ утѣшительну, и ко уменшенію оныхЪ знающу средства и пользующу долженствуетЪ быть другу человѣка родомЪ и состояніемЪ вышшаго. Сіи стихи я почитаю не менше достойными частаго и всегдашняго вЪ памяти содержанія, какЪ и философскія правила о должностяхЪ. ПритомЪ вЪ сихЪ стихахЪ находится нѣкоторая

кра-

красота древности толь почтенная; пріятность толь отличная и толь всякаго притворства чуждая, что по моему мнѣнію должно ихъ хранить, наблюдать и почитать за древнія и священныя законы дружества. Для сего разсудилъ я здѣсь ихъ написать, дабы, естьли кто пожелаетъ, ихъ тотчасъ уже могъ видѣть.

Haecce locutus vocat, quocum bene saepe libenter
Mensam sermonesque suos rerumque suarum
Comiter impertit, magnam cum lassus diei
Partem fuisset, de summis rebus gerundis
Consilio, indu foro lato sanctoque Senatu,
Cui res audacter magnas paruasque jocumque
Eloqueretur, et cuncta malaque et, quae bona dictu,
Euomeret, si quid vellet, tutoque locaret.
Qui cum multa voluptas gaudia clamque palamque.
Ingenium, cui nulla malum sententia suadet.
Ut faceret, facinus, leuis haud malus, doctus, fidelis,
Suauis homo, facundus, suo contentus, beatus,
Scitus, secunda loquens in tempore, commodus, verbum
Paucum, multa tenens antiqua sepulta, vetustas,
Quae facit, et mores veteres nouosque tenentem,
Multarum veterum legum diuumque hominumque
Prudentem; qui multa loquiue tacereue posset,
Hunc inter pugnas compellat Seruilius sic.

то есть.

Сей сказавъ къ себѣ зоветъ того, съ кѣмъ часто
Весьма охотно онъ свой столъ и разговоры
О всѣхъ своихъ дѣлахъ пріятно раздѣляетъ,
Чрезъ большую часть дня въ собраніи народа
И во священномъ бывъ Сенатѣ утомленъ
Дѣлъ государственныхъ важнѣйшихъ отправленьемъ,
Отважно о дѣлахъ и малыхъ и великихъ
Съ нимъ разглагольствуетъ и шутки прибавляетъ,

Ни

Ни въ худѣ, ни въ добрѣ онъ отъ него нескрытъ;
И все, что хочетъ, съ нимъ свободно говоритъ.
Какъ при людяхъ ему весьма съ нимъ любо быть,
Равно доволенъ онъ съ нимъ быть и на единѣ,
Котораго душа никакъ къ злу непреклонна;
Но честенъ онъ во всемъ, ученъ, не тяжекъ вѣренъ,
Сладкоглаголивъ, милъ, доволенъ самъ собой,
Спокоенъ, знающъ, то во время говоритъ,
Что можетъ нравиться, воздерженъ на языкъ,
По нравовъ скромности могущь быть всѣмъ любезенъ,
Различныя дѣла, по древности сокрыты,
Онъ держитъ въ памяти, притомъ какъ древни нравы
Такъ и новѣйшія ему небезизвѣстны.
Искусенъ сверхъ того въ божественныхъ законахъ
И человѣческихъ, даны что были древнимъ;
О многомъ можетъ кой молчать и говорить:
Съ симъ межо сраженій такъ бесѣдуетъ Сервилій.

ГЛАВА 5.

Рѣчь Тавра философа о способѣ терпѣнія болѣзни по ученію Стоиковъ.

Когда мы, съ Тавромъ философомъ поѣхавши въ Делфы смотрѣть Пиѳійскихъ игръ и собранія всей почти Греціи, заѣхали въ стоящій на пути древній Віотискій городъ Лебадію: то Тавръ получилъ тамо вѣдомость, что нѣкто его другъ, знатный въ Стоическомъ ученіи философъ, боленъ лежитъ въ постелѣ. Тогда, отложивъ путешествіе, въ которомъ иначе бы надобно было поспѣшить, и, оставивъ повозки, поспѣшно идетъ онъ его посѣтить, и мы, привыкши слѣдовать, куда онъ ни шелъ,

шелъ, пошли за нимъ. Пришедши въ покои, въ которыхъ лежалъ больный, увидѣли мы, что онъ мучится болью въ животѣ, называемою отъ Грековъ κόλου, и сильною лихорадкою; стонетъ, и трудное дыханіе выходитъ изъ его груди, не больше означающее болѣзнь, какъ борьбу съ болѣзнію. Потомъ когда Тавръ призвавъ лѣкарей, поговорилъ съ ними о врачеваніи, и засвидѣтельствованіемъ видѣнной терпѣливости подкрѣпилъ его къ продолженію терпѣнія, и вышедши оттуда возвращались мы къ повозкамъ и къ сопутникамъ своимъ: то сказалъ Тавръ, видѣли вы непріятное правда, но любопытства достойное зрѣлище, сражающагося и борющагося философа съ болѣзнію. Сила и свойство болѣзни дѣлали свое, то есть терзаніе и мученіе членовъ; а свойство напротивъ и естество души равнымъ образомъ свое дѣлало. Онъ терпѣлъ, удерживалъ и укрощалъ внутрь себя стремленіе необузданной болѣзни. Ни малаго рыданія, ни малаго плача, и ни малаго не производилъ непристойнаго вопля: однако были, какъ видѣли вы, нѣкоторые знаки мужества и тѣлесной слабости спорящихъ о обладаніи человѣкомъ. Тогда одинъ юноша изъ послѣдователей Тавровыхъ, въ философскомъ ученіи не неискусный, сказалъ: ежели болѣзнь столь жестока, что противъ воли и противъ разсудка души усиливается, и насильно принуждаетъ человѣка

вѣка стенать и признать жестокую болѣзнь за зло; то для чего Стоики болѣзнь называютъ неразнствующею, а не зломъ? для чего также или Стоикъ сколько нибудь принужденъ быть, или болѣзнь принудить можетъ, когда говорятъ Стоики, что ни болѣзнь ни мало принудить, ни мудрый ни мало принужденъ быть не можетъ? На сіе Тавръ видомъ почти уже веселымъ [ибо по видимому пріятна ему была уловка сего вопроса] сказалъ: естьли бы сей нашъ другъ уже выздоровѣлъ, то бы онъ такія необходимыя стенанія отъ клеветы защитилъ, и сей бы, думаю, тебѣ вопросъ рѣшилъ: а я, какъ ты знаешь, не очень люблю Стоиковъ, или лучше Стоическаго ученія. Ибо оно во многомъ и само съ собою и съ нами несогласно: какъ явствуетъ изъ книги мною о томъ написанной. Но изъ моего къ тебѣ послушанія скажу то, какъ говорятъ, простѣе и откровеннѣе; что, естьли бы кто теперь здѣсь былъ изъ Стоиковъ, сказалъ бы, думаю, скрытнѣе и остроумнѣе. [Ибо знаешь, думаю, ты старинную оную и весьма извѣстную рѣчь, ἀμαθέστερόν πως εἰπὲ, καὶ σαφέστερον λέγε. т. е. *Говори нѣкоторымъ образомъ простѣе и откровеннѣе.*] И по семъ о болѣзни и стенаніи больнаго Стоика началъ разсуждать слѣдующимъ образомъ. Природа всѣхъ вещей, родившая насъ, въ самомъ началѣ нашего рожденія вліяла въ насъ такую любовь къ самимъ себѣ, по си-

сил҃ бы которыя совсѣмъ ничего не имѣли мы любезнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго насъ самихъ, и соблюденіе человѣческаго рода въ непрерывномъ продолженіи разсудила основать на томъ, чтобы всякъ изъ насъ при самомъ своемъ въ свѣтъ произведеніи получалъ прежде чувствіе и любовь къ тѣмъ вещамъ, которыя отъ древнихъ философовъ названы *τὰ πρῶτα κατὰ Φύσιν первыми по естеству*; то есть, чтобы все для тѣла своего полезное любилъ, а отъ всего вреднаго удалялся. Потомъ чрезъ приращеніе лѣтъ произшелъ изъ своихъ сѣменъ разумъ и употребленіе разсудка, тончайшее разбираніе и разсматриваніе честности и истинныя пользы, и избираніе выгодъ: такимъ образомъ предъ всѣми прочими возблистало и возсіяло достоинство благопристойности и честности; и, когда какія нибудь внѣшнія невыгоды препятствовали въ полученіи и удержаніи онаго, то они начали быть презираемы. И ничто другое за истинное и простое добро непочтено, кромѣ того, что честно; ни что за зло, кромѣ того, что безчестно. А все прочее, что ни честно, ни безчестно, ни за добро, ни за зло непризнано. Однако предпочтительности и униженія, называемыя отъ нихъ *προηγούμενα καὶ ἀποπροηγούμενα* [*первостепенными и второстепенными*], всякая различена и раздѣлена по своей важности; и по сему удовольствіе и бо-

лѣзнь, что касается до самаго конца спокойной и благополучной жизни, оставлены между вещьми посредственными, и непочтены ни за добро, ни за зло. Но поелику новорожденный человѣкъ, прежде произшествія разсудка и разума, напоенъ симъ первымъ чувствіемъ болѣзни и удовольствія, и ко удовольствію естественно прилѣпленъ; а отъ болѣзни, какъ отъ жестокаго нѣкоего непріятеля, отвращенъ и отдаленъ: то по сему сіи чувствія, въ самомъ началѣ впеченныя, данный потомъ разумъ едва изкоренить и изтребить можетъ. а всегда съ ними борется: усильствія ихъ удерживаетъ и пресѣкаетъ, и принуждаетъ себѣ повиноваться и покаряться. И такъ видѣли вы философа по правиламъ своимъ со своевольствомъ болѣзни и со усиліемъ печали борющагося, ни въ чемъ не признающагося, ниже, по обычаю многихъ больныхъ, плачущаго и рыдающаго, и называющаго себя бѣднымъ и нещастливымъ; но только издающаго тяжкіе вдохи и сильныя стенанія, показывающія и означающія не человѣка болѣзнію побѣжденнаго и преодолѣннаго, но побѣдить и преодолѣть оную старающагося. Но не знаю, говоритъ, въ разсужденіи самой борьбы и стенанія скажетъ ли кто нибудь, для чего стенать и бороться съ болѣзнію, ежели она не есть зло? ибо не все, что не есть зло, никакой не имѣетъ и скуки; но есть многое большаго

прав-

правда вреда и погибели не причиняющее, понеже не есть безчестно: однако тихости и кротости естества противящееся и безпокоящее, по сокровенному нѣкоторому и необходимому слѣдствію самаго естества. И такъ мудрый мужъ сіе сноситъ, и ждатъ, пока оно свирѣпствовать престанетъ, можетъ; а совсѣмъ не чувствовать не можетъ. Ибо безболѣзніе и безстрастіе не только, говоритъ, по моему но и по другихъ нѣкоторыхъ того же Стоическаго ученія благоразумнѣйшихъ мужей, какъ (1) Панетія важнаго и ученаго мужа, разсужденію, недопущено и отвержено. Но для чего противъ воли своей стенать принужденъ Стоическій философъ, котораго ни къ чему, говорятъ, принудить не можно? Правда мудрый мужъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ, когда есть способъ удержать разумъ: а когда принуждаетъ естество, то и разумъ отъ естества данный принужденъ бываетъ. Спроси еще, ежели изволишь, для чего онъ принужденъ бываетъ мигнуть, когда кто нибудь незапно махнетъ рукою въ его глаза? для чего во время молніи отъ стремленія свѣта принужденъ бываетъ укрывать глаза и голову? для чего при сильномъ громѣ

(1) *Панетія*] О которомъ съ крайнею похвалою упоминаетъ Геллія въ кн. 13 гл. 25. Онъ, по свидѣтельству Страбона кн. 14. родился на островѣ Родосѣ. Книгамъ его о должностяхъ или лучше о благопристойности подражалъ Цицеронъ.

мѣ въ нѣкоторый приходитъ ужасъ? для чего чихая трясется? для чего во время солнечнаго жара горячится, или въ сильную стужу озябаетъ? сіе и многое другое не зависитъ ни отъ воли, ни отъ разсужденія, ни отъ разума; но дѣлается по опредѣленію естества и по необходимости. А храбрость не въ томъ состоитъ, чтобы, на подобіе чудовища, силиться противъ естества, и выходить за предѣлы онаго или безчувственностію, души, или суровостію, или бѣдственнымъ и необходимымъ нѣкоторымъ упражненіемъ въ сношеніи болѣзней: каковъ сказываютъ былъ нѣкоторый жестокій (2) въ Цесаревой мечебитной школѣ мечебитецъ, который въ то время, когда лѣкари вырѣзывали его раны, смѣялся; но истинная и честная храбрость та, которую предки наши назвали знаніемъ того, что должно сносить, и чего не сносить. Изъ чего усматривается, что есть нѣчто несносное, отъ подъятія или претерпѣнія котораго храбрые мужи отказываются. Когда Тавръ сіе говорилъ, и видно было, что онъ еще много о томже говорить хотѣлъ; пришли мы къ своимъ повозкамъ и сѣвши поѣхали.

ГЛАВА

(2) *Въ Цесаревой мечебитной школѣ*] Въ которой обучались и содержались Цесаревы мечебитцы, надъ которыми поставлены были начальники и шпажнаго бою мастера.

ГЛАВА 6.

О загадкѣ.

Называемыя отъ Грековъ aenigmata *загадки*, нѣкоторые изъ древнихъ Римлянъ назвали ſirpos: какову не давно мы нашли весьма старинную и весьма пріятную загадку, состоящую въ трехъ шестистопныхъ стихахъ, которую оставили мы безъ изъясненія, дабы читателей, отгадать желающихъ, возбудить къ размышленію. Оные три стиха суть слѣдующіе:

Semel minus ne, an bis minus, non ſat ſcio:
An utrumque eorum, ut quondam audiui dicier,
Joui ipſi regi noluit concedere.

Кто не захочетъ долѣе о семъ думать, тотъ, что значитъ сія загадка, найдетъ во второй Варроновой книгѣ *о Латинскомъ Языкѣ*, написанной къ Марцеллу.

ГЛАВА 7.

Для чего Кн. Долабелла Проконсулъ женщину, въ ядоотравленіи обвиненную и признавшуюся, отослалъ къ Ареопагитамъ.

Къ Кн. Долабеллѣ, въ чинѣ Проконсула управлявшему Азію, приведена изъ Смирны женщина, которая мужа и сына въ одно время тайно отравила ядомъ; и, признаваясь въ томъ, говорила, что она сіе сдѣлала по той причинѣ, что оные мужъ и сынъ другаго ея сына, отъ перваго мужа родившагося, юношу пречестнаго и пре-

 добро-

добродѣтельнаго, коварно умертвили. и сіе было неоспоримая правда. Долабелла предложилъ о семъ въ собраніи. Никто изъ членовъ собранія въ толь сумнительномъ дѣлѣ подать своего мнѣнія не отважилися; понеже разсуждали, что и обличившагося ядоотравленія, которымъ умерщвленъ мужъ и сынъ, оставить безъ наказанія не можно, и что достойною казнію отмщено злодѣямъ. Долабелла сіе дѣло отослалъ въ Аѳины къ Ареопагитамъ, яко къ судіямъ важнѣйшимъ и искуснѣйшимъ. Ареопагиты, разсмотрѣвъ дѣло, и доносившему на женщину и самой женщинѣ приказали явиться въ сотое лѣто. Такимъ образомъ ни прощено жены ядоотравленіе, понеже оно запрещено законами; ни виноватая осуждена и наказана, поелику достойна была прощенія. Сія повѣсть написана въ осмой Валеріа Максима книгѣ о *Изреченіяхъ* и *Дѣлахъ Достопамятныхъ*.

ГЛАВА 8.

Достопамятныя мирсшыя знатныхъ мужей.

Публій Африканскій старшій и Тиб. Гракхъ, Тиб. и К. Гракховъ отецъ, величіемъ учиненныхъ дѣлъ, высокостію чиновъ и рода знаменитые люди, часто были несогласны по дѣламъ касающимся до республики; и по сей или по другой какой причинѣ имѣли взаимную вражду. При продолжавшей-

ся чрезъ многое время сей враждѣ, когда совершаемо было Юпитеру жертвоприношеніе, и для того Сенатъ пиршествовалъ въ Капитоліи; по случаю оба они посажены вмѣстѣ за однимъ столомъ. То какбы чрезъ посредство безсмертныхъ боговъ, на пирѣ преблагаго и великаго Юпитера руки ихъ сведшихъ, сдѣлались они великими друзьями; и не только начали жить дружно, но вступили и въ сродство. Ибо П. Сципіонъ дочь свою, уже невѣсту, въ тоже самое время и въ томже мѣстѣ сговорилъ за Тиб. Гракха, котораго онъ одобрилъ и избралъ въ то самое время, въ которое мы обыкновенно судимъ другихъ со всею строгостію, то есть, во время вражды. Да и Эмилій Лепидъ и Фулвій Флаккъ, знатнаго рода и высокихъ чиновъ и степеней въ гражданствѣ мужи, сильною другъ къ другу ненавистію и долговременною враждою сражались. Но послѣ, сдѣланы будучи отъ народа вмѣстѣ Ценсорами, какъ скоро въ семъ чинѣ отъ провозгласеника провозглашены были, тотчасъ на томже полѣ, до распущенія собранія, добровольно оба съ равною любовію обнялись и помирились: и съ того дня, и въ самое Ценсорство и послѣ онаго, жили въ непрерывномъ согласіи, и великую другъ ко другу имѣли любовь и вѣрность.

ГЛАВА 9.

Какія слова называются обоюдными, и что слово honor имѣло также обоюдный разумъ.

На многихъ мѣстахъ въ древнихъ сочиненіяхъ можно видѣть и примѣчать, что многія слова, которыя нынѣ въ обыкновенныхъ разговорахъ одну и извѣстную вещь означаютъ, такъ были средни и общи, что могли означать и принимать двѣ вещи между собою противныя; изъ оныхъ нѣкоторыя довольно суть извѣстны, какъ то „ tempestas, valetudo, facinus, dolus, gratia, in„ dustria. Ибо о сихъ почти всякому уже извѣстно, что они обоюдны, и что на ту и на другую сторону сказаны быть могутъ. Также много такихъ примѣровъ найти можно, что *periculum*, и *venenum*, и *contagium*, не, какъ нынѣ говорятся, въ худую только сторону говорены были. Но то подлинно весьма рѣдко, что и *honor* было слово среднее, такъ что говорилось *malus honos*, и значило *injuriam*. А (1) Квинтъ Метеллъ Нумидійскій, въ рѣчи говоренной о своемъ торжествѣ, употребилъ слѣдующія слова: „ Qua in re quanto uniuersi me unum antistatis; „ tanto vobis quam mihi maiorem iniuriam atque „ contumeliam facit, Quirites: et quanto probi in„ iuriam

---

(1) *Квинтъ Метеллъ Нумидійскій*] Воевавшій противъ Югурѳы, о которомъ смотри Саллустія. Веллей назвалъ его никому въ своемъ вѣкѣ не уступающимъ. Притомъ въ кн. 2. считаетъ его между знатными ораторами.

„ iuriam facilius accipiunt, quam alteri tradunt: tan-
„ to ille vobis quam mihi peiorem honorem habuit. Nam
„ me iniuriam ferre, vos facere vult, Quirites: ut hic
„ conquestio, istic vituperatio relinquatur. Honorem,
„ говоритъ, peiorem vobis habuit, quam mihi. Разумъ сего слова есть тотъ, который и самъ онъ выше объявляетъ: „ Maiore vos „ affecit iniuria et contumelia quam me. Кромѣ же означенія сего слова разсудилъ я изъ рѣчи К. Метелла написать здѣсь сіе изреченіе для того, дабы означить, что Сократово есть то правило Κάκιον εἶναι τὸ ἀδικεῖν, ἢ τὸ ἀδικεῖσθαι. т. е. *Хуже обидѣть, нежели обижену быть.*

ГЛАВА 10.

О томъ, что aeditimus *есть чистое Латинское слово.*

Aeditimus есть чистое и древнее Латинское слово, такимже образомъ произведенное какъ finitimus et legitimus. Но многіе вмѣсто онаго говорятъ нынѣ *æditwus* по нововымышленному употребленію, какбы сіе слово произведено a tuendis aedibus. Довольно было о семъ напомянуть для нѣкоторыхъ грубыхъ и упрямыхъ спорщиковъ, которые не иначе укрощаются, какъ чрезъ приведеніе свидѣтельствъ изъ писателей. М. Варронъ, во второй книгѣ къ Марцеллу о *Латинскомъ Языкѣ*, думаетъ что больше должно говорить *æditumum*, нежели *æditwum*; потому

что сіе послѣднее вновь вымышленное, а первое есть древнее и не испорченное. Да и Левій, какъ я думаю, in Protesilaodamia назвалъ *claustritumum* того, qui claustris ianuae praeesset, тѣмже то есть образомъ, которымъ, по его усмотрѣнію, названъ *aedituus*, qui aedibus praeest. Въ весьма вѣрныхъ спискахъ рѣчи М. Туллія на Верреса нашелъ я написано такъ: *aeditumi custodesque mature sentiunt.* А въ книгахъ отъ всѣхъ вообще употребляемыхъ написано *aeditui.* Есть Помпоніева Ателлана, имѣющая надписаніе *Aeditumus*, въ которой находится слѣдующій стихъ:

Qui postquam tibi appareo atque aeditumor in templo tuo.

А Титъ Лукретій въ стихахъ своихъ pro *aedituis*, называетъ *aedituentes.*

ГЛАВА II.

Отзываются тѣ, которые грѣшатъ по упованіи и надеждѣ утаенія; когда никакимъ образомъ грѣха на всегда утаить не можно: и рѣчь о томъ Перегрина философа говоренная въ сходственность со мнѣніемъ стихотворца Софокла.

Бывши мы во Аѳинахъ, видѣли философа (1) Перегрина, прозваннаго послѣ Протеемъ, мужа важнаго и постояннаго, живущаго

(1) *Перегрина*] Онъ желая подражать Геркулесовой смерти, предъ всею Греціею сожгся въ срубѣ въ 236ю Олимпіаду; свидѣтельствуетъ о семъ Лукіанъ въ его жизни

го въ нѣкоторомъ шалашѣ внѣ города. И какъ часто мы къ нему хаживали, то слышали многія по истиннѣ полезныя и честныя его рѣчи, изъ которыхъ особливо припомнили мы слѣдующее. Мудрый мужъ, говорилъ онъ, не будетъ грѣшить, хотя бы о грѣхѣ его ни боги ни люди не узнали. Ибо почиталъ онъ, что не должно грѣшить не изъ страха наказанія или безчестія, но изъ любви и наблюденія справедливости и честности. Которые же не одарены такимъ духомъ, или не просвѣщены столько, чтобы самопроизвольно безъ всякой трудности могли отъ грѣха удерживаться, о тѣхъ всѣхъ думалъ, что они грѣшатъ свободнѣе тогда, когда думаютъ, что грѣхъ оный можетъ утаиться, и когда надѣются, что посредствомъ онаго утаенія избудутъ они наказанія. Но естьли они узнаютъ, говоритъ, что ничему долго таиться не можно; то скромнѣе и стыдливѣе грѣшить станутъ. Для того, говорилъ, надобно имѣть во устахъ слѣдующіе стихи весьма разумнаго стихотворца Софокла:

Πρὸς ταῦτα κρύπτε μηδὲν, ὡς ὁ πάνθ' ὁρῶν
Καὶ πάντ' ἀκούων, πάντ' ἀναπτύσσει χρόνος.

то

жизни и Филостратъ во 2 книгѣ о *Жизни Софистовъ* въ *Иродѣ*. По Лукіанову свидѣтельству родился въ Еллеспонтскомъ городѣ Паріи; и Парійскіе граждане по смерти въ честь ему поставили на площади статую; вѣрили, что изъ сей статуи даваны были отвѣты: такъ о семъ объявляетъ Аѳенагоръ въ посольствѣ за Христіанъ.

то есть.

Ничего нескрывай, понеже всевидящее
И все слышащее время все открываеть.

Другій нѣкто изъ древнихъ стихотворцевъ, котораго имени я теперь не упомню, истинну назвалъ дщерію времени.

ГЛАВА 12.

М. Цицерона, обвиняемаго въ явной лжи, забавный отвѣтъ, данный во отвращеніе отъ себя оной вины.

За риторическое искуство почитается и то, чтобы хитро и остроумно признаваться въ винѣ, не подвергая себя чрезъ то опасности; такъ чтобы, ежели обвиняемъ будешь въ какомъ нибудь худомъ дѣлѣ, въ которомъ запереться не можно, шуточнымъ отвѣтомъ отъиграться, и дѣло учинить больше смѣха, нежели обвиненія достойнымъ. Какъ, сказываютъ, учинилъ Цицеронъ, хитрымъ и забавнымъ изреченіемъ отвративъ отъ себя то, отъ чего отпереться не могъ. Ибо когда онъ намѣревался купить домъ на Палатинской горѣ, и не имѣлъ наличныхъ денегъ; то у П. Суллы, бывшаго тогда подъ слѣдствіемъ, тайно занялъ два милліона сестерцієвъ [50 тысячь рублевъ]. Однако прежде, нежели онъ купилъ домъ, о семъ было свѣдано и вышло въ народъ: и какъ стали ему причитать въ вину, что для покупки дома взялъ онъ

денъ-

деньги у человѣка находящагося подъ слѣдствіемъ. То Цицеронъ нечаяннымъ упрекомъ тронутъ, заперся какъ во взятіи денегъ, такъ и въ намѣреніи купить домъ: да и пускай, сказалъ, то будетъ правда, что я взялъ деньги, ежели куплю домъ. Но какъ послѣ купилъ, и въ сей лжи отъ непріятелей въ Сенатѣ былъ упрекаемъ; то довольно сему смѣялся, и въ смѣхѣ сказалъ: *Глупые вы люди, когда не знаете того, что разумному и осторожному хозяину свойственно отъ того, что онъ купить намѣренъ, отпираться для перебивщиковъ въ покупкѣ.*

ГЛАВА 13.

Когда говорится intra calendas, *то что значатъ сіи слова*, ante calendas *ли, или* calendis, *или и то и другое: и притомъ что значитъ въ рѣчи М. Туллія*, intra Oceanum, et intra montem Taurum, *и въ нѣкоторомъ письмѣ* intra modum.

Когда я въ Римѣ будучи отъ Консуловъ сдѣланъ за урядъ [extra ordinem] судьею, получилъ повелѣніе произвести судъ intra calendas; то у Аполлинара Сулпиція, человѣка ученаго, спросилъ, заключаются ли въ сихъ словахъ, *intra calendas*, и самыя calendae: и сказалъ ему, что я сдѣланъ судьею, и что даны мнѣ calendae, дабы въ оный день я произвелъ судъ. Для чего, сказалъ онъ

на

на сіе, ты больше о семъ спрашиваешь меня, нежели какого нибудь изъ тѣхъ знающихъ и искусныхъ въ законахъ, съ которыми вы передъ производствомъ суда обыкновенно совѣтуетесь? Тогда я отвѣчалъ ему слѣдующимъ образомъ: естьли бы мнѣ надобно было узнать или о древнихъ, или о принятыхъ, или о заключающихъ споръ и сумнѣніе или о вновь изданныхъ законахъ; то бы я конечно пошелъ спроситься къ тѣмъ, о которыхъ ты говоришь. Но когда потребно мнѣ знать силу, употребленіе и знаменованіе Латинскихъ словъ: то конечно бы я былъ глупъ и слѣпъ душею, естьли бы, свободно и дружески обходясь съ тобою, пошелъ къ другому а не къ тебѣ. И такъ послушай, сказалъ онъ, что я думаю о знаменованіи сего слова; но однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы тебѣ поступать не потому, что я о свойствѣ сего слова разсуждать буду, но потому, что по общему о семъ многихъ и всѣхъ согласію наблюдаемо ты увидишь: ибо не только общихъ словъ истинныя и собственныя знаменованія отъ долговременнаго употребленія перемѣняются; но и повелѣнія самыхъ законовъ тайнымъ согласіемъ уничтожаются. Потомъ при мнѣ и при другихъ многихъ началъ разсуждать слѣдующимъ почти образомъ: Когда, говоритъ, день такъ предограниченъ, что судія intra calendas долженъ произвести судъ; то уже всѣ безъ сумнѣнія

нія думаютъ, что по законамъ должно произвесть оный ante calendas. И въ томъ только я усматриваю сумнѣніе, о чемъ спрашиваешь ты, an calendis quoque по законамъ производить можно. Самое же сіе слово безъ сумнѣнія говорится въ такой силѣ, и значитъ то, что, когда скажется, *intra calendas*, не другой какой день разумѣть надобно, но одни calendae. Ибо при сіи слова, *intra*, *citra*, *ultra*, которыми извѣстные мѣстъ предѣлы означаются, отъ древнихъ выговариваемы были однимъ словомъ, *in*, *cis*, *uls*. Потомъ, поелику сіи частицы по причинѣ малаго и краткаго звона не явственно произносимы были, ко всѣмъ тремъ приложенъ одинъ слогъ: и что прежде говорилось, *cis Tiberim*, и *uls Tiberim*, то стало говориться, *citra Tiberim*, и *ultra Tiberim*: также что было *in*, сдѣлалось *intra*. И такъ всѣ сіи слова суть какбы смѣжныя, совокупленными между собою предѣлами связывающіяся, *intra oppidum*, *ultra oppidum*, *citra oppidum*. изъ которыхъ intra, какъ я объявилъ, значитъ *in*. Ибо кто говоритъ *intra oppidum*, *intra cubiculum*, *intra ferias*, неиначе говоритъ какъ *in oppido*, *in cubiculo*, *in feriis*. По сему *intra calendas* не *ante calendas*, но *in calendis*, то есть, въ самый тотъ день, въ который суть calendae. И такъ, по свойству самаго слова, тотъ, кому повелѣно произвести судъ *intra calendas*, ежели не произведетъ онаго calendis, поступитъ про-

противЪ означенія сего слова. Ибо, естьли учинитЪ оное прежде, то произведетЪ судЪ non *intra*, ſed citra. Не знаю же я, какимЪ образомЪ общенародно принято весьма несправедливое сего слова изтолкованіе, будто *intra calendas* значитЪ и *citra calendas* или *ante calendas*, ибо все почти равно. СверхЪ сего есть сумнѣніе о томЪ, можно ли произвести судЪ *ante calendas*: когда ни *ultra*, ни *citra*, но, что между тѣмЪ и другимЪ есть среднее, *intra calendas*, то есть *calendis* производить оный должно. Но безЪ сумнѣнія вЪ семЪ поступать надобно по обыкновенію, которое какЪ надЪ всѣми вещьми, такЪ наипаче надЪ словами владычествуетЪ. Когда АполлинарЪ о всемЪ семЪ весьма искусно и ясно разсуждалЪ, то я сказалЪ: Прежде, нежели какЪ я кЪ тебѣ пошелЪ, желательно мнѣ было сыскать и изнѣдать, какимЪ образомЪ наши древніе сію частицу, о которой теперь идетЪ разсужденіе, употребляли. И нашли мы, что Туллій вЪ третіей рѣчи на Верреса написалЪ слѣдующимЪ образомЪ: „ Locus intra Oceanum iam nullus eſt, „ neque tam longinquus, neque tam reconditus, „ quo non per haec tempora noſtrorum hominum „ libido iniquitasque peruaſerit. Intra Oceanum говоритЪ онЪ, противЪ твоего означенія. Ибо, я думаю, не хочетЪ онЪ сказать *in oceano*, для того, понеже означаетЪ всѣ земли ОкеаномЪ окружаемыя, до которыхЪ наши единоземцы доходить могутЪ, которыя

сутЬ

суть *citra Oceanum*, non, *in Oceano.* Ибо не можно кажется думать, чтобы онъ означилъ чрезъ сіе, не знаю, какіе острова, о которыхъ сказываютъ, что находятся внутри самаго Океяна. Тогда Сулпицій Аполлинаръ съ веселымъ видомъ сказалъ: Не безъ замысла подлинно и не безъ хитрости противоположилъ ты сіе Тулліево мѣсто. Но Цицеронъ сказалъ *intra Oceanum*, а не такъ, какъ ты толкуешь, *citra Oceanum.* Ибо о чемъ можно сказать, что оно находится *citra Oceanum*, когда Океянъ всѣ земли отвсюда обтекаетъ и окружаетъ? Понеже что находится *citra*, то *extra* находится. А какимъ образомъ можно сказать, что *intra* находится то, что есть *extra*? Но естьли бы Океянъ былъ съ одной только стороны вселенной, то бы о землѣ, въ той сторонѣ находящейся, можно было сказать, что находится она *citra Oceanum*, или *ante Oceanum*: а когда онъ всѣ земли всячески и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ, то уже нѣтъ *citra eum* ничего: но, поелику обтеченіемъ водъ его всѣ земли окружены, въ срединѣ его няходится все въ берегахъ его заключенное. Подобно какъ солнце не citra caelum обращается, но in caelo и intra caelum. Искусно и остроумно, по видимому, тогда говорилъ о семъ Аполлинаръ. Но послѣ въ книгѣ писемъ М. Туллія къ Сер. Сулпицію нашли мы сказанное слѣдующимъ образомъ, *intra modum* говорятъ такъ, какъ говорятъ *intra calendas* хотящіе сказать *citra calendas*,

Слова Цицероновы суть ниже слѣдующія: „Sed tamen quoniam effugi eius offensionem, qui „fortasse arbitraretur me hanc rem publicam non „putare, si perpetuo tacerem; modice hoc faciam „aut etiam intra modum, ut et illius voluntati et „meis studiis seruiam. *Modice* сказалъ онъ, то есть, cum modo aequo et pari. Потомъ какбы сіе не понравилось и какбы захотѣлъ оное исправить, приложилъ *aut etiam intra modum.* Чрезъ что означаетъ minus se id facturum esse, quam quod fieri modice videretur: то есть, non ad ipsum modum, sed retro paululum et citra modum. И въ рѣчи за П. Сестія имъ написанной *intra montem Taurum*, такъ говоритъ не для того, чтобы означить *in monte Tauro*, но *usque ad montem Taurum cum ipso monte.* Изъ вышеписанной рѣчи слова самаго Тулліа суть слѣдующія: „Antiochum Mag„num illum maiores nostri magna belli contentione „terra marique superatum intra montem Taurum reg„nare iusserunt: Asiam, qua illum multarunt, Atta„lo, ut is in ea regnaret, condonarunt. Intra „montem, говоритъ, Taurum regnare iusserunt. А сіе не тоже значитъ, какъ говоримъ мы, *intra cubiculum*: развѣ по видимому, *intra montem*, можетъ быть то, что и *intra regiones*, quae Tauri montis objectu separantur. Ибо какъ находящійся *intra cubiculum*, non in cubiculi parietibus, sed intra parietes est, quibus cubiculum includitur, qui tamen ipsi quoque parietes in cubiculo sunt: такъ, qui regnat intra montem Taurum, non solum in monte Tauro regnat, sed in

his

his etiam regionibus, quae Tauro monte clauduntur. И такъ по сему сходству словъ М. Туллія можетъ ли тотъ *& ante calendas*, *& ipsis calendis* по законамъ произвести судъ, кому приказывается произвести *intra calendas*? и сіе дѣлается не по особливому какбы нѣкоторому праву принятаго обыкновенія, но по точному наблюденію знаменованія слова: понеже о всемъ времени die calendarum заключающемся справедливо говорится, что оно есть intra calendas.

ГЛАВА 14.

Какую силу имѣетъ и откуда произведена частица saltem.

Искали мы, какое главное знаменованіе имѣетъ частица *saltem*, и откуда произведено сіе слово. Ибо видно, что оно такое начало имѣетъ, что не кажется, какъ нѣкоторыя дополненія словъ, принятымъ безъ разума и безъ толку. Нѣкто говорилъ, будто онъ читалъ въ грамматическихъ запискахъ П. Нигидіа, что *saltem* составлено изъ *si aliter*: и сіе самое обыкновенно говорилось недостаточно, ибо полный сего слова смыслъ, *si aliter non potest*. Но мы не безъ любопытства, думаю, читавъ оныя Нигидіевы записки, нигдѣ сего въ нихъ не нашли. Кажется же, что сіи слова, *si aliter non potest*, не отступаютъ таки отъ знаменованія теперь упоминаемаго нами словца.

 Но

Но столько однако словъ заключать въ весьма маломъ числѣ буквъ, значитъ излишнюю тонкость. Нѣкто притомъ человѣкъ въ чтеніи книгъ и въ наукахъ непрестанно упражняющійся говорилъ, что *saltem* кажется ему названо съ выпущеніемъ въ срединѣ буквы *u*. Ибо прежде говорено было *salutem*, что мы называемъ нынѣ *saltem*. Понеже когда мы чего нибудь другаго прося не получаемъ; то обыкновенно, говоритъ, какбы въ намѣреніи просить чего нибудь послѣдняго, въ чемъ отказать не должно, говоримъ; *hoc saltem fieri aut dari oportere*: tanquam salutem postremo petentes, quam impetrari certe et obtineri sit aequissimum. Но и сіе не безъ пріятности правда сдѣлано, однако слишкомъ кажется похоже на вымыселъ. Для того разсудили мы обстоятельнѣе о семъ изслѣдовать.

ГЛАВА 15.

О томъ, что Сисенна въ книгахъ повѣстей часто употреблялъ такопыя нарѣчія, каковы суть celatim, vellicatim, saltuatim.

Съ прилѣжаніемъ читая мы повѣсть Сисеннину, примѣтили въ слогѣ его таковыя нарѣчія, каковы суть, „cursim, properatim, celatim, vellicatim, saltuatim. Изъ которыхъ первыя два, яко извѣстнѣйшія, не требовали примѣровъ. А прочія въ шестой книгѣ повѣстей написаны такъ: „Quam „maxime celatim poterat, in insidiis suos disponit.

Также

Также на другомъ мѣстѣ: „ Nos una aeſtate „ in Aſia et Graecia geſta literis idcirco continentia „ mandauimus, ne vellicatim aut ſaltuatim ſcribendo „ lectorum animos impediremus.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА 1.

Любопытнѣйшее разсмотреніе слѣдующихъ М. Туллія словъ, въ первой рѣчи на Антонія положенныхъ: Multa autem impendere videntur praeter naturam etiam praeterque fatum: *и разсужденіе вышшее о томъ, одно ли значатъ два сіи слова,* fatum *и* natura, *или различное.*

М. Цицеронъ въ первой рѣчи на Антонія написалъ такъ: „ Hunc igitur ut ſequerer „ rer properaui, quem praeſentes non ſunt ſequuti: „ non ut proficerem aliquid; neque enim ſperabam id, „ nec praeſtare poteram: ſed ut ſi quid mihi humanitus „ accidiſſet [multa autem impendere videntur praeter „ naturam etiam praeterque fatum] huius diei vocem „ teſtem reipublicae relinquerem meae perpetuae erga ſe „ voluntatis. Praeter naturam, говоритъ, praeterque fatum. (1) Обоимъ ли симъ словамъ, fatum и natura, разсудилъ онъ дать одну силу и двѣ

(1) *Обоимъ ли симъ словамъ, fatum и natura разсудилъ онъ дать одну силу*] Такъ Адріанъ Турнебъ въ 13 книгѣ

двѣ вещи положилъ въ одномъ подлежащемъ, или (2) различилъ и раздѣлилъ, такъ что иные случаи причинствовать кажется нату-
ра,

кѣ дневныхъ записокъ гл. 9. думаетъ, что именемъ судьбы и естества ничего различнаго не означается, но изъявляется одно и тоже; и что смерть естественная, есть смерть по судьбѣ или роковая, когда кто изживъ вѣкъ умираетъ въ глубокой старости: а безвременная смерть причиняемая оружіемъ, не почитается ни роковою, ни естественною. А сіе можно видѣть изъ Цицероновой рѣчи за Целіа, въ которой находятся слѣдующія слова: *Не желайте, судіи, сему, уже по самому естеству жизнь окончавающему, скорѣе умереть отъ удара нами причиненнаго, нежели по естественной своей судьбѣ.* Здѣсь явно естественной и роковой смерти противополагается смерть ударомъ или чрезъ казнь причиненная. Такъ и Александръ Афродисійскій не только явно признается, но и во весь голосъ кричитъ, что рокъ и естество есть одно и тоже. Слова его слѣдующія: *Судьба не что другое есть, какъ собственное каждаго человѣка естество.* И потомъ: *ибо тоже есть судьба, что и естество:* также въ Каллисѳенѣ: *Весьма явно Ѳеофрастъ показываетъ, что судьба по всемъ подобна естеству.*

(2) *Различилъ и раздѣлилъ*] Какъ и въ самомъ дѣлѣ раздѣлить должно; потому что нѣкоторыхъ вольностію въ словахъ не теряется свойство вещей. Естество положило однажды, чтобы ничему не быть вѣчному, и потому такъ и поступаетъ, что все къ совершенному концу пришедшее разрушаетъ и истребляетъ; по сему сія смерть есть собственная старикамъ. Но часто судьба предваряетъ или и разоряетъ законы естества. Ибо судьба описывается такъ, что она иногда изъ зависти похищаетъ людей въ младенчествѣ и въ юношествѣ; иногда слишкомъ благотворительствуя снова дѣлаетъ молодыми тѣхъ, которымъ по праву и закону естества надлежало умереть. По таковой судьбѣ умеръ Мелеагръ.

га, иные fatum, о томъ я намѣренъ разсуждить, и то наипаче изслѣдовать, въ какомъ разумѣ онъ сказалъ accidere multa humanitus posse praeter fatum: когда такъ опредѣніе и порядокъ и неизбѣжимая нѣкоторая необходимость судьбы или рока полагается, что все року приписывать должно, естьли только онъ не послѣдовалъ въ семъ случаѣ оному Омирову изреченію;

Μὴ καὶ ὑπὲρ μοῖραν δόμον Ἄϊδος εἰσαφίκηαι.

то есть.

И кромѣ рока чтобъ не пнити въ домъ Плутоновъ.

Ни мало же несумнительно, что онъ чрезъ сіе означилъ насильственную и незапную смерть, которая и по справедливости можетъ казаться (3) случающеюся praeter naturam. Но для чего онъ таковую смерть

Д 4 (4) по-

(3) *Случающеюся praeter naturam*] Всякая насильственная смерть случается praeter naturam praeterque fatum; которой родъ смерти младшій Плиній въ 1. книгѣ писемъ называетъ весьма плачевнымъ. По сему Аристотель полагаетъ два рода смерти: *Смерть*, говоритъ онъ, *есть или насильственная, или естественная. Насильственная смерть та, которая выпаетъ по началу или причинѣ постороннѣй; а естественная смерть та, которая выпаетъ по причинѣ внутреннѣй.* И такъ смерть насильственная и сверьхестественная есть, которая или отъ болѣзни или отъ удара приключается; а естественная, когда кто состарѣвшись умираетъ. Платонъ въ Тимеѣ: *Смерть отъ болѣзни и отъ повой случающаяся тяжка и насильственна, а на старости при концѣ жизни по самому естеству выпадающая есть самая легкая.*

(4) положилЪ extra fatum, о томЪ изслѣдывать ни настоящее сіе дѣло, ни время не позволяетЪ. Однако того опустить не должно, что и Виргилій одного сЪ ЦицерономЪ о рокѣ былЪ мнѣнія, когда вЪ четвертой книгѣ слѣдующее сказалЪ обЪ Елиссѣ насильственною смертію умершей;

Nam quia nec fato, merita nec morte peribat.

ТакЪ какбы вЪ скончаніи жизни насильствіе не зависѣло отЪ рока. А кажется, что М. ЦицеронЪ послѣдовалЪ, вЪ томже почти смыслѣ сказаннымЪ о естествѣ и рокѣ, словамЪ Димосѳена, мужа благоразуміемЪ и краснорѣчіемЪ одареннаго. Ибо такЪ написано вЪ изрядной оной рѣчи, которой заглавіе (5) ὑπὲρ Στεφάνε. Ὁ μὲν τοῖς γονεῦσι μόνον

(4) *ПоложилЪ и extra fatum*] Extra uel praeter fatum, какЪ выше объявлено, умирать называется тотЪ, кто окончалЪ жизнь по насильственной и посторонней причинѣ, По сему Петроній одной Ефесской госпожи служанку, которая, по видимому, умирала сЪ голоду и сЪ печали, представляетЪ сЪ самой собою говорящую слѣдующее: *Что тебѣ будетЪ изЪ того пользы, естьли ты умрешЪ сЪ голоду? естьли схоронишЪ себя живую, естьли прежде опредѣленнаго судьбою времени испустишЪ дыханіе?* НапротивЪ по судьбѣ своей умираетЪ тотЪ, кто умретЪ по внутренней а не по посторонней причинѣ.

(5) Ὑπὲρ Στεφάνε] т, е. О вѣнцѣ отнятомЪ у него КтесифономЪ. Сію Димосѳенову честь ЕсхинЪ прекрасными рѣчьми предвосхитить покушался, но безуспѣшно. Ибо наконецЪ, будучи побѣжденЪ непобѣдимымЪ ДимосѳеновымЪ краснорѣчіемЪ и партіею, уѣхалЪ на житье вЪ Родосъ.

μόνον γεγεννῆσθαι νομίζων, τὸν τῆς εἱμαρμένης καὶ τὸν αὐτόματον θάνατον περιμένει. ὁ δὲ καὶ τῇ πατρίδι, ὑπὲρ τοῦ μὴ ταύτην ἐπιδεῖν δουλεύουσαν, ἀποθνήσκειν βουλεύσεται. т. е. *Кто думаетъ о себѣ, что онъ родился только для родителей, тотъ рокопой и естестпенно приходящей ожидаетъ смерти; а кто почитаетъ себя родипшимся и для отечестпа, тотъ захочетъ умереть для того, чтобы не пидѣть онаго порабощеннымъ.* Что по видимому назвалъ Цицеронъ fatum atque naturam, то гораздо прежде Димосѳенъ назвалъ τὴν πεπρωμένην καὶ τὸν αὐτόματος θάνατος, какбы естественная и роковая, безъ всякаго внѣшняго насилія приходитъ.

ГЛАВА 2.

О дружескомъ разгопорѣ стихотпорцепъ Пакупіа и Акціа, выпшемъ пъ городѣ Тарентѣ.

Имѣвшіе досугъ и охоту отъискивать и предавать памяти житія и лѣта ученыхъ людей, о М. Пакувіи и Л. Акціи трагическихъ стихотворцахъ написали повѣсть таковую. Когда Пакувій, говорятъ, старостію уже и долговременною болѣзнію изнуренный, изъ Рима уѣхалъ въ Тарентъ: то Акцій, ни мало лѣтами его не младшій, ѣдучи въ Азію и пріѣхавъ въ Тарентъ, зашелъ къ Пакувію, отъ котораго будучи ласково принятъ, и на не малое число дней удержанъ, по желанію его прочиталъ ему траге-

гедію свою, называемую *Atreus*. Тогда Пакувій, говорятъ, сказалъ, что написанное есть громко и важно: но однако нѣсколько ему кажется грубо и непріятно. Самая правда, сказалъ Акцій. Да я о семъ и не жалѣю: понеже надѣюсь, что будущія мои сочиненія будутъ лучше. Ибо говорятъ, что свойство умовъ подобно свойству древесныхъ плодовъ, которые родятся грубы и горьки, а послѣ дѣлаются нѣжны и пріятны: но раждающіеся вскорѣ веселыми и нѣжными, и съ самаго начала бывающіе сочными скоро согниваютъ, а не созрѣваютъ. Для сего разсудилъ я въ разумѣ нѣчто оставить такое, что умягчатъ дни и лѣта.

ГЛАВА 3.

Различное ли означеніе имѣютъ сіи слова, necessitudo и necessitas.

Смѣха истинно достойное дѣло, когда многіе грамматики утверждаютъ, что слова *necessitudo* и *necessitas* весьма между собою несходны и различны: понеже *necessitas* есть нѣкоторая гнѣтущая и принуждающая сила; а *necessitudo* называется нѣкоторое право и священный союзъ родства, и значитъ сіе только одно. А какъ нѣтъ ни малаго различія, *suauitudo* ли скажешь или *suauitas*, *sanctitudo* или *sanctitas*, *acerbitudo* или *acerbitas*, *acritudo* или, какъ написалъ Акцій in Neoptolemo,

acritas

ecritas: такъ никакой причины сказать не можно, почему бы различались *necessitudo* и *necessitas*. И такимъ образомъ въ книгахъ древнихъ вообще найдешь, что *necessitas* говорится вмѣсто necessum est. Но *necessitas* за право и обязательство родства и почтенія рѣдко найти можно; хотя симъ самымъ правомъ родства и дружества связанные называются necessarii. Однако въ рѣчи К. Цесаря, которою онъ совѣтовалъ принять Плавтовъ законъ, нашелъ я, что *necessitas* сказано вмѣсто *necessitudo*, то есть, право родства. Слова суть слѣдующія: „Equidem mihi „videor pro nostra necessitate non labore, non opera, „non industria defuisse. Сіе написалъ я о неразнствіи того и другаго слова: случай же написать подало сіе самое слово попавшееся мнѣ, когда читалъ я Семпроніа Аселліона древняго писателя четвертую книгу повѣсти, въ которой о П. Африканѣ Павловомъ сынѣ написано такъ: „Nam se patrem „suum audisse dicere L. Æmilium Paulum, nimis „bonum imperatorem signis collatis non decertare, „nisi summa necessitudo aut summa ei occasio data „esset.

ГЛАВА

ГЛАВА 4.

Олимпіады Александровой матери ласково и резумно написанный отвѣтъ къ сыну своему Александру.

Во многихъ памятописцахъ дѣлъ Александромъ учиненныхъ, и въ книгѣ М. Варрона, называемой *Orestes uel de insania*, не за долго предъ симъ читали мы, что Олимпіада жена Филиппова съ великою пріятностію словъ отписала къ сыну своему Александру. Ибо когда онъ написалъ къ матери такъ: *Цярь Александръ сынъ Юпитера Аммона матери Олимпіадѣ желаетъ здравія:* то Олимпіада написала ему отвѣтъ слѣдующаго содержанія: *Любезное чадо, успокойся: не обноси и не вини меня предъ Юноною. Она превеликое мнѣ сдѣлаетъ зло, когда ты въ письмѣ своемъ признаешь меня ея совмѣстницею.* Сія смыслящей и разумной женщины къ высокомѣрному своему сыну ласковость нѣкоторое, по видимому, сдѣлала краткое напоминаніе, что надобно отложить ему суемысліе, которымъ онъ чрезъ великія побѣды, ласкательства обожателей и невѣроятное щастіе напоенъ сдѣлался, что онъ рожденъ отъ Юпитера.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

Объ Аристотелѣ, Θеофрастѣ и Менедемѣ философахъ: и объ изящной скромности Аристотеля, преемника училища своего избирающаго.

Аристотель философъ, будучи уже почти шестидесяти двухъ лѣтъ отъ рожденія, одержимъ былъ тѣлесною болѣзнію, и мало оставалось надежды о продолженіи его живни. Тогда весь сонмъ его послѣдователей къ нему приходитъ, прося и моля чтобы самъ онъ избралъ мѣста и учительства своего преемника; которымъ бы они, по смерти его равно, какъ имъ самимъ, могли пользоваться въ докончаніи и довершеніи ученія, которымъ отъ него напоены были. Было тогда въ его училищѣ много хорошихъ учениковъ, но лучшіе двое, Θеофрастъ и (1) Менедемъ. Сіи разумомъ и ученіемъ прочихъ

(1) *Менедемъ*] Конечно въ семъ мѣстѣ надобно читать *Евдемъ*; какъ уже отъ ученнѣйшихъ мужей показано. Ибо о Менедемѣ Перипатетикѣ никакой почти писатель нигдѣ не упоминаетъ; а объ Евдемѣ весьма много и съ великою похвалою различные упоминаютъ писатели; и всегда Александръ и другіе лучшіе толкователи хвалятъ и приводятъ Θеофраста и Евдема, какъ Аристотелевыхъ товарищей, и одного съ нимъ бывшихъ мнѣнія. Отъ сего Евдема получила свое наименованіе Евдемова Иоика, называемая просто Аристотелевою, которую либо онъ самъ сочинилъ, либо посвятилъ ему Аристотель: однако первое изъ сихъ кажется Іонсію вѣроятнѣе, у котораго пространнѣе о его сочиненіяхъ написано въ I. кн. *о писат. Филос. Истор.* гл. 15.

чихъ превосходили; первый былъ изъ острова Лесба, а Менедемъ изъ Родоса. Аристотель отвѣтствовалъ, что онъ по ихъ желанію сдѣлаетъ, когда время допуститъ. Вскорѣ потомъ, когда тѣже самые, о избраніи учителя просившіе, у него были, сказалъ: что вино, которое онъ тогда пилъ, для него не здорово; и для того надобно сыскать какого нибудь привознаго или Родосскаго или Лезбскаго. Просилъ, чтобы они постарались промыслить и того и другаго; и сказавъ что онъ будетъ употреблять то, которое для него полезнѣе. Идутъ они, стараются, находятъ, приносятъ. Тогда Аристотель попросилъ Родосскаго, и отвѣдавъ сказалъ: Вино подлинно крѣпко и пріятно. Вскорѣ потомъ попросилъ Лезбскаго, и также отвѣдавъ сказалъ: Очень хорошо и то и другое, но Лезбское пріятнѣе. Какъ онъ сіе выговорилъ, то никто не сумнѣвался, что онъ сими пріятными и скромными словами избралъ себѣ не вино, но преемника, который былъ Ѳеофрастъ Лезбянинъ, человѣкъ житіемъ и пріятностію слова знаменитый. И такъ не много спустя, по кончинѣ Аристотелевой, всѣ пошли къ Ѳеофрасту.

ГЛАВА

ГЛАВА 6.

Какъ древніе Латины называли именуемыя отъ Грековъ просодіи; также что ни древніе Римлянѣ, ни Афинянѣ не употребляли слова barbarismus.

Именуемыя отъ Грековъ *просодіи* древніе ученые называли то notas uocum, то moderamenta, то accentiuſculas, то uoculationes. А что мы нынѣ говоримъ barbare quem loqui, то порокъ рѣчи non barbarum eſt, ſed ruſticum, и съ симъ порокомъ говорящіе назывались ruſtice loquentes. П. Нигидій въ Грамматическихъ запискахъ говоритъ, ruſticus fit ſermo, ſi adſpires perperam. По сему оное слово, которое называется просто barbariſmus, употребляли ли чисто и исправно до временъ Августовыхъ говорившіе, того я не нашелъ.

ГЛАВА 7.

Различіе о свойствѣ львовъ объявляютъ Омиръ въ стихахъ, и Иродотъ въ повѣстяхъ.

Иродотъ въ третіей книгѣ повѣстій написалъ, что львицы во всю свою жизнь родятъ однажды, и въ сіи одни роды не родятъ больше одного. Слова изъ оной книги слѣдующія: ἡ δὲ δὴ λέαινα, ἐὸν ἰσχυρότατον καὶ θρασύτατον, ἅπαξ ἐν τῷ βίῳ τίκτει ἕν· τίκτουσα γὰρ συνεκβάλλει τῷ τέκνῳ τὰς μήτρας. т. е. *Львица самое сильное и смѣлое животное, однажды въ жизнь раждаетъ одного. Ибо раждая вмѣстѣ съ плодомъ извергаетъ матку.* А

Омиръ

Омиръ говоритъ, что львы [ибо онъ и львицъ называетъ мужескимъ родомъ, что у грамматиковъ называется *ἐπίκοινον безъ разбору*] многажды родятъ и воспитываютъ своихъ щенковъ. Стихи, которыми онъ явственно сіе доказываетъ, суть слѣдующіе:

Εἱςήκει ὥς τῷ τε λέων περὶ οἷσι τέκεσσιν,
Ὧι ῥά τε νήπι᾽ ἄγοντι συναντήσονται ἐν ὕλῃ
Ἄνδρες ἐπακτῆρες.

то есть.

Онъ яко нѣкій левъ покругъ своихъ сталъ скимновъ,
Когда его въ лѣсу ведуща скимновъ срѣтятъ
Ловцы.

Также на другомъ мѣстѣ тоже означаетъ.

Πυκνὰ μάλα ςενάχων. (1) ὥςε λὶς ἠΰγενειος
Ὧι ῥά θ᾽ ὑπὸ σκύμνυς ἐλαφηβόλος ἁρπάσει ἀνὴρ
Ὕλης ἐκ πυκινῆς.

то есть.

Какъ благобрадый левъ, у коего щенковъ
изъ густоты лѣсной похитилъ звѣроловецъ.

Сія несогласіе и разномысліе славнѣйшаго стихотворца и знаменитѣйшаго повѣстеписателя побудило насъ справиться съ книгами философа Аристотеля, (2) которыя онъ о животныхъ весьма старательно сочинилъ: и что во оныхъ книгахъ о семъ нашли

(1) Первое полустишіе въ переводѣ опущено; поелику надлежитъ къ предъидущему стиху Омирову, саможе по себѣ полнаго смысла не составляетъ.

(2) *Которыя онъ о животныхъ весьма старательно сочинилъ*] Съ какимъ прилѣжаніемъ онъ Аристотель со-

шли мы написанное, то съ самыми Аристотелевыми словами напишемъ въ сихъ запискахъ. Аристотелевы слова изъ шестой книги о *Исторіи Животныхъ* суть слѣдующія: Λέων δ᾽ ὅτι μὲν ὀχεύει ὄπισθεν, καὶ ἔστιν ὀπισθουρητικὸν, εἴρηται πρότερον· ὀχεύει δὲ καὶ τίκτει οὐ πᾶσαν ὥραν, καθ᾽ ἕκαστον μὲν τοι τὸν ἐνιαυτόν. Τίκτει μὲν οὖν τοῦ ἔαρος. Τίκτει δὲ ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ δύο. τὰ μὲν τοι πλεῖστα ἕξ. Τίκτει δ᾽ ἐνίοτε καὶ ἕν. Ὁ δὲ λεχθεὶς μῦθος περὶ τοῦ ἐκβάλλειν τὰς ὑστέρας τίκτοντα, ληρώδης ἐστί· συνετέθη δὲ ἐκ τοῦ σπανίους εἶναι τοὺς λέοντας ἀπο-

сочинены сіи книги о животныхъ, о томъ Плиній въ кн. 8. гл. 16 пишетъ такъ: *Когда царю Александру Великому весьма захотѣлось узнать свойства животныхъ; то онъ, поручивъ сіе испытанію Аристотеля, мужа во всѣхъ наукахъ превосходнаго, отдалъ ему въ послушаніе всѣхъ, которыхъ было нѣсколько тысячь человѣкъ, по всей Азіи и Греціи промышляющихъ звѣриною, птичьею и рыбною ловлею, и имѣющихъ звѣринцы, скотскія стада, пчельники, рыбные садки и птичники, дабы ничто и нигдѣ отъ него не было скрыто. Онъ всѣхъ сихъ выспрашивая сочинилъ почти пятьдесять славныхъ превврядныхъ книгъ о Животныхъ.* Гдѣ потомъ Плиній взявъ у Аристотеля изъ кн. 6. гл. 31. *Истор. о Живот.* прилагаетъ о естествѣ львовъ и львицъ. А что здѣсь Аристотель повѣствуетъ о львацахъ въ Сиріи находящихся, то въ кн. 6. *о Рож. Животн.* гл. 21. говоритъ и о всѣхъ. Пишетъ же о семъ Плиній послѣдуя Аристотелю *Истор. Натур.* кн. 8. въ гл. 16. какъ и Эліанъ кн. 4. *о Живот.* въ кн. 34. Не иначе пишетъ о семъ и Оппіанъ въ началѣ 5. кн. *о Звѣриной ловлѣ*, и Филостратъ кн. 1. о *Жизни Аполлонія* въ гл. 16. Кромѣ тѣхъ, которые нарочно писали о животныхъ, многое о естествѣ львовъ объявляетъ и Воссій въ 3. о *Идолопокл.* гл. 51. и 53.

ρȣ̃ντος τὴν αἰτίαν τȣ̃ τὸν μῦθον συνθέντος. σπάνιον γὰρ τὸ γένος τῶν λεόντων ἐςὶ, ϗ ȣ̓κ ἐν πολλῷ γίγνεται τόπῳ. ἀλλὰ τȣ̃ Εὐρώπης ἁπάσης ἐν τῷ μεταξὺ τȣ̃ Ἀχελώȣ ϗ τȣ̃ Νέσσȣ ποταμȣ̃. Τίκτει δὲ ὁ λέων πάνυ μικρὰ, ȣ̃τως ὥς τε δίμηνα ὄντα μόλις βαδίζειν. Οἱ δ᾽ ἐν Συρίᾳ λέοντες τίκτȣσι πεντάκις, τὸ πρῶτον πέντε, εἶτα ἀεὶ ἑνὶ ἐλάττονα· μετὰ δὲ ταῦτα ȣ̓κ ἔτι ȣ̓δὲν τίκτȣσιν, ἀλλ᾽ ἄγονοι, διατελȣ̃σιν. ȣ̓κ ἔχει δὲ ἡ λέαινα χαίτην, ἀλλ᾽ ὁ ἄῤῥην λέων. βάλλει δὲ ὁ λέων τȣ̀ς κυνόδοντας καλȣμένȣς τέτταρας μόνȣς, δύο μὲν ἄνωθεν, δύο δὲ κάτωθεν· βάλλει δὲ ἑξάμηνος ὢν τὴν ἡλικίαν. т. е. Сказано уже, что левъ оборотясь назадъ имѣетъ соитіе и назадъ мочится. Соитіе же имѣетъ и раждаетъ онъ не во всякое время, однако ежегодно: а раждаетъ весною. Родитъ по большой части по два, а уже много шестерыхъ, иногда же и одного. Но разказываемая баснь, что львица раждая выбрасываетъ матку, есть глупая; и взята отъ того, что сіе животное рѣдко, а вымысливші и баснь не зналъ причины сея рѣдкости. Ибо львы рѣдки и въ рѣдкихъ мѣстахъ родятся, и по всей Европѣ только между рѣками Ахелоемъ и Нессомъ. Раждаетъ же львица весьма малыхъ, такъ что чрезъ два мѣсяца едва они ходить могутъ. Въ Сиріи львицы родятъ пятькратъ: сперва пятерыхъ, потомъ однимъ менше, а наконецъ не раждаютъ ни одного, но живутъ изродившимися. Львица гривы не имѣетъ, а только одинъ левъ. У льва въ шестый мѣсяцъ отъ роду выпадываютъ только четыре зуба, называемые песьими, два верхніе, и два нижніе.

ГЛА-

ГЛАВА 8.

О томъ, что Афраній стихотворецъ благоразумно и красноречиво назвалъ мудрость дщерію употребленія и памяти.

Изрядно и весьма справедливо Афраній стихотворецъ думалъ о пріобрѣтеніи мудрости, когда назвалъ ея дщерію употребленія и памяти. Ибо онъ чрезъ сіе изъявляетъ, что, кто хощетъ быть мудръ въ дѣлахъ человѣческихъ, тому ни книги одни, ниже ученіе риторическое и діалектическое потребны: но надлежитъ ему обращаться и упражняться въ познаніи и испытаніи общихъ дѣлъ, и всѣ оныя дѣянія и произшествія твердо помнить; и для того мыслить и разсуждать потому, что доказалъ самый вещей опытъ, а не что книги только или учители чрезъ нѣкоторыя суесловія и пустыя воображенія, какбы въ шуточномъ представленіи или сновидѣніи внушали. Афраніевы стихи въ комедіи называемой *Sella* суть слѣдующіе:

Употребленіе мой отецъ и мать моя Память.
Римлянѣ мя зовутъ Sapientia, Греки Σοφία.

Есть также тогоже почти содержанія Пакувіевъ стихъ, о которомъ философъ Мацедонъ, мужъ честный и мой пріятель думалъ, что надобно его написать на дверяхъ всѣхъ храмовъ:

 (1) [illegible]

(1) *Я философствующихъ ненавижу людей праздно-любцевъ.*

Ибо говорилъ онъ, что ничего не можетъ быть досаднѣе и несноснѣе, какъ когда люди лѣнивые и празднолюбивые, покрывшись бородою и епанчею, нравоучение и пользу философіи обращаютъ въ краснорѣчіе; и, будучи сами внутри напоены пороками, съ великимъ витійствомъ пороки осуждаютъ.

ГЛАВА 9.

Что Туллій Тиронъ написалъ въ запискахъ о именахъ звѣздъ suculae et Hyades.

Туллій Тиронъ М. Цицерона питомецъ и отпущенникъ, и въ наукахъ былъ его помощникъ. Онъ сочинилъ многія книги о употребленіи и свойствѣ Латинскаго языка, также о разныхъ и безразборныхъ вопросахъ. Изъ сихъ книгъ отмѣнны кажутся тѣ, которыя онъ Греческимъ словомъ назвалъ πανδέκται, какбы всякій родъ вещей и наукъ содержащими. Въ нихъ о звѣздахъ называемыхъ suculae написано слѣдующее:

---

(1) *Я философствующихъ ненавижу*] Такъ Александръ В. Каллисеена философа, Аристотелева племянника, за то, что онъ не хотѣлъ ему молиться и божеской воздать чести, приказалъ посадить въ клѣтку, и повсюду возя показывать, а наконецъ умертвить, говоря притомъ: μισῶ σοφιστὴν ὅστις οὐχ αὑτῷ σοφός. т. е. *Я ненавижу мудреца, который не мудръ самъ для себя.*

ющее: *Столько древніе Римлянѣ не знающи и неискусны были въ Греческомъ языкѣ, что звѣзды, находящіяся на головѣ тельца, назвали для того suculas, что Греки называютъ ихъ ὑάδας; каковы оное Латинское слово есть истолкованіемъ слова Греческаго: понеже что по Гречески ὗες, то по Латински называется sues. Но ὑάδες, говоритъ, не отъ слова ὑῶν, такъ какъ думали наши невѣжды, но отъ ὕειν называются. Ибо они и восходя и заходя производятъ непогоды, малые и большіе дожди. А дождитъ на Греческомъ языкѣ называется ὕειν.* Хотя такъ о семъ и написалъ Тиронъ въ Пандектахъ; но однако древніе наши не столько были глупы и несмысленны, чтобы звѣзды Гіады назвали suculas для того, что ὗες по Латински sues: но, какъ, что Греки называютъ ὑπὲρ, то мы super; что они ὕπτιος, то мы *supinus*; что они ὑφορβὸς, то мы *subulcus*; что также они ὕπνος, то мы сперва *sypnus*, потомъ, по сродству Греческой и Латинской буквы y, *somnus*: такъ названныя отъ нихъ ὑάδες, сперва отъ насъ *syades*, а потомъ названы *suculae*. Звѣзды же сіи находятся не на головѣ тельца, какъ говоритъ Тиронъ [ибо кромѣ оныхъ звѣздъ не видно никакой головы тельчей]; но они на кругѣ, называемомъ Зодіакъ, такъ разположены, что изъ разположенія ихъ усматривается нѣкоторый видъ и изображеніе головы тельчей: какъ прочія части и остальный

льный остовъ тельца изображенъ и какбы оживописанъ мѣстами и сторонами звѣздъ, называемыхъ отъ Грековъ πλειάδες, а отъ Римлянъ *vergiliae.*

ГЛАВА 10.

Какое Лабеонъ Антистій положилъ произведеніе слова soror, *и какое П. Нигидій слова* frater.

Лабеонъ Антистій хотя главное имѣлъ упражненіе во обученіи гражданскому праву, и вопрошающимъ о законахъ общенародно давалъ отвѣты; однако и въ другихъ честныхъ наукахъ былъ не незнающь. Онъ углубляяся въ грамматику и діалектику и въ древнія вышшія науки; притомъ весьма хорошо зналъ свойство и произведеніе Латинскихъ словъ: и сіе наипаче знаніе употреблялъ онъ для развязанія многихъ узловъ въ законахъ. Находятся и книги, по смерти его изданныя подъ заглавіемъ *posteriores*, изъ которыхъ книгъ три одна съ другою связанныя, тритцать осмая, тритцать девятая и сороковая наполнены таковыми вещьми, ко изтолкованію и изъясненію Латинскаго языка способствующими. Сверхъ сего въ книгахъ, которыя онъ написалъ на указъ Претора, многое положилъ отчасти забавное и остроумное: какъ и слѣдующее въ четвертой книгѣ на указъ написанное, *Soror*, говоритъ онъ, „ appellata

„ est,

„ est, quod quasi seorsum nascitur, separaturque ab „ ea domo, in qua nata est, et in aliam familiam „ transgreditur. А слово frater П. Нигидій, человѣкъ весьма ученый, не менше тонкимъ и остроумнымъ произведеніемъ изъясняетъ: *Frater*, говоритъ онъ, *est dictus quasi fere alter.*

ГЛАВА II.

Какое число гостей М. Варронъ почиталъ пристойнымъ и доползнымъ: и о закускахъ.

Въ сатирахъ Мениповыхъ есть весьма веселая книга М. Варрона подъ заглавіемъ, *Nescis. Quid. Vesper. Serus. Vehat*, въ которой онъ разсуждаетъ о пристойномъ числѣ гостей, и о качествѣ и пріуготовливаніи самаго пира. Говоритъ же, что число гостей должно начинаться отъ числа Грацій, и простираться до числа Музъ; то есть, начинаться отъ троихъ, и кончиться на девятерыхъ: такъ что, когда весьма мало гостей, то не менше должно быть какъ троимъ; а когда весьма много, то не больше какъ девятерымъ. *Изо многимъ*, говоритъ, *быть непристойно, понеже по многолюдствѣ по большей части выпаетъ замѣшательство и безпорядокъ* ** *и не только въ Римѣ число гостей состоитъ изъ троихъ, но и въ Аѳинахъ, такъ то и Анитъ позлежитъ третій. Самый притомъ пиръ состоитъ изъ четырехъ вещей: естьли гости собраны люди добрые, естьли избранно*

мѣсто, естьли благопристойно время; естьли нехудо пріуготовленіе; и тогда пиръ во всемъ бываетъ совершенъ. А что, говоритъ, *касается до гостей, то надобно оныхъ собирать ни говорливыхъ, ни безмолвныхъ; понеже краснорѣчіе должно быть на судебной площади и въ судилищахъ, а молчаніе не на пирѣ, но въ спальнѣ.* И такъ почитаетъ онъ, что разговоры въ то время должно имѣть о дѣлахъ не скучныхъ и затруднительныхъ, но пріятные, привлекательные и при нѣкоторой заманчивости и увеселеніи полезные; чрезъ которые бы нашъ разумъ дѣлался пріятнѣе и веселѣе. *А сіе,* говоритъ, *конечно сдѣлается, естьли мы о такихъ до общежительства касающихся вещахъ разговаривать будемъ, о которыхъ на судебной площади и при отправленіи дѣлъ говорить не можно. Хозяину же,* говоритъ, *угощающему не столько должно быть великолѣпну, сколько не скупу.* (1) *И всего на пирѣ читать не должно, но наипаче то, что*

и

---

(1) *И всего на пирѣ читать не должно*] Ибо въ обыкновеніи было во время стола читать что нибудь или изъ стихотворца или изъ историка. Не одинъ на сіе примѣръ имѣемъ въ нашемъ писателѣ, какъ въ кн. 2. гл. 22. кн. 3. гл. 19. и кн. 19. гл. 7. Корнелій Непотъ о Помноніи Аттикѣ въ его жизни: *У него во время кушанья ничего другаго неслышно было кромѣ чтенія книгъ, что я почитаю за весьма пріятное. Ужина у него никогда не бывала безъ чтенія книгъ.* Такъ и младшій Плиній пишетъ о своемъ дядѣ кн. 3. писм. 5. и о себѣ самомъ кн. 9. писм. 36.

и для жизни полезно и увеселительно. Даетъ притомъ онъ правила и о томъ, какимъ закускамъ быть должно. Ибо говоритъ такъ: „Bellaria ea maxime ſunt mellita, quae mel„lita non ſunt. *πέμμασιν* enim cum *πέψει* ſocietas „infida. т. е. *Закуски тѣ наипаче хороши, которыя въ меду не варены. Ибо вареныя въ меду закуски не здоровы для желудка.* А дабы кто не усумнился о сказанномъ здѣсь отъ Варрона словѣ *bellaria*; то извѣстно да будетъ, что сіе слово значитъ всякаго рода закуску. Ибо что Греки называли *πέμματα* или *τραγήματα*; то древніе Латины называли bellaria. Можно найти въ древнихъ комедіяхъ и сладкія вина симъ именемъ названныя; и наименованы оныя Liberi bellaria *Бахусовы закуски.*

ГЛАВА 12.

О томъ, что народные Трибуны брать подъ стражу право имѣли, а звать къ себѣ на судъ власти не имѣли.

Читали мы въ нѣкоторомъ письмѣ Атея Капитона, что Лабеонъ Антистій весьма хорошо зналъ законы и обыкновенія Римскаго народа, и очень искусенъ былъ въ правѣ гражданскомъ. *Но слишкомъ, говоритъ, былъ онъ привязанъ къ нѣкоторой глупой вольности, даже до того, что въ государствованіе уже Августово, никакихъ законовъ не почиталъ твердыми и дѣйстви-*

тельными, которыхъ не читалъ онъ въ Римскихъ древностяхъ. И наконецъ объявляетъ, что тотже Лабеонъ отъ народнаго Трибуна позванный чрезъ разсыльщиковъ отвѣтствовалъ. *Когда,* говоритъ, *по прозьбѣ на него нѣкоторой женщины, народные Трибуны послали Геллiана по него съ тѣмъ, чтобы онъ пришелъ и женщинѣ отвѣтствовалъ: то онъ приказалъ посланному возвратившись назадъ сказать Трибунамъ, что они не имѣютъ права звать ни его, ни кого нибудь другаго. Понеже по обычаю предковъ народные Трибуны брать подъ стражу власть имѣютъ, а звать къ себѣ на судъ права не имѣютъ. И такъ могутъ они притти и приказать взять его подъ стражу: но несамолично звать на судъ права не имѣютъ.* Сiе читали мы въ письмѣ Капитоновомъ, а послѣ тоже самое яснѣе написанное нашли въ дваццать первой М. Баррона книгѣ *о Вещахъ Человѣческихъ,* и самыя о семъ Варроновы слова при семъ приложили: *Въ правительствѣ,* говоритъ онъ, *иные имѣютъ право звать къ себѣ на судъ, иные брать подъ стражу, а иные ни того ни другаго. Звать на судъ: какъ Консулы и другiе повелители. Брать подъ стражу: какъ народные Трибуны и другiе имѣющiе разсыльщика. Ни звать на судъ, ни брать подъ стражу: какъ Квесторы и другiе не имѣющiе ни пристава, ни разсыльщика. Имѣющiе право звать на судъ могутъ брать*

подъ

подъ стражу, задерживать и сажать въ тюрьму, и все сіе дѣлать, хотя званные находятся самолично, хотя призвать ихъ прикажутъ. Народные Трибуны ни малой не имѣютъ власти звать на судъ. Однако многіе по невѣденію оную употребляли, равно какбы законно оную имѣли. Ибо нѣкоторые не только человѣка частнаго, но и Консула звать на судъ приказывали. Я, будучи Тріумвиромъ, позванъ въ судъ отъ Порціа народнаго Трибуна, по примѣру предшественниковъ, не пошелъ, и удержалъ древнее право. Также будучи Трибуномъ ни кого звать, и званному отъ товарища по неволѣ повиноваться не приказывалъ. Я думаю, что Лабеонъ будучи человѣкъ частный, по суетной надеждѣ на объявляемое М. Варрономъ право, позванный отъ Трибуновъ не пошелъ. Какая же бы была причина не хотѣть послушаться звавшихъ тѣхъ, которые, по твоему самому признанію, имѣютъ право брать подъ стражу? Ибо кого по законамъ можно взять подъ стражу, того можно посадить и въ тюрьму. Но мы доискиваясь, для чего Трибуны, имѣя превеликую власть укрощать, не имѣли права звать къ себѣ на судъ, нашли: что Трибуны древле сдѣланы кажутся не для судопроизводства, и не для разсматриванія дѣлъ и жалобъ на отсутствующихъ, но для заступленія за тѣхъ, съ которыми они находились, дабы очевидную отвратить обиду: и для того

запрещено имъ на ночь отлучаться изъ города; ибо, для удержанія чинимаго насилія, надобно имъ безотлучно быть въ городѣ, и самолично за всѣмъ смотрѣть.

ГЛАВА 13.

Въ книгахъ М. Варрона о вещахъ человѣческихъ написано, что частному человѣку можно на судъ къ Претору звать Эдилей и Квесторовъ народа Римскаго.

Помню, что по изшествіи уже моемъ изъ темноты училищной и уединенія книжнаго на среду людей и на свѣтъ судебныхъ мѣстъ, во многихъ въ Римѣ зборищахъ общенародныхъ законоучителей и стряпчихъ предлагаемъ былъ запросъ, можноли Квестора народа Римскаго позвать на судъ къ Претору? Вопрошаемо же о семъ было не безъ дѣла, но въ такомъ случаѣ, что надобно было позвать въ судъ Квестора. И такъ многіе думали, что Преторъ не имѣетъ права звать его въ судъ, понеже онъ безъ сумнѣнія есть градоначальникъ Римскаго народа; и, ниже звать его въ судъ, ниежели не захочетъ притти, взять подъ стражу, безъ поврежденія величества его градоначальства, не можно. Но я безпрестанно упражнявшійся тогда въ чтеніи книгъ М. Варрона, примѣтилъ что о семъ спрашиваютъ и сумнѣваются, показалъ двадцать первую книгу о *Вещахъ Человѣческихъ*,

хихъ,

кихъ, въ которой написано было слѣдующее: *Градоначальниковъ не имѣющихъ власти ни созывать народъ поголовно, ни брать подъ стражу, можно и частному человѣку позвать въ судъ. М Левинъ Курульный Эдилъ отъ частнаго человѣка представленъ на судъ къ Претору. А нынѣ они, окружены будучи народными слугами, не только не могутъ взяты быть подъ стражу, но и сами разталкивають народъ.* Сіе Варронъ въ той части книги о Эдилахъ. А выше въ тойже книгѣ говоритъ онъ, что Квесторы ни звать въ судъ, ни брать подъ стражу права не имѣютъ. И такъ, по прочтеніи той и другой части книги, всѣ согласились, на мнѣніе Варроново; и Квесторъ позванъ на судъ къ Претору.

ГЛАВА 14.

Что есть *pomœrium* [окрестность градскихъ стѣнъ].

Гадатели [Авгуры] Римскаго народа, написавшіе книги о птицезрѣніяхъ, что есть *pomœrium*, опредѣлили слѣдующимъ образомъ: *Pomœrium есть мѣсто, въ назначенномъ отъ Авгуровъ полѣ чрезъ окружность всего города позади стѣнъ извѣстными странами опредѣленное, служащее границею городскаго птицезрѣнія.* Древнѣйшій же померій отъ Ромула учрежденный (1) ограничивался низомъ го-

(1) *Ограничивался*] И такъ Ромулъ созидая Римъ одну Палатинскую гору включилъ въ померій. Смот. Алек. Доната о городѣ Римѣ Кн. 1. гл. 3.

горы Палатинской. Но оный померій по приращенію республики несколькократно былъ разпространяемъ; и многіе высокіе холмы въ себя включилъ. А право разпространять померій имѣлъ тотъ, кто отнятымъ у непріятеля полемъ увеличилъ владѣніе Римскаго народа. Для того предлагаемъ былъ запросъ, и нынѣ вопрошается, по чему изъ седми горъ града, когда шесть прочія суть въ померіи, (2) одна Авентинская, не вдалекѣ находящаяся и немало населенная, находится внѣ померія: и ни царь Сер. Туллій, ни Сулла желавшій называться разпространителемъ померія, ниже послѣ Юлій Цесарь разпространяя померій, не включилъ оныя во реченные предѣлы града. Мессала объявляетъ сему нѣсколько причинъ. Но изъ всѣхъ оныхъ вѣроятнѣйшею ему кажется одна, что Ремъ, на оной горѣ для построенія города отправляя обрядъ птицезрѣнія, нещастливое имѣлъ предзнаменованіе, и Ромулъ въ птицезрѣніи одержалъ верьхъ. *Для того*, говоритъ, *всѣ разпространявшіе померій изключили сію гору яко по предзнаменованію нещастливую.* Но объ Авентинской горѣ не разсудилъ я опустить того, что не давно читалъ въ запискахъ древняго грам-

(2) *Одна Авентинская*] Однако Анкъ Марцій, примѣтя городъ съ той стороны не довольно укрѣпленъ, Авентинскую гору укрѣпилъ стѣнами и рвомъ, и застроилъ домами, по свидѣтельству Ливія, Діонисія, Плинія, Страбона и другихъ.

грамматика Елида, въ которыхъ написано было, что Авентинская гора прежде, какъ объявили мы, изключена была изъ померія, а послѣ по указу Тиверіа Клавдія включена въ предѣлы померіа.

ГЛАВА 15.

Слопо изъ книги гадателя Мессалы, которыми онъ обълпляетъ, которые суть градоначальники меншіе, и что Консулъ и Преторъ *суть товарищи; притомъ нѣчто другое о птицезрѣніяхъ: сперьхъ сего слопа тогоже Мессалы разсуждающаго, что иное естъ* ad populum loqui, *иное* cum populo agere; *и которые градоначальники отъ которыхъ могутъ отзыпатъ собраніе народа* [comitiatum].

Во указѣ Консуловъ, которымъ они назначаютъ, въ который день должно быть собранію народа посотенно [comitiis centuriatis], по древнему непремѣнному образцу пишется; *Ne. Quis. Magiſtratus. Minor. De. Coelo. Seruaſſe. Velit.* т. е. *Дабы никакой меншій градоначальникъ не дѣлалъ примѣчанія по состоянію неба.* И такъ спрашивается, которые суть меншіе градоначальники? На сіе ни малой я не имѣлъ нужды употреблять своихъ собственныхъ словъ: понеже, во время моего о семъ писанія, случилось при мнѣ быть М. Мессалы гадателя первой книгѣ о

Птице-

Птицезрѣніяхъ. Для того слова самаго Мессалы изъ оной книги мы при семъ написали. „Птицезрѣнія Патриціевъ раздѣлены на
„ двѣ власти. Самыя большія суть Консу-
„ ловъ, Преторовъ, Ценсоровъ; однако и
„ изъ оныхъ не всѣ единаковы, или едина-
„ кую власть имѣющи: потому что Цен-
„ соры Консуламъ и Преторамъ не суть
„ товарищи, а Преторы Консуламъ товари-
„ щи. Для того ни Консулы и Преторы
„ Ценсорамъ, ни Ценсоры Консуламъ и Пре-
„ торамъ не дѣлаютъ помѣшательства во
„ птицезрѣніи, и чрезъ одно съ ними птице-
„ зрѣніе въ чины не избираются. Но Ценсоры
„ сіе дѣлаютъ между собою; также Пре-
„ торы и Консулы между собою по одному
„ птицезрѣнію и не допускаются до чи-
„ новъ и получаютъ оные. Преторъ хо-
„ тя товарищь Консулу; однако, какъ мы
„ слышали отъ предковъ, и какъ прежде
„ сего наблюдаемо было, и какъ видно изъ
„ третіейнадесять книги записокъ К. Ту-
„ дитана, не имѣетъ права никого про-
„ извести ни въ Претора, ни въ Консула:
„ понеже Преторъ имѣетъ власть меншую,
„ а Консулъ большую; и меншая власть
„ большую или старшаго товарища произ-
„ водить права не имѣетъ. Мы въ сіи вре-
„ мена, когда Преторъ производитъ въ Пре-
„ торовъ, послѣдуя примѣру древнихъ, въ
„ тѣхъ народныхъ собраніихъ на птице-
„ зрѣніи не были. Равнымъ образомъ Цен-

„ со-

„ соры не по одному птицезрѣнію произво-
„ дятся съ Консулами и Преторами. Для про-
„ чихъ градоначальниковъ бываютъ птице-
„ зрѣнія меншія: и потому сіи называют-
„ ся градоначальниками меншими, или вто-
„ ростатейными, а оные большими или перво-
„ статейными. Градоначальникамъ меншимъ
„ или второстатейнымъ дается градона-
„ чальство на собраніяхъ по трибамъ [comitiis
„ tributis], но справедливѣе на собраніяхъ
„ по куріамъ [lege curiata]. А большіе градо-
„ начальники дѣлаются на собраніяхъ по
„ центуріямъ [comitiis centuriatis]. Изъ всѣхъ вышеположенныхъ словъ Мессалы не только явствуетъ, которые суть градоначальники меншіе, и по чему они меншими называются. Но и объявляетъ онъ, что Преторъ есть Консулу товарищъ, понеже они по одному птицезрѣнію въ сіи чины производятся. А большія птицезрѣнія имѣющими называются потому, что птицезрѣнія ихъ утвердительнѣе другихъ. Также Мессала въ тойже книгѣ о градоначальникахъ меншихъ пишетъ слѣдующее: *Consul ab omnibus magistratibus et comitiatum et concionem auocare potest. Praetor et comitiatum et concionem usquequaque auocare potest, nisi a Consule. Minores magistratus nusquam nec comitiatum nec concionem auocare possunt: ea re, qui eorum primus vocat ad comitiatum, is recte agit: quia bifariam cum populo agi non potest. nec auocare alius alii posset, si concionem habere volunt, uti ne cum populo agant: quamuis multi magistratus simul concionem*

habere possunt. Изъ сихъ словъ Мессалы явствуетъ, что иное есть cum populo agere; иное, concionem habere. Ибо cum populo agere значитъ просить о чемъ нибудь народъ, дабы онъ голосами своими оное сдѣлать или повелѣлъ или запретилъ; а concionem habere, значитъ говорить къ народу безъ всякой прозьбы.

ГЛАВА 16.

Humanitas *не то значитъ, что думаетъ простой народъ; но чисто говорившіе собственнѣе сіе слово употребляли.*

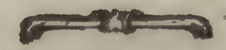
Исправно по Латински говорившіе, слово *humanitas* не въ томъ употребляли означеніи, которое, по мнѣнію простаго народа, оно имѣетъ, и что, по Гречески называяся Φιλανθρωπία, значитъ нѣкоторое снисхожденіе и благосклонность ко всѣмъ безъ разбору: но чрезъ слово *humanitas* почти означали то, что Греки называютъ παιδεία, а мы нарицаемъ ученіе и наставленіе въ честныхъ наукахъ, въ которыхъ упражняться прямую охоту и желаніе имѣющіе наипаче суть humanissimi. Ибо стараніе о наукахъ и упражненіе въ оныхъ изъ всѣхъ животныхъ дано одному человѣку, и потому оно названо humanitas. И такъ всѣ почти книги доказываютъ, что древніе, и наипаче М. Варронъ и М. Туллій въ семъ знаменованіи употребляли сіе слово: по сему

му довольно для меня было представить одинъ примѣръ. И такъ положилъ я слова Варроновы изъ первой книги *Вещей человѣческихъ*, которая начинается такъ: *Praxiteles, qui propter artificium egregium nemini est paulum modo humaniori ignotus. Humaniori*, говоритъ онъ, не такъ, какъ просто говорится, facili et tractabili et beniuolo, tametsi rudis litterarum sit, [ибо сіе съ мыслію его несходно:] sed eruditiori doctiorique, qui Praxitelem, quid fuerit, et ex libris et ex historia cognouerit.

ГЛАВА 17.

Что значатъ у М. Катона сіи слова inter os atque offam.

Есть рѣчь М. Катона бывшаго Ценсора о Эдилахъ не законно произведенныхъ. Въ оной рѣчи положены слѣдующія слова: *Nunc ita ajunt, in segetibus, in herbis bona frumenta esse. Nolite ibi nimiam spem habere. Sæpe audiui inter os atque offam multa interuenire posse; uerumuero inter offam atque herbam, ibi uero longum interuallum est.* Еуціи Кларъ, бывшій градоначальникъ и дважды Консулъ, мужъ въ разсужденіи обыкновеній и древнихъ книгъ весьма любопытный, къ Сулпицію Аполлинару, человѣку въ наше время весьма ученому, написалъ просительное письмо, чтобы онъ отписалъ къ нему, что значатъ оныя слова. То Аполлинаръ при мнѣ [ибо я въ то время будучи молодъ учился унего въ Римѣ,] отписалъ Клару, яко мужу

ученому весьма коротко; что *inter os et offam* есть старинная пословица, тоже значащая, что Греческій оный употребляемый въ пословицѣ стихъ:

Πολλὰ μεταξὺ πέλει κύλικος ᾗ χείλεος ἄκρȣ.

то есть.

Между краями губъ и рюмкою есть много.

ГЛАВА 18.

О томъ, что Платонъ приписываетъ Еврипиду Софокловъ стихъ: и что у разныхъ стихотворцовъ, въ разныя времена родившихся, находятся стихи тѣми словами или съ перемѣною не многихъ слоговъ написанные.

Есть извѣстный по древности шестистопный стихъ:

Σοφοὶ τύραννοι τῶν σοφῶν ξυνȣσίᾳ.

то есть.

Тиранны мудрыми быть сами начинаютъ,
Когда въ сообщество со мудрыми вступаютъ.

Платонъ въ Өеэтетѣ [или лучше въ Өеагѣ и въ осмой книгѣ о республикѣ] говоритъ, что сей стихъ Еврипидовъ. чему мы и не очень дивимся. Ибо читали мы въ Софокловой трагедіи, называемой Αἴας ὁ Λοκρὸς *Локрскій Аяксъ*. А Софоклъ родился прежде Еврипида. Но и слѣдующій стихъ не меньше извѣстный,

Γέρων γέροντα παιδαγωγήσω σ' ἐγώ.

т. е.

то есть.

Самъ будучи старикъ я старика сѣдаго
Тикъ победу тебя, какъ отрока младаго.

написанъ въ Софокловой трагедіи, называемой Φυλετίδες, и въ Еврипидовыхъ Бакхахъ. Тоже примѣтили мы у Есхила ἐν τῷ Πυρφόρῳ Προμήθει въ *Огненосномъ Промиѳеѣ*, и у Еврипида въ трагедіи, называемой Εἰνῷ, одинъ стихъ безъ не многихъ только слоговъ. Есхилъ такъ:

Σιγῶν θ' ὅπȣ δεῖ, καὶ λέγων τὰ καίρια.

то есть.

Гдѣ должно, тамъ молчитъ, и говоритъ по времяъ.

А Еврипидъ слѣдующимъ образомъ:

Σιγᾷν θ' ὅπȣ δεῖ καὶ λέγειν ἵν' ἀσφαλές.

то есть.

Гдѣ должно, тамъ молчить, и говорить, гдѣ безопасно.

Былъ же Есхилъ гораздо прежде.

ГЛАВА 19.

О родѣ и именахъ поколѣнія Порціепа.

Когда въ библіотекѣ Тиберіева дома сидѣли я и Аполлинаръ Сулпицій, и нѣкоторые другіе мои и его пріятели; то по случаю попалась намъ книга имѣющая заглавіе: М. КАТОНА НЕПОТА. И какъ начали другъ друга спрашивать, кто таковъ былъ *М. Катонъ Непосъ*: то одинъ юноша, какъ изъ рѣчей его примѣтить было можно, не

неученый сказалъ: Сей М. Катонъ, не по прозванію Непосъ, но М. Катона, бывшаго Ценсоромъ, по сынѣ внукъ, который былъ отецъ М. Катона, бывшаго Преторомъ, и который въ междоусобную войну въ Утикѣ самъ себя закололь шпагою. О жизни его М. Цицеронъ написалъ книгу подъ заглавіемъ, *Похпала Катону*; котораго тотже Цицеронъ въ той же книгѣ почитаетъ правнукомъ М. Катона, бывшаго Ценсоромъ. И такъ Цицерономъ упоминаемаго Катона сей М. Катонъ былъ отецъ, котораго рѣчи носятся подъ заглавіемъ, М. Катона Непота. Тогда Аполлинаръ, по обыкновенію своему въ выговорахъ, весьма кротко и тихо сказалъ: Хвалю тебя, чадо, что, въ толь молодыхъ лѣтахъ, хотя того М. Катона, о которомъ теперь спрашивается, не знаешь, кто онъ былъ; однако по нѣкоторой наслышкѣ имѣешь свѣдѣніе о поколѣніи Катоновомъ. А М. онаго Катона, бывшаго Ценсоромъ, не одинъ былъ внукъ, но многіе, родившіеся не отъ одного отца. Ибо М. оный Катонъ, бывшій ораторъ и Ценсоръ, имѣлъ двухъ сыновъ и по матерямъ различныхъ, и по лѣтамъ весьма неравныхъ. Понеже когда первый уже былъ въ юношескомъ возрастѣ, мать его умерла; и самъ Катонъ, будучи уже гораздо старъ, взялъ въ супружество себѣ дѣвицу, дочь Салонія своего кліента [любимца], отъ которой родился ему М. Катонъ Салоніанъ: ибо сіе прозваніе дано

но ему было по Салонію дѣду со стороны матерней. А отъ старшаго Катонова сына, который, будучи назначенъ въ Претора, при жизни своего отца умеръ, и изрядныя о *Законоученіи* по себѣ оставилъ книги, родился сей, о которомъ теперь спрашивается, М. Катонъ М. сынъ, М. внукъ. Онъ былъ довольно сыльный ораторъ; многія рѣчи по примѣру дѣда своего оставилъ написанныя; былъ Консуломъ съ К. Марціемъ Рексомъ: и въономъ Консульствѣ, поѣхавши въ Африку, тамъ умеръ. Но онъ не былъ отецъ, какъ мы сказалъ, М. Катона, бывшаго Преторомъ, который самаго себя убилъ въ Утикѣ, и о которомъ упоминаетъ Цицеронъ: и, когда сей былъ внукъ Катона бывшаго Ценсоромъ, а оный правнукъ, по сему не слѣдуетъ ему быть отцомъ сего. Ибо сей внукъ [nepos], котораго мы теперь видѣли рѣчь, хотя имѣлъ старшаго сына Катона: однако не того, который умеръ въ Утикѣ; но того, который, будучи Эдиломъ Курульнымъ и Преторомъ, поѣхавъ въ Нарбонскую Галлію, тамъ скончался. А отъ другаго онаго Катонова Ценсорскаго сына гораздо младшаго, который, какъ я сказалъ, Салоніаномъ названъ, родились двое Л. Катонъ и М. Катонъ. Оный М. Катонъ былъ народнымъ Трибуномъ, и прося Преторства умеръ: и отъ него то родился М. Катонъ бывшій Преторомъ, который во время междоусоб-

ной войны въ Утикѣ умертвилъ самъ себя; котораго жизнь и похвалы описывая М Туллій сказалъ, что онъ былъ правнукъ Катона бывшаго Ценсоромъ. И такъ видите вы, что сія часть поколѣнія, отъ меньшаго Катонова сына произшедшая, не только стезями самаго рода, но и разстояніемъ временъ различествуетъ; ибо поелику оный Салоніанъ въ старости отца своего, какъ я объявилъ, родился; то и дѣти его были нѣсколько послѣ дѣтей, отъ большаго его брата родившихся. Сіе различіе временъ удобно усмотрѣть можешь изъ самой сей рѣчи, когда читать ея станешь. Такъ слушающимъ намъ говорилъ о семъ Сулпицій Аполлинаръ. А справедливость его словъ узнали мы послѣ, читая надгробныя похвальныя слова и записки о поколѣніи Порціевомъ.

ГЛАВА 20.

О томъ, что лучшіе писатели больше наблюдали рѣчей и словъ пріятнѣйшій звонъ, называемый отъ Грековъ εὐφωνία, нежели правила и порядокъ изобрѣтенный отъ грамматиковъ.

Вопрошенъ былъ Пробъ Валерій [о чемъ слышалъ я нѣкогда отъ его пріятеля] *has* ли *urbis*, или *has urbes* и *hanc turrem* или *hanc turrim* говорить должно, отвѣтствовалъ: *Естьли ты или пишешь стихи, или сочиняешь свободную рѣчь, и оныя слова говорить*

рить тебѣ должно; то не смотри на оныя вкусъ потеряпшія окончанія, и безъ старанія о пріятности написанныя грамматическія прапила, но спроси у споего уха, что пъ какомъ мѣстѣ сказать пристойно. И что оно тебѣ присопѣтуетъ, то и песьма хорошо будетъ. Тогда вопросившій сказалъ: Какъ мнѣ спросить у своего уха? На что Пробъ отвѣтствовалъ: Какъ у своего спрашивалъ Виргилій, который въ разныхъ мѣстахъ *urbes* и *urbis* сказалъ последуя совѣту и повелѣнію уха? Ибо онъ въ первой книгѣ Георгиковъ, которую, говоритъ, книгу собственною его рукою исправленную я читалъ, *urbis* написалъ чрезъ букву *i*. Слова изъ стиховъ его суть слѣдующія:

Urbis ne inuisere Caesar,

Terrarumque velis curam.

Перемѣни окончаніе и скажи *urbes*; то сдѣлаешь не знаю что грубое и толстое. Напротивъ въ третіей книгѣ Энеиды сказалъ онъ *urbes* чрезъ букву *e*:

Centum urbes habitant magnas.

Перемѣни также и здѣсь, и скажи *urbis*: то слово будетъ весьма слабо и тонко. Вотъ сколь велика разность связи въ согласіи съ ближайшими словами. Сверхъ сего тожже Виргилій говоритъ *turrim*, а не *turrem*, и *securim*, а не *securem*:

Turrim in praecipiti stantem.

И

Incertam excussit cervice securim.

Которыя слова, кажется, по тонкости своей больше имѣютъ пріятности, нежели какбы они оба на своихъ мѣстахъ сказаны были чрезъ букву *e*. На сіе вопрошавшій оный человѣкъ грубый и не очищеный слухъ имѣющій сказалъ: Я не понимаю, почему говоришь ты, что одно слово на иномъ мѣстѣ иначе выговоренное лучше иправильнѣе. Тогда Пробъ уже осердившись скзалъ: Пожалуй не заботься о томъ, которое изъ сихъ словъ тебѣ говорить, *urbis* или *urbes*. Ибо, какъ видно, ты такой человѣкъ, которому безъ ущерба своего можно дѣлать погрѣшности; ты ни чего непотеряешъ, которое изъ сихъ нискажешь. Сими тогда почти не учтивыми словами Пробъ, какъ обыкновенно онъ дѣлалъ съ людми непонятными, заключивъ свой разговоръ разстался съ человѣкомъ. А мы послѣ нашли и другое слово также двоякимъ образомъ отъ Виргиліа написанное. Ибо онъ *tres* и *tris* положилъ въ одномъ мѣстѣ, съ такою тонкостію разсужденія, что ежели перемѣнишь и скажешь иначе, то, хотя мало имѣя слуха, почувствуешь, что пріятность звона нарушилась. Стихи изъ девятой книги суть слѣдующіе:

Tres quoque Threicios Boreæ de gente ſuprema,

Et tris quos Idas pater et patria Jsmara mittit.

Въ первомъ стихѣ *tres*, а во второмъ *tris*. Разбери и разсмотри то и другое: найдешь что каждое въ своемъ мѣстѣ весьма пристой-

стойный дѣлаетъ звонъ. Но и въ слѣдующемъ также Виргиліевомъ стихѣ,

Hæc finis Priami fatorum,

ежели перемѣнишь и скажешь *hic finis*, будетъ грубо, непристойно и слуху противно то, что ты перемѣнишь. Какъ напротивъ слѣдующее тогоже Виргиліа сдѣлаешь непріятнѣйшимъ, естьли оное перемѣнишь:

Quem das finem, rex magne, laborum?

Ибо ежели скажешь, *Quam das finem*: не знаю както сдѣлаешь звонъ слова непріятнымъ и слабымъ. Энній также сказалъ *rectos cupressos* противъ принятаго рода слова въ слѣдующемъ стихѣ:

Capitibus nutantis pinos rectosque cupressos.

Тверже, думаю, и живѣе показался ему звонъ слова, *rectos cupressos*, нежели *rectas*. Напротивъже тотже Энній въ осмойнадесять книгѣ лѣтописца сказалъ *aëre fulua*, а не *fuluo*; не потому только что Омиръ говоритъ ἠέρα βαθεῖαν, но потому, думаю, что сей звонъ показался громче и пріятнѣе. Какъ и М. Цицерону нѣжнѣе и благовиднѣе показалось, въ пятой рѣчи на Верреса написать *fretu*, нежели *freto*: *perangusto*, говоритъ онъ, *fretu diuisa*. ибо грубѣе и непригожѣе было сказать *perangusto freto*. Также во второй рѣчи, подобное употребивъ окончаніе, говоритъ *manifesto peccatu*, а не *peccato*. Ибо такъ написанное нашелъ я въ двухъ весьма исправныхъ Тироновыхъ книгахъ. Слова Цицероно-

новы суть слѣдующія: *Nemo ita viuebat, ut nulla eius vitae pars summae turpitudinis esset expers: nemo ita in manifesto peccatu tenebatur, ut quum impudens fuisset in facto, tum impudentior videretur si negaret.* А по чему сего слова въ семъ мѣстѣ звонъ лучше, причина извѣстна и достовѣрна. Ибо hic *peccatus*, правильно и чисто по Латински говорится, какбы *peccatio*: какъ и hic *incestus*, non qui admisit, sed quod admissum est, и hic *tributus* quod *tributum* nos dicimus, отъ многихъ древнихъ говорены были. да и hic *allegatus*, и hic arbitratus говорятся вмѣсто *allegatio* и *arbitratio*. По сему говоримъ мы *arbitratu et allegatu meo*. И такъ *in manifesto peccatu* сказалъ онъ, какъ древніе говорили *in manifesto incestu* не потому, будто бы не чисто по Латински было сказать, *peccato*: но понеже въ семъ мѣстѣ положенное *peccatu*, для слуха тончаѣ и нѣжнѣе. Равнымъ образомъ Лукретій, сообразуясь со слухомъ, употребилъ *funem* въ женскомъ родѣ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Haud, ut opinor, enim mortalia saecla superne
Aurea de caelo demisit funis in arua.

хотя могъ онъ употребительнѣе сказать, оставивъ оное слово въ томже числѣ:

Aureus caelo demisit funis in arua.

И священницъ М. Цицеронъ *antistites*, не по грамматическимъ правиламъ назвалъ *antistites*, но *antistitas*. Ибо хотя онъ по большой части отвергалъ необыкновенныя слова отъ древнихъ употребленныя; однако въ томъ мѣ-

мѣстѣ любуясь звономъ слова сказалъ: *Sacerdotes Cereris atque illius fani antistitae.* Даже до того, что лучшіе писатели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не смотрѣли ни на свойство ни на употребленіе слова; но сообразовались съ однимъ слухомъ своею мѣрою слова измѣряющимъ. *Quod qui non sentiunt*, говоритъ тотже самый М. Цицеронъ въ разсужденіи о *Связи и Сразмѣрности рѣчи* [de numerosa et apta oratione,] *quas auris habeant aut quid in his hominis simile sit, nescio.* А древніе грамматики то наипаче замѣтили у Омира, что онъ въ одномъ мѣстѣ сказавъ *κολοιοῦς τε ψῆρας τε*, на другомъ мѣстѣ сказалъ не ψαρῶντε, но ψαρῶν:

Τῶν δ' ὥς τε ψαρῶν νέφος ἔρχετε ἠὲ κολοιῶν.

разсуждая не по общей, но по собственной во всякомъ положеніи слова пріятности: ибо ежели одно положишь на мѣстѣ другаго, то и то и другое сдѣлаешь слуху непріятнымъ.

ГЛАВА 21.

Слова Т. Кастриціа ритора ко ученикамъ своимъ о непристойной одеждѣ и обуви.

Т. Кастрицій риторики учитель, первое въ Римѣ занимавшій мѣсто между ораторами и учителями, мужъ весьма важный и почтенный, и за добронравіе и ученость свою отъ Императора Адріана любимый, въ бытность мою при немъ, [ибо я у него учился] увидѣвъ нѣкоторыхъ своихъ учениковъ

Се-

Сенаторовъ, въ праздничный день въ исподнее безрукавное платье [tunica] и въ дорожныя епанчи одѣтыхъ, и въ Галлскую обувь [Gallicae] обутыхъ, сказалъ: *Equidem maluissem vos togatos esse: pigitum est, cinctos saltem esse et penulatos. Sed si hic vester huiuscemodi vestitus de multo iam usu ignoscibilis est: soleatos tamen vos populi Romani Senatores per urbis vias ingredi nequaquam decorum est, non hercle vobis minus, quam illi tum fuit, cui hoc M. Tullius pro turpi crimine obiectavit.* то есть, *Желалъ бы я, чтобы вы одѣты были въ тоги: не скучно ли вамъ почти только быть подпоясаннымъ и въ дорожныя епанчи одѣтымъ? Но хотя сіе ваше одѣяніе по многому уже употребленію простительно: однако вамъ, Римскаго народа Сенаторамъ, въ напод шипникахъ ходить по городскимъ улицамъ не менше непристойно, какъ было и тому, котораго М. Туллій весьма за сіе порочилъ.* Сіе и нѣчто другое къ сему принадлежащее важно, и какъ Римлянину пристойно, при моемъ слухѣ выговорилъ Кастрицій. Многіе же изъ слышавшихъ любопытствовали, по чему онъ имѣвшихъ gallicas, а не soleas, назвалъ soleatos. Но Кастрицій подлично сказалъ чисто и смысленно. Ибо всякая почти такая обувь, которою закрывались самыя только подошвы ногъ, а верхнія части почти были незакрыты и долгокруглыми ремнями обвязаны, называлась soleae, а иногда Греческимъ словомъ *crepidulae.* Слово же *gallicae*, думаю, есть новое, не за

долго

долго до временъ М. Цицерона во употребленіе вшедшее. И потому отъ него положено оно во второй рѣчи на Антоніа. *Cum gallicis et lacerna cucurristi.* И въ семъ означеніи ни у кого другаго, наипаче примѣрнаго писателя, я сего слова не читалъ: но, какъ я объявилъ, crepidas et crepidulas съ сокращеніемъ перваго слога ту обувь называли, которую Греки называютъ *κρηπῖδας* [туфлями], и шьющіе сію обувь назывались *crepidarii.* Семпроній Аселліонъ въ четвертойнадесять книгѣ славно учиненныхъ дѣлъ говоритъ: *Crepidarium cultellum rogauit a crepidario sutore.*

ГЛАВА 22.

Въ священническихъ книгахъ положены по Римскому чиноположенію бывающія богамъ молитвословія, въ которыхъ Неріену именуютъ Марсовою; и что значитъ слово Neriene или Nerio.

Молитвословія безсмертнымъ богамъ, по Римскому чиноположенію бывающія, положены въ книгахъ священниковъ народа Римскаго и во многихъ древнихъ рѣчахъ. Во оныхъ написано *Luam Saturni*, (1) *Salaciam Neptuni*, *Horam Quirini*, *Iurites Quirini*, *Majam Uolcani*, *Heriem Iunonis*, *Molas Martis Nerienem que Martis.* Изъ ко-

---

(1) *Salaciam Neptuni*] Нѣкоторые думаютъ, что Салаціа была жена Нептунова, которую стихотворцы называютъ Амфитритою.

которыхъ послѣднее, какъ я слышу, многіе произносятъ съ протяженіемъ перваго слога, какъ Греки говорятъ νηρεΐδας: но исправно говорившіе первый слогъ произносили коротко, а третій протяжно. Ибо прямый падежъ онаго слова, какъ написано въ книгахъ древнихъ, есть *Nerio*. Хотя М. Варронъ въ сатирѣ Мениппповой, называемой σκιαμαχία, звательнымъ образомъ говоритъ не *Nerio*, но *Nerienes* въ слѣдующихъ стихахъ:

Ted' Anna Perenna, te Lato, Pales,
Nerienes, et Minerua, Fortuna, ac Ceres.

По сему и звательному падежу надобно быть томуже. Но *Nerio* отъ древнихъ склоняется такъ какъ *Anio*. Ибо *Nerienem* съ протяженіемъ третьяго слога говорили, равно какъ *Anienem*. а сіе *Nerio* или *Nerienes* есть слово Сабинское, и значитъ мужество и храбрость; и потому одинъ изъ Клавдіевъ, произшедшихъ, какъ слышали мы, отъ Сабиновъ, человѣкъ весьма храбрый названъ *Nero*. Но Сабины по видимому приняли сіе отъ Грековъ, которые связь и крѣпость членовъ называютъ νεῦρον. По сему и мы по Латински называемъ *neruos*. Итакъ видно, что чрезъ слово *Nerio* означается Марсова сила и могущество и нѣкоторое величество. А Плаутъ in Truculento въ лицѣ воина Неріену называетъ женою Марсовою въ слѣдующемъ стихѣ:

Mars peregr. aduenіens ſalutat Nerienem uxorem ſuam.

Слышалъ я одного человѣка не безъ имени го-

говорящаго о семъ, что Плавтъ слишкомъ по комически несмысленному и глупому воину несправедливое и новое приписываетъ мнѣніе, что Неріена есть жена Марсова. Но тотъ увидитъ, что сіе сказано больше смысленно, нежели по комически, кто прочтетъ третію книгу лѣтописца Кн. Гелліа, въ которомъ написано, что Герсилія, предъ Т. Таціемъ говоря, и прося мира, такъ молилась; *Neria Martis te obsecro pacem dare, uti liceat nuptiis propriis et prosperis uti, quod de tui conjugis consilio contigit, uti nos itidem integras raperent, unde liberos sibi et suis posteris, patriae pararent. De tui*, говоритъ, *conjugis consilio*, означая то есть Марса; а изъ сего явствуетъ, что сіе отъ Плаута сказано не по стихотворчески, но по преданію, что Неріо отъ нѣкоторыхъ почиталась женою Марсовою. При томже замѣтить должно, что Геллій чрезъ букву а называетъ *Neria*, а не *Nerio* и *Nerienes*. Кромѣ Плаута и Гелліа Лициній Имбрексъ, Комическій стихотворецъ, въ комедіи называемой Neaera написалъ такъ:

Nolo ego Neaeram te vocent, sed Nerienem;
Quum quidem Marti es in connubium data.

Стопы сего стиха расположены такъ, что третій въ ономъ имени слогъ, въ противность вышеупомянутаго, сокращенно выговаривать должно. А сколь велика была у древнихъ разность въ звонѣ сего слова, о томъ и говорить не чего. Энній же въ первой книгѣ лѣтописца въ семъ стихѣ,

Neritnem Mavortis et Herclem,
Ежели, противъ обыкновенія своего, наблюлъ разположеніе стопъ; то первый слогъ положилъ онъ за долгій, а третій за короткій. Но и того, каково оно ни есть, не разсудилъ я опустить, что нашелъ въ нѣкоторыхъ запискахъ Сервіа Клавдіа, гдѣ *Nerio* сказано какбы *Neirio*, то есть, Sine ira et cum placiditate: ut eo nomine mitem tranquillumque fieri Martem precemur. Ибо частица *ne*, какъ у Грековъ, такъ и въ Латинскомъ языкѣ по большей части означаетъ недостатокъ.

ГЛАВА 23.

М. Катона бывшаго Консуломъ и Ценсоромъ весьма изрядная укоризна философствующимъ слoвами а не самымъ дѣломъ.

М. Катонъ бывшій Консуломъ и Ценсоромъ, живучи въ такое время, когда уже республика и сограждане его разбогатѣли, говоритъ, что деревни его были безъ убора и украшенія, и не были обмазаны известью даже до седмьдесятаго года его жизни. И потомъ употребляетъ слѣдующія слова: *Нѣтъ у меня ни богатаго строенія, ни посуды, ни платья, нѣтъ ни дорогаго слуги ни служанки. Ежели есть что употреблять, употребляю. А ежели нѣтъ, въ томъ имѣю нужду. По мнѣ пусть всякой пользуется и наслаждается своимъ.* Потомъ придаетъ: *Меня порочатъ въ томъ, что я во многомъ имѣю нуж-*

ду:

ду: а я порочу ихъ въ томъ, что они не могутъ имѣть нужды. Сія сущая правда Тускуланскаго жителя говорящаго, что онъ во многомъ имѣетъ нужду, и ни чего однако не желаетъ, больше по истиннѣ можетъ возбудить ко умѣренію разходовъ и къ сношенію недостатка, нежели Греческіе обманы тѣхъ, философами себя называющихъ, пустослововъ, которые горя любостяжаніемъ, не менше при избыткѣ какъ и при недостаткѣ, говорятъ, что они ничего не имѣютъ, однако ни въ чемъ не имѣютъ и нужды, и ничего не желаютъ.

ГЛАВА 24.

Изслѣдованіе и разсужденіе о томъ, что значитъ слово manubiae: и притомъ нѣкоторыя слова о томъ, какимъ образомъ употреблять многія слова одно знаменованіе имѣющія.

На верху Траяновой площади по всѣмъ сторонамъ разставлены были вызолоченныя изображенія коней и знаковъ воинскихъ, и подписано, EX MANUBIEIS. Фаворинъ ходя по площади, и дожидаясь пріятеля своего Консула, въ судилищи дѣла разсматривавшаго, спрашивалъ у насъ тогда ходившихъ за нимъ; спрашивалъ, говорю, что по мнѣнію нашему собственно значитъ оная надпись *manubiae.* Тогда нѣкто изъ бывшихъ съ нимъ, человѣкъ по учености своей весьма знаменитый, сказалъ: *Ex manubiis* зна-

чит *ex praeda*; ибо *manubiae* называются praeda, quae manu capta est. Хотя, сказал Фаворин, главное и почти все свое старание употребляю я на изученіе Греческаго языка: однако не до того отстал от Латинскаго языка, в котором урывками или не употребляя нарочнаго на сіе времени упражняюсь, чтобы не знать простаго сего означенія, что manubiae называются praeda. Но о том спрашиваю: М. Туллій, человѣк в слова весьма вникающій, в рѣчи о *Законѣ Пашенном*, перваго числа Января говоренной против Рулла, без всякаго ли складу и причины соединил *manubias* и *praedam*, когда два сіи слова значат одно, и ни чем одно от другаго не разнятся. И как Фаворин имѣл изрядную или божественную нѣкоторую память; то немедлѣнно сказал самыя М. Туллія слова, которыя мы при сем приложили: *Praedam, manubias, sectionem, castra denique Cn. Pompeii sedente imperatore decemuiri vendent.* И ниже сказал два сіи слова вмѣстѣ положенныя: *Ex praeda, ex manubiis, ex auro coronario.* И потом обратившись к тому, который говорил, что manubiae суть praeda, сказал: Кажется ли тебѣ, что и в том и в другом мѣстѣ М. Цицерон два слова одно, по твоему мнѣнію, значащія употребил неосновательно и не кстати, и что достоин он такой насмѣшки, какую у Аристофана весьма забавнаго комика сдѣлал Еврипид над Есхилом говоря,

Δίς

Δὶς ταυτὸν ἡμῖν εἶπεν ὁ σοφὸς Αἰσχύλος
Ἥκω γὰρ εἰς γῆν Φησὶ, καὶ κατέρχομαι
Ἥκω δὲ ταυτὸν ἐςὶ τῷ κατέρχομαι
Νὴ τὸν Δὶ, ὥς περ εἴτις εἴποι γείτονι.
Χρῆσον σὺ μάκτραν, εἰ δὲ βούλει, κάρδοπον.

одни вещи, отвѣтствовалъ онъ, отъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ или ораторовъ, для увеличенія и украшенія подъ двумя или множайшими именами повторяемыя, не кажутся таковыми, каково есть μάκτρα и κάρδοπος. И такъ къ чему служитъ, сказалъ Фаворинъ, сіе повтореніе и возобновленіе одной вещи подъ инымъ названіемъ, *in manubiis et in praeda*? Украшаетъ ли оно, какъ иногда бываетъ, рѣчь? производитъ ли во оной больше связи и стройности? или для уваженія и представленія въ гнуснѣйшемъ видѣ преступленія нѣкоторое дѣлаетъ благовидное увеличеніе? какъ въ книгѣ тогоже М. Туллія о *Постановленіи Челобитчика*, одна и таже вещь многими словами важно и сильно выговаривается: *Sicilia tota, ſi una voce loqueretur, hoc diceret, quod argenti, quod ornamentorum in meis urbibus, ſedibus, delubris fuit.* Ибо онъ сказавъ однажды urbes, придалъ ſedes delubraque, которыя и сами суть въ городахъ. Подобнымъ же образомъ въ той же книгѣ говоритъ. *Siciliam prouinciam C. Verres per triennium depopulatus eſſe, Siculorum ciuitates vaſtaſſe, domos exinaniſſe, fana ſpoliaſſe dicatur.* Кажется, что онъ сказавъ Siciliam prouinciam, и притомъ придавъ ciuitates, заключилъ въ

сихъ словахъ и нижеположенныя домы и капища; многія также и различныя сіи слова *depopulatus esse, vastasse, exinanisse, spoliasse*, не одну ли и туже въ себѣ имѣютъ силу? конечно такъ. Но поелику они съ величественностію рѣчи и съ важнымъ словъ умноженіемъ говорятся, то хотя они суть почти одни и тѣже, и отъ тойже мысли произходятъ, однако почитаются многими; понеже чаще доходятъ до ушей и до сердца. Сей родъ украшенія во увеличеніи одного преступленія многими и сильными словами, древнѣйшій уже оный М. Катонъ въ рѣчахъ своихъ часто употреблялъ, какъ и въ оной надписанной *de Decem Hominibus*, обвиняя Ѳерма въ томъ, что онъ въ одно время умертвилъ десять человѣкъ свободныхъ, слѣдующія всѣ одно значащія употребилъ слова; которыя поелику Латинскаго краснорѣчія, тогда только еще возникашь начинающаго, суть какбы нѣкоторый несовершенный блескъ, то разсудилъ я оныя запомнить: „Tuum nefarium facinus peiore facinore operire postulas. succidias humanas facis, tantas trucidationes „facis, decem funera facis, decem capita libera „interficis, decem hominibus vitam eripis, indicta „causa, iniudicatis, indemnatis. Тожже М. Катонъ въ началѣ рѣчи говоренной въ Сенатѣ за Родосцовъ, желая сказать res nimis prosperas, сказалъ тремя словами одно значащими. Слова его суть слѣдующія: „Scio solere „plerisque hominibus in rebus secundis, atque pro-„lixis

„ lixis atque prosperis animum excellere, atque su-
„ perbiam, atque ferociam augescere. Тожже Катонъ, въ седмой книгѣ *Началъ*, (1) въ рѣчи говоренной противъ Сервія Галбы, многія слова сказалъ объ одной вещи: „ Multa
„ me dehortata sunt huc prodire, anni, aetas vox,
„ vires, senectus; verumenimuero quum tantam rem-
„ publicam agier arbitrarer. Но больше всѣхъ у Омира одной вещи и мысли явное находится увеличеніе:

Ἕκτορα δ' ἐκ βελέων ὕπαγε Ζεὺς ἔκ τε κονίης
Ἔκ τ' ἀνδροκτασίης, ἔκ θ' αἵματος, ἔκ τε κυδοιμοῦ.

также въ другомъ стихѣ:

Ὑσμῖναί τε, μάχαι τε, φόνοι τ', ἀνδροκτασίαι τε.

Ибо хотя всѣ сіи въ обоихъ стихахъ многія и сплошь положенныя имена ничего больше не значатъ какъ сраженіе, однако различный видъ сей вещи пріятно и пристойно многими и разными словами изображенъ. И слѣдующая у того же стихотворца одна мысль въ двухъ словахъ повторена съ довольною причиною. Ибо Идей разнимая Аякса и Ектора сражающихся оружіемъ, сказалъ имъ сіи слова:

Μηκέτι παῖδε φίλω πολεμίζετε, μηδὲ μάχεσθε.

(1) *Въ рѣчи говоренной противъ Сервія Галбы*] Сію рѣчь противъ Сервія Галбы, который будучи Преторомъ разорилъ Португальцовъ, говорилъ Катонъ отъ роду на 85 году, въ которомъ онъ и умеръ. какъ свидѣтельствуютъ о семъ Цицеронъ въ Брутѣ, Плиній, Веллей Патеркулъ. И такъ ошибся Плутархъ сказывая, что Катонъ на 90 году отъ роду говорилъ рѣчь противъ Сервія Галбы.

въ которомъ стихѣ не должно думать, что другое слово, одно означеніе съ первымъ имѣющее, придано и присовокуплено. Ибо сіе весьма пустословно и неосновательно. Но онъ юношамъ, желаніемъ славы воспаленнымъ, за неуступчивость, высокомѣріе и желаніе сраженія кротко и ласково выговаривая, жестокость начатаго дѣла и вину упрямаго продолженія онаго, дважды говоря одно, и разными словами увеличилъ и внушилъ имъ, и двойственное изреченіе слова сильнѣйшее дѣлаетъ напоминаніе. И слѣдующее одного означенія повтореніе не должно казаться напрасно и безъ довольной причины употребленнымъ:

Μνηστῆρες δ᾽ ἄρα Τηλεμάχῳ θάνατόν τε μόρον τε Ἤρτυον.

что сказалъ онъ дважды одно θάνατον καὶ μόρον. Ибо чрезъ жалостное повтореніе смерти оплакана напраснина толь горестныя и толь неправедно готовимыя пагубы. Впрочемъ нѣтъ никого столь непонятнаго, кто бы не могъ разумѣть, что

Βάσκ᾽ ἴθι οὖλε Ὄνειρε
и
Βάσκ, ἴθ Ἶρι ταχεῖα.

два слова одно значащія положены не по напрасному удвоенію, какъ нѣкоторые думаютъ, но что чрезъ нихъ дѣлается сильное побужденіе къ повелѣнной скорости. И оныя М. Цицерона въ рѣчи на Л. Писона три слова вмѣстѣ положенныя, хотя они не нравятся людямъ грубаго слуха, не только пріобрѣли пріятность своею стройностію,

стію, но и притворный видъ лица своею совокупностію обругали. „Vultus denique, говорить онъ, totus, qui sermo quidam tacitus „mentis est, hic in fraudem homines impulit; hic „eos, quibus erat ignotus, decepit, fefellit, induxit. Такъ чтожъ, говоритъ, сему подобное ли находится у него и въ словахъ *manubiae et praeda*? Конечно нѣтъ ничего такого. Ибо чрезъ прибавленіе слова manubiae, не прибыло ни красоты, ни возвышенія, ни пріятности: но *praeda*, какъ въ древнихъ словаряхъ написано, совсѣмъ отмѣнно отъ слова *manubiae*. Ибо *praeda* называются самыя вещи въ плѣнъ взятыя: *a manubiae* названы деньги, Квесторомъ ex venditione praedae полученныя. По сему для умноженія ненависти utrumque dixit M. Tullius decemuiros ablaturos, persequuturosque et praedam, quae nondum esset venundata, et pecuniam, quae ex venditione praedae percepta esset. И такъ сія надпись, которую вы видите EX MANUBIEIS, означаетъ не самыя вещи [ибо Траянъ ничего изъ сихъ не взялъ у непріятелей], но показываетъ, что сіе сдѣлано и устроено ex manubiis, id est, ex pecunia praedaticia. Ибо *manubiae* суть, какъ я уже объявилъ, non praeda, sed pecunia per quaestorem populi Romani ex praeda vendita contracta. А что сказалъ я per quaestorem, то знать надобно, что чрезъ сіе означается praefectus aerario. Ибо смотреніе казны отъ Квесторовъ перенесено ad praefectos. Однако иногда можно найти въ нѣкоторыхъ не не-

знатныхъ писателяхъ, что они, или не разсуждая или не стараясь о точности словъ, полагали *praeda* вмѣсто *manubiae*, и *manubiae* вмѣсто *praeda;* или переноснымъ нѣкоторымъ образомъ дѣлали перемѣну слова. что позволено дѣлать искусно и съ разсудкомъ дѣлающимъ. Но собственно и ясно говорившие, какъ въ семъ мѣстѣ М. Туллій, *manubias* называли деньги.

ГЛАВА 25.

Слова П Нигидія, которыми говоритъ онъ, что въ имени, Valeri, въ звательномъ падежѣ первый слогъ долженъ быть острый: и притомъ другое изъ его словъ до правописанія надлежащее.

П. Нигидій, человѣкъ въ знаніи всѣхъ наукъ превосходный, въ двадцатьчетвертой книгѣ грамматическихъ записокъ говоритъ: „Deinde vocuïatio quî poterit ſeruari, „ſi non ſciemus in nominibus, ut Valeri, utrum „interrogandi an vocandi ſint? nam interrogandi „ſecunda ſyllaba ſuperiore tono eſt quam prima, „deinde nouiſſima deiicitur: at in caſu vocandi ſum„mo tono eſt prima; deinde gradatim deſcendunt. Такъ правда П. Нигидій говоритъ приказываетъ. Но ежели кто нынѣ, называя Valerium, въ звательномъ падежѣ, потому Нигидіеву приказанію, первый слогъ сдѣлаетъ острымъ; то не останется безъ осмѣянія. Острый же звонъ называетъ онъ *προσῳδίαν* acutam:

acutam: и что мы называемЪ *accentum*, то называетЪ онЪ *voculationem*: и *casum interrogandi* называетЪ тотЪ, который мы нынѢ называемЪ *genitiuum* И сіе примѢтили мы вЪ тойже Нигидіевой книгѢ. „Si huius, говоритЪ „онЪ, amici uel huius magni scribas, unum i, „facito extremum. sin vero hi magnei, hi amicei, „casu multitudinis recto, tum ante i, scribendum „erit, e, atque id ipsum facies in similibus. item „si huius terrai scribas; i litera sit extrema. si huic „terrae; per, e, scribendum est. item qui scribit „mei studiosus; per, e, et, i, scribat. at quum „mi; tum per i unum scribendum est, non per e: „quia dandi casus est. Сіе мы, побуждены будучи важностію сего преученаго мужа, не разсудили опустить для тѢхЪ, которые и такія вещи знать хотятЪ.

ГЛАВА 26.

О стихахЪ ОмировомЪ и ПарѳеніевомЪ, которымЪ подражалЪ Виргилій.

СтихЪ Парѳеніа стихотворца:

Γλαύκῳ καὶ Νηρεῖ καὶ Εἰναλίῳ Μελικέρτῃ.

Сему стиху подражалЪ Виргилій, и такЪ сдѢлалЪ равный стихЪ, сЪ пріятностію перемѢнивЪ два слова;

Glauco et Panopeæ et Inoo Melicertæ.

Но оному Омирову равнаго и подобнаго не сдѢлалЪ. Ибо ОмировЪ кажется простѢе и

чи-

чище, а Виргиліевъ новообразнѣе и какбы нѣкоторымъ примѣшеніемъ поддѣланнѣе:

Ταῦρον δ' Ἀλφειῷ, ταῦρον δὲ Ποσειδάωνι.

Taurum Neptuno, taurum tibi pulcher Apollo.

ГЛАВА 27.

О разсужденіи Панетіа философа, написанномъ по второй его книгѣ о должностяхъ, которымъ совѣтуетъ онъ, чтобы люди къ предохраненію себя отъ обидъ по всякое время были готовы.

Читана была Панетіа философа книга о должностяхъ, вторая изъ трехъ оныхъ знаменитыхъ книгъ, которымъ М. Туллій подражалъ съ великимъ тщаніемъ и ревностію. Въ оной книгѣ написано какъ многое другое полезное, такъ наипаче то, что въ сердцѣ углублено быть долженствуетъ. А оное почти есть слѣдующаго содержанія: Жизнь, говоритъ онъ, людей живущихъ въ свѣтѣ, и себѣ и другимъ желающихъ быть полезными, всегдашнія и почти ежедневныя непредвидимо наноситъ затрудненія и бѣдствія. Для предостереженія себя отъ оныхъ и для избѣжанія ихъ также должно быть всегда духомъ бодру и готову, какъ бываютъ бойцы, называемые Панкратіастами. Ибо какъ оные, будучи вызваны къ бою, стоятъ поднявъ вверхъ плеча, и голову и лице свое уставленными противъ соперника своего руками ограждаютъ

какбы

какбы валомъ; и всѣ члены ихъ, до начатія сраженія, или расположены ко отвращенію ударовъ, или пріуготовлены къ содѣланію оныхъ: такъ сердце и духъ мужа благоразумнаго во всякомъ мѣстѣ и во всякое время, остерегаясь насилія и обидъ, долженъ быть бодръ, неудобоприступенъ, твердо огражденъ, готовъ, никогда недремлющъ, никогда неослабѣвающъ, намѣренія и мысли противъ ударовъ нещастія, и противъ подъисковъ непріятельскихъ, какбы плеча и руки уставляющъ; дабы въ какомъ нибудь дѣлѣ противное и незапное нападеніе не застало насъ неготовыхъ и беззащитныхъ.

ГЛАВА 28.

О томъ, что Квадригарій сказалъ, cum multis mortalibus; *и было ли бы какое различіе, есть ли бы онъ сказалъ*, cum multis hominibus.

Клавдіа Квадригарія изъ третіей надесять книги его лѣтописца слова суть слѣдующія: „Concione dimissa Metellus in Capitolium „uenit cum mortalibus multis, inde domum proficis„citur. tota ciuitas eum reduxit. Когда сія книга и сіи слова при М. Фронтонѣ, при насъ и при другихъ многихъ съ нами сидѣвшихъ, читаны были; и нѣкоторому человѣку не неученому казалось, что *mortalibus multis*, pro *hominibus multis*, въ повѣсти сказано непристойно и не кстатѣ, и съ лишкомъ по стихотвор-

творчески: то Фронтонъ тому, которому такъ сїе казалось, сказалъ; Не ужли ты, человѣкъ впрочемъ весьма благоразсудительный, говоришъ, что *mortalibus multis* кажется тебѣ сказаннымъ не пристойно и не къ статѣ? Не думаешъ ли, что сей писатель, человѣкъ скромный, и чисто и почти просто говорящїй, безъ всякой причины лучше захотѣлъ сказать *mortalibus*, нежели *hominibus*? и почитаешь, что тоже бы означалось множество, хотя бы онъ сказалъ *cum multis hominibus*, а не *cum multis mortalibus*. А я, говоритъ, думаю такъ, что, ежели не ослѣпляетъ моего разсудка любовь и почтенїе къ сему писателю и ко всякому старинному сочиненїю, не сравненно пространнѣе, обширнѣе и сильнѣе для означенїя многолюдства всего почти города сказать *mortales*, нежели *homines*. Ибо наименованїе multorum hominum и въ маломъ числѣ удержано и заключено быть можетъ; а *multi mortales* не знаю какимъ образомъ и какимъ то неизъяснимымъ смысломъ всякой почти находящїйся въ городѣ чинъ, полъ и возрастъ объемлютъ. То есть что Квадригарїй, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ было, желая изъявить великое и безразборное множество, *cum multis mortalibus Metellum in Capitolium venisse*, сказалъ изобразительнѣе, нежели какбы сказалъ *cum multis hominibus*. Когда мы все Фронтономъ сказанное не только со одобренїемъ, но и со удивленїемъ, какъ и должно было, слушали, то сказалъ онъ:

онЪ: Однако смотрите не подумайте, что всегда и во всякомЪ мѣстѣ *pro multis hominibus* надобно говорить *mortales multos*; дабы не сбылась подлинно Греческая оная изЪ Варроновой сатиры пословица, *τὸ ἐπὶ τῆ φακῆ μύρον* то есть, *Масло дорогое вЪ чечевицѣ.* Сіе о маловажныхЪ и мѣлкихЪ словахЪ Фронтоново разсужденіе не разсудилЪ я опустить; дабы тончайшее такихЪ словЪ разбираніе намЪ было извѣстно и явственно.

ГЛАВА 29.

Facies ***не то имѣетЪ знаменованіе, вЪ которомЪ оно обыкновенно говорится.***

Можно примѣтить, что многія Латинскія слова изЪ первоначальнаго знаменованія перешли вЪ другое или отдаленное или близкое, и сей переходЪ сдѣлался по привычкѣ и по невѣжеству безразсудно говорящихЪ то, чего сами не знаютЪ. КакЪ нѣкоторые думаютЪ, что facies hominis есть только уста, и глаза и ланиты, что Греки называютЪ *πρόσωπον*: когда facies есть forma omnis, et modus et factura quaedam corporis totius, a faciendo dicta, какЪ ab aspectu species, et a fingendo figura. И такЪ Пакувій вЪ трагедіи, называемой Niptra, сказалЪ *faciem hominis*, pro corporis longitudine.

Ætate, говоритЪ, *integra*, *feroci ingenio*, *facie procera virum.*

Но

Не только же въ тѣлахъ человѣческихъ, но и въ тѣлахъ всѣхъ другихъ вещей, говорится facies; ибо хорошо говорится montis et caeli et maris facies, ежели говорится къ стати. Саллустiевы слова изъ второй книги его повѣсти суть слѣдующiя: „Sardinia „ in Africo mari facie uestigii humani in Orientem „ quam in Occidentem latior prominet. Вотже пришло на мысль, что и Плавтъ in Paenulo *faciem* сказалъ pro totius corporis colorisque habitu. Слова Плавтовы слѣдующiя:

Sed earum nutrix qua ſit facie, mihi expedi.
Statura haud magna, corpore aquilo 'ſt. Ipsa ea 'ſt.
Specie uenuſta, ore paruo atqae oculis pernigris.
Formam quidem hercle uerbis depinxti probe.

Сверхъ сего помню я, что Квадригарiй въ одиннатцатой книгѣ *faciem* сказалъ pro ſtatura totiusque corporis figura.

ГЛАВА 30.

Что значитъ въ сатирѣ М. Варрона собачiй обѣдъ [caninum prandium.]

Нѣкто человѣкъ тщеславный, не давно сидя въ книжной лавкѣ, хвалился и говорилъ о себѣ, будто онъ только одинъ во всей поднебесной можетъ толковать Варроновы сатиры, которыя иные Циническими, а другiе называютъ Менипповыми. И читая изъ нихъ нѣкоторыя не очень трудныя мѣста, называлъ ихъ ни отъ кого неизтолкуемыми. Я по случаю тогда имѣлъ при себѣ одну

одну изъ тѣхже сатиръ книгу, которой надписаніе *ὑδροκρύων*. И для того поближе къ нему подошедъ сказалъ: Ты, господинъ учитель, думаю, знаешь старинную оную Греческую пословицу; что *скрытая музыка безполезна*? И для того прошу прочитать сіе малое число стиховъ, и сказать мнѣ силу пословицы въ нихъ положенной. Лучше, отвѣчалъ онъ, ты мнѣ читай, чего не разумѣешь, а я тебѣ толковать буду. На что отвѣтствовалъ я: Какъ можно мнѣ читать то, чего не понимаю? Ибо нераздѣльно и сліянно, и притомъ тебѣ невнятно будетъ то, что я читать стану. Тогда, по приговору и по желанію многихъ другихъ тамо бывшихъ, взялъ онъ у меня старинную, исправную и явственно написанную книгу. Взялъ же съ весьма перемѣнчивымъ и печальнымъ видомъ. Но что наконецъ я скажу, о томъ истинно и просить не смѣю, чтобы мнѣ въ томъ повѣрили. Ребяты, неучившіеся въ школѣ, ежели бы взяли сію книгу, не больше бы смѣшны были въ чтеніи; такъ онъ и смыслъ перерывалъ, и слова худо произносилъ. И при смѣхѣ уже многихъ отдавъ мнѣ книгу сказалъ: Ты видишь, что глаза у меня больны и отъ всегдашняго чтенія почти совсѣмъ уже потеряны: насилу я могъ видѣть самыя знаки ударенія. Приди ко мнѣ, когда выздоровѣютъ у меня глаза; я тебѣ всю сію прочитаю книгу. На что я сказалъ: Дай Богъ, господинъ учитель, здо-

ровье твоимъ глазамъ. Но прошу мнѣ сказать то, въ чемъ глаза твои ненужны. Въ семъ прочитанномъ тобою мѣстѣ что значитъ *caninum prandium?* Какъ я сiе выговорилъ, то изрядный сей бездѣльникъ, какбы труднымъ вопросомъ устрашенный, тотчасъ всталъ, и отходя сказалъ: Ты спрашиваешь о вещи немаловажной. Я сему даромъ не учу. Онаго же мѣста, въ которомъ находится сiя пословица, слова суть слѣдующiя: „Non vides apud Mneſtheum ſcribi tria genera eſſe vini, nigrum, album, medium, quod „vocant κιῤῥὸν; nouum, vetus, medium. et efficere „nigrum virus, album urinam, medium πέψιν? „nouum refrigerare, vetus calefacere, medium eſſe „prandium caninum? то есть. *Не видишь ли ты написаннаго у Мнесоея, что вино есть трехъ родовъ, черное, бѣлое и среднее, называемое свѣтложелтое: новое, старое, среднее. Черное производитъ сѣмя, бѣлое мочу, среднее паренiе? Новое прохлаждаетъ, старое согрѣваетъ, а среднее есть собачiй обѣдъ?* Сей малости, что значитъ *собачiй обѣдъ*, долго и съ прилѣжанiемъ мы доискивались. Называется собачiй обѣдъ тотъ, въ которой ничего не пьютъ вина, ибо собака вина не имѣетъ. И такъ чрезъ названiе средняго вина, которое есть ни новое, ни старое, ибо почти обыкновенно всякое вино называютъ или новымъ или старымъ, означилъ онъ, что среднее вино никакой не имѣетъ силы, то есть ни новаго ни ста-

ра-

раго; и для того не должно оно почитаться за вино: понеже ни прохлаждаетъ, ни согрѣваетъ.

А. ГЕЛЛІЯ

АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ

ГЛАВА 1.

Фаворина философа разсужденіе противъ называющихся Халдеями, и сказывающихъ о себѣ, что они изъ разположенія созвѣздій и движенія звѣздъ могутъ предсказывать человѣческую судьбу.

Слышали мы нѣкогда Фаворина философа, въ Римѣ изрядную и знаменитую рѣчь на Греческомъ языкѣ говорившаго противъ называющихся Халдеями или судьбы по времени рожденія сказателями, и сказывающихъ о себѣ, что они по движенію и положенію звѣздъ могутъ предсказывать будущее. А для упражненія ли онъ сіе здѣлалъ, или для показанія своего разума, или для того, что въ самомъ дѣлѣ такъ разсуждалъ и думалъ, того не могу сказать; мѣста же, изъ которыхъ онъ бралъ свои доказательства, и силу самыхъ доказательствъ, сколько можно было, я, вышедши тогда изъ покоя, въ которомъ онъ говорилъ, поспѣшно замѣтилъ; и оныя почти были слѣдующаго со-

содержанія. (1) Сія наука Халдеевъ не столь древна, сколь древнею ея называютъ; и не тѣ ея изобрѣли и выдумали, о которыхъ они сказываютъ: но сей родъ очарованія и обмана выдумали бродяги, промышляющіе и кормящіеся обманомъ. Которые видя, что нѣкоторыя на земли бывающія произшествія соотвѣтствуютъ движенію небесныхъ тѣлъ; каково есть то, что Океянъ какбы спутникъ луны вмѣстѣ съ нею и пребываетъ и убы-

(1) *Сія наука Халдеевъ не столь древна*] Діодоръ Сицилійскій во 2. кн. объявляетъ, что во время Александрова похода въ Асію хвалились Халдеи, что прошло уже тому 470000 лѣтъ, какъ они наблюдаютъ звѣзды. По сему Цицеронъ, слѣдуя Панетію, во 2. кн. о *Гаданіи* написалъ о Халдеяхъ такъ: *Лгутъ они, что Вавилоняне 470000 лѣтъ упражнялись по изслѣдованіи и испытаніи рожденія всѣхъ младенцовъ. Ибо естьли бы сіе было дѣлано, то бы не было оставлено: но мы ни кого не имѣемъ, кто бы или сказалъ, что сіе дѣлается, или бы зналъ, что дѣлано было.* А сіе кажется Халдеи сдѣлали въ подражаніе Египтянамъ, которые щитали 50000 лѣтъ, какъ они начали упражняться въ наблюденіи звѣздъ, и хвалились, что Халдеи ихъ переведенцы, какъ объявляетъ Діодоръ Сицилійскій въ 1. кн. А Халдеи въ семъ запирались. Но сколь суетна была сія похвальба, то не упоминая о прочемъ, явствуетъ изъ того одного, что Симплицій во 2. кн. о *Невѣ*, записк. 46. пишетъ, что Халдеи Каллисѳену, о древности ихъ спрашивавшему, объявили не больше какъ 1903 года до взятія Александромъ Вавилона. Которыя годы естьли щесть назадъ, то начало ихъ выдетъ не много за прежде временъ Патріарха Авраама. Наконецъ Иппархъ и Птоломей изобрѣтатели Астрономіи ни о какихъ дѣланныхъ древними наблюденіяхъ звѣздъ не упоминаютъ, какъ только о тѣхъ, которыя при царѣ Навуходоносорѣ дѣланы были у Египтянъ и Ассиріанъ.

убываетъ; взяли себѣ отсюда поводъ ко увѣренію насъ, что всѣ великія и малыя человѣческія дѣла, какбы привязаны будучи къ звѣздамъ и созвѣздіямъ, ими управляются и располагаются. Въ самомъ же дѣлѣ весьма непристойно и несправедливо думать, что, поелику прибываніе и убываніе Океяна сходно съ теченіемъ луны, и чье нибудь дѣло, которое онъ можетъ быть о проводѣ воды по суду имѣетъ съ соучастниками въ тойже водѣ, или о общей стѣнѣ съ сосѣдами, что то дѣло какбы нѣкоторою уздою съ неба управляется. Сіе хотя по божественной нѣкоторой силѣ и устроенію быть можетъ; однако не думалъ онъ, чтобы въ толь краткое и маловременное теченіе жизни можно было оное понять и постигнуть человѣческому уму, сколь бы онъ великъ ни былъ; а развѣ только нѣчто не многое угадывать, какъ имянно онъ сказалъ, παχυμερεστερον, [грубо, неискусно] ни мало не основываясь на знаніи, но на удачу, неутвердительно и по одному только мнѣнію, подобно какъ глазамъ отдаленные предметы, по причинѣ находящагося между ими разстоянія мѣста, представляются во мракѣ. Ибо ежели люди будутъ предузнавать будущее, то чрезъ сіе уничтожится то, чемъ наипаче боги отъ людей различествуютъ. Наконецъ думалъ онъ, что и самое звѣздъ и созвѣздій наблюденіе, которое почитаютъ они началомъ своего знанія, ни-

чего точнаго не имѣетъ. Ибо естьли первые Халдеи, жившие на открытыхъ поляхъ, смотря на движенія, пути, разхожденія и совокупленія звѣздъ, примѣтили, что по нихъ дѣлается; то пускай, говоритъ, сія наука останется въ своей силѣ, но подъ тою только наклонностію неба [въ томъ климатѣ], подъ которою тогда жили Халдеи: понеже наблюденіе Халдеевъ не можетъ быть дѣйствительно, естьли кто захочетъ употребить оное подъ различными странами неба. Ибо кто не видитъ, сколь велико есть различіе странъ и круговъ небесныхъ по покатости и наклонности міра? И такъ тѣже звѣзды, по которымъ, какъ они утверждаютъ, всѣ божественныя и человѣческія дѣла текутъ и совершаются, поелику не вездѣ стужу и теплоту производятъ, но дѣлаютъ перемѣну и различіе; и въ одно время индѣ причиняютъ тихую погоду, а индѣ воздвигаютъ бури: то для чего не производятъ и приключеній вещей и дѣлъ иныхъ у Халдеевъ, иныхъ у Гетуловъ, иныхъ при Дунаѣ, иныхъ при Нилѣ? Весьма же, говоритъ, неслѣдственно думать, чтобы самое тѣло и качество толь глубокаго воздуха подъ различною наклонностію неба было перемѣнно; а въ разсужденіи человѣческихъ дѣлъ всегда бы сіи звѣзды показывали одно, откуда бы на оныя ни посмотрѣлъ. Сверхъ сего удивлялся онъ, что всякъ почитаетъ то за точное, что

сихъ

сихъ звѣздъ, которыя сказываютъ отъ Халдеевъ и Вавилонянъ или Египтянъ примѣчены, [которыя многіе называютъ блудящими] не больше, какъ сколько ихъ обыкновенно считается. Ибо думалъ, что можетъ быть есть и другія нѣкоторыя планеты равную силу имѣющія, безъ которыхъ точнаго и непрерывнаго наблюденія дѣлать не можно; однако ихъ по причинѣ преизбыточнаго или сіянія или высоты люди видѣть не могутъ. Потому что нѣкоторыя, говорятъ, звѣзды изъ нѣкоторыхъ земель видны, и жителямъ тѣхъ земель извѣстны; (2) но тѣже самыя изъ всякой другой земли невидны, и совсѣмъ другимъ неизвѣстны. Да положимъ, говоритъ, что и сіи только звѣзды, и изъ одной части земли наблюдать было надобно; но на какой же конецъ дѣлано было сіе наблюденіе, и какихъ временъ казалось довольно для понятія того, что предзнаменуетъ или совокупленіе звѣздъ, или ихъ кругообращеніе, или прехожденіе? Ибо естьли съ тѣмъ намѣреніемъ началось дѣлаться наблюденіе, чтобы примѣчать кто подъ какимъ видомъ и расположеніемъ звѣздъ родился: потомъ въ сходственность сему заключать о будущемъ

(2) *Но тѣже самыя изъ всякой другой земли не видны*] Такъ звѣзды находящіяся около полуса и арктическаго намъ не видны, какъ и живущіе на столько же градусовъ за Экваторомъ къ югу, звѣздъ около нашего полуса находящихся видѣть не могутъ.

щемЪ его щастіи, нравахЪ, разумѢ и обстоятельствѢ дѢлЪ, и напослѢдокЪ о концѢ жизни, притомЪ все сіе случившееся записывать; и по прошествіи многаго времени, когда тѢже самыя звѢзды на томже мѢстѢ и вЪ томже явятся видѢ, думать что и сЪ другими вЪ тоже время родившимися случится тоже: естьли сЪ тѢмЪ, говоритЪ, намѢреніемЪ началось дѢлаться наблюденіе, и по сему наблюденію составлена нѢкоторая наука; то никакимЪ образомЪ ей вЪ своей силѢ быть не можно. Ибо пускай скажутЪ они, (1) во сколько лѢтЪ, или лучше во сколько вѢковЪ сей кругЪ наблюденія совершиться можетЪ. Понеже, говоритЪ, звѢздословы полагаютЪ, что звѢзды, называемыя *блудящими*, которыя почитаются для всѢхЪ вещей роковыми, чрезЪ безконечное и почти неизчислимое множество лѢтЪ на тоже мѢсто, сЪ котораго всѢ вмѢстѢ пошли вЪ одномЪ видѢ, возвращаются; такЪ что никакое наблюденіе и никакія записки чрезЪ толикую долговремен-

---

(1) *Во сколько лѢтЪ, или лучше во сколько вѢковЪ*] Ибо весьма справедливо, что небо вЪ томже положеніи ни дважды не бываетЪ не только чрезЪ сто или тысячу вѢковЪ, но ниже чрезЪ безчисленныя вѢки; да не можно никогда сему и быть. По сему никакому Халдейскому положенію, чему непремѢнно быть должно, естьли утверждаться на ихЪ установленіяхЪ, не можно составлену быть изЪ многихЪ подобныхЪ опытовЪ; когда имЪ самимЪ ниже дважды не можно сдѢлать тогоже или подобнаго опыта.

менность продолжаться не могутЪ. Притомъ думалЪ онЪ, что надобно взять вЪ разсужденіе и то, что иное созвѣздіе было вЪ самое время зачатія человѣка во утробѣ матерней, иное когда онЪ вЪ исходѣ десятаго мѣсяца на свѣтЪ производился. И спрашивалЪ, какЪ можно надЪ одною вещію различному быть показанію: когда, по мнѣнію ихЪ самихЪ, различное звѣздЪ положеніе и движеніе бываетЪ причиною различнаго щастія. Но и во время брака, чрезЪ которой получаются дѣти, и вЪ самое оное мужа сЪ женою соитіе, должно уже, говорилЪ, свѣдомо быть, какіе и сЪ какимЪ щастіемЪ, по извѣстному нѣкоторому и непремѣнному звѣздЪ порядку, родятся люди: да и гораздо еще запрежде, нежели какЪ самый отецЪ и мать родились, изЪ ихЪ самаго рожденія должно предусмотрено быть, кто таковы будутЪ нѣкогда отЪ нихЪ родиться имѣющіе, и такЪ далѣе и далѣе до безконечности: такЪ что, естьли бы сія наука основана была на истиннѣ, за сто бы еще вѣковЪ, или лучше сЪ самаго начала неба и всего міра, даже до самаго конца, пока люди родЪ свой продолжающіе родиться будутЪ, оныя звѣзды непрерывнымЪ показаніемЪ предозначали, каковЪ и сЪ какою судьбою будетЪ человѣкЪ нынѣ родившійся. КакимЪ же, говоритЪ, образомЪ можно повѣрить, что жребій и щастіе, отЪ вида и положенія каждой звѣ-

зды зависящее, одному только человѣку точно опредѣлено? и что оный видъ по прошествіи множайшихъ вѣковъ возвращается; когда признаки жизни и богатства тогоже человѣка, въ толь короткое время, по всѣмъ степенямъ его предковъ и по безконечному порядку наслѣдствъ, толь часто и многократно будучи тѣже самыя, не тѣмже видомъ звѣздъ означаются? Есть ли сему быть можно, и есть ли сія разность и премѣнность по всѣмъ степенямъ древности дѣлается для означенія произхожденія въ свѣтъ людей имѣющихъ послѣ родиться: то уже сіе неравенство дѣлаетъ въ наблюденіи замѣшательство, и вся наука приходитъ въ безпорядокъ. Наипаче же, по разсужденію его, не можно допустить того ихъ мнѣнія, что не только внѣшнія случаи и приключенія, но и самыя человѣческія мысли и намѣренія, различныя пожеланія и отвращенія, и случайныя и незапныя въ маловажнѣйшихъ вещахъ перемѣны души движутся и управляются отъ неба: такъ какбы то, что ты, захотѣвши итти въ баню, послѣ не захотѣлъ, а потомъ опять захотѣлъ, случилось не по различному и перемѣнному движенію души, но по неотмѣнному нѣкоторому блудящихъ звѣздъ обороту: такъ что люди неживотными разумными, но шуточными и смѣшными нѣкоторыми куклами быть кажутся, ничего сами собою и по своему произво-

ле-

ленію не дѣлаютъ; но во всѣхъ своихъ дѣлахъ водимы и управляемы бываютъ отъ звѣздъ. И естьли бы, говоритъ, утвердително можно было предсказать, Пиррг ли царь, или М. Курій одержитъ побѣду на сраженіи? то для чего же они не смѣютъ сказать и о тавлейной и шашечной игрѣ, кто изъ играющихъ въ оную будетъ побѣдителемъ? Или видно они большее знаютъ, а меншаго не знаютъ; и меншее непонятнѣе большаго? Но ежели они присвояютъ себѣ знаніе великихъ дѣлъ, и почитаютъ оныя больше явными и удобопонятнѣйшими: то пускай, говоритъ, отвѣчаютъ мнѣ, что въ семъ созерцаніи всего міра, дѣлами природы знаменитаго, въ толь маловажныхъ и маловременныхъ человѣческихъ дѣлахъ и приключеніяхъ почитаютъ они великимъ. Да желалъ бы, говоритъ, я, чтобы отвѣчали они и на то: Ежели столь мала и быстротекуща краткость времени, въ которую раждающійся человѣкъ получаетъ свою судьбу, что въ самую оную мгновенность подъ однимъ небеснымъ кругомъ не могутъ родиться многіе вмѣстѣ совершенно между собою сходные; и ежели и двойни родившіеся для того не одинакій имѣютъ жребій жизни, что не въ одну мгновенность времени родились; то прошу, говоритъ, что бы они отвѣчали: То теченіе лѣтящаго времени, которое едва мыслію понять можно, какимъ образомъ или спо-

способомъ могутъ они постигнуть, или понять и усмотрѣть, когда въ толь стремительномъ дней и ночей обращеніи малѣйшія минуты производятъ великія перемѣны? Напослѣдокже спрашивалъ онъ и о томъ, что въ противность сему сказано быть можетъ; По чему люди обоего пола всякаго возраста, въ различное движеніе звѣздъ родившіеся, хотя климаты, подъ которыми они родились, въ далекомъ между собою находятся разстояніи; однако всѣ сіи люди или разсѣдшеюся землею пожраны, или паденіемъ домовъ подавлены, и при взятіи приступомъ городовъ убиты, или въ одномъ кораблѣ водою поглощены будучи, однимъ родомъ смерти, и въ одну мгновенность времени всѣ вмѣстѣ погибли? чему, говоритъ, ни когда бы случиться было не можно, естьли бы минуты рожденія каждому назначенныя всякая свои имѣли законы. Естьли, говоритъ, сказываютъ они, что въ смерти и въ жизни людей въ различныя времена родившихся, по равному нѣкоторому звѣздъ послѣ стеченію, можно случиться чему нибудь равному и подобному: то для чего не можно когда нибудь случиться и всему равному, что бы по таковому звѣздъ сходству и стеченію вмѣстѣ быть многимъ Сократамъ и Антисѳенамъ и Платонамъ, родомъ, лицемъ, разумомъ, нравами, всею жизнію и смертію равнымъ? а сему, говоритъ, совсѣмъ быть не возможно. И такъ

по надлежащему не могутъ они употреб лять сей причины въ разсужденіи не равнаго человѣческаго рожденія а равной смерти. А о томъ, говорилъ, и не спрашиваетъ уже онъ ихъ, Ежели время, обстоятельство и причина жизни и смерти и всѣхъ дѣлъ человѣческихъ зависитъ отъ неба и отъ звѣздъ; то что скажутъ они о мухахъ или о червячкахъ или ежахъ, и о другихъ многихъ малѣйшихъ на земли и въ водѣ животныхъ? по другимъ ли они съ людьми законамъ родятся и умираютъ? такъ что или по движенію небесныхъ звѣздъ лягушкамъ и комарамъ опредѣлены роковыя времена для рожденія; или, естьли они сего не думаютъ, никакой нѣтъ причины, по чему звѣзды сію силу въ разсуденіи людей имѣютъ, а въ разсужденіи другихъ животныхъ не имѣютъ. Сіе мы написали слогомъ сухимъ, некрасивымъ и почти безплоднымъ. Но Фаворинъ, по остроумію своему и по обильности и пріятности Греческаго краснорѣчія, разсуждалъ о томъ пространнѣе, пріятнѣе, краснорѣчивѣе и изобильнѣе; и часто напоминалъ, дабы мы остерегались, чтобы сіи обманщики невкрались въ насъ со увѣреніемъ: понеже кажется иногда, что они выбалтываютъ или разсѣваютъ нѣсколько справедливаго. Ибо, говоритъ, они неточно и неопредѣлительно, ниже выразумѣвши сами говорятъ; но основываясь на слабой и въ околичностяхъ запутанной догадкѣ,

ме-

между истинною и ложью, какбы вЪ темнотѣ бродятЪ: и, либо многія дѣлая опыты, нечаянно и не зная находятЪ на истинну; либо послѣдуя легковѣрности тѣхЪ, которые ихЪ вопрошаютЪ, хитрымЪ образомЪ доходятЪ до истинны: и потому кажется, что они удобнѣе находятЪ истинну вЪ дѣлахЪ прошедшихЪ нежели будущихЪ. Однако всего того, что они или наудачу или хитрымЪ образомЪ говорятЪ справедливо, а наипаче что ложно, не будетЪ и тысячной доли. Сверхже сего слышаннаго отЪ Фаворина, помню я многія и древнихЪ стихотворцевЪ свидѣтельства, которыми такія наполненныя обманами околичности опровергаются. ИзЪ которыхЪ есть оное Пакувіево:

Кто видитЪ напередЪ имѣюще случиться,
СЪ ЮпитеромЪ самимЪ тотЪ можетЪ сравниться;

также оное Акціево:

Ни вЪ чемЪ, онЪ говоритЪ, *я АвгурамЪ не вѣрю,*
Которы слухЪ другихЪ словами наполняютЪ,
Дабы чрезЪ то свои наполнить златомЪ домы.

Тоже ФаворинЪ желая отвлечь и отвратить молодыхЪ людей отЪ сихЪ гадателей и отЪ нѣкоторыхЪ другихЪ имЪ подобныхЪ, которые обѣщаютЪ чрезЪ чудное свое искуство предсказать все будущее, слѣдующими доказательствами утверждалЪ, что совсѣмЪ кЪ нимЪ ходить и спрашивать не должно. Они, говоритЪ, скажутЪ, что случится или щастіе или нещастіе. Естьли скажутЪ, что щастіе, и обманутЪ; то будешь ты нещастливЪ по напрасному ожиданію. Есть-

ли скажутъ, что нещастіе, и солгутъ; то нещастливъ будешь по напрасному страху. Естьли же отвѣчаютъ правду къ твоему нещастію; то сдѣлаешся ты прежде нещастливъ по мыслямъ, нежели какъ нещастливъ будешь по судьбѣ. Естьли обѣщаютъ щастіе, и оное сбудется на самомъ дѣлѣ, то конечно будешь имѣть двѣ невыгоды: первую, что ожидая исполненія надежды будешь безпокоиться; вторую, что надежда отъиметъ у тебя случай возчувствовать ожидаемую радость въ самомъ ея совершенствѣ. И такъ ни по чему не должно прибѣгать къ симъ предузнающимъ будущее людямъ.

ГЛАВА 8.

Какъ разсуждалъ Флоринъ, будучи отъ меня попрошенъ о должности судіи.

Какъ скоро я (1) отъ Преторовъ выбранъ въ судьи, для производженія такъ называемыхъ частныхъ судовъ; то отъискалъ кни-

---

(1) *Отъ Преторовъ выбранъ въ судьи*] То есть, внесенъ въ списокъ выбранныхъ судей. Ибо встарину былъ списокъ, въ которой вносились тѣ, которыхъ Преторъ или другіе градоначальники выбирали для рѣшенія приватныхъ тяжебъ. Изъ сего списка Преторы брали тѣхъ, которые приватныя тяжущихся дѣла должны были разбирать по гражданскимъ законамъ и по предложенному образцу судопроизводства, и дѣлать опредѣленія. Сіи выбранные судьи во время Юлія Це-

книги на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ о должности судіи написанныя; дабы какъ человѣку молодому, отъ стихотворческихъ басенъ и отъ реторическихъ сочиненій къ разбиранію по суду тяжебъ призванному, по недостатку живаго, какъ говорится, слова, научиться судопроизводству отъ безсловесныхъ, какъ говорятъ, учителей. И что касается до отсрочиванія и откладыванія дѣлъ до третьяго дня и до другихъ нѣкоторыхъ законныхъ обрядовъ, то мы въ разсужденіи сего нашли наставленіе и пособіе въ самомъ (2) Юліевомъ законѣ, и въ

Цесаря раздѣлены были на двѣ декуріи [департамента] и третія декурія по смерти Цесаревой прибавлена отъ Антонія, то видно изъ Цицерона въ 5. и 10. Филипп. гдѣ онъ весьма поноситъ оный. Пишетъ Светоній, что Августъ къ симъ тремъ прибавилъ еще четвертую изъ людей состоящихъ въ самой нижней оцѣнкѣ, которая и называлась бы декуріею двусотенныхъ, [кои при всеобщей переписи объявили у себя имѣнія на 200000 малыхъ сестерціевъ] да и вѣдалабъ дѣла меншей важности. Потомъ К. Калигула прибавилъ и пятую декурію; а когда стали просить всадники, чтобы прибавить и шестую; то Сервій Галба въ томъ имъ отказалъ, какъ свидѣтельствуетъ тотже Светоній въ ихъ жизняхъ.

(2) *Юліевомъ законѣ*] Разумѣется законъ Юліевъ судебный, изданный К. Юліемъ Цесаремъ. Ибо онъ, по объявленію Светонія, опредѣлилъ судьямъ быть изъ двухъ только степеней, всадническаго да Сенаторскаго. А третій чинъ Трибуновъ бывшихъ у расхода государственной казны вовсе уничтожилъ. Сверхъ сего многія были статьи сего закона, какъ то о лѣтахъ самыхъ судей, о достоинствѣ, состояніи, о образѣ и обыкновеніи общенародныхъ и частныхъ судовъ.

вѣ запискахѣ Сабина Массурія и нѣкоторыхѣ другихѣ законоучителей: а вѣ разсужденіи бывающаго затрудненія дѣлѣ, и сумнительнаго обстоятельства различныхѣ случаевѣ, сіи книги намѣ ни мало не помогли. Ибо хотя судьямѣ должно поступать смотря по состоянію настоящихѣ дѣлѣ; однако есть нѣкоторыя общія правила и наставленія, которыми судья до предложенія себѣ дѣла долженѣ быть предукрѣпленѣ, и предуготовленѣ кѣ неизвѣстнымѣ случаямѣ будущихѣ трудностей, какѣ и мнѣ тогда случилось имѣть слѣдующее нерѣшимое вѣ разсужденіи сдѣланія приговора сумнѣніе. Одинѣ на другаго просилѣ меня вѣ томѣ, что онѣ, взявши у него наличныя деньги, не отдаетѣ. Но не доказывалѣ сего ни письменно, ни чрезѣ свидѣтелей, и представлялѣ весьма слабыя доказательства. А то было извѣстно, что онѣ человѣкѣ весьма добрый, вѣ справедливости дознанный и вѣ житіи безпорочный: и многія находились ясныя доказательства его честности и справедливости. Тотже напротивѣ, сѣ котораго требованы были деньги, оказался человѣкомѣ нечестнымѣ, житія порочнаго и подлаго, многократно приличившимся во лжи, и наполненнымѣ вѣроломства и обмана. Однако онѣ со многими своими стряпчими кричалѣ, что дача денегѣ должна мнѣ доказана быть обыкновеннымѣ образомѣ, запискою вѣ расходную книгу,

запискою настольною, показаніемъ векселя, роспискою въ книгѣ, представленіемъ свидѣтелей. Естьли же ни чемъ изъ всего сего доказано не будетъ, то уже должно его отпустить, а соперника за несправедливую прозьбу штрафовать: чтожъ говорено здѣсь о житіи и поступкахъ обоихъ, то говорено не кстатѣ. Ибо дѣло идетъ не у Ценсоровъ о нравахъ, но у частнаго судьи о прошеніи денегъ. Тогда пріятели мои, съ которыми я совѣтовался, люди знающіе, и въ стряпчествѣ по судебнымъ дѣламъ прославившіеся, и по причинѣ дѣлъ во всѣ стороны ихъ развлекающихъ обыкновенно спѣшащіе, говорили, что не надобно долго мѣшкать, и безъ всякаго сумнѣнія должно оправдать того, который никакимъ обыкновеннымъ доказательствомъ во взятіи денегъ не обличился. Но я разсуждая, что одинъ изъ нихъ человѣкъ совѣстный, а другой безсовѣстный, пребезчинный и весьма безчестный, не могъ согласиться на оправданіе его. И для того отсрочивъ дѣло до другаго времени, и вставъ со стола пошелъ къ Фаворину философу, у котораго я тогда въ Римѣ по большей части учился, и точно разсказалъ ему о дѣлѣ и о всемъ передо мною говоренномъ; а притомъ просилъ, чтобы онъ какъ въ разсужденіи моего недоумѣнія въ томъ дѣлѣ, такъ и во всемъ касающемся до судейской должности далъ мнѣ наставленіе. Тогда Фавоﬁнъ по-

хва-

хваливъ справедливость моего медленія и сумнѣнія сказалъ: О чемъ ты теперь разсуждаешь, то кажется не трудно и маловажно; но естьли ты просишь, чтобы я далъ тебѣ наставленіе и во всемъ до судейской должности касающемся; то знай, что сдѣлать сего не позволяетъ ни сіе мѣсто, ни время. Понеже сіе разсужденіе есть пространное, заключаетъ въ себѣ многія вопросы, и великой требуетъ осмотрительности и подробности. Ибо, для показанія тебѣ теперь не многихъ о судейской должности вопросныхъ статей, скажу, что самая первая изъ оныхъ есть слѣдующая; Ежели судьѣ случится знать то дѣло, о которомъ предъ нимъ производится тяжба, и оное дѣло до суда еще по какому нибудь случаю или обстоятельству ему одному было заподлинно извѣстно и свѣдомо, однако оно въ судѣ не доказано: то на то ли смотря ему судить должно, что самъ знаетъ, или на то, что въ судѣ представляется? При семъ, говоритъ, спрашивается и то: Пристойно ли и прилично ли судьѣ по разобраніи уже дѣла, ежели можно будетъ прекратить тяжбу, нѣсколько отступивъ отъ должности судьи, принять на себя должность общаго друга и какбы примирителя? Есть еще сумнѣніе и о томъ; Должно ли судьѣ при разбираніи дѣла говорить и спрашивать о томъ, о чемъ говорить и спрашивать надобно, естьли тотъ,

кому надлежитъ о томъ говорить и спрашивать, самъ не говоритъ и не проситъ? Ибо сіе совсѣмъ почитаютъ за дѣло стряпческое а не судейское. Сверхъ сего различно думаютъ и о томъ; Должно ли судьѣ дѣло, о которомъ онъ судитъ, вмѣшиваніемъ своихъ рѣчей такъ изъяснять и означать, чтобы прежде приговора, по непорядочно и разбродчиво тогда предъ нимъ говоримому, дѣлать такія знаки внутренняго своего движенія и чувствія, какія во всякомъ мѣстѣ и во всякое время онъ дѣлаетъ? Ибо острые, говоритъ, и скорые судьи разсуждаютъ, что неиначе дѣло, о которомъ судъ производится, понять и изслѣдовать можно, какъ только естьли судящій частыми вопросами и нужнымъ своихъ рѣчей вмѣшиваніемъ и свои мысли откроетъ, и мысли тяжущихся узнаетъ. Тихіе же напротивъ и многодумающіе говорятъ, что судья прежде приговора, когда еще съ обоихъ сторонъ идетъ дѣло, не долженъ толикократно означать своихъ мыслей, коликократно онъ, выслушавъ какое нибудь доказательство, почувствовалъ внутреннее въ себѣ движеніе. Ибо изъ того, говорятъ, произойдетъ то, что, поелику по различію предлагаемыхъ доказательствъ, различное надобно имѣть внутреннее движеніе, покажется онъ въ одномъ дѣлѣ и въ одно время различное мыслящимъ и опредѣляющимъ. Но о сихъ, говоритъ, и другихъ

тихъ симъ подобныхъ, до судейской должности касающихся, разсужденіяхъ, и мы послѣ надосугѣ обьявить свои мысли постараемся, и правила Эліа Туберона о должности Судьи, весьма недавно мною читанныя, разсмотримъ. Чтожь касается до денегъ, которыхъ, ты сказалъ, проситъ по суду; то совѣтую я тебѣ въ семъ случаѣ поступить по совѣту М. Катона, мужа весьма благоразумнаго, который въ рѣчи, за Л. Туліа говоренной противъ Кн. Геллія, сказалъ, что предки наблюдали и предали потомству такъ, чтобы, естьли дѣла, между двумя сдѣланнаго, ни по письменнымъ доказательствамъ, ни свидѣтелями разобрать не можно, судья о томъ дѣлѣ судящій изслѣдовалъ, кто изъ нихъ честнѣе: и естьли оба будутъ равно или добросовѣстны или безсовѣстны: то бы вѣрилъ онъ тому, съ кого требуются деньги, и судилъ бы въ его пользу. А въ семъ дѣлѣ, о которомъ ты сумнѣваешся, проситель человѣкъ весьма честный, а съ кого просится, весьма негодный; и дѣло сдѣлано между двумя безъ свидѣтелей. И такъ ты поди и повѣрь просящему; а обвини того, съ котораго онъ проситъ: понеже, какъ ты говоришь, двое суть неравные, и просящій честнѣе. Хотя мнѣ сіе тогда Фаворинъ, какъ пристойно мужу философу, и совѣтовалъ: однако я почелъ то выше мѣры и лѣтъ моихъ, чтобы судить и обвинить

по нравамъ, а не по доказательствамъ въ дѣлѣ: но не отважился и оправдать; и для того клялся, что не знаю какъ рѣшить сіе дѣло. Такимъ образомъ свободился я отъ онаго судопроизводства. Слова изъ рѣчи М. Катона, о которой упомянулъ Фаворинъ, суть слѣдующія: *Я по преданію отъ предковъ слышалъ такъ: что естьли кто одинъ будетъ требовать чего нибудь съ другаго, и естьли они оба будутъ равно или честные или нечестные люди, а дѣло сдѣлано безъ свидѣтелей; то надобно больше вѣрить тому, съ котораго требуется. Такъ, естьли бы Геллій, не будучи честнѣе Туріа, положивъ залогъ, спорилъ о чемъ нибудь съ Туріемъ,* [*si sponsionem fecisset Gellius cum Turio*]: *никто бы, думаю, столь безразсуденъ не былъ, чтобы больше честнымъ призналъ Геллія, нежели Туріа. А ежели Геллій не честнѣе Туріа; то лучше должно повѣрить тому, съ котораго требуется.*

ГЛАВА 3.

Ксенофонтъ и Платонъ имѣли ли взаимную между собою ревность и вражду.

Дѣлавшіе весьма обстоятельное описаніе жизни и нравовъ Ксенофонта и Платона думали, что имѣли они нѣкоторыя потаенныя и скрытныя движенія взаимной вражды и ревности: и нѣкоторыя на сіе изъ ихъ сочиненій представили на догадкахъ основанныя доказательства, которыя суть слѣ-

слѣдующія: Что ни Платонъ ни въ одной изъ толикаго множества книхъ не упомянулъ о Ксенофонтѣ, ни Ксенофонтъ напротивъ въ своихъ книгахъ не упомянулъ о Платонѣ; хотя оба они, наипаче же Платонъ, въ рѣчахъ своихъ упоминаетъ о многихъ Сократовыхъ послѣдователяхъ. Притомъ за знакъ вражды и недоброхотства почитаютъ они и то, что Ксенофонтъ противъ славнаго онаго Платонова сочиненія, *о Наилучшемъ Состояніи Республиканскаго и Гражданскаго Правленія*, прочитавъ изъ онаго двѣ почти книги, напередъ въ свѣтъ вышедшія, написалъ о различномъ родѣ царскаго правленія, подъ заглавіемъ *Киропо Наставленіе.* Симъ поступкомъ и сочиненіемъ его столько, сказываютъ, былъ тронутъ Платонъ, что, въ нѣкоторой книгѣ, упомянувъ о царѣ Кирѣ, въ хулу и для отнятія важности у того сочиненія сказалъ: что Киръ есть мужъ храбрый и проворный, но не во всемъ точно поступаетъ по наставленію, [παιδείας δ᾽ ὐκ ὀρθῶς ἧφθαι τὸ παράπαν.] Ибо сіи суть Платоновы слова о Кирѣ. Сверхъ сего думаютъ, что къ вышеупомянутому надлежитъ и то: что Ксенофонтъ въ книгахъ, которыя онъ написалъ подъ заглавіемъ, *Записки Изреченій и дѣлъ Сократовыхъ*, говоритъ, что Сократъ никогда не разсуждалъ о физическихъ матеріяхъ и не касался и не одобрялъ наукъ, называемыхъ отъ Грековъ μαθήματα, которыя не принад-

лежатъ къ благополучной жизни: и для того говоритъ, что тѣ безстыдно лгутъ, которые таковыя разсужденія приписываютъ Сократу. А сіе, говорятъ, написавъ Ксенофонтъ, означилъ Платона, въ коего книгахъ Сократъ разсуждаетъ о физикѣ, музыкѣ и землемѣріи. Но естьли сіе надобно было думать и вѣрить о преизрядныхъ и преважныхъ мужахъ; то думаю, что причиною сему было не хула, ни зависть, ниже прѣніе о пріобрѣтеніи большей славы: ибо сіе далеко отстоитъ отъ философскаго нравоученія, въ которомъ оба они, по общему всѣхъ признанію, были превосходны. Такъ какая же причина сего мнѣнія? Она конечно есть сія, что иногда самое равенство сходныхъ между собою дарованій дѣлаетъ видъ ревности, хотя охоты и желанія спорить нѣтъ. Ибо когда нѣкоторые великіе умы двухъ или больше въ чемъ нибудь одномъ знаменитыхъ мужей или въ равной находятся славѣ, или весьма мало одинъ другому уступаютъ: то у различныхъ доброжелателей ихъ произходитъ споръ о похвалѣ и положеніи цѣны ихъ дарованіямъ. Потомъ отъ чужаго спора доходитъ и до нихъ самихъ зараза соперничества, и когда равенъ или сумнителенъ бѣгъ ихъ стремящихся къ одной цѣли добродѣтели; то не по своему желанію, но по желанію имъ доброхотствующихъ впадаетъ въ подозрѣніе ревности. Такимъ то образомъ и Ксенофонтъ

фонтЪ и ПлатонЪ, два свѣтила Сократической пріятности, почтены между собою спорЪ и ревность имѣющими: понеже другіе о нихЪ спорили, кто изЪ нихЪ превосходнѣе; и понеже два превосходства, совокупно на высоту паря, представляютЪ нѣкоторый видЪ ревностнаго спора.

ГЛАВА 4.

О томЪ, что пристойно и живо ХрисиппЪ красками словЪ описалЪ образЪ Правосудія.

Существенно по истиннѣ и благолѣпно ХрисиппЪ вЪ первой книгѣ изЪ тѣхЪ, которыя надписаны о *Честности* и *Удовольствіи*, важными и почтенными красками словЪ оживописалЪ лице, глаза и взорЪ Правосудія. Ибо онЪ представляетЪ и говоритЪ, что древніе живописцы и риторы образЪ Правосудія обыкновенно почти представляли имѣющимЪ *лице и черты дѣвическія, взорЪ строгій и страшный, глаза острые, не кЪ землѣ поникшую и не спирѣпую, но почтенную нѣкоторую угрюмость.* Чрез начертаніе же сего образа означаетЪ онЪ, что судія, который есть первенствующій священнослужитель Правосудія, долженЪ быть важенЪ, святЪ, строгЪ, непороченЪ, ласкателямЪ неприступенЪ, вЪ разсужденіи беззаконниковЪ и повинныхЪ немилосердЪ и неупросимЪ, могуществен и стоящЪ

прямо и возвышенно, силою и величествомъ правоты и истинны устрашающь. Слова самимъ Хрисиппомъ написанныя о Правосудіи суть слѣдующія: Παρθένος δὲ εἶναι λέγεται κατὰ σύμβολον τοῦ ἀδιάφθορος εἶναι, καὶ μηδαμῶς ἐνδιδόναι τοῖς κακούργοις, μηδὲ προσίεσθαι μήτε τοὺς ἐπιεικεῖς λόγους, μήτε παραίτησιν καὶ δέησιν, μήτε κολακείαν, μήτε ἄλλο μηδὲν τῶν τοιούτων. οἷς ἀκολούθως καὶ σκυθρωπὴ γράφεται, καὶ συνεστηκὸς ἔχουσα τὸ πρόσωπον, καὶ δεδορκὸς βλέπουσα, ὥς τε τοῖς μὲν ἀδίκοις φόβον ἐμποιεῖν, τοῖς δὲ δικαίοις θάρσος. τοῖς μὲν προσφιλοῦς ὄντος τοῦ τοιούτου προσώπου, τοῖς δὲ ἑτέροις προσάντους. т. е. *Дѣвицею же оно называется по подобію, что оно непорочно, и никакъ не здается злодѣямъ, не допускаетъ до себя ни преклонительныхъ словъ, ни прозьбы, ни умоленія, ни ласкательства, и ничего другаго сему подобнаго. И по сему справедливо изображается оно угрюмымъ и постоянное лице имѣющимъ, быстро смотрящимъ, такъ что виноватымъ наводитъ страхъ, а правымъ подаетъ дерзновеніе: потому что такoвое лице правымъ пріятно, а виноватымъ противно.* Сіи Хрисипповы слова больше разсудилъ я здѣсь положить для того, чтобы они открыты были для тѣхъ, которые о нихъ захотятъ разсуждать: ибо какъ я ихъ читалъ, то нѣкоторые понѣжнѣе въ наукахъ философы сказали, что сіе изображеніе есть Жестокости, а не Правосудія.

ГЛАВА 5.

Между славными въ Римѣ грамматиками бывшая распря и споръ о звательномъ падежѣ слова, egregius.

Нѣкогда утрудившись я отъ долговременнаго упражненія, для прогулки ходилъ по Агриппиному полю; и послучаю увидѣлъ тамъ двухъ славныхъ въ Римѣ грамматиковъ спорющихся, остановился послушать ихъ весьма сильнаго спора. Одинъ изъ нихъ спорилъ, что въ звательномъ падежѣ надобно говорить *vir egregi*, а другой, *vir egregie*. Причину же тотъ, который думалъ что надобно говорить *egregi*, представлялъ слѣдующую: Всѣ, говоритъ, имена или слова въ именительномъ падежѣ единственнаго числа кончащіяся на *us*, и предъ послѣднимъ слогомъ букву, *i*, имѣющія, въ звательномъ падежѣ кончатся на *i*, на примѣръ *Caelius Caeli*, *modius modi*, *tertius terti*, *Accius Acci*, *Titius Titi* и другія подобныя. По сему *egregius* въ именительномъ падежѣ кончася на *us*, и имѣя предъ *us* букву *i*, долженъ въ звательномъ падежѣ кончиться на *i*; и для того справедливѣе сказать *egregi*, нежели *egregie*. Ибо *diuus & riuus & cliuus* кончатся не на слогъ *us*, но на тотъ, которой надобно писать чрезъ два *uu*, и чтобъ изъяснять звонъ сего слога; для того изобрѣтена новая буква названная дигаммою [digamma]. Какъ другой сіе услышалъ, то ска-

сказалъ; O egregie grammatice, uel, si id mauis egregiissime, скажи пожалуй, *inscius et impius et sobrius et ebrius et proprius et propitius et anxius et contrarius*, кончащіися на us, и предъ *us* букву *i* имѣющія, какъ имѣютъ звательный падежъ? ибо мнѣ стыдно и совѣстно произносить оныя по твоему окончанію. Но какъ онъ, противоположеніемъ сихъ словъ нѣсколько будучи тронутъ, замолчалъ, и вскорѣ потомъ опомнившись сталъ защищать оное свое объ окончаніи правило, и говорить что и *proprius* и *propitius* и *anxius* и *contrarius* въ звательномъ падежѣ говорить надобно также, какъ говорится *aduersarius* и *extrarius*, также *inscius* и *impius* и *ebrius* и *sobrius* хотя нѣсколько неупотребительнѣе, но справедливѣе произносить въ ономъ падежѣ чрезъ *i* нежели чрезъ *e*, и оный споръ между ими продолжался долѣе; то не разсудилъ я заблаго долѣе сіе слушать, и оставилъ ихъ кричащихъ и спорющихъ.

ГЛАВА 6.

Какія суть кажущіяся науками, но ни пользы ни увеселенія не приносятъ; и притомъ о перемѣнившихся именахъ нѣкоторыхъ городовъ и странъ.

Отчинъ мой пріятель, человѣкъ довольно ученый, много въ чтеніи книгъ упражнившійся сказалъ, что онъ хочетъ мнѣ помочь и украсить мои ночи. И въ тоже

время

время далъ мнѣ большую книгу всякими науками, какъ онъ говорилъ, преисполненную, собранную отъ него изъ многихъ и различныхъ и малосвѣдомыхъ книгъ; чтобы я взялъ изъ оной, сколько угодно, достопамятныхъ вещей. Взялъ я съ моею охотою и удовольствіемъ, какбы получилъ рогъ изобилія; и заперся отъ людей во внутреннемъ покоѣ, что бы кто нибудь не помѣшалъ читать. Но что въ ней написано, Боже мой! сущія чудеса: Какъ назывался первый грамматикъ, и сколько было знатныхъ Пиѳагоровъ, сколько Иппократовъ, и о какихъ говоритъ Омиръ Сиренахъ, бывшихъ въ домѣ Уликсовомъ, для чего лежащій Телемахъ не рукою тронулъ, но ударомъ ноги разбудилъ вмѣстѣ съ собою лежащаго Писистрата, и какимъ замкомъ Еврикліа заперла Телемаха, и почему тоже стихотворецъ розы не знаетъ, а розовое масло знаетъ; и притомъ написано, какъ назывались товарищи Уликсовы, похищенные и растерзанные Скиллою; на внутреннемъ ли морѣ, по Аристарху, или на внѣшнемъ, по Кратиту, заблудился Уликсъ. Сверхъ сего написано было тамъ, какія стихи у Омира суть *ἰσόψηφοι* (1) *равночисленные*, и какія имена

(2)

(1) *Равночисленные*] Которыхъ стиховъ всѣ буквы взятыя за числа дѣлали и составляли одно число, тѣ назывались равночисленными.

(2) изъ краестрочія тамъ составляются, и который стихъ въ каждомъ словѣ прибавляется однимъ словомъ; и наконецъ въ какомъ разумѣ сказалъ онъ, что всякой скотъ въ Африкѣ каждой годъ родитъ по тройни, и изъ пяти покрываль бывшихъ на Ахиллесовомъ щитѣ, золотое верхнее ли или среднее; и сверхъ сего какихъ городовъ и странъ перемѣнены уже названія, что Віотіа прежде называлась Аоніею, что Египетъ Аеріею, что Критъ тѣмже именемъ Аеріа назывался, что Аттикѣ было имя Акти, что Коринѳу Ефире, что Македоніи Имаѳіа, что Ѳессаліи Эмоніа, что Тиру Сарра, что Ѳракіи прежде было имя Сиѳонъ, что Систону Посидоніонъ. Сіе и многое другое сему подобное было написано въ той книгѣ, которую я, вскорости ему отдавая, сказалъ: Ученѣйшій мужъ, желаю тебѣ успѣвать въ семъ многоразличномъ ученіи; а пребогатую сію книгу возьми, яко ни мало неприличную убогимъ моимъ трудамъ. Ибо мои *Ночи*, которыя ты хотѣлъ снабдить и украсить, наипаче ищутъ одного онаго Омирова стиха, о которомъ всегда говорилъ Сократъ, что онъ ему пріятнѣе всего.

---

(2) *изъ краестрочія*] Говоритъ Муретъ, что, по Евстаѳіеву замѣчанію, изъ первыхъ буквъ пяти первыхъ стиховъ послѣдней книги Иліады выходитъ имя λεύκη. И что также Евстаѳій говоритъ, что у древнихъ было въ обыкновеніи для забавы такія предлагать вопросцы, которыхъ онъ нѣсколько полагаетъ и изъясняетъ.

῞Ο ττί τοι ἐν μεγάροισι κακόν τ᾽ ἀγαθόν τε τέτυκται.

то есть.

Все дома что съ тобой добро иль зло случилось.

ГЛАВА 7.

О томъ, что Маркъ Варронъ Кн. Помпею, въ первый разъ назначенному въ Консулы, далъ записную книгу, названную отъ него вводною [isagogicum], *о томъ, какъ созывать Сенатъ.*

К. Помпей въ первый разъ съ М. Крассомъ былъ назначенъ въ Консулы. Онъ до вступленія въ оную должность, поелику по причинѣ военныхъ временъ не зналъ какъ созывать Сенатъ и какъ дѣлать въ ономъ предложенія, и не разумѣлъ гражданскихъ дѣлъ, просилъ М. Варрона своего пріятеля, чтобы онъ сдѣлалъ ему записную книгу *вводную*, [ибо самъ Варронъ такъ называетъ,] изъ которой бы онъ могъ узнать, что ему дѣлать и говорить при предложеніяхъ Сенату о республикѣ. Варронъ въ письмѣ писанномъ къ Оппіану, которое находится въ четвертой книгѣ *Вопросовъ чрезъ Письма*, говоритъ, что оная записная книга, сдѣланная для Помпея пропала. Въ ономъ письмѣ, поелику прежде отъ него написанное утратилось, снова онъ пишетъ многое до того касающееся. И вопервыхъ полагаетъ онъ тѣхъ, чрезъ которыхъ, по обыкно-

кновенію предковъ, созываемъ былъ Сенатъ, имянно же *Диктатора*, *Консула*, (1) *Преторовъ*, (2) *Трибуновъ народныхъ*, *Междуцарственника*, *Градодержца* [Praefectum urbi]: и никто, говоритъ, другой кромѣ сихъ не имѣлъ права представлять Сенату о республикѣ; и когда случалось, что всѣ сіи градоначальники въ одно время были въ Римѣ; то по вышеписанному порядку написанный изъ нихъ первымъ имѣлъ право представлять Сенату о республикѣ. Притомъ говоритъ, что, по чрезвычайному праву, и *Трибуны воинскіе*, бывшіе въ должности *Консуловъ*, также *Децемвиры*, имѣвшіе тогда Консульскую власть, и *Тріумвиры для благоучрежденія республики* сдѣланные имѣли право представлять Сенату о республикѣ. Потомъ написалъ онъ и о недопущеніяхъ, и сказалъ, что не допускать, чтобы Сенатское опредѣленіе было сдѣлано, право дано было тѣмъ только, которые или равную съ представляющими Сенату о республикѣ, или большую имѣли власть. Сверхъ сего написалъ онъ и о мѣстахъ, въ которыхъ Сенатское опредѣленіе законно сдѣ-

(1) *Преторовъ*] Замѣтить надобно, что Преторы имѣли право созывать Сенатъ въ то только время, когда отлучались изъ города Консулы.

(2) *Трибуновъ народныхъ*] По свидѣтельству Діонисія Аликарнасскаго въ кн. 10. народные Трибуны право созывать Сенатъ присвоили себѣ въ Консульство М. Валерія и Сп. Виргинія.

сдѣлано быть можетъ; и доказательствами утвердилъ, что не было то Сенатское опредѣленіе почитаемо за законное, которое не въ опредѣленномъ чрезъ Авгуровъ мѣстѣ, называвшемся templum [храмъ], сдѣлано. По сему и въ Сенатѣ Гостиліевомъ и въ Помпеевомъ, и послѣ въ Юліевомъ, поелику оныя были несвященныя мѣста, чрезъ Авгуровъ опредѣлены храмы; дабы въ оныхъ, по обыкновенію предковъ, могли законно дѣлаться Сенатскія опредѣленія. Между прочимъ написалъ онъ и то, что не всякое священное мѣсто есть храмъ, и что ниже святилище Вестино есть храмъ. Наконецъ говоритъ, что Сенатское опредѣленіе, до возхожденія и по захожденіи солнца сдѣланное, было недѣйствительно: и сдѣлавшіе въ то время опредѣленіе подпадали Ценсорскому штрафу. Напослѣдокъ въ томъ письмѣ объявляетъ онъ и многое другое, какъ то, въ которые дни не позволяется созывать Сенатъ; и что имѣющій созвать Сенатъ напередъ долженъ совершить жертвоприношеніе и обрядъ птицезрѣнія; что (3) Сенату должно представлять прежде

(3) *Сенату должно представлять*] Представляли же Сенату не только Консулы, или другіе градоначальники созывавшіе Сенатъ, но и всѣ имѣвшіе право созыванія Сената; такъ что разные градоначальники о разныхъ дѣлахъ въ одинъ иногда день представляли Сенату.

(4) о вещахъ божественныхъ нежели человѣческихъ: притомъ что представлять должно или (5) вообще о республикѣ, или (6) о каждомъ дѣлѣ во особенности: что Сенатское опредѣленіе бываетъ двоякимъ образомъ, или чрезъ разхожденіе въ случаѣ согла-

(4) *О вещахъ божественныхъ*] Ибо все касающееся до закона и общенароднаго богослуженія Сенатскимъ опредѣленіемъ было утверждаемо, и наибольшая часть божественныхъ законовъ отдана была на совѣсть, произволеніе и во власть Сената. По сему то говоритъ Тертулліанъ, что никакого бога въ Римѣ не почитали, естьли онъ небудетъ въ ликъ боговъ включенъ Сенатскимъ указомъ. По сему и Діонъ въ кн. 39. говоритъ, ни одного никогда Сивиллина стиха безъ Сенатскаго опредѣленія предъ народомъ читано не было. О законѣ же и о вещахъ божественыхъ говорились представлать Консулы, когда по объявленіи несщастливыхъ предзнаменованій представляли Сенату о томъ, что касалось до умилостивленія боговъ и до отвращенія ихъ гнѣва, и что надлежало дѣлать по Сивиллинымъ книгамъ.

(5) *Вообще о Республикѣ*] О республикѣ говорились представлять Консулы, когда вообще или неопредѣлительно представляли о томъ, что касалось до всего общества и до общественнаго благосостоянія. Лив. кн. 24. *Окончавъ то, что касалось до умилостивленія боговъ, Консулы представили Сенату о республикѣ, о войнѣ, и о томъ, сколько всего войска, и гдѣ оно находится.*

(6) *О каждомъ дѣлѣ по особенности* [Естьли чего Консулы своею силою сдѣлать не могли, и общимъ о республикѣ представленіемъ представляли дѣла столь различныя, что Сенаторамъ не можно казалось о всѣхъ сдѣлать одного опредѣленія: то обыкновенно просили, что бы представленіе раздѣлить, и о каждомъ дѣлѣ представить особливо. Примѣръ сего видимъ мы у Ливія

гласія: или въ случаѣ сумнительства чрезъ требованіе отъ каждаго мнѣнія: отъ каждаго же должно требовать мнѣнія постепенно, и начинать отъ степени Консульской; въ которой степени всегда напередъ требовать отъ того, который прежде другихъ избранъ въ Сенаторы. Притомъ пишетъ, что изъ тщеславія и любочестія введенъ новый обычай спрашивать перваго того, кого захочетъ спрашивать собравшій Сенатъ, лишь бы онъ только былъ на степени Консульской. Сверхъ сего разсуждаетъ онъ и о томъ, что налагаемъ былъ штрафъ, и бранъ былъ закладъ съ того Сенатора, который, долженъ будучи притти въ Сенатъ, не пришелъ. Сіе и нѣкоторое другое сему подобное въ вышеобъявленной книгѣ М. Варрона содержалось, какъ видно изъ письма его писаннаго къ Оппіану. Но что говоритъ онъ, что Сенатское опредѣленіе дѣлалось двоякимъ образомъ, или чрезъ собраніе мнѣній, или чрезъ разхожденіе; въ томъ мало кажется онъ согласенъ съ написаннымъ отъ Атея Капитона *въ Смѣшан-*

Ливіа въ кн. 8. Когда Консулъ Камиллъ представляя Сенату о Латинцахъ, въ рѣчи своей заключилъ многія и различныя дѣла: то *первенствующіе Сенаторы*, говоритъ Ливій, *похвалили Консулово представленіе. Но поелику дѣла были различныя, то сказали, что о каждомъ дѣлѣ надобно сдѣлать особливое опредѣленіе. И потому должно представить о каждомъ народѣ поимянно. И такъ о каждомъ поимянно представлено, и сдѣлано опредѣленіе*

ныхъ Запискахъ. Ибо онъ въ двѣсти пятьдесятъ девятой книгѣ упоминаетъ о Туберонѣ сказывающемъ, что никакого Сенатскаго опредѣленія сдѣлать не можно не сдѣлавъ разхожденія. Понеже во всякихъ Сенатскихъ опредѣленіяхъ, даже и въ дѣлающихся по представленію, разхожденіе непремѣнно нужно; и самъ Капитонъ утверждаетъ сіе за истинное. Но помнится, что о всемъ семъ полнѣе и обстоятельнѣе писалъ я на другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА 8.

Спорятъ и спрашиваютъ, градоначальникъ для Латинскаго праздника сдѣланный [Praefectus Latinarum causa creatus] *имѣетъ ли право созывать Сенатъ и предлагать въ ономъ о республикѣ?*

Говоритъ Юній, что градоначальникъ (1) для Латинскаго празднества опредѣленный

(1) *Для Латинскаго празднества*] Латинское празднество не въ извѣстные дни или мѣсяцы было положено, но ежегодно назначалось отъ Консуловъ или священноначальниковъ; названо же такъ отъ Латинскихъ народовъ. Варронъ въ кн. 5. *о Латинскомъ Языкѣ. Латинскимъ празднествомъ ежегодно назначаемый день названъ отъ Латинскихъ народовъ, которые изъ жертвоприношеній, совершавшихся на Албанской горѣ, съ Римлянами имѣли право требовать мяса, отъ которыхъ Латинцовъ названо и празднество Латинское.* Начало и причину установленія сего празднества можно видѣть у Діонисія Аликарнасскаго въ кн. 4.

ный не можетъ созывать Сенатъ: понеже онъ не Сенаторъ, и не имѣетъ права подавать мнѣніе; поелику градоначальникъ дѣлается такихъ лѣтъ, какихъ не можно быть Сенаторомъ. А Маркъ Варронъ въ четвертой книгѣ *Вопросовъ чрезъ Письма*, и Атеій Капитонъ въ двѣсти пятьдесятъ девятой книгѣ *Смѣшанныхъ Записокъ* пишетъ, что сей градоначальникъ имѣетъ право созывать Сенатъ: и объявляетъ, что Капитонъ въ противность Юніеву мнѣнію въ семъ согласился съ Тубероном. *Ибо и Трибуны*, говоритъ, *народные имѣли право созывать Сенатъ, хотя Сенаторами не были до Аттіена закона.*

кн. 4. въ которой онъ пространно о немъ разсуждаетъ. А какъ о семъ празднествѣ попеченіе имѣли Консулы; то вошло въ обычай между тѣмъ кого нибудь изъ первостепеннаго дворянства дѣлать градоначальникомъ, который и назывался Градоначальникомъ для Латинскаго праздника сдѣланнымъ; о которомъ, говоритъ здѣсь нашъ писатель, вопрошено было, имѣетъ ли онъ право созывать Сенатъ? Сему празднеству одинъ день посвятилъ Тарквиній гордый, первый установитель онаго; по изгнаніи же царей, прибавленъ другой день; а напослѣдокъ въ лѣто отъ соз. Рим. 260, по усмиреніи долго возмущавшаго Римъ, по причинѣ требованнаго Плебеянами права на Консульство, бунта, приложенъ третій, какъ пишетъ Діонисій Аликарнасскій въ концѣ 6 книги.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА I.

Въ лѣтописцѣ К. Клавдіа написано, что дерево въ квасцы обмоченное не сгараетъ.

Антоній Юліанъ риторъ хотя и всегда хорошо читалъ рѣчи, но однажды случилось ему прочитать весьма удачно и со удовольствіемъ слушателей. Ибо сіи школьныя рѣчи хотя однимъ человѣкомъ и съ одинакимъ краснорѣчіемъ писаны бываютъ, однако не всегда одинаковую имѣютъ удачу. И такъ мы пріятели его со всѣхъ сторонъ окруживши провожали его домой: подходя къ горѣ Циспійской увидѣли мы, что одинъ островъ, много высокаго деревяннаго строенія имѣющій, обхваченъ огнемъ, и что все уже вблизи находящееся сильно горитъ. Тогда нѣкто изъ сопутниковъ Юліановыхъ сказалъ: Велики доходы съ городскихъ вотчинъ, но опасности несравненно больше; а естьли бы можно было найти средство, предохраняющее Римскіе домы отъ всегдашнихъ пожаровъ: то бы я конечно продалъ деревни, и купилъ вотчины въ городѣ. На сіе Юліанъ съ веселою, по обыкновенію своему, пріятностію въ разговорахъ сказалъ: Естьли бы ты прочиталъ девятуюнадесять книгу лѣтописца К. Клавдіа, преизряднаго и весьма справедливаго писателя, то бы хо-

конечно Архелай, военачальникЪ царя Миѳридата, показалЪ тебѣ, какимЪ средствомЪ и способомЪ предохранять отЪ пожара всякое деревянное строеніе. Я спросилЪ, что такое за диво написано у Квадригарія. ОнЪ мнѣ разсказалЪ. И такЪ я вЪ оной книгѣ нашелЪ написано слѣдующее. Когда Л. Сулла вЪ Аттикѣ осаждалЪ Пирей, и Архелай военачальникЪ царя Миѳридата изЪ мѣстечка оборонялся; то деревянная башня, построенная для обороны, будучи со всѣхЪ сторонЪ охвачена огнемЪ, сгорѣть не могла, потому что Архелай намочилЪ оную квасцами. Квадригаріевы изЪ оной книги слова суть слѣдующія: *Сулла долго дѣлалЪ приступы но напрасно, вывелЪ свое войско сЪ тѣмЪ, чтобы зажечь одну Архелаеву деревянную башню, сдѣланную для обороны. Пришло оно, подступило, подложило дрова, отгнало ГрековЪ, подкладывало огонь. И хотя многократно старались зажечь, однако никогда зажечь не могли: потому что Архелай все дерево обмочилЪ вЪ квасцы. Сулла сЪ войскомЪ своимЪ сему дивился; и не могши зажечь отступилЪ.*

ГЛАВА 2.

Платонъ въ книгахъ своихъ о Законахъ написалъ, что не безполезно на пирахъ потоѣропатѣе потчивать и развеселять виномъ.

Нѣкто Критянинъ живущій въ Аѳинахъ называлъ себя и желалъ казаться Платоновымъ послѣдователемъ. Въ самомъ же дѣлѣ былъ болтунъ, человѣкъ ни къ чему негодный, Греческимъ краснорѣчіемъ тщеславящійся, и сверхъ того къ вину даже до посмѣшища жадный. Онъ на юношескихъ пирахъ, которыя мы обыкновенно дѣлали въ Аѳинахъ (1) въ лунныя седмицы, какъ скоро откроется пиръ, и начнутся полезные и увеселительные разговоры, испросивъ вниманіе начиналъ говорить; и съ подлымъ и нескладнымъ многословіемъ совѣтовалъ всѣмъ пить, сказывая, что онъ сіе дѣлаетъ по предписанію Платонову; будто Платонъ въ книгахъ своихъ о *Законахъ* весьма пространно писалъ похвалу пьянству, и почиталъ оное за полезное добрымъ

(1) *Въ лунныя седмицы*] Меурсій въ книгѣ о *Греческихъ праздникахъ* по видимому разумѣетъ, что одинъ седмый день луннаго мѣсяца былъ праздничнымъ; но Геллій говоритъ въ лунныя седмицы: и такъ въ сіе пространство времени большее число дней было праздновано, а имянно седмый, четвертыйнадесять и двадцать первый. Ибо сіи суть лунныя седмицы на подобіе субботъ, къ которымъ язычники и наипаче сіи поздные Платоники, а особливо въ разсужденіи луны суевѣрные, были привязаны, какъ явствуетъ изъ *Жизни Прокловой* написанной отъ Марина гл. 11.

брымъ и храбрымъ мужамъ. И между таковою рѣчью весь свой разумъ погружалъ въ часто наливаемыхъ большихъ стаканахъ, говоря, что то нѣкоторымъ образомъ служитъ средствомъ къ оказанію разума и мужества, когда душа и тѣло человѣческое разгорячается отъ вина. Но Платонъ въ первой и второй книгѣ *о Законахъ*, не такъ какъ думалъ оный бездѣльникъ, не похвалилъ гнуснѣйшаго онаго піянства, умы человѣческія помрачающаго и въ заблужденіе приводящаго; но нѣсколько тороватаго и къ развеселенію служащаго потчиванія виномъ, чрезъ нѣкоторыхъ трезвыхъ какбы учредителей и надзирателей пировъ бываемаго, не опорочилъ. Ибо думалъ онъ, что чрезъ умѣренную и безпорочную въ питіи ослабу, сердца ободряются и новыя получаютъ силы къ наблюденію трезвости, по нѣскольку развеселяются и дѣлаются способнѣйшими къ новымъ напряженіямъ: и притомъ всѣ внутреннія ихъ страстей и похотѣній заблужденія, нѣкоторымъ цѣломудріемъ до толѣ укрываемыя, безъ великой опасности свободно чрезъ вино открываются, и подаютъ удобнѣйшій случай къ ихъ исправленію и уврачеванію. Сверхъ сего тамже говоритъ Платонъ и то, что не должно избѣгать и отвергать таковыхъ упражненій, дабы чрезъ нихъ насилію вина воспротивиться; и что ни одинъ никогда человѣкъ не усмотрѣнъ совершенно воздер-

женъ и столь строго умѣренность наблюдающъ, чтобы нравы и склонности его не въ самыхъ погрѣшностяхъ и не посреди прелестей сластолюбія извѣданы были. Ибо тотъ, кому всѣ удовольствія и пріятности на пирахъ бывающія неизвѣстны, и кто совсѣмъ оныхъ непричастенъ; естьли или ему самому захочется, или приведетъ случай, или заставитъ нужда участвовать въ сихъ веселостяхъ, по большей части ослабѣваетъ и обманывается; и умъ и сердце его нетвердо стоитъ, но нѣкоторою новою силою пораженно упадаетъ. И такъ разсуждалъ онъ, что надобно какбы въ нѣкоторомъ строю съ сими веселостьми сражаться, и биться вблизи съ симъ своевольствомъ вина: дабы отъ нихъ быть намъ безопаснымъ не бѣгствомъ и удаленіемъ, но бодростію и всегдашнимъ присутствіемъ духа; и чрезъ умѣренное употребленіе хранить умѣренность и воздержаніе, и притомъ теплотою и согрѣваніемъ сердца разгонять бывающее въ немъ холодное уныніе и оцепенѣлую скромность.

ГЛАВА 3.

Что М. Цицеронъ думалъ и написалъ о частицѣ положенной напереди глаголовъ aufugio *и* aufero. *И тоже ли сей предлогъ долженъ казаться въ глаголѣ* autumo.

Читалъ я Цицеронову книгу подъ надписаніемъ *Ораторъ*. Въ той книгѣ сказалъ Цицеронъ, что сіи глаголы *aufugio* и *aufero*, хотя сложены изъ предлога *ab*, и изъ глаголовъ *fugio* и *fero*; но оный предлогъ, чтобъ слово нѣжнѣе было для слуха и произношенія, перемѣненъ на слогъ *au*; и начали говорить *aufugio* и *aufero*, вмѣсто *abfugio* и *abfero*: сказавъ, говорю, сіе такимъ образомъ, въ томже мѣстѣ о сей частицѣ написалъ слѣдующее: *Сего предлога кромѣ сихъ двухъ глаголовъ, не найдешь ни въ какомъ другомъ глаголѣ.* А я нашелъ въ Нигидіевыхъ запискахъ глаголъ, *autumo*, сложенный изъ предлога *ab* и глагола *aestumo* и сказанной съ пресѣченіемъ, *autumo*, какбы *abaestumo*, которой значитъ *totum aestumo*, такъ какбы *abnumero*. Но, будь сіе сказано съ великимъ почтеніемъ къ П. Нигидію человѣку преученому, кажется сіе больше отважно и остроумно, нежели справедливо. Ибо *autumo* не сіе только значитъ, но и *dico* и *opinor* и *censeo*, съ которыми словами сей предлогъ не сходствуетъ ни по связи слова, ни по означенію мысли. Сверхъ сего М. Туллій, мужъ въ наукахъ съ великою остротою вольный, не сказалъ бы, что два только суть сіи сло-

слова, естьли бы можно было найти третіе. Но то наипаче достойно разсмотрѣнія и изслѣдованія, перемѣненъ ли предлогъ *ab* на слогъ *au* для нѣжности слова, или лучше *au* частица собственное свое имѣетъ начало, и потому какъ многіе другіе предлоги, такъ и сей взятъ отъ Грековъ: какъ и находится онъ въ слѣдующемъ Омировомъ стихѣ:

Αὖ ἔρυσαν μὲν πρῶτα καὶ ἔσφαξαν καὶ ἔδειραν.

ГЛАВА 4.

Повѣсть о Вентидіи Бассѣ человѣкѣ подломъ; о которомъ повѣствуется, что онъ первый торжествовалъ надъ Пароянами.

Недавно у старыхъ и ученыхъ людей было въ разговорѣ, что встарину весьма подлые прежде и презрѣнные люди возходили на высочайшій степень достоинства. Но ничто ни о комъ столь удивительно не было, какъ написанное о Вентидіи Бассѣ. Онъ былъ Пицентянинъ, рода и состоянія нискаго; и мать его Помпеемъ Страбономъ, отцомъ Помпея Великаго, въ союзническую войну, въ которую онъ покорилъ Аскуланцовъ, взята была съ нимъ въ полонъ. Вскорѣ послѣ сего при торжествѣ Помпея Страбона и онъ, будучи младенцемъ, между прочими предъ колесницею полководца несенъ былъ у матери въ пазухѣ. Потомъ, пришедши въ возрастъ, съ трудомъ и то подлымъ

лымъ образомъ снискивалъ себѣ пропитаніе содержа и кормя на продажу лошаковъ, и градоначальникамъ отъѣжжающимъ въ провинціи нанимая повозки, которыя имъ должны даваемы быть изъ общенародной казны. Въ семъ промыслѣ сталъ онъ быть знаемъ К. Цесарю, и съ нимъ поѣхалъ въ Галліи. Потомъ, поелику въ той провинціи съ довольнымъ стараніемъ отправлялъ свою должность, и наконецъ въ междоусобную войну многія данныя себѣ повелѣнія исполнилъ охотно и ревностно; не только чрезъ сіе снискалъ Цесареву дружбу, но и сдѣлался по оной весьма знатенъ. Вскорѣ потомъ сдѣланъ народнымъ Трибуномъ и послѣ Преторомъ, и въ то время отъ Сената признанъ былъ съ М. Антоніемъ за непріятеля. Но послѣ какъ утишилось междоусобіе, не только обратно получилъ прежнее достоинство, но сдѣланъ великимъ первосвященникомъ, а потомъ и Консуломъ. Сіе столь несносно показалось Римскому народу помнившему, что Вентидій Бассъ питался держа и кормя продажныхъ лошаковъ, что по всѣмъ городскимъ улицамъ подкидываемы были слѣдующіе стишки:

Сбѣгайтесь Авгуры, сбѣгайтесь Аруспексы:
Неслыханно у насъ иное диво учинилось.
За лошаками кто ходилъ, тотъ нынѣ Консулъ.

Светоній Транквиллъ пишетъ, что тотже Бассъ отъ М. Антонія сдѣланъ начальникомъ надъ восточными провинціями: и на трехъ

трехъ сраженіяхъ разбилъ Пареянъ, силившихся ворваться въ Сирію; и что онъ изъ всѣхъ первый торжествовалъ надъ Пареянами, и по смерти общенародно погребенъ.

ГЛАВА 5.

О томъ, что глаголъ profligo *многіе говорятъ несобственно, и не зная собственнаго его означенія.*

Какъ многіе другіе глаголы, незнаніемъ и несмысленностію неистово говорящихъ то, чего не разумѣютъ, испорчены и совращены отъ прямаго и свойственнаго знаменованія; такъ и глагола, *profligo*, означеніе перемѣнено и испорчено. Ибо когда оно произведено отъ affligo et ad perniciem interitum que deduco, и всегда сей глаголъ о изяществѣ словъ старающіеся употребляли такъ, что чрезъ *profligare* означали *prodigere* и *deperdere*, *profligatasque res* назвали какбы *proflictas et perditas*: то нынѣ слышу я, что зданія, храмы и многое другое, почти оконченное и совершенное, говорится *in profligato esse*, и самыя оныя называются уже profligata По сему Преторъ, человѣкъ не неученый, весьма забавно отвѣтствовалъ Барваскулу, одному изъ стряпчихъ, какъ въ нѣкоторомъ письмѣ написалъ Сулпицій Аполлинаръ. *Ибо когда оный, говоритъ, дерскій яведа просилъ его слѣдующимъ образомъ: Omnia, vir clarissime, negotia, de quibus te cogniturum esse hodie dixisti, di-*

ligentia et velocitate tua profligata sunt; unum id solum relictum est, de quo, rogo, audias: *то Преторъ довольно смѣшно на сие отвѣтствовалъ*: *An illa negotia, de quibus iam cognouisse me dicis, profligata sint, equidem nescio: hoc autem negotium, quod in te incidit, proculdubio, siue id audiam, siue non audiam, profligatum est.* А то, что говорящіе *profligatum* чрезъ сіе слово означать хотятъ, чисто по Латински говорившіе называли не *profligatum*, но *affectum*, какъ М. Цицеронъ въ рѣчи говоренной *о Консульскихъ Провинціяхъ*. Слова его суть слѣдующія: *Bellum adfectum videmus, et, vere ut dicam, pene confectum.* И ниже: *Nam ipse Caesar quid est quod in ea prouincia commorari velit, nisi ut ea, quae per eum adfecta sunt, perfecta reipublicae tradat?* Тоже Цицеронъ въ книгѣ *о Домостроительствѣ*: *Quum vero adfecta iam prope aestate uvas a sole mitescere tempus est.*

ГЛАВА 6.

Во второй М. Цицерона книгѣ о Славѣ находится явная ошибка въ той части, въ которой писано о Гекторѣ и Аяксѣ.

Во второй М. Тулліа книгѣ (1) *о Славѣ* находится явная не въ важной вещи ошибка, которую не всякъ изъ ученыхъ узнать можетъ; но только кто читалъ сед-

---

(1) *О славѣ*] Самъ Цицеронъ упоминаетъ о книгахъ своихъ о *Чести и Славѣ*. И изъ Грековъ о Славѣ писали Клеанѳъ и Ефоръ, какъ объявляетъ Діогенъ Лаертій.

седмую книгу Омировой Иліады. По сему не столько я дивился тому, что въ семъ М. Туллій ошибся, сколько тому, что послѣ сіе не примѣчено и не подправлено или отъ него самаго, или отъ Тирона его отпущенника, человѣка весьма прилѣжнаго, и о книгахъ бывшаго своего господина весьма старавшагося. Ибо въ оной книгѣ написано такъ: *У того же стихотворца Аяксъ, вступая въ сраженіе съ Гекторомъ, говоритъ, чтобы погребли его, ежели убитъ будетъ: и что желаетъ онъ, чтобы и по многихъ вѣкахъ идущіе мимо его могилы говорили такъ:*

Здѣсь погребенъ лежитъ давно уже умершій,
Кой жизни нѣкогда отъ Гектора лишенъ.
Такъ скажетъ кто нибудь. Моя въ вѣкъ будетъ слава.

ГЛАВА 7.

Примѣчено въ старикахъ, что они на шестьдесятъ третьемъ году отъ рожденія впадаютъ или въ болѣзнь, или въ бѣду, или лишаются жизни: и при семъ о томже примѣчаніи положенъ списокъ письма писаннаго Цесаремъ Августомъ къ сыну своему Каю.

Во многихъ запискахъ примѣчено, и опытомъ дознано во всѣхъ почти старикахъ, что шестьдесятъ третій годъ ихъ жизни приходитъ съ бѣдою и опасностію или тягчайшей тѣлесной болѣзни, или лишенія жизни, или печали. По сему любопыт-

пытные о такихъ вещахъ и дѣлахъ сей годъ называютъ Климактерическимъ. И я въ прошедшую ночь читая письма Цесаря Августа, писанныя имъ ко внуку своему Каю, и любуясь не труднымъ и витіеватымъ, но удобопонятнымъ и простымъ слогомъ рѣчи, тоже самое въ одномъ письмѣ нашелъ написанное о томъ годѣ. Списокъ онаго письма есть слѣдующій: 22 Сентября. *Здравствуй любезный Кай, мой милый свѣтъ! Я нетерпѣливо истинно тебя ожидаю, когда ты со мною въ разлукѣ; но наипаче глаза мои желаютъ тебя видѣть, мой любезный Кай, въ такіе дни, каковъ есть сегодняшный. Надѣюсь, что гдѣбъ ты сего дня ни былъ, съ веселіемъ и въ добромъ здоровьѣ праздновалъ шестьдесятъ четвертый день моего рожденія. Ибо, какъ видишь, для всѣхъ вообще стариковъ опасный шестьдесятъ третій годъ я прожилъ благополучно. Молю же боговъ, дабы оставшееся время благополилн проводить мнѣ такъ, чтобы при благополучномъ состояніи республики были вы здоровы, и мужественно поступая сдѣлались мнѣ преемникомъ.*

ГЛАВА 8.

Мѣсто взятое изъ рѣчи Фаворина древняго оратора, въ которой онъ ругаетъ великолѣпныя ужины и роскошь, и которую говорилъ, когда совѣтовалъ принять Лиціній законъ о уменшеніи расходовъ.

Читая древнюю рѣчь Фаворина, мужа не некраснорѣчиваго, всю оную изъ ненависти истинно къ такимъ расходамъ и кушаньямъ выучилъ я наизусть. Нижеслѣдующія слова суть Фавориновы: *Учредители великолѣпныхъ столовъ и роскоши говорятъ, что не великолѣпенъ тотъ ужинъ, въ которомъ не верется прочь одно кушанье, и не поставляется на мѣсто его другое лучшее и въ большемъ количествѣ тогда, когда оное ѣшь съ великою охотою. Въ томъ нынѣ полагаютъ великолѣпіе ужина тѣ, которые держать большіе расходы и гнушаться обыкновенною пищею за забаву почитаютъ: которые говорятъ, что никакой птицы кромѣ питающейся смоквами* [ficedula] *всей ѣсть не должно; которые почитаютъ тотъ пиръ недостаточнымъ и скуднымъ, на которомъ не будетъ поставлено столько другихъ птицъ, чтобы нижнею частію задковъ быть сытымъ; по мнѣнію которыхъ тѣ не имѣютъ вкуса, которые ѣдятъ верхнія части птицъ: и ежели столовыя равняются великолѣпіемъ съ храмами безсмертныхъ боговъ, то больше ничего не остается, какъ приказывать, по обряду жертвоприношенія, во время ужи-*

ужиною прикушиват кушанье другимъ, дабы ѣшши не утрудиться.

ГЛАВА 9.

О томъ, что Цецилій стихотворецъ frons *въ мужескомъ родѣ употребилъ не по стихотворчески, но по сходству и по примѣру древнихъ.*

Справедливо и краснорѣчиво Цецилій in Subditiuo написалъ слѣдующее:

Nam hi ſunt inimici peſſumi, fronte hilaro,
Corde triſti: quos neque ut apprendas, neque ut mittas ſcias.

Сіи стихи, когда объ одномъ такомъ человѣкѣ была рѣчь, прочиталъ я въ собраніи ученыхъ юношей; тогда нѣкто изъ грамматиковъ, человѣкъ не безъ имени, тутже случившійся сказалъ: Весьма вольно и дерзко здѣсь поступилъ Цецилій, сказавъ *fronte hilaro*, а не *fronte hilara*, и ни мало не устыдился толь великой погрѣшности. На сіе отвѣтствовалъ я: Не больше ли полно мы дерзки и вольны, что frons неправильно и неискусно говоримъ не въ мужескомъ родѣ, когда и изъ правилъ сходства и изъ примѣровъ древнихъ видимъ, что надобно говорить не *hanc*, но *hunc frontem.* Потому что М. Катонъ въ пятой книгѣ *Началъ* написалъ такъ: *Poſtridie ſignis collatis, aequo fronte, peditatu, equitibus atque alis cum hoſtium legionibus pugnauit.* Тожже Катонъ въ той же книгѣ говоритъ и *recto fronte.*

Но полуученый оный грамматикЪ сказалЪ: Оставь примЂры, которыя, думаю, ты найти можешь; но скажи правило, котораго ты не имЂешь. Я, по тогдашнимЪ моимЪ лЂтамЪ за сіи слова на него осердившись, сказалЪ: Слушай, господинЪ учитель, правило хотя ложное, но которое ты ложнымЪ доказать не можешь. ВсЂ имена кончащіяся на три буквы, на которыя кончится *frons*, суть рода мужескаго, ежели и вЪ родительномЪ падежЂ будутЪ на тотже слогЪ кончиться: какЪ, *mons*, *fons*, *pons*, *frons*. ОнЪ напротивЪ сЪ веселымЪ видомЪ сказалЪ: Слушай, мой ученикЪ, многія симЪ подобныя имена не суть мужескаго рода. ТутЪ всЂ просили, чтобы хотя одно не медля сказалЪ такое имя; но какЪ онЪ много бился, и ни слова однако не могши выговорить, вЪ лицЂ перемЂнялся: то я вступившись сказалЪ: Поди теперь, мы даемЪ тебЂ тритцать дней сроку для прісканія; и какЪ найдешь, то приходи кЪ намЪ. ТакимЪ образомЪ отпустили мы сего человЂка негоднаго для прісканія слова, которымЪ бы можно было опровергнуть вымышленное окончаніе.

ГЛАВА

ГЛАВА 10.

О самопроизвольной и удивительной погибели Милезскихъ дѣвицъ.

Плутархъ въ первой изъ книгъ (1) *о Душѣ*, разсуждая о болѣзняхъ въ душахъ человѣческихъ случающихся, сказалъ, что Милезскія дѣвицы, сколько почти тогда ихъ въ городѣ ни было, (2) безъ всякой явной причины приняли намѣреніе умереть, и потомъ премногія удавились. Какъ сіе со дня

(1) *О душѣ*] О сихъ книгахъ упоминаетъ и писатель нашъ выше кн. 1. гл. 3. А повѣсть сія и нынѣ еще находится у Плутарха въ книгѣ о *Добродѣтеляхъ Женщинъ*.

(2) *Безъ всякой явной причины*] Плутархъ о *Добродѣтеляхъ Женщинъ* говоритъ, что нѣкоторыя почитали причиною сего ядомъ зараженный воздухъ. Слова его слѣдующія: „Милезскія дѣвицы нѣкогда одержимы „были сильнымъ и чрезвычайнымъ возмущеніемъ духа. „По какой причинѣ, неизвѣстно. Думали только, что „воздухъ ядомъ зараженный и къ произведенію безумства способнымъ учинившійся произвелъ сію въ душахъ перемѣну и безуміе. Нѣкоторые думаютъ, что сіи Милезскія дѣвицы страдали маткою; ибо Иппократъ пишетъ, что одержимыя сею болѣзнію иногда или бросались въ колодези, почитая сіе за самое лучшее и превосходнѣйшее средство ко избавленію себя отъ болѣзни; такъ что въ смерти какбы въ какомъ нибудь добрѣ полагали они нѣкоторое удовольствіе. Весьма подобное сему Кассій Гемина у Сервіа объявляетъ о *Римлянахъ и Супербѣ*. „Когда Тарквиній Супербъ принуждалъ народъ дѣлать нужники, многіе „не стерпя сей обиды давились: то приказалъ онъ тѣла ихъ пригвождать ко кресту. Съ того времени „въ первые почтено за безчестное умерщвлять самимъ „себя.

на день случалось чаще, и не можно было употребить средства къ пресѣченію ихъ намѣренія въ разсужденіи умерщвленія себя; то Милезцы опредѣлили всѣхъ удавившихся дѣвицъ, не вынимая изъ петли, хоронить нагихъ. По семъ опредѣленіи дѣвицы, единственно стыдясь толь безчестнаго погребенія, перестали самопроизвольной себя предавать смерти.

ГЛАВА II.

Слова Сенатскаго опредѣленія о изгнаніи изъ Рима Философовъ: также слова Ценсорскаго указа, которымъ охуждены и укрощены начавшіе въ Римѣ учить Реторикѣ.

Въ Консульство К. Фанніа Страбона, и М. Валерія Мессалы сдѣлано слѣдующее ( ) Сенатское опредѣленіе о Латинскихъ Философахъ и Ретораxъ: *M. Pomponius. Praetor. Senatum. Consuluit. Quod. Verba. Facta. Sunt. De. Philosophis. Et. De. Rhetoribus. De. Ea. Re. Ita. Censuerunt. Uti. M. Pomponius. Praetor. Animaduerteret. Coeraret. Que Uti. Ei. E. Republica. Fide. Que. Sua. Vide-*

---

(1) *Сенатское опредѣленіе о философахъ и пр.*] Сіе Сенатское опредѣленіе, какъ и нижеслѣдующій Ценсорскій указъ находится и у Светонія въ началѣ книги *о Славныхъ Риторахъ*; откуда по видимому оба оныя взялъ нашъ писатель.

Videretur. Uti. Romae. Ne Essent. то есть. *Помпоній Преторъ донесъ Сенату о Философахъ и Реторахъ. По оному доношенію Сенатъ опредѣлилъ, чтобы М. Помпоній Преторъ для пользы республики и по должности своей принялъ сіе въ свое смотрѣніе и постарался ихъ выслать изъ Рима.* (2) Потомъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ онаго Сенатскаго опредѣленія Кн. Домитій Энобарбъ и Л. Лициній Крассъ Цензоры, о укрощеніи Латинскихъ Реторовъ издали слѣдующій указъ. *Renuntiatum. Est. Nobis. Esse. Homines. Qui. Nouum. Genus. Disciplinae. Instituerunt. Ad. Quos. Iuventus. In. Ludum. Conueniat. Eos. Sibi. Nomen. Imposuisse. Latinos. Rhetoras. Ibi. Homines. Adulescentulos. Dies. Totos. Desidere. Maiores. Nostri. Quae Liberos. Suos. Discere. Et. Quos. In. Ludos. Itare. Vellent. Instituerunt. Haec. Noua Quae. Praeter. Consuetudinem. Ac. Morem. Maiorum. Fiunt Neque. Recta. Videntur. Quapropter. Et*

 His.

(2) *Потомъ спустя нѣсколько лѣтъ*] А имянно седмьдесятъ два года. Ибо сей Цензорскій указъ состоялся въ лѣто отъ Соз. Рим. 662. Ибо въ сіе лѣто Рима были Цензоры Лициній Крассъ и Домитій, какъ объявляетъ Плиній въ началѣ 17 книги *Естеств. Повѣст.* А Пиггій изъ фастъ Капитолинскихъ въ лѣтописцѣ полагаетъ сихъ Цензоровъ въ лѣто отъ Соз. Рим. 661. въ Консульство К. Клавдіа Пулхра, и Марка Перпенны.

His. Qui. Eos. Ludos. Habent. Et. His. Qui. Eo. Venire. Consuerunt. Visum. Est. Faciundum. Ut. Ostenderemus. Nostram. Sententiam. Nobis. Non. Placere. т. е. *Донесено намъ, что есть люди заведшiе новый родъ ученiя, къ которымъ юношество собирается во училища. Они назвали себя Латинскими Риторами, и молодые люди цѣлые дни у нихъ просиживаютъ. Предки наши уставили, чему дѣтямъ ихъ учиться, и въ какiя ходить школы. Сiя новость, поелику есть противна обыкновенiю и установленiю нашихъ предковъ, не можетъ намъ быть угодна, и кажется она противна благочинiю. Того ради какъ тѣмъ, которые завели школы, такъ и тѣмъ, которые въ нихъ ходятъ, заблагоразсудили мы объявить наше мнѣнiе, что сiе намъ неугодно.* И не только въ сiи, весьма грубыя и Греческимъ ученiемъ еще непросвѣщенныя времена, Философы изъ Рима выгнаны: но и въ государствованiе Императора Домитiана, Сенатскимъ указомъ запрещено имъ жить въ Римѣ и во всей Италiи. Въ сiе время и Епиктитъ Философъ по тому указу изъ Рима переѣхалъ въ Никополь.

ГЛАВА

ГЛАВА 12.

Весьма достопамятное мѣсто взятое изъ рѣчи К. Гракха, которую онъ говорилъ о своей въ расходахъ умѣренности и цѣломудріи.

К. Гракхъ, по возвращеніи своемъ изъ Сардиніи, говорилъ въ собраніи рѣчь къ народу. Оныя слова суть слѣдующія: „Живучи въ провинціи поступалъ я не такъ, „какъ приличествовало моему честолюбію, „но какъ требовала ваша польза. Ни малой не было у меня роскоши и великолѣпія въ столѣ: и не служили при ономъ „пригожіе отроки. Но дѣти ваши большую скромность наблюдали на пиру, нежели какъ въ ставкѣ главнаго военачальника. Потомъ говоритъ слѣдующее: Живучи въ провинціи такъ я поступалъ, „что никто справедливо сказать не можетъ, что я взялъ въ подарокъ ассъ или „больше; или какія нибудь для себя дѣлалъ расходы. Въ двулѣтнее мое въ провинціи пребываніе ежели хотя одна блудница входила въ мой домъ, или чей нибудь слуга отъ меня обезпокоенъ; то почтите меня за бездѣльника и за самаго „негоднаго человѣка. А когда я столь добросовѣстно поступалъ съ ихъ слугами; то „оттуда вы заключить можете, какъ поступалъ я съ вашими дѣтьми. И также ниже сказалъ: „И такъ, Римлянѣ, поѣхавши я изъ Рима, тѣ черезы, которые по-

„ везъ наполненные серебромъ, вывезъ изъ „ провинціи пустые. Иные повезши боченки съ виномъ, домой привезли оные съ „ серебромъ.

ГЛАВА 13.

О незапно попавшихся глаголахъ обоюдное знаменованіе имѣющихъ, и называемыхъ отъ грамматиковъ общими.

Utor, *vereor*, *hortor* и *conſolor* суть глаголы общіе, и могутъ обоюдно быть употребляемы: *vereor te* и *vereor abs te*, т. е. tu me vereris. *utor te* и *utor abs te*, т. е. tu me uteris. *hortor te* и *hortor abs te*, т. е. tu me hortaris. *conſolor te* и *conſolor abs te*, т. е. tu me conſolaris. также *teſtor* и *interpretor* употребляютъ во обоюдномъ знаменованіи. Всѣ же сіи глаголы съ одной стороны неупотребительны; и неизвѣстно, были ли они съ оной употребляемы. Афраній in Conſobrinis:

Hem iſto parentum eſt vita vilis liberis:
Ubi malunt metui, quam vereri ſe ab ſuis.

Здѣсь *vereri* сказано съ стороны неупотребительной. Новій in Ligartaca слово *utitur* говоритъ со стороны неупотребительной: *Quia ſupellex multa, quae non utitur, emitur tamen*: т. е. quae uſui non eſt. М. Катонъ въ пятой книгѣ *Началъ* говоритъ: *Exercitum ſuum pranſum, paratum, cohortatum eduxit foras atque inſtruxit.* И *conſolor* въ неупотребительномъ означеніи нашелъ я въ письмѣ М. Метелла, писанномъ

изъ

изъ ссылки къ Кн. и къ Л. Домитiамъ. *At quum animum*, говоритъ онъ, *vestrum erga me video, vehementer consolor: et, fides virtusque vestra mihi ante oculos versatur.* Такимже образомъ М. Туллiй въ первой книгѣ *о Гаданiи* сказалъ *testata et interpretara*: такъ что *testor et interpretor* должны казаться глаголами общими. Также и Саллустiй говоритъ; *Dilargitis proscriptorum bonis*, какбы глаголъ *largior* есть общiй. Чтожь касается до *veritum*, *puditum* и *pigitum*, что сiи слова небезлично положены въ неопредѣленномъ наклоненiи; то видимъ мы не только у древнихъ писателей, но и у М. Туллiа во второй книгѣ de Finibus: *Primum*, говоритъ онъ, *Aristippi Cyrenaicorumque omnium, quos non est veritum in ea voluptate, quae maxima dulcedine sensum moueret, summum bonum ponere.* Притомъ *dignor*, *veneror*, *confiteor*, и *testor* почтены за глаголы общiе, какъ употреблены они отъ Виргилiа:

Coniugio Anchisa Veneris dignate superbo

и

Cursusque dabis venerata secundos.

A confessi aeris, de quo facta confessio est, написано на 12 таблицахъ слѣдующими словами: *Aeris. Confessi. Rebus. Que. Iudicatis. Triginta. Dies. Iusti. Sunto.* и слѣдующее выписано изъ оныхъ же таблицъ: *Qui. Se. Sierit. Testarier. Libripens. Ve. Fuerit. Ni. Testimonium. Fariatur. Improbus. Intestabilis. Que. Esto.*

ГЛАВА

ГЛАВА 14.

О томъ, что Метеллъ Нумидійскій новый образъ рѣчи взялъ изъ Греческаго языка.

Примѣтилъ я, что у К. Метелла Нумидійскаго, въ третіей книгѣ доносовъ на Валерія Мессалу сказано новымъ образомъ. Слова изъ рѣчи его слѣдующія: *Quum se sciret in tantum crimen venisse, atque socios ad Senatum questum flentes venisse, sese pecunias maximas exactos esse. Pecunias*, сказалъ, *maximas exactos*, вмѣсто *pecunias a se maximas exactas*. Казалось мнѣ, что сіе сказано по образу рѣчи Греческому. Ибо Греки говорятъ, εἰσεπράξατό με ἀργύριον, которое значитъ, *exegit me pecuniam*. Естьли сіе сказать можно, то можно сказать и *exactus esse aliqui pecuniam*. Да кажется, что и Цецилій сей же образъ рѣченія употребилъ in Hypobolinaeo Æschino:

Ego illud minus nihilo exigor portorium:

то есть.

Nihilominus exigitur de me portorium.

ГЛАВА 15.

Древніе говорили passis velis, *и* passis manibus, *производя сіе причастіе не отъ глагола* patior; *но отъ* pandor.

Супинъ глагола *pando* древніе говорили *passum*, а не *pansum*; и съ предлогомъ, *expassum*, а не *expansum*. Цецилій in Synaristosis:

Heri vero prospexe eumce ex tegulis:
Haec nunciasse, et flammeam expassum domi.

И

И женщина говорится capillo esse *passo*, quasi porrecto et expanso: также *passis* manibus говоримъ мы и *passis* velis, что значитъ diductis atque distentis. По сему Плаутъ in Milite glorioso, букву *а* перемѣнивъ на *e*, по образу сложнаго слова говоритъ *dispessis*, вмѣсто *dispassis*:

Credo ego isthoc exemplo tibi esse eundum actutum extra portam,
Dispessis manibus patibulum quum habebis.

ГЛАВА 16.

О нопомъ родѣ смерти Кротонійскаго Милона.

Милонъ Кротонійскій, славный боецъ [athleta], о которомъ писано въ лѣтописцѣ, что въ пятдесятую Олимпіаду былъ увѣнчанъ, жалостный и удивительный имѣлъ конецъ жизни. Онъ въ старости своей перестал уже упражняться въ бояхъ и въ борьбѣ, и идучи одинъ лѣсомъ въ Италіи, увидѣлъ по случаю близъ дороги въ срединѣ разщелявшійся дубъ: то въ намѣреніи, думаю, изпытать, осталось ли еще сколько нибудь въ немъ силы, запустивъ въ разщелины дерева пальцы, старался дубъ развести и разодрать, и въ самомъ дѣлѣ середину разодралъ. Разведенный же на двѣ стороны дубъ, когда онъ, какбы совершивъ то, что старался сдѣлать, руки ослабилъ, не имѣя удерживающей себя силы сошелся по прежнему; и какъ руки его оста-

остались удержаны и умерщвлены въ сжавшемся по прежнему дубѣ, то онъ достался на растерзаніе звѣрямъ

ГЛАВА 17.

Для чего знатные Аѳинейскіе отроки перестали учиться играть на свирѣляхъ, въ противность старинному обыкновенію.

Алцибіадъ Аѳинянинъ, въ малолѣтствѣ обучаясь свободнымъ наукамъ въ дому дяди своего Перикла, какъ Периклъ приказалъ призвать свирѣльщика Антигенида, для обученія его играть на свирѣляхъ, что по тогдашнему времеми было въ великой чести, когда данныя себѣ свирѣли, приложивъ ко устамъ, надувать сталъ; то, устыдившись безобразія лица своего, переломалъ и бросилъ оныя. И какъ о семъ повсюду разнеслось; то по согласію всѣхъ Аѳинянъ оставлена наука играть на свирѣляхъ. Написано о семъ въ двадцать осмой книгѣ (1) Памфилиныхъ записокъ.

ГЛАВА

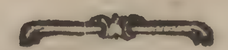
(1) *Памфилиныхъ*] Смотри о сей ученой женщинѣ Воссія о *Повѣстеписателяхъ Греческихъ* кн. 2. гл. 7.

ГЛАВА 18.

О томъ, что во время междоусобной войны, сраженіе и побѣда, К. Цесаремъ на Фарсальскихъ поляхъ одержанная, въ тотже самый день, въ Италіанскомъ городѣ Патавіи, чрезъ нѣкотораго священника объявлена и предсказана.

Какъ К. Цесарь съ Кн. Помпеемъ имѣлъ междоусобную войну; то, въ самый день сраженія ихъ въ Ѳессаліи, случилась въ Патавіи, городѣ нахсдящемся въ Италіи лежащей за рѣкою Падомъ, достопамятная вещь. Нѣкоторый священникъ, именемъ Корнилій, по своему роду знатный, по священству достопочтенный, по непорочности житія мужъ святый, въ нечаянномъ смущеніи ума сказалъ, что онъ видитъ вдали прежестокое сраженіе; и потомъ, равно какбы онъ самъ находился въ сраженіи, возопилъ, что онъ своими глазами видитъ рубящихся, бѣгущихъ, лѣтающія стрѣлы, снова начинающееся сраженіе, нападающихъ, стонущихъ, раненыхъ; и наконецъ вдругъ вскричалъ: Цесарь побѣдилъ. Сіе священника Корнилія гаданіе показалось тогда неосновательно и глупо; но вскорѣ въ великое привело удивленіе: понеже не только былъ объявленъ точный день бывшаго въ Ѳессаліи сраженія, и не только то самое было сраженія окончаніе, которое отъ него предсказано: но и всѣ въ сраженіи обороты и перемѣны, и самое двухъ войскъ сра-

сраженіе живо представлено движеніемъ и словами предсказателя.

ГЛАВА 19.

Достопамятныя слова М. Варрона, изъ сатиры его называемой περὶ ἐδεσμάτων [о ѣствахъ].

Многіе суть такіе, о которыхъ можно сказать оныя Варроновы изъ сатиры его, называемой *о Ѣствахъ*, слова. Оныя слова суть слѣдующія: „Естьли бы ты „двенатцатую часть того старанія употребилъ на изученіе философіи, которое „употребилъ на то, чтобы твой хлѣбникъ хорошо пекъ хлѣбы; то бы ты давно уже сдѣлался хорошъ. А теперь знающіе его, охотно купятъ за сто тысячь „сестерціевъ [2500 рубл.] а знающій тебя, „никто не купитъ за сто ассовъ [100 „копѣекъ].

ГЛАВА 20.

Нѣкоторыя примѣчанія о родѣ, жизни и нравахъ стихотворца Еврипида, и о концѣ его жизни.

Объявляетъ (1) Ѳеопомпъ, что мать Еврипида стихотворца кормилась продажею по-

---

(1) *Ѳеопомпъ*] Пространно о семъ повѣстеписателѣ объявляетъ Боссій въ книгѣ о *Греческихъ Повѣстеписателяхъ* кн. 1. гл. 7.

полевыхъ велiй. А какъ онъ родился, то Халдеи предсказали его отцу, что родившiйся младенецъ пришедши въ возрастъ будетъ на бояхъ побѣдителемъ. Такова была его судьба во младенчествѣ. Отецъ подумавъ что ему надобно быть бойцомъ [athleta], какъ сынъ его пришелъ въ крѣпость, и прiобучилъ тѣло свое къ различнымъ упражненiямъ; то съ бойцами недорасльми отвелъ его на Олимпiйскiя бои. Сперва непринятъ онъ въ бой (2) по причинѣ сумнительнаго возраста. А послѣ бился (3) на Елевсинскомъ и (4) Өесейскомъ бою, за что по-

---

(2) *По причинѣ сумнительнаго возраста*] Сiе значитъ то, что Еврипидъ съ бойцами недорасльми въ бой былъ не принятъ, понеже онъ былъ уже на возрастѣ. Взрослые, то есть отъ четырнатцати до осмнатцати лѣтъ, почитались сумнительнаго возраста, потому что сии не были уже отроки, и не достигали еще возраста мужескаго; а въ древней Грецiи къ Гимническому бою допускаемы были одни мужи (подъ которымъ именемъ разумѣлись и юноши, но которые совершенно уже были взрослы, и потому въ такомъ были возрастѣ, въ которомъ можно было вступать въ военную службу; возрастъ же сей начинался съ седмагонадесять года) или недоросли.

(3) *На Елевсинскомъ*] Въ Елевсинскихъ священнослуженiяхъ, въ честь Цереры Елевсинской совершавшихся, и притомъ на большихъ въ мѣсяцѣ Августѣ, а на меньшихъ въ мѣсяцѣ Январѣ, въ двадцать первый день мѣсяца, который былъ Таинствъ седмый, обыкновенно бывалъ бой; о которомъ здѣсь упоминаетъ Геллiй, говоря, что Еврипидъ на ономъ увѣнчанъ былъ.

(4) *Өесейскомъ*] Праздникъ, въ честь Өесея въ Аөинахъ уставленный въ осмый день мѣсяца, названъ Θήσεια; кото-

ря

получилЪ и вѣнецЪ. Вскорѣ послѣ того, оставивЪ тѣлесныя упражненія, началЪ упражняться вЪ просвѣщеніи души, для котораго учился ФисикѢ у Анаксагора, (5) РиторикѢ у Продика, нравоучительной Философіи у Сократа, а (6) кЪ сочиненію трагедій приступилЪ на осмнатцатомЪ году отЪ рожденія. ОбЪявляетЪ (7) ФилохорЪ, что на островѣ Саламинѣ есть гнусная и заросшая пещера, я и самЪ оную видѢлЪ, вЪ которой ЕврипидЪ писывалЪ трагедіи. Сказы-

раго обстоятельства и обряды, оставшіеся вЪ Греческихъ писателяхъ, собралъ Меурсій вЪ книгѣ о *Греческихъ Праздникахъ.*

(5) *Риторикѣ у Продика*] Сего Продика МаксимЪ Тирскій вЪ седмой диссертаціи хвалитЪ за красоту и пріятность вЪ словѣ. Рѣчи его столько были уважаемы, что каждый хотѣвшій оныя слушать обыкновенно платилЪ по пятидесяти драхмЪ, такЪ пишетЪ СуидЪ *въ Продикѣ.* Упоминает о семЪ и Аристотель вЪ кн. 3. *Ритор.* гл. 14. и ПлатонЪ *въ Кратилѣ.* Великую же славу его имени пріобрѣла та басня, вЪ которой онЪ представляетЪ двухЪ женщинЪ витіеватыми рѣчьми младаго Геркулеса одну склоняющую кЪ добродѣтели, а другую кЪ роскоши.

(6) *КЪ сочиненію трагедій*] По которому случаю ЕврипидЪ началЪ писать трагедіи, СуидЪ обЪявляетЪ слѣдующимЪ образомЪ: *Вознамѣрился онъ писать трагедію, когда увидѣлъ, что Анаксагоръ попался въ опасности и осужденъ на смерть за введенное имъ ученіе.*

(7) *Филохоръ*] Весьма знатенЪ былЪ сей повѣствователь, процвѣтавшій во время Птоломея Филопатора, и прославившійся разными сочиненіями, о которомЪ пространнѣе пишетЪ Воссій о *Истор. Греч.* кн. 1. гл. 18. и Іонсій о *Писател. Филос. Истор.* кн. 3. гл. 9.

зываютЪ, что онЪ всѣхЪ почти женщинЪ весьма ненавидѣлЪ: или потому, что на двухЪ вмѣстѣ женахЪ былЪ женатЪ, понеже сїе позволено было сдѣланнымЪ отЪ АѳининЪ опредѣленїемЪ, сЪ которыми жить вЪ супружествѣ ему весьма наскучило. ОбЪ оной его кЪ женщинамЪ ненависти упоминаетЪ и АристофанЪ ἐν ταῖς προτέραις Θεσμοφοριαζούσαις [вЪ первыхЪ ѲесмофорїазусахЪ], вЪ слѣдующихЪ стихахЪ:

Νῦν οὖν ἁπάσαισι παραινῶ καὶ λέγω,
Τοῦτον κολάσαι τὸν ἄνδρα πολλῶν οὕνεκα.
Ἄγρια γὰρ ἡμᾶς, ὦ γυναῖκες, δρᾷ κακὰ,
Ἅτ' ἐν ἀγρίοισι λαχάνοις αὐτὸς τραφείς.

то есть.

И такЪ всѣмЪ, женщины, совѣтую намЪ нынѣ
по справедливости отмстить сему мущинѣ:
ОнЪ дикимЪ будучи воспитанЪ зельемЪ самЪ,
Досады, грубости оказываетЪ намЪ.

А (8) АлександрЪ ЭтолянинЪ написалЪ о Эврипидѣ слѣдующїе стихи:

Ὁ δὲ Ἀναξαγόρου τρόφιμος ἀρχαίου
Στρυφνὸς μὲν ἐμοί γε ἔοικε προσειπεῖν,
Καὶ μισογέλως, καὶ τωθάζειν οὐδὲ παρ' οἶνον
μεμαθηκώς· ἀλλ' ὅ, τι καὶ γράψαι, τοῦτ' ἂν
Μέλιτος καὶ Σειρήνων ἐτετεύχει.

(8) *АлександрЪ ЭтолянинЪ*] АлександрЪ ЭтолянинЪ ГрамматикЪ, трагическїй стихотворецЪ, процвѣтавшїй во времена Птоломея Филаделфа, потому отЪ Суида и толкователя Ефестїонова полагается вЪ числѣ седми трагиковЪ.

то есть.

Питомецъ древняго Анаксагора
Хотя мнѣ кажется и грубъ на разговорахъ,
Смѣяться и шутить ни пьяный не любилъ;
Однако слогъ его весьма прiятенъ былъ.

Когда онъ былъ въ Македонiи у царя Архелая, и царь обходился съ нимъ прiятельски; то идучи ночью съ его ужина, отъ нѣкотораго завистника затравленъ собаками, отъ чего и умеръ. А гробъ и память его Македонянѣ удостоили той чести, что въ прославленiе ему говорили; ὄποτε σου μνῆμα Ἐυριπίδης ὄλετο πȣ, т. е. *Память твоя, Еврипидъ, нигдѣ никогда не погибнетъ*; понеже сей изрядный стихотворецъ по смерти своей погребенъ былъ въ ихъ земляхъ. По сему когда присланные къ нимъ отъ Аѳинянъ послы просили, чтобы они позволили перенести его кости въ Аѳины, въ которыхъ онъ родился; то Македонянѣ всѣ единодушно въ томъ отказали.

ГЛАВА 21.

О томъ, что стихотворцы дѣтей Юпитеровыхъ описываютъ весьма разумными и человѣколюбивыми, а Нептуновыхъ весьма свирѣпыми и безчеловѣчными.

Стихотворцы Юпитеровыхъ дѣтей, какъ то Эака, Миноя и Сарпедона назвали весьма добродѣтельными, разумными и сильны;

ными; а дѣтей Нептуновыхъ (1) Циклопа, Церціона, Сцирона и Лестригоновъ, такъ какъ рожденныхъ отъ моря, весьма свирѣпыми, жестокими и совсѣмъ безчеловѣчными.

ГЛАВА 22.

Повѣсть о полководцѣ Серторіи, о его хитрости, вымыслахъ и притворствахъ, которыя онъ употреблялъ для удержанія при себѣ грубыхъ и непросвѣщенныхъ воиновъ.

Серторій былъ человѣкъ острый, полководецъ изрядный и править войскомъ умѣющій. Онъ въ случающихся весьма трудныхъ обстоятельствахъ и лгалъ воинамъ, естьли ложь была полезна, и читалъ подложныя письма за истинныя, и выдумывалъ сны, и притворялся набожнымъ; естьли сія средства могли производить полезныя ему движенія въ сердцахъ воиновъ. Такимъ образомъ слѣдующій Серторіевъ вымыселъ достоинъ отмѣннаго примѣчанія. Нѣкоторый Португалецъ подарилъ ему бѣлую лань, отмѣнно красивую и весьма скоро бѣгающую. Онъ принялъ намѣреніе всѣхъ увѣрять, что сія лань послана къ нему отъ Бога, и по вдохновенію богини Діаны съ нимъ разговариваетъ, совѣтуетъ и показываетъ ему всѣ полезныя дѣла: и, естьли что трудное случалось приказывать воинамъ, то сказывалъ, что онъ дѣлаетъ

 сіе

сіе по внушенію лани. Когда же онъ такъ говорилъ; всѣ, какъ Богу, охотно ему повиновались. Въ одинъ день, какъ сказано было о непріятельскомъ набѣгѣ, отъ чего всѣ начали спѣшить и пришли въ замѣшательство, она испугавшись убѣжала, и вблизъ находившемся болотѣ скрылась. Послѣ же какъ не могли оя найти, то почли, что она пропала. Не много дней спустя сказано Серторію, что лань нашлась. Онъ объявившему о семъ приказалъ молчать и никому не сказывать; притомъ велѣлъ оную въ слѣдующій день вдругъ впустить туда, гдѣ онъ будетъ съ своими совѣтниками. На другой день собравшимся къ себѣ совѣтникамъ сказалъ, что онъ видѣлъ во снѣ пропавшую лань къ нему возвратившуюся, и, по прежнему обыкновенію, что надобно дѣлать, сказывавшую. Тогда, по данному отъ Серторія знаку, выпущенная лань вбѣжала въ Серторіевъ покой. Всѣ подняли крикъ и начали удивляться: и сіе непросвѣщенныхъ людей легковѣріе въ великихъ дѣлахъ великую Серторію приносило пользу. Повѣствуютъ, что изъ разноплеменныхъ воиновъ, служившихъ при Серторіи, хотя онъ на многихъ сраженіяхъ былъ побѣждаемъ, ни одинъ никогда отъ него не отсталъ: хотя сей родъ людей и весьма непостояненъ.

ГЛА-

ГЛАВА 23.

О времени, въ которое жили знатные повѣстеписатели Елланикъ, Иродотъ, Ѳукидидъ.

Елланикъ, Иродотъ, Ѳукидидъ повѣстеписатели въ одно почти время великою похвалою процвѣтали, и не очень многими одинъ другаго были старѣе лѣтами. Ибо Елланику, въ началѣ Пелопоннезской войны, кажется было отъ роду шестьдесятъ пять лѣтъ, Иродоту пятьдесятъ три, Ѳукидиду сорокъ. Написано о семъ въ одиннатцатой книгѣ Памфилиныхъ записокъ.

ГЛАВА 24.

Что Вулкатій Седигитъ въ книгѣ своей о Стихотворцахъ, разсуждаетъ о Латинскихъ комикахъ.

Седигитъ въ книгѣ *о Стихотворцахъ*, мнѣніе свое о комическихъ писателяхъ, кого онъ почитаетъ всѣхъ другихъ превосходнѣйшимъ, и кому какую отдаетъ честь и преимущество, изъявляетъ слѣдующими стихами:

Я вижу, что о семъ споръ многіе имѣютъ,
Кого изъ комиковъ всѣмъ предпочесть другимъ.
Сей споръ, какъ можно, я рѣшить потщуся имъ:
Такъ что въ противность мнѣ и думать не посмѣютъ.

(1) *Цецилія изъ всѣхъ я первымъ почитаю,*
(2) *Второму же по немъ честь Плавту отдаю.*
За жаркій Невій слогъ беретъ здѣсь честь свою.
Лицинію степень четверту уступаю.
(3) *А за Лициніемъ пусть слѣдуетъ Аттилій.*
А я слѣдующаго степень шестая есть,

И

---

(1) *Цециліи изъ всѣхъ я первымъ почитаю*] Седигитъ Цецилію даетъ преимущество предъ прочими комическими стихотворцами; можетъ быть въ семъ поступилъ онъ въ разсужденіи Цецилія снисходительнѣе, нежели сколько требовала благопристойность: ибо хотя о томъ, котораго никакихъ сочиненій не находится, ничего разсуждать не можно; однако надлежитъ во уваженіе принять разсужденіе Цицерона, который называетъ его то *худымъ Латинскимъ писателемъ*, то худо *говорившимъ.* Но Ацидалій *Divinat. in Plaut.* cap. 1. думаетъ, что Седигитъ не столько смотрѣлъ на чистоту словъ, сколько на самыя вещи; а въ разсужденіи сего и Варронъ у Ноніа отдаетъ Цецилію преимущество: и Горацій пишетъ, что Цецилій важностію матеріи другихъ превосходитъ.

(2) *Второму же по немъ честь Плавту*] Ацидалій думаетъ, что Седигитъ не безъ приличія Плавту даетъ второе мѣсто, какъ Цецилію первое, то есть по матеріи: чтобы сперва смотрѣть на вещи и на мысли, а потомъ на слова и на слогъ. Да и признаться надобно въ семъ; ибо хотя Теренцій чистотою слога гораздо превосходнѣе Плавта; однако разностію и изобиліемъ вещей Плавтъ Теренція преодобѣждаетъ.

(3) *А за Лициніемъ пусть слѣдуетъ Аттилій*] Совсѣмъ неправо здѣсь судитъ Седигитъ, предпочитая Теренцію Аттилія, котораго Цицеронъ въ 14. кн. къ Аттик. писм. 13. называетъ *весьма грубымъ стихотворцемъ*; и Лициній назвалъ его *желѣзнымъ*, по свидѣтельству того же Цицерона кн. 1. о концѣ добра и зла.

И въ ней (4) Терентіа не можно не почесть.
(5) Седьмымъ считается за сими Секстъ Турпилій.
(6) Осмымъ я Трабею чту, (7) Лусціа девятымъ,
И (8) Квинта Энніа для древности десятымъ.

М 5 ГЛАВА

(4) *Терентіа*] совсѣмъ почти здѣсь не можно допустить мнѣнія Седигитова, который на шестомъ уже мѣстѣ въ порядкѣ комическихъ стихотворцовъ полагаетъ Терентіа. А Терентіа столь много почитала древность, что и Афраній, самъ будучи преизрядный комическій стихотворецъ, не токмо никого ему не предпочитаетъ, но ниже сравниваетъ съ нимъ.

(5) *Седьмымъ считается за сими Секстъ Турпилій*] Сей Секстъ Турпилій жилъ во времена Терентіевы; и умеръ очень старъ въ Синуессѣ въ 109 Олимпіаду, какъ пишетъ Іеронимъ *въ Лѣтописцѣ*. Сказываютъ, что Турпилій любилъ Теренція, и что иногда на однихъ играхъ ихъ обоихъ представляемы были комедіи. О его *Ѳрасилеонтѣ*, *Бѣглецахъ*, *Левкадіи*, *также о Димитріи*, котораго онъ перевелъ изъ Алексида, упоминаютъ Варронъ, Фестъ, Ноній и другіе.

(6) *Осмымъ я Трабею чту*] Кажется, что и Трабея стихотворецъ жилъ въ одно время съ Аттиліемъ. Упоминаетъ о немъ Цицеронъ во 2 кн. о *Концѣ Добра и Зла*. И въ книгахъ *Тускуланскихъ Запросовъ* приводитъ многіе Трабеевы стихи.

(7) *Лусціа*] Полагаемый здѣсь въ девятомъ мѣстѣ Седигитомъ Лусцій былъ Терентіевъ сверстникъ; между комедіями его упоминается Thesaurus *Сокровище*, котораго содержаніе приводитъ Донатъ *въ Евнухѣ*.

(8) *Кв. Энніа*] Кромѣ лѣтописца многія написалъ онъ комедіи и трагедіи; по чему за древность Седигитъ даетъ ему здѣсь десятое мѣсто между Комическими стихотворцами.

ГЛАВА 25.

О нѣкоторыхъ новыхъ словахъ, усмотренныхъ мною въ мимiамбахъ Кн. Маттiа.

Кн. Маттiй, мужъ ученый, въ Мимiамбахъ своихъ не безъ разсужденiя и не безъ пристойности выдумалъ глаголъ, *recentatur*, вмѣсто Греческаго ἀνανεῦται, то есть, denuo nascitur. atque iterum fit recens. Стихи въ которыхъ находится сiе слово, суть слѣдующiе:

Iamiam albicascit Phaebus, et recentatur
Commune lumen hominibus, voluptasque.

Тожже Маттiй въ тѣхже мимiамбахъ говоритъ *edulcare*, которое слово значитъ dulcius reddere въ слѣдующихъ стихахъ:

Quapropter edulcare conuenit vitam;
Curasque acerbas sensibus gubernare.

ГЛАВА 26.

Какъ Аристотель философъ опредѣлилъ силлогизмъ, и переводъ онаго опредѣленiя на Латинскiй языкъ.

Аристотель опредѣленiе силлогизма сдѣлалъ слѣдующимъ образомъ: λόγος ἐν ᾧ τεθέντων τινῶν ἕτερόν τι τῶν κειμένων ἐξ ἀνάγκης συμβαίνει διὰ τῶν κειμένων. Сiе опредѣленiе хорошо казалось переведено слѣдующимъ образомъ; *Syllogismus est oratio, in qua consensis quibusdam et concessis, aliud quid, quam quae concessa sunt, per ea quae concessa sunt, necessario conficitur.* т. е. *Силлогизмъ есть рѣчь, въ которой по уступле-*

плени̂и одного изъ того, что уступлено, непремѣнно слѣдуетъ нѣчто другое отъ уступленнаго различное.

ГЛАВА 27.

Что такое comitia calata, *что* curiata, *что* centuriata, *что* tributa, *что* concilium; *и притомо нѣчто другое сему подобное.*

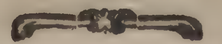
Въ первой книгѣ Лелiа Феликса къ К. Муцiю написано слѣдующее: Пишетъ Лабеонъ, что *Calata Comitia* [созванныя комицiи] суть тѣ, которыя вмѣсто собранiя первосвященниковъ бываютъ для постановленiя или Царя Жреца (1) или другихъ жрецовъ. Иныя же изъ нихъ бываютъ по курiямъ [curiata], иныя по центурiямъ [centuriata]. Комицiи по курiямъ созываются чрезъ ликтора [пристава] по курiямъ; а комицiи по центурiамъ чрезъ трубача играющаго на рогѣ. На тѣхже созванныхъ комицiахъ дѣлалось завѣщанiе богослуженiя и другiя завѣщанiя. Ибо слышалъ я, что завѣщанiй было три рода: одно дѣлалось въ созванныхъ комицiахъ при собранiи народа; другое въ войскѣ, когда воины созываемы были въ строй для начатiя сраженiя; третiе чрезъ свобожденiе дѣтей отъ власти оп-

---

(1) *Или другихъ жрецовъ*] Какъ то Дiева, Квиринова, Марсова, Вулканова, Фуринина и другихъ. Ибо каждый богъ имѣлъ своихъ жрецовъ, по имени ихъ прозванныхъ, какъ пишетъ Варронъ въ кн. 4. о *Лат. Язык.*

отцовской, при которомъ употребляемы были мѣдь и вѣсы. Въ той же книгѣ Лелія Феликса написано слѣдующее: „Тотъ, „кто не всему народу, но нѣкоторой части „онаго приказываетъ собраться, долженъ „объявить не комиціи, но concilium. А Трибуны не созываютъ Патриціевъ, и ни о чемъ имъ „предлагать не могутъ: по чему и сдѣланныя народными Трибунами узаконенія, не „leges собственно, но plebiscita называются. „Сими узаконеніями Патриціи прежде обязаны не были, пока К. Гортенсій Диктаторъ не издалъ закона, по которому всѣ „Римлянѣ безъ изъятія сдѣлались обязаны „исполнять то, что узаконилъ народъ. Въ той же книгѣ написано слѣдующее: „Въ „которыхъ собраніяхъ подаютъ голоса всѣ „гражданѣ, тѣ называются собранія по „куріамъ: въ которыхъ подаются голоса „богатству и по лѣтамъ, тѣ называются „собранія по сотнямъ: а въ которыхъ по „странамъ и мѣстамъ, тѣ собранія по трибамъ. Собраніямъ же по сотнямъ въ предстѣніи градскомъ [intra pomoerium] быть „не можно; понеже войско созывать должно внѣ города, а внутри города созывать оное непозволительно. И для того „собранія по сотнямъ обыкновенно бываютъ „на Марсовомъ полѣ, часть же войска оставляется въ крѣпости для охраненія: потому что народъ бываетъ тогда упражненъ въ подаваніи голосовъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 28.

О томъ, что ошибся Корнелій Непосъ, написавъ, что Цицеронъ на двадцать третьемъ году отъ роду говорилъ рѣчь за Секста Росціа.

Корнелій Непосъ хотя былъ въ исторіи не неискусенъ, и великой другъ М. Цицерону: однако въ первой книгѣ *о его Жизни*, кажется, ошибся, написавъ, что онъ на двадцать третьемъ году отъ роду, въ первые имѣлъ дѣло въ общенародномъ судѣ, и защищалъ Секста Росціа, обвиняемаго въ отцеубійствѣ. Ибо по численію лѣтъ, отъ К. Цепіона и К. Серрана, въ которыхъ Консульство, Января втораго дня М. Цицеронъ родился, до М. Туллія и Кн. Долабеллы, въ Консульство которыхъ говорилъ онъ рѣчь за Квинтіа предъ судіею Аквиліемъ Галломъ, выходитъ двадцать шесть лѣтъ. И нѣтъ сумнѣнія, что годъ спустя по сказываніи за Квинтіа рѣчи, будучи уже двадцати седми лѣтъ отъ роду, защищалъ онъ обвиняемаго въ отцеубійствѣ Секста Росціа, въ Консульство Л. Суллы Феликса и К. Метелла Піа. (1) Асконій Педіанъ примѣтилъ, что въ семъ ошибся и (2) Фенестелла, написавъ что онъ го-

(1) *Асконій Педіанъ*] Сей жилъ во время Веспасіана, какъ можно видѣть изъ того, что заключаетъ и разсуждаетъ Воссій въ 1. кн. *Латин. Ист.* гл. 27.

(2) *Фенестелла*] Жилъ Фенестелла въ Августовомъ вѣкѣ.

говорилъ рѣчь за Сек. Росціа на дватцатъ шестомъ году отъ роду. А Непотова ошибка больше Фенестелловой; естьли кто не хочетъ думать, что онъ изъ любви и изъ дружбы, для приведенія въ большее Цицерону удивленіе, утаилъ четыре года; дабы показать чрезъ то, что онъ, будучи весьма молодъ, говорилъ за Росціа витіеватую рѣчь. Притомъ любители Греческаго и Латинскаго краснорѣчія не оставили безъ примѣчанія и того, что Димосѳенъ и Цицеронъ въ одинакихъ лѣтахъ прекрасныя въ судахъ говорили рѣчи, одинъ на Андротіона и Тимократа, будучи дватцати седми лѣтъ отъ роду, а другой годомъ моложе за П. Квинтія, и на дватцатъ седмомъ за Сек. Росціа. Да и лѣтъ житія ихъ почти равное было число. Цицеронъ жилъ шестьдесятъ три года, а Димосѳенъ шестьдесятъ.

ГЛАВА 29.

О томъ, что Л Писонъ лѣтописатель употребилъ новый образъ рѣчи.

Слѣдующіе два образца рѣчи довольно извѣстны и употребительны, *Mihi nomen est Iulius*, и *mihi nomen est Iulio.* Я нашелъ и третій образецъ новый у Писона во второй книгѣ *Лѣтописца.* Слова Писоновы слѣдующія: *L. Tarquinium, collegam suum, quia Tarquinium nomen esset, metuere; eumque orat uti sua voluntate Romam contendat. Quia Tarquinium*, говоритъ, *nomen*

nomen esset. А сіе сказано не иначе, какбы сказалъ и я, *mihi nomen est Iulium.*

ГЛАВА 30.

Повозка называемая petorritum, *какое слово, Греческое или Галлское.*

Естьли тѣ, которые въ другомъ родѣ жизни всячину уже видѣвши и довольно натерпѣвшись нужды, поздо принимаются за науки, случатся быть отъ природы болтливы и сколько нибудь остры: то въ доказываніи своей учености весьма много хвастаютъ и дурачатся. Каковъ и тотъ человѣкъ, который недавно весьма остроумно навралъ о словѣ *petorritum.* Ибо когда спросили его, какой видъ имѣетъ повозка называемая *petorritum*, и на какомъ языкѣ такъ называется; то онъ и видъ повозки выдумалъ совсѣмъ иной, и сказалъ, что она такъ называется по Гречески, а значитъ скоровертящіяся колесы. Притомъ говорилъ, что *petorritum* названо съ перемѣною одной буквы, какбы *peterotum.* И спорилъ, что такъ написалъ Валерій Пробъ. Я искалъ сего въ весьма многихъ книгахъ записокъ Пробовыхъ, однако не нашелъ; да думаю, что Пробъ никогда сего и не писалъ. Ибо слово *petorritum* не есть по поламъ смѣшенное съ Греческимъ, но все взятое изъ за Алпійскихъ горъ. Потому что оно Галлское. Написано о семъ въ четвертойнадесять кни-

гѣ

гѣ М. Варрона *о Вещахъ Божественныхъ* Въ ономъ мѣстѣ Варронъ, говоря о словѣ retorritum, сказалъ, что оно есть Галлское; притомъ упомянулъ, что и *lancea* есть не Латинское слово, но Испанское.

ГЛАВА 21.

Родосцы держимые въ осадѣ отъ непріятельскаго полководца Димитріа, съ какими словами о славномъ ономъ Іалисовомъ образѣ послали къ нему пословъ.

Преславный въ древности островъ Родосъ, и прекрасный на ономъ городъ осаждалъ и хотѣлъ взять приступомъ Димитрій, славный въ свое время полководецъ; который по искуству и знанію въ дѣланіи осадъ, и по хитровымышленнымъ для взятія городовъ орудіямъ прозванъ *πολιορκητὴς* т. е. *осадою берущій города*. Во время оной осады намѣревался онъ на нѣкоторое общенародное зданіе, за городскими стѣнами стоявшее и мало охраненія имѣвшее, напасть, опустошить и сожечь оное огнемъ. Въ семъ зданіи находился достопамятнѣйшій оный Іалисовъ образъ, написанный рукою славнаго живописца Протогена; котораго въ красотѣ и превосходствѣ работы онъ съ гнѣвомъ Родосцамъ завидовалъ. Посылаютъ Родосцы къ Димитрію пословъ съ сими словами: Скажи пожалуй, на что ты зажегши зданіе хочешь сожечь сей образъ? Ибо естьли ты

всѣхъ

всѣхъ насъ побѣдишь, и возмешь весь сей городъ: то чрезъ побѣду и образъ оный получишь цѣлъ и неповрежденъ. А естьли насъ осадою побѣдить не можешь; то разсуди пожалуй, не стыдно ли тебѣ, не могши войною побѣдить Родосцовъ, воевать съ мертвымъ Протогеномъ. Услышавъ сіе отъ Пословъ Димитрій, снялъ осаду, и пощадилъ городъ и образъ.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ШЕСТЛЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА I.

О томъ, что Греческія Музонія философа слова достойны выслушанія и примѣчанія, о пользѣ которыхъ и М. Катонъ, за нѣсколько лѣтъ прежде сего, объявилъ свое мнѣніе, въ рѣчи говоренной имъ въ Нуманціѣ ко всадникамъ.

Когда мы еще будучи юношами находились въ школахъ, то слышали, что сіе Греческое ἐνθυμημάτιον [*небольшее разсужденіе*], которое я здѣсь приложилъ, сказано было (1) Музоніемъ философомъ; и поелику оно справедливо и ясно сказано, и состоитъ изъ

(1) *Музоніемъ философомъ*] Весьма изрядно и благоразумно описываетъ сего знаменитаго философа ученѣйшій мужъ *Іоан. Іонсій* въ сочиненіи о *писат. Философ. Истор.* кн. 3. гл. 7.

краткихъ и круглыхъ словъ, то я весьма легко могъ его упомнить. Ἄν τι πράξης καλὸν μετὰ πόνε, ὁ μὲν πόνος οἴχεται, τὸ δὲ καλὸν μένει· ἄν τι ποιήσης αἰχρὸν μετὰ ἡδονῆς, τὸ μὲν ἡδὺ οἴχεται, τὸ δὲ αἰχρὸν μένει. т. е. *Естьли какое добро ты съ трудомъ сдѣлаешь, то трудъ оной вскорѣ пропадаетъ, а добро, имъ пріобрѣтенное, остается. Естьли же какое ты зло сдѣлаешь съ услажденіемъ, то пріятность оная пропадаетъ, а зло навсегда остается.* Послѣ того, сіежъ самое мнѣніе я читалъ въ Катоновой рѣчи, говоренной имъ въ Нуманціѣ предъ всадниками, которое хотя нѣсколько пространнѣе и обширнѣе сказано, въ разсужденіи Греческаго, мною теперь приведеннаго, но поелику онъ жилъ прежде, и насъ постарѣе, то его слова должны казаться достойнѣйшими почтенія. Слова изъ его рѣчи слѣдующія: *Cogitate cum animis vestris, si quid vos per laborem recte feceritis; labor iste a vobis cito recedet, bene factum a vobis, dum vivitis, non abcedet. Sed si qua per voluptatem nequiter feceritis; voluptas cito abibit, nequiter factum illud apud vos semper manebit.* т. е. *Разсудите вы сами съ собою, ежели что вы съ трудомъ сдѣлаете хорошо; то оной трудъ въ скоромъ времени отъ васъ уйдетъ, а сдѣланное добро, пока ваша жизнь продолжаться будетъ, отъ васъ не уйдетъ. Но ежели что вы съ услажденіемъ худо сдѣлаете, то услажденіе сіе вскорѣ пропадетъ, а сдѣланное зло всегда съ вами пребудетъ.*

ГЛА-

ГЛАВА 2.

Какое правило у Діалектиковъ при вопросахъ и разсужденіяхъ наблюдается, и чѣмъ оное опорочивается.

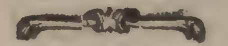
Законъ (1) въ Діалектической наукѣ есть таковъ; естьли о какойнібудь вещи идутъ запросы и разсужденія, и спросятъ у тебя на что нибудь отвѣту, то надлежитъ отвѣтствовать не болѣе, какъ только о чемъ спрашиваютъ, или, т. е. подтверди или опровергни; и ежели кто сего закона не наблюдаетъ, и отвѣтствуетъ или больше, или иначе, нежели какъ спрашиваютъ, такого почитаютъ невѣждою и незнающимъ правилъ и способа спорить. Сіе по справедливости во многихъ состязаніяхъ безъ сомнѣнія должно быть наблюдаемо. Ибо ежели споръ не будетъ ограниченъ простыми вопросамии и отвѣтами, то онъ сдѣлается безконечнымъ и нерѣшимымъ. Но

 бы-

(1) *Въ Діалектической наукѣ*] Нѣкоторые древлѣ, а особливо Стоики, Діалектику брали въ пространномъ смыслѣ за цѣлую науку разсуждать и доказывать всякую истинну, такъ что подъ Діалектикою заключали Τοπικὴν и Ἀποδεικτικὴν; и *διαλέγεσθαι*, откуда наименованіе свое имѣетъ Діалектика, у нихъ тоже означало, что *λόγῳ χρῆσθαι*, т. е. употребленіе дѣлать своего разума, умствовать, разсуждать, спорить и доказывать истинны. Но Перипатетики не столь пространно брали имя Діалектики, а разумѣли чрезъ нее только ту часть Логики, которая учитъ доказывать истинны изъ вѣроятныхъ началъ, т. е. одну только Τοπικὴν чрезъ нее разумѣли, какъ видно изъ Аристотеля и его послѣдователей.

бываютъ такія случаи, въ коихъ естьли коротко и точно на то будетъ отвѣтствовать, о чемъ у тебя спрашиваютъ, непремѣнно обманешься. Ибо ежелибъ кто такъ вопросилъ, прошу мнѣ отвѣтствовать: *Пересталъ ли ты прелюбодѣйствовать, или нѣтъ?* На сей вопросъ какъ бы ты, въ силу Діалектическаго закона, ни отвѣтствовалъ, хотя подтверждая, хотя опровергая, останешся обманутъ, какбы объявляя себя прелюбодѣемъ; но чего въ вопросѣ недостаетъ, то должно прибавить. Ибо кто прелюбодѣйствовать не престаетъ, то не можно сказать, что онъ непремѣнно уже прелюбодѣйствовалъ. Слѣдственно ложной способъ сей уловки; и не льзя утвердительно заключить, что тотъ непремѣнно прелюбодѣйствовалъ, кто говоритъ, что онъ не пересталъ прелюбодѣйствовать. Что же защитники сего закона могутъ сдѣлать въ сей уловкѣ, въ которую непремѣнно должно попасть и имъ самимъ, когда они не больше должны отвѣтствовать, какъ только о чемъ будутъ спрошены? Ибо ежели бы я кого изъ нихъ спросилъ: *Чего ты не потерялъ, имѣешь ли то, или не имѣешь?* прошу сіе или подтвердить, или опровергнуть. Хотя то хотя другое сказавъ, естьли коротко будетъ отвѣтствовать, ошибется. Ибо ежели онъ скажетъ, что *не имѣетъ того, чего не потерялъ*; то заключить можно, что *онъ глазъ не имѣетъ*, коихъ онъ

не

не потерялъ; ежели же скажетъ, *что имѣетъ*, то заключить можно, что *онъ имѣетъ рога*, коихъ не потерялъ. И такъ справедливѣе и безопаснѣе такимъ образомъ отвѣтствовать должно: *Что я имѣлъ, то, ежели не потерялъ, имѣю.* Но такой отвѣтъ не будетъ согласенъ съ вышеобъявленнымъ закономъ. Ибо здѣсь больше отвѣтствуется, нежели о чемъ спрашивается. И для того-то къ сему закону присовокупляется еще и то, что на обманчивые вопросы не должно отвѣтствовать.

ГЛАВА 3.

Какимъ образомъ говорилъ Ерасистратъ врачъ, при случаѣ недостатка въ пищѣ, чрезъ нѣсколько времени снести можно неядѣніе и голодъ; о чемъ и самыя Еразистратовы слова предлагаются.

Мы будучи въ Римѣ часто цѣлые дни съ Фаворином препровождали; привлекалъ сей сладкоглаголивый мужъ къ себѣ наши сердца: и куда бы онъ ни пошелъ, мы какъ бы плѣнниками будучи его словъ, всегда за нимъ слѣдовали. Столь онъ услаждалъ пріятностію своихъ разговоромъ! Въ одно время, какъ онъ пошелъ навѣстить нѣкотораго больнаго, и мы съ нимъ вмѣстѣ тудаже пришли, то по немалыхъ со врачами, тамъ для излѣченія больнаго въ то время бывшими, на Греческомъ языкѣ разговорахъ, не

должно удивляться, сказалъ, тому, что сей будучи прежде сего великой охотникъ всегда ѣсть, теперь по прошествіи наложеннаго ему (1) тридневнаго неяденія, всю прежнюю свою къ ѣдѣ охоту потерялъ. Ибо весьма справедливо, продолжалъ онъ, написано Еразистратомъ, что алчность производятъ порожнія и отверстыя жилы, и находящіяся внутрь брюха и желудка пустыя и зіяющія мѣста, которыя или наполнившись пищею, или отъ долговременной пустоты, сжимаются и затворяются, и тогда по затвореніи и сжатіи того мѣста, въ которое идетъ пища, къ оной желаніе и охота совсѣмъ пропадаетъ. Скиѳы также, говорилъ онъ, по сказанію тогоже Ерасистрата, когда потребуетъ нужда чрезъ долгое время терпѣть голодъ, полотнами весьма крѣпко перевязываютъ брюхо, и вѣрятъ, что чрезъ сіе брюха стѣсненіе позывъ на ѣду прогнать можно. Сіе въ то время и притомъ много и другаго сему подобнаго говорилъ Фаворинъ. А какъ намъ послѣ случилось читать Еразистратову книгу, называемую *Διαιρέσεων* [раздѣленій], тожъ самое, что мы слышали отъ Фаворина,

---

(1) *Тридневнаго неяденія*] Разные примѣры тѣхъ, которые чрезъ долгое время сносили неяденіе, собралъ Лилій Геральдъ; *Dialogism. XVII. in Thesaur. Crit. Tom. II. pag.* 426. Сюда принадлежитъ также книга Форт. Лицета о тѣхъ людяхъ, кои по долгому времени живутъ безъ пищи.

на, съ самаго начала нашли въ оной книгѣ написано. СловаЕразистратовы къ сему принадлежащія суть слѣдующія: Ἐλογιζόμεθα οὖν παρὰ τὴν ἰσχυρὰν σύμπτωσιν τῆς κοιλίας εἶναι τὴν σφόδρα ἀσιτίαν· καὶ γὰρ τοῖς ἐπὶ πλέον ἀσιτοῦσιν κατὰ προαίρεσιν, ἐν τοῖς πρώτοις χρόνοις ἡ πεῖνα παρακολουθεῖ· ὕστερον δὲ οὐκ ἔτι. т. е. *И такъ думали мы, что отъ сильнаго стѣсненія брюха происходитъ оное долговременное неяденіе. Ибо тѣ, которые нарочно воздерживаются отъ пищи, сперва чувствуютъ* голодъ, *а потомъ его уже болѣе не бываетъ.* Потомъ нѣсколько ниже. Ἐιθισμένοι δέ εἰσι καὶ οἱ Σκύθαι, ὅταν διά τινα καιρὸν ἀναγκάζονται ἄσιτοι εἶναι, ζώναις πλατείαις τὴν κοιλίαν διασφίγγειν, ὡς τῆς πείνης αὐτοὺς ἧττον ἐνοχλούσης· σχεδὸν δὲ καὶ ὅταν πλήρης ἡ κοιλία ᾖ, διὰ τὸ κένωμα ἐν αὐτῇ μηδὲν εἶναι, διὰ τοῦτο οὐ πεινῶσι. ὅταν δὲ σφόδρα συμπεπτωκυῖα ᾖ, κένωμα οὐκ ἔχει. т. е. *Скиѳы обыкновенно когда имъ чрезъ нѣсколько времени потребуетъ нужда быть воздержнымъ отъ пищи, широкими поясами перевязываютъ брюхо, чтобы ихъ голодъ меньше безпокоилъ. Ибо какъ брюхо полное не имѣетъ въ себѣ никакой пустоты, не требуетъ пищи; такъ когда оно и весьма стѣснено, также не имѣетъ пустоты, и пищи не требуетъ.* Въ тойже книгѣ Еразистратъ говоритъ о нѣкоторомъ сильномъ и несноскомъ гладѣ, называемомъ по Гречески βούλιμος, которой чаще случается въ весьма холодные дни, нежели въ ясное и ведренное время, а причинъ, для чего т. е. сія

болѣзнь въ то наипаче время случается, говоритъ, что онъ еще не знаетъ: Слова его слѣдующія: Ἄπορον δὲ καὶ δεόμενον ἐπισκέψεος, καὶ ἐπὶ τούτου καὶ ἐπὶ τῶν λοιπῶν βουλιμώντων διὰ τί ἐν τοῖς ψύχεσι μᾶλλον τὸ σύμπτωμα τοῦτο γίνεται, ἢ ἐν ταῖς εὐδίαις. т. е. *Неизвѣстно еще и требующее разсмотрѣнія дѣло, для чего какъ сею одержимый болѣзнію, такъ и прочіе голодные въ холодное наипаче время, нежели въ теплое, боль сію чувствуютъ.*

ГЛАВА 4.

Съ какимъ обрядомъ, и какими словами Феціалъ [провозвѣстникъ] Римскаго народа обыкновенно объявлялъ войну тѣмъ, коимъ Римской народъ войну объявить повелѣвалъ. И также въ какихъ словахъ состояла присяга въ разсужденіи учрежденія воинскихъ покражъ; и поелику набранные воины въ опредѣленной день въ извѣстное мѣсто должны являться, выключая нѣкоторыя причины; то для какихъ имянно сію присягу оставить имъ дозволялось.

Цинцій въ третьей книгѣ о *Воинскихъ Дѣлахъ* написалъ, что (1) Феціалъ Римскаго народа, при объявленіи непріятелямъ вой-

(1) Феціалъ] О семъ обществѣ, его празднествахъ, и объявленіи войны, и притомъ какіе они употребляли слова и обряды при брошеніи стрѣлы на вражескую землю, всѣ писавшіе о *Дѣлахъ Римскаго Народа* упоминаютъ.

войны, бросая на ихъ поле стрѣлу, сїй употребалялъ слова: *Qu d. Populus. Hermundulus. Homines. Que. Populi. Hermunduli. Aduersus. Populum. Romanum. Bellum. Fecêre. Deliquerunt. Que. Quod. Que. P pulus. Romanus. Cum. Populo. Hermundulo. Hominibus. Que. Hermundulis. Bellum. Iussit. Ob. Eam. Rem. Ego. Populus. Que. Romanus Populo. Hermundul. Hominibus Que. Hermundulis. Bellum. Dico. Facio. Que.* т. е. *Понеже народъ Гермундульской и люди Гермундульскаго народа противу Римскаго народа пошли пойною, и чрезъ то погрѣшили; и понеже Римской народъ съ народомъ Гермундульскимъ и людьми Гермундульскими опредѣлилъ бытъ войнѣ, то для сей причины я и Римской народъ Гермундульскому народу и людямъ Гермундульскимъ войну объявляю и зачинаю.* Также въ пятой книгѣ о *Военныхъ дѣлахъ* тоже Цинцїя написано: *Въ старину по время воинскаго набора, воинской Трибунъ новобраныхъ воиновъ приводилъ къ присягѣ состоящей въ сихъ словахъ: In. Magistratu. C. Laelii. C. Filii. Consulis. L. Cornelii. P. Filii. Consulis. In Exercitu. Decem Que. Millia. Passuum. Prope. Furtum. Non. Facies. Dolo. Malo. Solus. Neque. Cum. Pluribus. Pluris. Numi. Argentei. In. Dies. Singulos. Extra. Que. Hastam. Hastile. Napum. Pabulum.*

 Utrem.

Utrem. Follem. Faculam. Si. Quid. Ibi. Inveneris. Sustuleris. Ve. Quod. Tuum. Non. Erit. Quod. Pluris. Numi. Argentei. Erit. Uti. Tu. Ad. C. Laelium. C. Filium. Consulem. L. Ue Cornelium. P. Filium. Consulem. Siue. Quem. Ad. Utrum. Eorum. Iusserit. Proferes. Aut. Profitebere. In. Triduo. Proximo. Quidquid. Inueneris. Sustuleris. Ue. Sine. Dolo. Malo. Aut. Domino. Suo. Cuium. Id. Consebis. Esse. Reddes. Ut. Quod. Rectum. Factum. Esse. Voles. т. е. Въ правленіи К. Лелія К. сына Консула, въ пойскѣ Л. Корнелія, П. сына Консула, и кругомъ пойска на тысячу шаговъ обманомъ или по злости (2) ни одинъ ни съ другими выше сребренника ни въ какой день не укради; и кромѣ копья, ратовища, брюквы, корму конскаго, мѣху, и мѣху раздувальнаго, ежели что ты тамъ найдешь, или похитишь, что не есть твое и стоитъ выше сребренника, то ты къ К. Лелію К. сыну Консулу, или къ Корнелію П. сыну Консулу, либо къ которому изъ нихъ приказано бу-

(2) Ни одинъ и проч.] Сей образецъ Римляне взяли отъ Аѳинянъ; ибо у нихъ юноши на двадцатомъ году, записываяся въ число гражданъ, такъ присягали. ὀ καταισχυνῶ τὰ ὅπλα ὀδὲ καταλείψω τὸν προςάτην ᾧ ἂν τύχω, ἀμυνῶ καὶ ὑπὲρ ἱερῶν καὶ οσίων καὶ μόνος καὶ μετὰ πολλῶν. т. е. Не постыжу оружія, ниже измѣню начальнику своему, чтобъ онъ ни былъ. Буду также стоять за святая и священная, какъ одинъ, такъ и съ другими.

будетъ отнеси, или въ первые три дни чистосердечно и безъ коварства признайся въ томъ, что ты нашелъ или унесъ, или хозяину, чье сіе будетъ, отдай, естьли хочешь справедливо въ томъ поступить. А новобранымъ воинамъ назначаемъ былъ день, въ которой они должны на извѣстномъ мѣстѣ являться, и Консулу ихъ перекликающему отвѣтствовать. Притомъ сія присяга, которой они обязываемы были явиться, слѣдующія имѣла выключенія: *Ежели не воспрепятствуетъ какая нибудь изъ слѣдующихъ причина: (3) погребеніе сродника; (4) праздникъ десятинъ и новомѣсячіе, не для того перенесенныя къ тому дню, чтобы ему въ оней день тамъ не явиться; жестокая болѣзнь или прознаменованіе, котораго безъ жертвоприношенія оставить не можно; годовое жертвоприношеніе, которое безъ его тамъ въ тотъ день присудствія законно совершено быть не можетъ; насильствіе или непріятель, уреченной либо по-*

(3) *Погребеніе сродника*] Погребеніе сродственника почиталось справедливымъ извиненіемъ для воина, естьли онъ не явится въ учрежденное время. Ибо древніе почитали, что сего обряда безъ великаго грѣха никому изъ сродственниковъ умершаго пренебречь было не можно.

(4) *Деникальное Празд*] Въ сей праздникъ односемейцы умершаго очищалися отъ скверны, погребеніемъ имъ причиненной, употребляя при томъ извѣстныя церемоніи; и столь благоговѣйно сей день препровождали, что не позволялось имъ ниже лошаковъ запрягать. *Цицер. о Закон.* кн. 2. гл. 22.

положенной день съ непріятелемъ. Ежели кто какую нибудь изъ сихъ будетъ имѣть причину, то онъ на другой день, какъ его показанныя причины удерживать не будутъ, придетъ и явится у того, кто набиралъ воиновъ изъ того села, деревни, или города. Въ тойже книгѣ находятся слѣдующія слова: *Ежели воинъ въ предписанный день не явится, и ни чемъ не извинится, то замѣчали его въ небылыхъ* [infrequens]. Въ книгѣ же шестой написано тако. *Крылья войска называются строи* [ordines] *всадниковъ. Ибо они кругомъ легеоновъ по правую и лѣвую сторону, какъ крылья вокругъ птичьяго тѣла, поставляемы были: въ легеонѣ находится шестдесятъ сотенъ, тритцать Манипуловъ, десять Когортъ* (5).

ГЛАВА 5.

О томъ, что значитъ vestibulum, *и о произведеніяхъ сего слова.*

Много такихъ есть словъ, которыя хотя мы въ разговорахъ употребляемъ, однако не знаемъ совершенно, что они собственно и точно значатъ; но неизвѣстному и общенародному слѣдуя о неизвѣданной вещи преданію, болѣе кажемся только говорить то, что хотимъ, нежели самою вещію говоримъ. На примѣръ слово vestibulum

(5) Въ нынѣшнихъ воинскихъ учрежденіяхъ раздѣленіе совсѣмъ иное, и потому сихъ словъ перевести не можно.

stibulum хотя въ разговорахъ, употребительное и обыкновенное, однако не всѣ его употребляющіе совершенно знаютъ. Ибо я примѣтилъ, что нѣкоторые не неученые мужи думаютъ, будто vestibulum есть передняя часть дома, которая отъ простаго народа *сѣньми* называется. Но К. Елій Галлъ во второй книгѣ о знаменованіи словъ, до гражданскаго права надлежащихъ, говоритъ, *что vestibulum не въ самыхъ покояхъ находится, ниже часть покоевъ, но мѣсто порожнее отъ дверей дома до дороги, съ правой и лѣвой руки стѣнами до самой дороги касающимися огражденное, чрезъ которое ходъ былъ съ дороги въ покои.* Отъ многихъ еще спрашивается, откуда сіе слово происходитъ. Но сколько я о семъ ни читалъ, все мнѣ кажется несправедливо и неосновательно. А что Сулпицій Аполлинаръ мужъ превосходнымъ знаніемъ украшенный о семъ, какъ мнѣ помнится, говорилъ, то вотъ оно въ какой силѣ. *Ve* частица, какъ и другія многія, иногда значитъ *увеличеніе*, а иногда *уменшеніе.* Ибо *vetus* и *vehemens*, одно отъ величины возраста [ab aetatis magnitudine] сложено и сокращено, а другое такъ называется отъ силы и стремительности разума, [vemens]. Но слово *vescum*, сложенное изъ *ve* частицы и *esca*, въ разсужденіи обѣихъ частей имѣетъ различное знаменованіе: ибо Люкреційй *vescum salem* производитъ *отъ жадности къ ѣдѣ*, а Луцилій

vescum

vescum называетъ *отвращеніемъ отъ пищи.* И такъ которые встарину строили большія домы, оставляли порожнее между дверей дому, и дороги мѣсто, гдѣ приходящіе для поздравленія господина того дома прежде, нежели впущены были въ покои, стояли; и такимъ образомъ они ни на дорогѣ стояли, ни въ покояхъ были. Отъ сего-то многолюднаго въ семъ мѣстѣ стоянія, и какбы a stabulatione названы *vestibula* тѣ великія передъ дверьми покоевъ оставленныя пространства, въ которыхъ стояли приходящіе, прежде нежели были впущены въ покои. Сверхъ сего должно знать, что сіе слово древними писателями не всегда собственно, но иногда употребляемо было и преносительно; однакожъ такъ, что они отъ онаго, нами выше приведеннаго, свойства недалеко отступали, какъ на прим. въ шестой книгѣ у Виргилія Енеид. ст. 273. слѣд.

Vestibulum ante ipsum primisque in faucibus orci
Luctus et vltrices posuere cubilia curae.

Ибо онъ здѣсь не переднюю часть адскаго дома называетъ *vestibulum*; но показываетъ еще внѣ адскихъ дверей находящіися два мѣста vestibulum и fauces. Изъ коихъ *vestibulum* называетъ онъ предвратіе, находящееся предъ самымъ домомъ, а не входя во внутренняя ада; а fauces [устье] значитъ у него тотъ ускои проходъ, чрезъ которой въ предвратіе *in vestibulum* входятъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 6.

Какія жертвы называются Hostiae Bidentes, *что они значатъ, и для чего такъ называются; о чемъ П. Нигидія и Юлія Гигина приводятся мнѣнія.*

Мы возвращаясь на караблѣ изъ Греціи въ Брундузѣ остановилися. Тамъ нѣкоторый Латинскаго языка учитель, призванной Брундузцами изъ Рима, дозволялъ всѣмъ себя спрашивать и испытывать о чемъ кому угодно. Пошли и мы къ нему для прогулки; потому что отъ морскаго безпокойства весьма упомились и ослабѣли. Онъ въ то время читалъ грубо и безразсудно седьмую книгу Виргилія, въ которой находится сей стихъ 93.

Centum langeras mactabat rite bidentis.

И повелѣвалъ спрашивать себя о всемъ, кто только о чемъ хочетъ. Тогда удивившись столь великому глупаго сего человѣка на себя упованію, скажи пожалуй намъ, сказалъ я ему, учитель, что значитъ *bidentes*? *Bidentes*, говоритъ, называются овцы; для того-то еще и lanigeras [руноносными] ихъ назвалъ сочинитель, дабы яснѣе показать, что сіе значитъ овецъ. А вотъ, я говорю ему, увидимъ мы одни ли овцы, какъ ты сказалъ, называются *bidentes*; и погрѣшилъ ли Помпоній сочинитель Ателланъ, родившійся въ Галлахъ за-Алпискихъ, что такъ написалъ:

Mars tibi foueo facturum, si unquam redierit, bidenti verre.

Но

Но у тебя теперь спрашиваю, знаешь ли ты совершенно означеніе и произведеніе сего слова? Онъ ни мало не подумавъ, но весьма дерзко, овцы, говоритъ, называются Bidentes, потому что они имѣютъ только два зуба. Гдѣ ты, говорю ему, мой государь, видалъ, чтобы овца отъ природы имѣла только два зуба? Ибо сіе бы было уродъ и чудовище. Тогда онъ озлобившись и осердяся на меня, спрашивай, говоритъ, лучше о томъ, о чемъ должно у Грамматика спрашивать. Ибо объ овечьихъ зубахъ надобно спрашивать у пастуховъ. Я шуткамъ сего глупца посмѣялся и ушелъ. Но Публій Нигидій въ книгѣ, имъ написанной о *Внутреннихъ частяхъ животныхъ*, говоритъ, что bidentes называются не одни овцы, но и всѣ двулѣтнія [bimae] жертвы; однако же не сказалъ ясно для чего называются *bidentes*. Но, что я прежде самъ разсуждалъ, то послѣ нашелъ написано въ нѣкоторыхъ, до первосвященническаго права принадлежащихъ, запискахъ, что сперва назывались они bidennes, со вложеніемъ въ средину литеры *d*, вмѣсто biennes; а потомъ долговременнымъ употребленіемъ сіе слово попорчено, и изъ bidennibus сдѣлалось bidentes; ибо сіе казалося легче выговаривать. Однако Гигинъ Іулій, мужъ въ правѣ первосвященническомъ по видимому небезъискусный, въ четвертой книгѣ *о Виргиліи* написалъ, что жертвы hostiae bidentes на-

называются тѣ, которыя по своему возрасту имѣютъ два зуба выше прочихъ. Я и самыя его слова здѣсь прилагаю: *Quae bidens*, inquit, *hostia*, *oportet habeat dentes octo*; *sed ex his duo ceteris altiores*, *per quos appareat*, *ex minore aetate in maiorem transscendisse*. т. е. *Bidens жертва должна имѣть восемь зубовъ, но изъ сихъ два зуба прочихъ выше, по которымъ бы узнать можно было, что она изъ младшаго возраста перешла въ старшій.* А справедливо ли сіе Гигиново мнѣніе, о томъ не умствованіями, но глазами разсуждать должно.

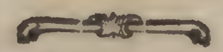
ГЛАВА 7.

Лаберій многія слова слишкомъ вольно и дерзко выдумывалъ, и многія онъ употреблялъ также слова, о которыхъ спрашивается, точно ли они Латинскія.

Лаберій въ своихъ Мимахъ вольно вымышлялъ слова. Ибо онъ и *mendicimonium* употребляетъ, и *mœchimonium*, *adulterionem* и *adulteritatem* pro *adulterio*, и *depudicauit* pro *stuprauit*, и *abluuium* pro *diluuio*; и что онъ въ Мимѣ, называемомъ Кофинѣ, полагаетъ *manuatus est* pro *furatus est*. Также въ Фуллонѣ *furem* называетъ онъ *manuarium*.

Manuari, говоритъ, *pudorem perdidisti*.

И много другихъ симъ подобныхъ вновь выдумывалъ; и также вышедшія изъ употребленія и *нечистыя* изъ подлаго между народомъ употребленія взявши полагаетъ

въ своемъ сочиненіи, какъ на примѣръ слѣдующее въ Стаминаріяхъ:

Tollet bona fide vos orcus nudas in Catomium.

Говоритъ также *elutriare lintea*, и *lauandria* называетъ то, что дано вымыть, и *coicior in fullonicam. Et quid properas? quid praecurris Caldonia?* Также въ Ресціонѣ *calabarriunculos* называетъ тѣхъ, которые отъ простаго народа называются *calabarriones.* Равнымъ образомъ въ Компиталахъ: *malas malaxaui.* Также въ Какомнемонѣ:

Hic est, говоритъ онъ, *ille gurdus, quem, ego,*
Me abhinc duos menses ex Africa
Venientem excepisse, tibi narraui.

Также въ Мимѣ, которой называется Наталъ, кладетъ онъ *cippum*, и *obbam*, и *camellam*, и *pittacium*, и *capitium*: *Induis*, говоритъ, *capitium tunicae pittacium.* Сверьхъ того въ Аннѣ Переннѣ, *gubernium* pro *gubernatore*; и *planum* pro *sycophanta*; *Nanum* pro *pumilione* употребляетъ, хотя *planum* pro *sycophanta* и М. также Цицеронъ въ рѣчи за Клюенціа гл. 26. употребилъ. И также въ Мимѣ называемомъ Сатурналіа *botulum* pro *farcimine*, и *hominem leuenam*, pro *leui* пишетъ. Равнымъ образомъ въ Некромантіи [Мертвопрорицаніи] совсѣмъ простонароднымъ образомъ *cocionem* называетъ того, коего всѣ древніе называли *arullatorem.* Вотъ слова Лаберіевы: *Duas uxores; hoc hercle plus negotii est, inquit cocio, sex aediles viderit.* Однакожъ въ Мимѣ называемомъ Александрея, хотя такимъ же образомъ, какъ и простой на-

народъ, но хорошо и согласно съ свойствомъ Латинскаго языка употребилъ Греческое слово; ибо *implastrum* положилъ онъ ὀυδετέρως [*въ среднемъ родѣ*], а не въ женскомъ, какъ тѣ полуученые новички. Я прилагаю и слова изъ его Мима:

Quid est ius iurandum? implastrum aeris alieni.

ГЛАВА 8.

Что значитъ, и какъ у Латинщиковъ называется то, что Діалектики называютъ ἀξίωμα: и о нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, въ первой Діалектической наукѣ преподаваемыхъ.

Когда мы захотѣли обучаться Діалектическимъ наукамъ, то прежде надлежало намъ знать называемыя отъ Діалектиковъ εἰσαγωγάς [Введенія]. И какъ вопервыхъ слушать намъ должно было περὶ Ἀξιωμάτων, (*de pronuciatis*), которыя Варронъ иногда называетъ *profata*, а иногда *proloquia*: то я всячески старался сыскать Л. Елія мужа ученаго, бывшаго учителемъ Варроновымъ, записки *De Proloquiis*, которыя нашедши въ библіотекѣ находящейся при храмѣ Pacis (*Мира*) и читалъ. Но въ нихъ ничего ученаго и къ ясному наставленію служащаго не писано; и по видимому онъ сію книгу писалъ больше для самаго себя, а не для наставленія другихъ. Чего ради по нуждѣ обратилися мы къ чтенію Греческихъ книгъ, изъ коихъ узнали, что Ἀξίωμα опредѣляет-

ся сими словами: Λεκτὸν ἀυτοτελὲς ἀποφαντὸν ὅσον ἐφ' ἑαυτῷ. Сего я переводить на Латинской языкъ не захотѣлъ, потому что надобно бы было употреблять слова новыя и нечистыя, которыхъ нашъ слухъ, по непривычкѣ едва стерпѣть можетъ. Но М. Варронъ къ Цицерону въ двацать четвертой книгѣ о *Латинскомъ Языкѣ* тако опредѣляетъ:

Proloquium est sententia, in qua nihil desideratur.

Но яснѣе мы узнаемъ, что сіе значитъ, ежели я здѣсь положу его примѣръ. Ἀξίωμα или *proloquium* есть такимъ образомъ составленное изреченіе: на примѣръ *Аннибалъ былъ Карѳагенецъ: Сципіонъ разорилъ Нуманцію: Милонъ за убійство осужденъ: роскошь есть ниже добро, ниже зло.* И, все что яснымъ и совершеннымъ словъ изреченіемъ ни говорится такъ, чтобы то было непремѣнно или справедливо, или ложно, сіе Діалектики называютъ Ἀξίωμα т. е. рѣчь справедливость или ложь, ясно показывающая. М. Варронъ сіе назвалъ, какъ выше сказано, *proloquium*; а М. Цицеронъ *pronuntiatum* [*произреченіе*]: однако же онъ, какъ объясняется, употребилъ сіе слово съ тѣмъ, *пока лучшаго не найдетъ.* Но что Греки συνημμένον ἀξίωμα называютъ, то нѣкоторые изъ Латинщиковъ, *adiunctum*, а иные *connexum* [*связанное*] назвали. Сіе *connexum* есть таковое; *Ежели Платонъ ходитъ, то Платонъ движется. Ежели день есть, то солнце на поверхности земли находится.* Также что Греки συμπεπλεγμένον, то Латинщики или

con-

coniunctum, или *copulatum* [*соединенное*] называютъ; что бываетъ такимъ образомъ: *П. Сципіонъ Павловъ сынъ, и дважды былъ Консуломъ, и торжествовалъ, и отправлялъ Ценсорство, и былъ товарищемъ въ Ценсорствѣ Л. Муцію.* Во всякомъ же соединенномъ произреченіи, хотя одна только часть будетъ ложная, а прочія истинныя, то все называется ложнымъ. Ибо ежели къ тому, что все сказано о Сципіонѣ справедливо, придать, *и Аннибала въ Африкѣ побѣдилъ*, что есть ложно; то и все оное соединенно сказанное, для одного члена ложно присоединеннаго, будетъ не истинно же. Есть еще и иной родъ Аксіомы у Грековъ διεζευγμένον ἀξίωμα, а у Латинщиковъ *disiunctum* [*раздѣленное*] называемый. Онъ такъ бываетъ: *Роскошь зло ли есть, или добро; или ни зло ни добро.* Но всѣ члены раздѣляемые должны быть между собою противны, равномѣрно и противоположныя ихъ члены ἀντικείμενα по-Гречески называемые, должны быть между собою противны же. Изъ всѣхъ оныхъ раздѣленныхъ членовъ одинъ только долженъ быть справедливъ, прочіе ложны. Естьли же ни одинъ изъ всѣхъ не будетъ справедливъ, или всѣ, либо многіе будутъ справедливы; или раздѣленные между собою непротивны, или и ихъ противуположные между собою противны не будутъ; тогда все сіе *раздѣленное* есть ложно, и называется παραδιεζευγμένον. Сіе видно изъ слѣдующаго примѣра, въ ко-

торомъ противоположные члены между собою непротивны: *Или ты бѣжишь, или ходишь, или стоишь.* Сіи члены хотя между собою и противны, но противуположенные имъ между собою непротивны, понеже *не ходить*, и *не стоять*, и *не бѣжать*, между собою непротивны; потому что противными называются тѣ, кои вмѣстѣ стоять не могутъ; а ты можешь въ одно время *ни стоять*, *ни бѣжать.* Но сего изъ Діалектики теперь довольно. Сказать только и напамятовать надобно, что упражненіе и познаніе сей науки съ начала обыкновенно кажется скучно, отвратительно, непріятно и безполезно; но когда ты хотя не много въ ней успѣешь, тогда явится въ твоей душѣ ея польза, и родится ненасытимое желаніе обучаться оной. И ежели ты въ ономъ желаніи себя не умѣришь, то не мало должно опасаться, чтобъ и тебѣ, какъ со многими случилося, въ оныхъ Діалектики кругахъ, и (1) излучистыхъ Меандрахъ, какбы при (2) Сиренскихъ камняхъ, не состарѣться.

ГЛАВА

(1) *Излучистые меандры*] Меандръ рѣка въ меншей Азіи самая излучистая и кривизнами своими извѣстная. Здѣсь чрезъ Меандры разумѣются Діалектическіе споры самые запутанные и нерѣшимые.

(2) *Сиренскіе камни*] Сирены морскіе чудовища верхнюю тѣла часть имѣютъ человѣческую, а нижнюю рыбью, живущіе по островамъ при подводныхъ камняхъ, которые такъ пѣніемъ проѣжжающихъ обольщаютъ, что сіи заслушавшись забываются, и пустивъ корабль безъ правленія наѣжжаютъ на камни, и тако погибаютъ.

ГЛАВА 9.

Что значитъ у древнихъ писателей слово весьма часто употребляемое, susque deque.

Susque deque fero, или *susque deque habeo*, ибо и тѣмъ и другимъ образомъ говорится, слово изъ рѣчей ученыхъ людей взятое, въ поэмахъ также и въ письмахъ древнихъ писателей многократно находящееся. Но удобнѣе найдешь такихъ, кои симъ словомъ хвастаютъ, нежели кои его разумѣютъ. Такимъ образомъ многiе изъ насъ нашедши древнѣйшiя слова стараемся скорѣе ихъ употреблять, нежели хорошо уразумѣть. Значитъ же *susque deque ferre*, *быть равнодушну*, и что ни случается не за велико почитать, а иногда о томъ и не радѣть, и презирать, и почти тоже значитъ, что по Гречески называется ἀδιαφορεῖν. [*быть неразнствующу*,] Лаберiй in Compitalibus говоритъ:

Nunc tu lentus es, nunc tu susque deque fers.
Materfamilias tua in aduerso lecto sedet,
Seruos sextantis verbis nefariis utitur.

М. Варронъ въ Сисеннѣ, или о Исторiи: *Quodsi non horum omnium similia essent principia, ac postprincipia;* susque deque esset. Луцилiй въ третьей книгѣ:

Verum hic ludus ibi, susque omnia deque fuerunt.
Susque et deque fuere, inquam, omnia ludus iocusque.
Illud opus durum, ut Setinum accessimus finem.
Αἰγίλοιποι *montes, Aetnae omnes asperi Athones.*

ГЛАВА 10.

Что значатъ Proletarii *и* Capite censi; *что также значитъ въ XII Таблицахъ* assiduus, *и какое сего слова произведеніе.*

Какъ въ нѣкоторой день въ Римѣ на площади не производилося дѣлъ, а было нѣкоторое веселое празднество, то по случаю читаема была въ собраніи многихъ третія Енніева книга изъ Лѣтописей. Въ оной книгѣ были слѣдующія стихи:

Proletarius publicitus scutisque ferroque
Ornatur ferro: muros, urbemque forumque
Excubiis curant.

Тогда начали тамъ спрашивать, что такое значитъ *Proletarius.* Я взглянувши на нѣкотораго въ ономъ собраніи бывшаго, знающаго гражданское право, моего пріятеля, попросилъ, чтобы онъ намъ сіе слово изтолковалъ. А какъ онъ намъ отвѣтствовалъ, что онъ въ правѣ, а не въ Грамматикѣ искусенъ; то ему сказалъ я, что тѣмъ наипаче тебѣ и надлежитъ сіе знать, когда ты, по словамъ тебя самаго, въ правѣ искусенъ. Ибо К. Енній сіе слово взялъ изъ XII вашихъ Таблицъ, въ которыхъ, ежели не ошибаюсь, такъ написано: *Assiduo. Vindex. Assiduus. Esto. Proletario. Civi. Cui. Quiuis. Volet. Vindex. Esto.* И такъ мы просимъ, чтобъ ты сію книгу теперь читаемую не за Лѣтописецъ К. Еннія, но за XII Таблицъ почелъ, и намъ протолковалъ, что такое значитъ въ ономъ законѣ *prole-*

letarius. Я, сказалъ онъ, сіе истолковать долженствовалъ бы, естьлибъ обучался праву Фавновъ и первоначальныхъ Народовъ Италіи. Но какъ *proletarii, et assidui, et sanates, et vades, et subuades, et viginti quinque asses, et taliones, furtorumque quaestiones cum lance et licio* изъ употребленія вышли, и вся оная двѣнатцати Таблицъ древность, по изданіи Эбутіева закона, не осталася, какъ только въ законѣ Центумвирскихъ дѣлъ: то я болѣе долженъ стараться о знаніи, права и законовъ, и словъ тѣхъ только, кои нынѣ находятся въ употребленіи. Въ то время по случаю увидѣли мы Юлія Павла, стихотворца на нашей памяти преученаго, мимо насъ идущаго, съ которымъ мы поздоровавшися, просили его, чтобы онъ намъ и о реченіи, и о знаменованіи сего слова сказалъ. Которые, говоритъ сей стихотворецъ, въ Римскомъ народѣ самые бѣдные и убогіе были, (1) и не болѣе какъ тысячу пять сотъ ассовъ мѣди приносили въ оцѣнку,

 тѣ

(1) *И не болѣе какъ тысячу пять сотъ, и проч.*] Сіе несправедливо, по примѣчанію Салмасія, что говоритъ Іул. Павелъ, якобы столь малая сумма, какова есть тысяча пять сотъ Ассовъ, которые составляютъ тогдашнихъ только три златницы и три четверти, была вносима въ оцѣнку. Ибо ни одинъ человѣкъ, имѣющій у себя меньше пятидесяти златницъ, не призыванъ былъ къ оцѣнкѣ, и ни въ какой классъ полагаемъ не былъ. Малая же самая оцѣнка, принимаемыхъ въ послѣдній и пятый классъ состояла въ двѣнатцати ты-

тѣ назывались, Proletarii [*чадородные*], а у которыхъ ничего, или весьма малое было имѣніе, тѣ именованы Capite Censi (*голопою оцѣненные или бобыли*). Послѣдняя же самая оцѣнка бобылей состояла въ трехъ стахъ семидесяти пяти ассахъ. И поелику деньги и пожитки почиталися залогомъ и порукою въ обществѣ, и въ оныхъ полагаема была нѣкоторая вѣрность и крѣпость любви къ отечеству; то ниже Proletarios, ни Capite censos въ военную службу, развѣ во время великаго бунта, не брали, потому что у нихъ семейства и пожитки были или весьма малыя, или и совсѣмъ оныхъ не было. Однакоже состояніе *Чадородныхъ* нѣсколько было какъ самою вещію, такъ и названіемъ почтеннѣе, нежели *Бобылей*. Ибо тѣхъ въ опасныя обществу времена, за недостаткомъ юношей, и въ военную службу брали, воору-

тысячахъ и пяти стахъ ассовъ. А кои у себя имѣли меньше сея суммы, тѣ находилися внѣ кла совъ, и уже головою, а не деньгами были оцѣняемы. Сверхъ того хотя и между сими также были степени по мѣрѣ ихъ достатка и имѣнія, т. е. что иные были богатѣе, иные скуднѣе; однакожъ, говоритъ Салмазій, всѣ они назывались *Proletarii* и *Capitecensi*, а не такъ, какъ сказалъ Павелъ, будто между *Capitecensos* и *Proletarios* находится то различіе, что тѣ были гораздо бѣднѣе, а сіи не столько. По чему смѣшно, говоритъ тожже Салмазій, что здѣсь придается: *Послѣдняя же самая оцѣнка бобылей* (*Capite censorum*) *состояла въ трехъ стахъ семидесяти ассахъ*, Ибо ежели они уже головою оцѣнены были, то явно, что никакими деньгами оцѣняемы не были.

оружая общественнымЪ иждивенiемЪ: и притомЪ названы они такЪ не отЪ оцѢнки головы, но почтительнѢйшимЪ именемЪ отЪ ихЪ должности *дѢторожденія*; для того что они хотя малымЪ своимЪ имѢнiемЪ оказать обществу услугЪ не могутЪ, однако снабдеваютЪ его обильнымЪ дѢторожденiемЪ. изЪ Бобылей же [Capite censos] первой только К. Марiй, по объявленiю нѢкоторыхЪ, вЪ Цимбрическую войну, вЪ самотруднѢйшiя обществу времена, или лучше, какЪ Саллюстiй говоритЪ, во время Югуртинской войны набиралЪ вЪ воины, а чтобЪ прежде сего еще когда сiе случалось, ни вЪ какихЪ запискахЪ не находится. Assiduus вЪ двѢнатцати ТаблицахЪ названЪ за богатаго и достаточнаго человѢка, или ab assibus dandis, т. е. отЪ того, что они давали деньги вЪ случаѢ общественныя нужды, или a muneris pro familiari copia faciendi assiduitate. Слова же Саллюстiевы вЪ Исторiи Югуртинской о К. МарiѢ КонсулѢ и оцѢненныхЪ головою суть слѢдующiя: „Уже онЪ, вЪ сiе время „набиралЪ воиновЪ не по обычаю предковЪ, „ниже изЪ классовЪ, но кто только хо„тѢлЪ. МногихЪ также бралЪ и изЪ оцѢ„ненныхЪ головою [*plerosque capite censos*]. Иные „говорили, что сiе сдѢлано по недостатку „добрыхЪ гражданЪ, а иные утверждали, „что по надменности Консула; потому что „онЪ отЪ сего рода людей прославленЪ и „уваженЪ былЪ; и что человѢку домога-

„юще-

„ющемуся власти и всякой нищей весьма „нуженъ.

ГЛАВА II.

Исторія взятая изъ книгъ Геродота о погибели Псиллопъ, жившихъ на Сиртахъ [песчаныхъ мѣстахъ] Африканскихъ.

Повѣствуютъ, что въ Италіи находился народъ называемый Марсы, произшедшій отъ Марса Цирцеина сына. И по сей причинѣ Марсовскимъ людямъ, которыхъ только семейства съ чужестранными поколѣніями не были смѣшаны, и чрезъ то не испорчены, отъ природныя нѣкоторыя силы была дана способность укрощать ядовитыхъ зміевъ, и посредствомъ чародѣяній и травныхъ соковъ производить чудесныя излѣченія. Мы видимъ, что тоюжъ самою силою одаренъ народъ, называемой Псиллы, о которыхъ имени и произшествіи, я ища по древнимъ запискамъ, въ четвертой напослѣдокъ Геродотовой книгѣ нашелъ слѣдующую о Псиллахъ повѣсть: Псиллы, тамъ написано, были нѣкогда въ Африкѣ сосѣди Назамонямъ. И въ одно время полуденный вѣтеръ столь сильно и долговременно дышалъ въ ихъ земли, что отъ онаго дохновенія во всѣхъ мѣстахъ, Псиллами обитаемыхъ, вода высохла. Псиллы оскудѣвши водою за оную обиду прежестоко на полуденной вѣтеръ осердились, и сдѣлали опре-

дѣленіе, чтобъ взявши оружіе противъ вѣтра, яко нѣкоего непріятеля, итти, и по военному праву требовать имъ похищеннаго. Когда же они такимъ образомъ пошли, то вѣтеръ съ великимъ стремленіемъ вихря вышелъ имъ на встрѣчу, и ихъ всѣхъ, со всѣмъ воинствомъ и оружіемъ буграми и горами пѣска засыпалъ. Отъ чего Псиллы всѣ до единаго погибли, а ихъ землею завладѣли Назамоны.

ГЛАВА 12.

О реченіяхъ, которыя Клоацій Веррій или очень удачно, или совсѣмъ худо и нестатно производитъ отъ Греческаго языка.

Клоацій Веррій въ книгахъ, имѣющихъ надпись *Verborum a Graecis Tractorum*, иныя слова подлинно очень основательно и разумно производитъ отъ Греческаго языка; а нѣкоторыя совсѣмъ худо и безразсудно. Ибо онъ говоритъ, что *errare* произошло ἀπὸ τȣ̃ ἔῤῥειν [*скитаюся, брожу*]; къ чему и стихъ Гомеровъ приводитъ, въ которомъ находится сіе слово. *Одисс.* 10. ст. 79.

Ἔῤῥ' ἐκ νήσȣ θᾶσσον ἐλέγχιϛε ζωόντων.

то есть.

Изыди изъ острова поскорѣе, гнуснѣйшій изъ всѣхъ живущихъ.

Также *halicinari* произошло, говоритъ, отъ Греческаго ἀλύειν [*смущеннымъ духомъ быть,*] откуда, думаетъ, называется также и

elucum

elucium съ перемѣною слова *а* на *е*, *медлительность нѣкоторая и изумленіе духа*, которое почасту *halicinantibus* случается. *Fascinum* также, говоритъ онъ какбы *βάσκανον*, *fascinare* какбы *βασκάνειν* [*завидѣть*]. Удачно подлинно и сходно съ истинною всѣ сіи произведены слова. Но въ четвертой нкигѣ *faenerator*, [*ростовщикъ*], говоритъ, названъ какбы *Φαινεράτωρ ἀπὸ τοῦ Φαίνεσθαι ἐπὶ τὸ χρηστότερον* т. е. *отъ показанія себя полезнымъ и щедрымъ: потому что сей родъ людей показываетъ на себѣ видъ человѣколюбія, и кажется доброжелательнымъ къ пользѣ бѣдныхъ, требующихъ у нихъ денегъ.* И говоритъ, будто сіе сказалъ, какой-то Ипсикратъ Грамматикъ, котораго книги почитаются славными и справедливыми въ разсужденіи произведенія словъ, взятыхъ изъ Греческаго языка. Но, хотя самъ Клоацій, хотя другой какой безумецъ сіе сболталъ, ничто сего безразсуднѣе быть не можетъ: Ибо *faenerator*, какъ М. Варронъ въ третьей книгѣ *о Латинскомъ языкѣ* написалъ, *назвалъ a fenore. A fenus*, говоритъ *dictum a fetu, et quasi a fetura quadam pecuniae parientis atque crescentis.* По сей причинѣ, говоритъ онъ, что и М. Катонъ и прочіе того вѣка мужи произносили *fenerator* безъ буквы *а*, такъ какъ и самое *fetus* и *fecunditas* пишется.

ГЛАВА

ГЛАВА 13.

Что значитъ Municipium, и чѣмъ отличествуетъ отъ слова Colonia, и какое онаго слова произведеніе и свойство; и что Императоръ Адріянъ въ одно время въ Сенатѣ о правѣ и знаменованіи Municipium говорилъ рѣчь.

Municipes и *Municipia* слова къ выговору легкія и употребительныя; и почти ни одного не найдешь, кто бы употребляя сіи слова думалъ, что онъ не совершенно то знаетъ, что говоритъ. Ибо кто бы такой изъ насъ былъ, которой бы будучи ex Colonia Римскаго народа, сказалъ, что онъ не Municeps, и что его соотчичи не Municipes. Что однакожъ разуму и истиннѣ совсѣмъ противно. И такъ что значитъ *Municipia*, и какое они имѣютъ право и чѣмъ отличествуютъ а *Colonia*, мы совсѣмъ не знаемъ; и думаемъ, что почтительнѣе состояніе есть *Coloniarum*, нежели *Municipiorum*. О погрѣшностяхъ сего столь сбивчиваго мнѣнія Императоръ Адріянъ въ рѣчи (1) *о Италическихъ Жителяхъ*, (2) откуда онъ и самъ произошелъ, въ Сенатѣ говоренной, весьма иску-

---

(1) *Италическихъ жителяхъ*] Италики названы такъ отъ города Италики, построеннаго Сципіонами въ Испаніи, какъ Стефанъ о городахъ пишетъ: Ἰταλικὴ πόλις Ἰβηρίας τὸ ἐθνικὸν Ἰταλικίσιος. А построилъ сей городъ Сципіонъ въ то время, какъ по укрощеніи въ Испаніи бунта намѣреваяся возвратиться въ Италію, всѣхъ Италіянцовъ ра-

искусно разсуждалЪ: и удивлялся тому, что самые Италики, и также нЕкоторыя другія *Municipia*, между которыми упоминаетЪ и о УтическихЪ жителяхЪ, могши пользоваться собственными своими законами, и живя по своимЪ правамЪ, радовалися о принятіи себя вЪ состояніе *Coloniarum.* А Пренестинцы напротивЪ того, говоритЪ онЪ, всеусильно просили и умоляли Тиверія Императора, чтобЪ *ex Colonia* перевелЪ ихЪ вЪ состояніе *Municipii*, что Тиверій имЪ и сдЕлалЪ, вЪ знакЪ благодарности за то, что онЪ вЪ ихЪ предЕлахЪ подЪ самымЪ городомЪ отЪ смертоносной болЕзни выздоровЕлЪ. И такЪ *Municipes* суть Римскіе граждане *ex Municipiis*, живущіе по своимЪ законамЪ и правамЪ, а только имЕющіе участіе сЪ РимскимЪ народомЪ вЪ полученіи (3) *honorarii muneris, a quo munere capescendo*, по видимому и называются *Municipes*, свободны будучи отЪ всЕхЪ должностей и законовЪ Римскаго народа, ежели бы, говорю, ихЪ народЪ не захотЕлЪ самЪ себЕ принять оныхЪ [должностей и

раненыхЪ собралЪ вЪ одинЪ городЪ, и оной по ихЪ отечеству назвалЪ *Италикой. ПовЕствуетЪ о семЪ АппіанЪ Александрійскій вЪ описаніи Иверіи.*

(2) *Откуда онЪ и самЪ произошелЪ*] Откуда, т. е. ИмператорЪ АдріанЪ имЕетЪ свое происхожденіе. ЗдЕсь не должно разумЕть, чтобЪ АдріанЪ самЪ родился вЪ ИталикЕ; ибо онЪ древнее свое прохожденіе имЕетЪ отЪ ПикентовЪ, а послЕднее отЪ ИспанцовЪ; потому что его предки, Адрійскіе уроженцы, вышедши оттуда, поселились подлЕ города Италики во время (Сципіоновъ,

й законовЪ]. Первые же *in Municipes* были приняты (4) Цериты, безЪ права подавать голоса; имЪ хотя дозволено было получать чинЪ Римскаго гражданства, однакожЪ отЪ всѢхЪ должностей и тягостей оны были свободны за то, что во время Галлической войны Римскія священныя вещи и утвари приняли кЪ себѢ и ихЪ сохранили. Оттуда Таблицы (5) Церитскіе названы тѢ, вЪ которыя Цензоры повелѢвали вносить людей лишенныхЪ вЪ наказаніе права подавать голоса. Но *Coloniarum* иное состояніе; ибо они не со

 сто-

оновЪ, какЪ пишетЪ СпартіанЪ вЪ его жизни. И такЪ предки только Адріановы Италики, а онЪ самЪ родился вЪ РимѢ 20 числа Генваря вЪ то время, какЪ ВеспасіанЪ вЪ седмой, а ТитЪ вЪ пятой разЪ были Консулами.

(3) *Muneris tantum cum populo Romano honorarii participes*] ЗдѢсь чрезЪ *munus honorarium* не разумѢется право требовать всякихЪ чиновЪ вЪ разсужденіи правительства, но нѢкоторой токмо степень достоинства, то есть, что приняты вЪ Римское гражданство, и назывались Римскими гражданами, и вЪ войскѢ служили не яко союзники для вспомогательства пришедшіе, но яко подлинные Римскіе граждане.

(4) *Цериты*] ТакЪ названы отЪ *Caere* знаменитаго вЪ Етруріи города, которой встарину назывался Агиллою отЪ ПелазговЪ его создавшихЪ, *какЪ пишетЪ Страбонъ* вЪ кн. 5.

(5) *Церитскіе таблицы названы*] Т. е. послѢ уже не вмѢсто благодѣянія вЪ оныя таблицы были вносимы, какЪ прежде Цериты; но напротивЪ того тѢ, которые за свои худыя поступки были изключаемы изЪ гилдей, и лишаемы права подавать голоса. Однако вЪ оныя таблицы были вносимы одни токмо простолюдимы. Ибо Цензоры, какЪ пишетЪ Асконій ПедіанЪ *in Divinat. Cicerон*,

стороны въ Римское гражданство были принимаемы, ниже собственное поколѣніе имѣющіе, но произшедшіе изъ Римскаго гражданства, и не по своей волѣ, но по всѣмъ законамъ и учрежденіямъ Римскаго народа живущіе. Сіе состояніе хотя подверженнѣе, и меншую имѣетъ свободу, однако выгоднѣйшимъ и превосходнѣйшимъ предъ состояніемъ Municipiorum почитается, по причинѣ славы и величества Римскаго народа, которага сіи Coloniae, сутъ какбы нѣкоторыя изображенія и подобія; и притомъ потому что права Muncipiorum всѣ потемнены и уничтожены, которыми они по своему незнанію и пользоваться уже болѣе не могутъ.

ГЛАВА 14.

О томъ, чѣмъ по мнѣнію Катонову различествуютъ properare *и* festinare, *и сколь несправедливо Веррій Флаккъ протолкопалъ начало и произхожденіе слова* festinat.

F*estinare* и *properare* по видимому одно и тоже означаютъ. Но М. Катонъ думаетъ, что они между собою различествуютъ, и та-

---

ceron. такимъ образомъ гражданъ наказывали. Ежели худо поступившій человѣкъ будетъ Сенаторъ; то его изъ Сената изключали; ежели всадникъ то отнимали государственнаго коня; ежели же простолюдинъ (Plebeius), то вносили его въ Церитскіе таблицы, и былъ уже онъ *оброчнымъ*, т. е. изъ своей сотни былъ изключаемъ, и считался токмо гражданиномъ Римскимъ, платя съ своей головы оброкъ или подать.

таковое между ими полагаетъ раздѣленіе. Слова изъ его Рѣчи, которую онъ предлагалъ о своихъ Добродѣтеляхъ, суть слѣдующія: *Aliud est properare; aliud festinare. Qui unum quod mature transigit, is properat: qui multa simul incipit, neque perficit, is festinat.* Веррій Флаккъ стараясь протолковать различіе сіе, *festinare*, говоритъ *a fando dicitur: quoniam isti ignauiores, qui nihil perficere possunt, plus verborum, quam operae habent.* Но сіе произведеніе кажется слишкомъ натянуто и съ истинною несходно. Ибо не можетъ имѣть столь силы первая въ обѣихъ сихъ словахъ буква *F*, чтобы столь различныя между собою слова *festinare* и *fari*, для одной ее могли имѣть одно начало. И такъ лучше и свойственнѣе кажется сказать, что festinare, какбы fessum esse. *Nam qui multis simul rebus properandis defessus est, is iam non properat, sed festinat.*

ГЛАВА 15.

Что удивленія достойнаго Θеофрастъ написалъ о Куропаткахъ? и что Θеопомпъ о зайцахъ?

1) Θеофрастъ искуснѣйшій Философъ говоритъ, что всѣ въ Пафлагоніи куропатки имѣютъ въ себѣ по два сердца: (2) а

---

(1) *Θеофрастъ*] Сей философъ кромѣ другихъ сочиненій написалъ семь книгъ о *Животныхъ*, какъ свидѣтельствуетъ Лаерцій *въ его жизни.* Думать надобно, что

(2) а Ѳеопомпъ пишетъ, что въ Бизалтіи зайцы имѣютъ по двѣ печени.

ГЛАВА 16.

О томъ, что, Agrippae a partus aegri et improſperi vitio *названы; и о двухъ Богиняхъ называемыхъ* Proſa и Poſtuerta.

Кои въ рожденіи не головою прежде, а ногами выходятъ изъ чрева матери, тѣ, поелику сіи роды весьма трудны и тяжки бываютъ, названы именемъ *ab aegritudine, et pedibus* сложнымъ *Agrippae*. Варронъ же говоритъ, что младенцы во утробѣ головою внизъ, а ногами вверьхъ находятся, не такъ какъ требуетъ естество человѣка, но какъ древа. Ибо онъ ноги и голени называетъ *вѣтвями* дерева, а голову *пнемъ и корнемъ*. И такъ когда, говоритъ онъ, младенцы противу естества по случаю оборотившиеся ногами внизъ и распро-

спер-

что Геллій сію статью о *Пафлагонскихъ Куропаткахъ* непремѣнно взялъ изъ оныхъ книгъ. Тожь само написалъ и Еліанъ въ 10. кн. гл. 3. о *Животныхъ*, сими словами: Παφλαγόνων δὲ ἄρα περδίκων διπλῆν ὁρᾶσθαι τὴν καρδίαν Θεόφραστός πȣ φάσιν. то есть, *Ѳеофрастъ на одномъ мѣстѣ говоритъ, что Пафлагонскія куропатки имѣютъ по два сердца.*

(2) *Ѳеопомпъ пишетъ*] И о семъ также Еліанъ въ 5. кн. гл. 27. свидѣтельствуетъ такъ: Τὰς ἐν τοῖς Βισαλταῖς λαγῶς διπλᾶ τὰ ἥπατα ἔχειν Θεόπομπος λέγει. т. е. *Ѳеопомпъ утверждаетъ, что въ Бизалтіи зайцы имѣютъ по двѣ печенки.*

стерши руки, во чревѣ находятся, и въ то время женщины раждаютъ съ большею трудностію; то для отвращенія молитвами сея опасности воздвигнуты были въ Римѣ два жертвенника въ честь двухъ Богинь, изъ которыхъ одна *Postuerta* именовалася, а другая *Prosa*, a recti peruersique partus et potestate et nomine.

ГЛАВА 17.

О томъ, почему называется ager Vaticanus [*поле Ватиканское*].

Я слышалъ, что и ager Vaticanus, и того поля охранительный богъ названы *a Vaticiniis* [*отъ пророчествъ*], которыя силою и дѣйствіемъ онаго бога на семъ полѣ были обыкновенно издаваемы. Но Мар. Варронъ кромѣ сего въ книгахъ о *Божественныхъ Вещахъ* иную полагаетъ причину и произведеніе сего имени. Ибо, говоритъ онъ, какъ Aius богъ такъ названъ, и жертвенникъ ему, былъ поставленъ на нижней новой дорогѣ, для того что на ономъ мѣстѣ издаваемъ былъ съ небеси гласъ: такъ и Vaticanus богъ названъ отъ того, что отъ него зависѣли начала человѣческія рѣчи. Ибо какъ скоро младенцы раждаются, то первымъ своимъ гласомъ изображаютъ тотъ слогъ, которой первый стоитъ in Vaticano. Потому-то и vagire называется, чтобы симъ словомъ изобразить голосъ новорожденнаго младенца.

ГЛАВА 18.

Нѣчто примѣчанія и знанія достойное о части Геометріи называемой Оптика [зрительная]; *также о другой называемой* Каноника [правильная]; *и о третіей называемой* Метрика [размѣрятельная].

(1) Нѣкоторая часть Геометріи называется (2) Оптика, которая надлежитъ до зрѣнія; вторая, надлежащая до слуха на-

---

(1) *Нѣкоторая часть Геометріи называется Оптика*] Здѣсь Геллій по видимому слово Геометрія беретъ въ пространномъ смыслѣ за всю Математику, когда говоритъ, что Ὀπτικὴ и Κανονικὴ суть части Геометріи. Ибо всѣмъ извѣстно, что Ариѳметика и Геометрія собственно относятся до Математики *чистой*, а Оптика и Каноника до *смѣшанной*. Но видно, что онъ объ Оптикѣ такимъ образомъ разсуждаетъ, яко о наукѣ, отъ Геометріи зависящей (*subordinata*). Ибо какъ Геометрія имѣетъ себѣ за предметъ *линія*, *углы*, *поверхности*, *пирамиды* и проч. въ отвлеченности разсуждаемыя: такъ и Оптика *по зрѣніяхъ*, *свѣтѣ*, и *лучахъ*, *линеи*, *углы*, *поверхности*, *пирамиды*, *конусы*, оси и прочія до предмета Геометріи касающіяся *измѣренія разсуждаетъ*, и оныя употребляетъ къ истолкованію и доказательству тѣхъ явленій, которыя случаются при зрѣніи.

(2) **Оптика**] Ὀπτικὴ *Лат.* *Pespectiua*, или лучше *Adspectiva* по Руск. **зрительная**. Сія наука раздѣляется наипаче на три части, по причинѣ тройственнаго лучей состоянія: на Оптику т. е. собственно такъ называемую, которая разсуждаетъ о лучахъ прямо проходящихъ. На Катоптрику, которая преподаетъ правила о лучахъ отпрыгивающихъ или отвращающихся въ зеркалахъ (ἐν Κατόπτροις). И наконецъ на Діоптрику, которая разсуждаетъ о лучахъ преломляющихся отъ прохожденія чрезъ тѣла густостію или жидкостію различ-

называется (3) Каноника, которую Музыканты полагаютъ за основаніе своей науки. Обѣ сіи части состоятъ изъ разстояній и пространствъ линеями раздѣленныхъ, и извѣстныхъ чиселъ. Оптика много производитъ удивительнаго, такъ что (4) въ одномъ зеркалѣ одной вещи многія являются изображенія. Также зеркало на иномъ мѣстѣ поставленное (5) ничего не изображаетъ; инуда же переставлено будучи изображе-

 нія

личныя. На примѣр. чрезъ воздухъ, чрезъ воду или пукловатыя и выгнутыя стекла, какъ-то въ зрительныхъ трубахъ.

(3) *Каноника*] Каноникй по Лат. *Regularis* по Рус. *Правильная*. Сію науку послѣ начали называть *Гармоникою*. Впрочемъ какъ Оптика зависитъ отъ Геометріи, такъ Каноника или Музыка большею частію зависитъ (*subordinata*) отъ Ариѳметики.

(4) *Въ одномъ зеркалѣ*] Къ сему потребно зеркало выгнутое. Ибо въ такомъ только зеркалѣ одна вещь можетъ два, три, и четыре имѣть изображенія. Причина сему та, что предметъ и глазъ можно поставить въ такомъ положеніи, что отъ многихъ пунктовъ зеркала будетъ отвращеніе лучей устремляться къ глазу.

(5) *Ничего не изображаетъ*] Сіе также производится въ зеркалѣ вогнутомъ. Ибо ежели предметъ поставленъ будетъ въ центрѣ зеркала вогнутаго, то его видѣть будетъ не возможно: понеже лучи отъ онаго предмета въ поверхность зеркала прямо ударяяся, тѣмиже самыми чертами отвращаются назадъ, и ни въ какую точку, кромѣ своего центра не ударяютъ. И такъ глазъ находяся внѣ центра не можетъ видѣть предмета, въ центрѣ находящагося. А отселѣ слѣдуетъ, что глазъ находящійся въ центрѣ зеркала вогнутаго круглаго, ничего не видитъ, кромѣ себя самаго.

нія представляетъ. (6) Также ежели ты стоя прямо въ зеркало будешь смотрѣть, то голова покажется внизу, а ноги вверьху. Предлагаетъ притомъ сія наука причины, для чего насъ изображенія, въ водѣ видимыя, обманываютъ, т. е. большими глазамъ нашимъ кажутся; а кои далеко находятся отъ нашихъ глазъ, тѣ меньшими представляются. (7) А Каноника долготы и высоты голоса измѣряетъ: мѣра голоса большая въ долготу, называется (8) ῥυθμὸς [*число*]; а большая въ высоту (9) Μέλος

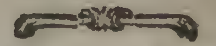
---

(6) *Также, ежели ты стоя прямо, будешь смотрѣть*] т. е Ежели зеркало положено будетъ горизонтально, а ты ставъ подлѣ его прямо, будешь въ него смотрѣть: то увидишь себя головою внизъ, а ногами вверхъ стоящаго. Тожъ самое представится, ежели зеркало будетъ горизонтально поставлено надъ твоею головою. И сіе случается всегда въ зеркалахъ прямыхъ и выпуклыхъ, а въ вогнутыхъ такимъ образомъ поставленныхъ иногда представишься вверхъ ногами, а иногда въ справедливомъ сложеніи.

(7) *А Каноника долготы и высоты голоса размѣряетъ*], Въ разсужденіи сего не мало музыкѣ вспомоществуетъ Геометрія, яко такая наука, которая размѣряетъ количества. Ибо чтобъ измѣрять тонъ на разныя дроби и части, сіе для Ариѳметики будетъ очень трудно. Но Геометръ по правиламъ науки размѣряющей величины, сіе удобнѣе дѣлать можетъ.

(8) Ρυθμὸς] Лат. *Modus*, *Numerus*; по Русс. *число*, хотя не такъ собственно. Риѳмика есть часть Музыки, которыя въ голосѣ разсуждаетъ *τὴν ταχύτητα καὶ βραδύτητα*, *скорость* и *медленность*. Ибо она исчисляетъ слоги, и ихъ испытываетъ посредствомъ слуха, не взирая на ихъ количество, какъ обыкновенно дѣлаетъ

Ме-

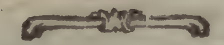
(9) Μέλος [*пѣніе*]. Есть еще и другая часть Каноники, называемая (10) Метрика [*размѣрятельная*], посредствомъ которой долгихъ, и короткихъ, и среднихъ слоговъ соединеніе и расположеніе, сходное съ началами Геометрическими, измѣряется слухомъ. *Но сему*, говоритъ, М. Варронъ, *или мы совсѣмъ не учимся, или прежде оставляемъ, нежели уразумѣемъ причину, для чего сему*

П 5 *дол-*

Метрика. Риөмика разсуждаетъ о пяти вещахъ. 1) *О первыхъ временахъ*, которыя нами при первомъ взглядѣ бываютъ ощущаемы. 2) *О родахъ риөмъ и различіи стопъ.* 3) *О скорости и медлительности временъ.* 4) *О перемѣнѣ риөмъ.* 5) *О сочиненіи риөмъ*: сіе называется Ρυθμοποιΐα.

(9) Μέλος *пѣніе, согласіе*] Чрезъ μέλος здѣсь Геллій по видимому означаетъ ту часть Музыки, которую древніе называли Гармоникою, и которая въ звонѣ разсуждаетъ острыя и тяжкія ударенія. Ибо Птоломей такъ о ней пишетъ: Ἁρμονική δύναμίς ἐςὶ καταληπτική τῶν ἐν τοῖς ψόφοις περὶ τὸ ὀξὺ καὶ βαρὺ διαφορῶν. т. е. *Гармоника есть наука, которая разсуждаетъ о различіи звоновъ по острымъ и тяжкимъ удареніямъ.* Сія наука въ Музыкѣ почиталася въ разсужденіи порядка первою, и содержала самыя первыя оной основанія. Она раздѣляется на 7 частей. 1) *О звонахъ.* 2) *О разстояніи* 3) *О составленіи звоновъ.* 4) *О ихъ родахъ.* 5) *О голосахъ.* 6) *О ихъ перемѣнахъ* 7) *О самомъ состояніи пѣнія.* О чемъ смотрѣть надобно древнія Музыки сочинителей, которыя всѣ вмѣстѣ изданы Мибоміемъ.

(10) *Метрика размѣреніе*] Сія третія часть Музыки называется Метрикою, которая разсуждаетъ количества слоговъ и разсматриваетъ, которой изъ нихъ долгой и которой короткой. Она преподаетъ правила. 1) *О буквахъ.* 2) *О слогахъ.* 3) *О стопахъ.* 4) *О стихахъ.* 5) *О поэмахъ.*

должно обучаться. Пріятность же, говоритъ, или польза изъ таковыхъ наукъ произтекающая, являетcя уже по довольныхъ въ нихъ успѣхахъ, когда т. е. они уже совершены и окончаны будутъ: а въ самыхъ началахъ безполезными и непріятными кажутся.

ГЛАВА 19.

Исторія пятая изъ Иродотовой книги объ Аріонѣ Музыкантѣ.

Бѣглою чрезъ мѣру и плавною рѣчью, и притомъ гладкимъ и чистымъ словъ расположеніемъ Иродотъ написалъ исторію о Музыкантѣ Аріонѣ. Славной, говоритъ, въ старину былъ Музыкантъ Аріонъ, которой по мѣсту и городу былъ Меѳимнѣецъ, а по отечеству и острову, въ которомъ жилъ, Левзіянинъ. Сего Аріона за превосходное художество Коринѳской Царь Переандръ любилъ и дружески съ нимъ обходился. Онъ въ нѣкоторое время отъ Царя поѣхалъ посмотрѣть славныхъ земель Сициліи и Италіи. А какъ туда пріѣхалъ и въ обѣихъ земляхъ по городамъ всѣхъ слухъ и сердца усладилъ своимъ искуствомъ, то собралъ великое богатство; и у всѣхъ людей пришелъ въ любовь и дружество. Потомъ здѣлавшися богатъ, вознамѣрился возвратиться въ Коринѳъ. Итакъ въ семъ намѣреніи корабль и корабельщиковъ, яко себѣ знакомѣйшихъ

и надёжнѣйшихъ, нанялъ Коринѳскихъ. Но сіи Коринѳяне принявши его къ себѣ, и отъѣхавши въ море, желая возпользоваться именіемъ и деньгами Аріона, предпріяли намѣреніе его убить. Тогда онъ узнавши свою погибель, денги и все прочее свое имѣніе, сколько у него ни было, имъ отдалъ, а только просилъ, чтобъ его не лишили жизни. Корабельщики отъ жалости согласилися на его прозьбу съ тѣмъ, чтобъ имъ не своими собственными руками его умертвить; но приказали ему самому немедленно броситься въ море. Аріонъ испугавшися и совсѣмъ отчаявшися жизни, наконецъ только у нихъ того просилъ, чтобъ они ему прежде смерти дозволили надѣть на себя все его платье, и на своемъ инструментѣ сыграть утѣшительной стихъ но оное свое несчастіе. Корабельщики хотя были жестоки и безчеловѣчны, однако захотѣли послушать его игры. Они дозволили ему сдѣлать то, о чемъ онъ ихъ просилъ. Онъ по своему обыкновенію одѣвшись, нарядившись, и подпоясавшися, и ставши на самомъ возвышенномъ мѣстѣ кормы превысокимъ голосомъ началъ играть (1) Стихъ, называемой Орѳической, при концѣ котораго съ инструментомъ, и во всей своей оде-

(1) *Стихъ называемой Орѳической*] Сей родъ Стиховъ нерѣдко былъ употребляемъ при сраженіяхъ къ возбужденію и воспаленію робкихъ сердецъ. Потому что онъ былъ стремителенъ,ярокъ и громокъ. Смотри Ефстаѳіево толкованіе на Иліаду въ буквѣ А.

одеждѣ, какъ стоялъ и пѣлъ, бросился въ море; а корабельщики несумнѣваясь болѣе о его смерти, продолжали предпріятой свой путь. Но новое, чудное, и особеннымъ боговъ промышленіемъ приключилось произшествіе. (2) Вдругъ Дельфинъ среди волнъ приплывши, и выставивъ свою спину изъ подъ воды его подхватилъ, и ни чѣмъ невредима во всей его одеждѣ привезъ въ Тенаръ въ землю Лаконическую. Аріонъ оттуда пришелъ въ Коринѳъ, и въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ ѣхалъ на Делѳинѣ, предсталъ къ Царю Періандру, и все ему пересказалъ случившееся произшествіе. Царь сему не вѣрилъ; и такъ Аріона, думая, что онъ его обманываетъ, приказалъ посадить подъ стражу. Потомъ выславши Аріона призвалъ корабельщиковъ, и спрашивалъ ихъ притворно, не слыхали ли они чего тамъ объ Аріонѣ? Они ему сказали, что Аріонъ, при отъѣздѣ ихъ оттуда, находился въ Италіи, и что ему тамъ жить очень хорошо, и всѣ города его почитаютъ и любятъ, и что собралъ онъ великое богатство, и пришелъ у всѣхъ въ милость. Между сими ихъ разговорами Аріонъ съ своими гуслями и въ той одеждѣ, въ которой онъ бросился въ море, къ нимъ вышелъ. Корабельщики изумившись

и

---

(2) *Вдругъ Дельфинъ*] Что Дельфины весьма любятъ Музыку, и ею плѣняются, о семъ пишетъ также и Солинъ гл. 12. и кромѣ Аріона, приводитъ и другіе примѣры.

и будучи изобличены запираться болѣе не могли. Сію басню повѣствуютъ Лезбіяне и Коринѳяне, чему доказательствомъ и то, что при Тенарѣ находятся двѣ статуи преставляющія Делфина везущаго, и человѣка на немъ сидящаго.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА СЕДМАЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА I.

О томъ, что Галлъ Азиній и Ларгій Лициній изреченіе Цицероново изъ Рѣчи, говоренной имъ за М. Целія, охуждали; и что достойнаго и справедливаго противъ сихъ разумнѣйшихъ людей, въ защищеніе Цицеронова произреченія, сказать можно.

Какъ были такіе чудовища въ человѣчествѣ, которые и о бесмертныхъ богахъ ложныя и злочестивыя разсѣвали мнѣнія: такъ нѣкоторые столь гнусные и столь развратные сыскались люди, между которыми находятся Галлъ Азиній и Ларгій Лициній, котораго книга есть подъ негоднымъ заглавіемъ Ciceromastix [*бичъ Цицероновъ*], что отважилися писать будто М. Цицеронъ нечисто, и несобственно, и безразсудно иногда говаривалъ. Прочія ихъ охужденія я за не достойныя почитаю, чтобъ здѣсь упомянуть

нуть и слышать; а только то мѣсто, въ которомъ наипаче они себѣ казалися быть тончайшими словъ судителями, теперь разсмотримъ. М. Цицеронъ въ рѣчи за М. Целія такъ пишетъ: *Nam quod objectum est de pudicitia; quodque omnium accusatorum non criminibus, sed vocibus maledictisque celebratum est, id nunquam tam acerbe feret M. Cœlius, vt cum pœniteat non deformem esse natum.* То они думаютъ, что Цицеронъ несобственно употребилъ *poeniteat*, да еще почти и глупо. Ибо *pœnitere*, говорятъ, мы тогда обыкновенно употребляемъ, естьли что сами сдѣлаемъ, или, что здѣлано будетъ по нашему произволенію к согласію, а послѣ оное начинаетъ намъ не нравиться, и перемѣняемъ наше въ томъ мнѣніе. И что никто не можетъ правильно сказать такъ: *pœnitere sese, quod natus sit;* или, *pœnitere, quod mortalis sit;* или, *quod ex offenso forte vulneratoque corpore dolorem sentiat;* потому что таковыхъ произшествій ни наше намѣреніе, ни воля, не есть причиною; но приключаются они намъ не по нашему желанію, а по нѣкоторой силѣ и необходимости естественной. Равнымъ образомъ, продолжаютъ они, не состояло въ волѣ М. Целія, съ каковымъ лицемъ ему родиться, о чемъ говоритъ Цицеронъ, что онъ не раскаевается, какбы сіе дѣло въ такомъ находилось положеніи, о чемъ Целію сожалѣть можно было. Правда сего слова точно, какъ они говорятъ, таковая есть сила: и *pœnitere* говорится только въ дѣлахъ по на-

шей волѣ приключившихся; хотя древніе сіе слово совсѣмъ инакимъ образомъ употребляли, и Poenitet отъ *pœne* и *pœna* производили; но о семъ въ другое время, и на другомъ мѣстѣ говорить будетъ. Въ разсужденіи же нынѣшняго знаменованія, которое всѣмъ извѣстно, не только небезразсудно Цицеронъ сказалъ, но еще весьма пріятно и забавно. Ибо когда недруги и ругатели М. Целія, по причинѣ превосходной его красоты и благообразія, почитали его подозрительнымъ въ цѣломудріи; то Цицеронъ осмѣвая столь глупое обвиненіе, что они его лице, данное природою поставляли ему въ порокъ: туже самую погрѣшность, собою осмѣваемую, нарочно употребилъ въ своемъ словѣ: *Et non paenitet*, говоритъ, *M. Caelium non deformem esse natum.* Дабы и сими самыми словами укорить противниковъ и шуточнымъ образомъ показать, что они достойны смѣха, когда Целію благообразной видъ причитаютъ въ порокъ, какъ будто бы его въ томъ было произволеніе, съ какимъ лицемъ родиться.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

Нѣкоторыя слова изъ первой Лѣтописи К. Кладія мимоходомъ въ чтеніи замѣченныя.

Я обыкновенно читая книгу древняго какогоніесть писателя, послѣ стараюся для подкрѣпленія памяти, приводить читанное на умъ и разсуждать, что въ оной книгѣ находится похвалы или охужденія достойнаго. И сіе упражненіе весьма было полезно для вспамятованія, при потребномъ случаѣ, хорошихъ словъ и изреченій. Такимъ образомъ и сіи слова изъ первой Лѣтописи К. Клавдія, мною припамятованныя я замѣтилъ; оную книгу я читалъ въ прошедшія два дни. *Arma*, говоритъ онъ тамъ, *plerique abiiciunt*; *atque inermi inlatebrant ſeſe.* Слово *inlatebrant* хотя кажется стихотворческое, однакоже нехудо, и въ выговорѣ негрубо. *Ea*, говоритъ, *dum ſiunt*, *Latini ſubnixo animo.* Слово *ſubnixo* какбы *ſublimi et ſupra nixo* очень хорошо вещь выражаетъ, и не на удачу положено, и доказываетъ высоту духа и крѣпкую надежду; ибо на что мы крѣпко надѣемся, посредствомъ того какбы поднимаемся и возвышаемся. Также *Domus*, говоритъ, *ſuas quemque ire iubet*, *et ſua omnia fruniſci. Fruniſci* рѣдко хотя употребляемо было во время М. Туллія, а послѣ его времени и еще рѣже, такъ что незнающіе древности сомнѣвалися, Латинское ли сіе слово; однако же не только что оно Латинское,

ское, да еще гораздо пріятнѣе и нѣжнѣе сказать *frunisor*, нежели *fruor*: и какъ *fatiscor* произошло отъ *fateor*, такъ *fruniscor* отъ *fruor*. К. Метеллій Нумидикъ, которой чистой и безъ всякаго примѣсу Латинской языкъ всегда употребляетъ, въ письмѣ изъ ссылки писанномъ къ Домитіямъ, пишетъ тако: *Illi vero omni iure atque honestate interdicti; ego neque aqua, neque igne careo, et summa gloria fruniscor.* Навій въ Ателланѣ называемой Паркусъ, сіе слово такъ употребляетъ:

Quod magno opere quaesierunt, id frunisci non queunt.
Qui non par sit, apud se frunitus est.

Et Romani, говоритъ, *multis armis, et magno commeatu praedaque ingenti copiantur.* *Copiari*, есть слово военное; и рѣдко найти можно у Ораторовъ, упражняющихся въ гражданскомъ судопроизводствѣ; а сдѣлано по томуже примѣру, какъ и *lignantur*, *pabulantur*, и *aquantur*. Также говоритъ, *Sole occaso*. *Sole occaso* есть слово не непріятное и красивое, ежели кто чистой и нѣжной имѣетъ слухъ. Въ двѣнатцати Таблицахъ сіе слово такъ написано: *Ante. Meridiem. Causam. Coniiciunto. Quom. Perorant. Ambo. Praesentes. Post. Meridiem. Praesenti. Stlitem. Addicito. Si. Ambo. Praesentes. Sol. Occasus. Suprema. Tempestas. Esto.* *Nos*, говоритъ также онъ, *in medium relinquemus*; а простой народъ говоритъ *in medio*. Ибо почитаютъ за погрѣшность, естьли сказать *in medium ponere*. Однако ежели

со вниманіемъ и любопытствомъ взойти въ сіи слова, то покажется вѣроятнѣе и лучше прежній выговоръ. Ибо по Гречески также сказать θεῖναι εἰς μέσον нѣтъ погрѣшности. *Post, quam nuntiatum est*, говоритъ, *ut pugnatum esset in Gallos, id ciuitas grauiter tulit. In Gallos*, чаще говорится и нѣжнѣе, нежели *cum Gallis*, или *contra Gallos*; ибо сіи слова грубѣе и неупотребительнѣе. Также говоритъ онъ: *Simul forma, factis, eloquentia, dignitate, acrimonia, confidentia pariter praecellebat, ut facile intelligeretur magnum viaticum. Magnum viaticum* положено вновѣ вмѣсто *magna facultate et paratu magno*; и по видимому написалъ онъ сіе подражая Грекамъ, которые ἐφόδιον т. е. *дорожной запасъ*, и къ приуготовленіямъ другихъ вещей переносятъ; и часто ἐφοδίασον говорятъ вмѣсто того, чтобы сказать *institue* и *instrue*. Nam M. говоритъ онъ, *Manlius, quem Capitolium seruasse a Gallis, supra ostendi, cuiusque operam cum M. Furio dictatore apud Gallos cumprime fortem atque exsuperabilem res publica sensit, is & genere, & vi, & virtute bellica nemini concedebat. Adprime* чаще употребляется, а *cumprime* рѣже; и произведено сіе отъ того, что прежде говорили *cumprimis* вмѣсто *inprimis*. *Nihil sibi*, говоритъ, *diuitias opus esse*; а мы говоримъ *diuitiis*. Однакожъ нѣтъ никакой въ сихъ словахъ погрѣшности, нѣтъ также никакой и фигуры. Ибо сей выговоръ рѣчи есть прямой, и у многихъ древнихъ Писателей употребительной; да и не можно никакой дать причины, для

че-

чегобъ справедливѣе сказать было *diuitiis opus esse*; нежели *diuitias*, развѣ только слѣдуя новымъ Грамматиковъ установленіямъ, какъ на пр: τεμένων ἱερά [храмовъ священная]. *Nam haec*, говоритъ, *maxime versatur Deorum iniquitas, quod deteriores sunt incolumiores: neque optimum quempiam inter nos sinunt diurnare. Diurnare* есть слово неупотребительное, и положено здѣсь вмѣсто *diu vivere*: однако по силѣ сегоже начертанія мы говоримъ *perennare*. *Cum his*, говоритъ, *consermonabantur. Sermonari* кажется грубо, но правильно: а *sermocinari* чаще употребляется, но хуже и испорченнѣе. *Sese*, говоритъ, *ne id quoque, quod tum suaderet, facturum esse. Ne id quoque* употребилъ вмѣсто *ne id quidem*. Сей выговоръ хотя нынѣ рѣдокъ; однако у древнихъ весьма былъ употребителенъ. *Tanta*, говоритъ; *sanctitudo fani est, ut nunquam quisquam violare sit ausus. Sanctitas* также и *sanctimonia* слова чистыя Латинскія, но не знаю почему, большее имѣть благородство почитается слово *sanctitudo*, такъ какъ и М. Катонъ въ рѣчи на Л. Ветурія важнѣе почелъ положить *duritudinem*, нежели сказать *duritiem*: *Qui illius*, написалъ онъ, *imprudentiam norat & duritudinem. Cum tantus*, говоритъ, *arrabo penes Samnites populi Romani esset. arrabonem* онъ именуетъ шесть сотъ Аманатовъ. *Arrabonem* называлъ онъ, а не *pignus* для того, что сіе слово въ ономъ выговорѣ гораздо важнѣе и сильнѣе кажется. Но нынѣ *arrabo* начали употреблять въ нискихъ только и под-

лыхъ словахъ; и гораздо справедливѣе кажется говорить pro arrabone *arra*, хотя и древніе также часто употребляли *arram. Et complures* говоритъ, *in laboribus miserrimas vitas exegerunt.* И, *hic nimis in otiis*, говоритъ, *consumtus est.* Въ обѣихъ сихъ мѣстахъ красота состоитъ въ множественномъ числѣ. *Cominius, qua ascenderat, descendit, atque verba Gallis dedit*: говоритъ, что Коминій Галламъ *verba dedit*, которой никому и ничего не говаривалъ; да и Галлы осаждавшіе Капитолію его восходящаго и сходящаго совсѣмъ не видали. Но *verba dedit* онъ здѣсь положилъ не въ иномъ смыслѣ, какъ естьлибъ сказать *latuit atque obrepsit. Conualles*, говоритъ, *& arboreta magna erant*: *arboreta* слово не такъ славно, а славнѣе его *arbusta. Putabant*, говоритъ, *eos, qui foris atque in arce erant, inter se commutationes & consilia facere. Commutationes* т. е. *collationes* и *communicationes* неупотребительно сказано: однакожъ небезразсудно и не безъ красоты. Сіе, я изъ оной книги, что могъ по прочтеніи упомятовать, для себя замѣтилъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 3.

Слова М. Катона изъ двадцать пятой книги, которыми онъ противъ общаго мнѣнія протолковалъ Гомеровъ стихъ.

Какъ мы нѣкогда читали рѣчи о *пременахъ вещей* для употребленія человѣческаго изобрѣтенныхъ, то нѣкоторой не неученой юноша сказалъ, что (1) *Sparti* употребленіе чрезъ долгое время въ Греціи не было извѣстно, и что по прошествіи уже многихъ лѣтъ отъ разоренія Трои, сія трава привезена изъ Испаніи. За сіе его нѣкоторые изъ находящихся тамо малоученые, коихъ обыкновенно Греки называютъ *ἀγοραίους*, [*площадными*] осмѣяли; и говорили, что, когда онъ читалъ Гомерову книгу, то видно не было въ ней онаго стиха:

Καὶ δὴ δοῦρα σέσηπε νεῶν, καὶ σπάρτα λέλυνται.

то есть.

И уже древа кораблей изгнили, и спарты разрушились.

Онъ симъ весьма будучи тронутъ, нѣтъ, сказалъ, не стиха въ моей книгѣ не было, но у васъ развѣ не было совсѣмъ учителя, когда вы думаете, что

---

(1) *Sparti*] De *sparto* пространно разсуждаетъ Салмазій. Здѣсь кратко замѣтить надобно, что древніе Греки чрезъ *σπαρτόν* разумѣли всякія травы къ плетенію, вязанію и тканію способныя, какъ-то *ленъ*, *пеньку*, *ситникъ*; но Латинщики *spartum* называли одну токмо траву Испанскую, изъ которой они дѣлали канаты. Греки же и узнавши оную Испанскую траву, называли также *σπαρτόν* сіе, что способно къ вязанію и плетенію.

въ ономъ стихѣ *σπάρτα* тоже значитъ, что мы называемъ *spartum*. Они болѣе начали надъ нимъ смѣяться; да и не переставали бы, естьли бы онъ не показалъ имъ М. Варрона двадцатъ пятую Книгу о *Человѣческихъ вещахъ*, въ которой Варронъ о семъ Гомеровомъ стихѣ такъ написалъ: „Ego, „*σπάρτα* apud Homerum non plus *spartum* significare, puto, quam *σπάρτες*, qui dicuntur in „agro Thebano nati. In Graecia *spati* copia modo „caepit esse ex Hispania. Neque ea ipsa facultate „usi Luburni, sed hi plerasque naues loris suebant, „Graeci magis cannabo et stupa ceterisque sativis „rebus a quibus *σπάρτα* adpellabant. т. е. *Я думаю, что у Гомера σπάρτα не столько значитъ spartum, какъ σπάρτες, которые родятся на Θевянскомъ полѣ. Ибо въ Грецію еще недавно начали вывозить spartum изъ Испаніи. Да и самые Ливурнцы ея не употребляли; но они по большой части вязали корабли ремнями, а Греки больше пенькою и льномъ и прочими садовыми растѣніями, называемыми отъ нихъ σπάρτα.* Когда же такимъ образомъ Варронъ разсуждаетъ, то я подлинно сомнѣваюся, надобно ли въ семъ Гомеровомъ словѣ на послѣднемъ слогѣ поставить удареніе *σπαρτὰ*. Ежели надобно, то развѣ только потому, чтобъ таковыя слова отъ общаго знаменованія переходя къ означенію извѣстной вещи, различіемъ ударенiй могли раздѣляться.

ГЛАВА 4.

Что Менандръ стихотворецъ сказалъ Филимону Стихотворцу, отъ коего онъ часто неправильнымъ образомъ въ пренiяхъ Комедiй, былъ побеждаемъ? и, что весьма часто также Еврипида нискiе писатели въ Трагедiи побеждали.

(1) Филимонъ (2) Менандра гораздо себя превосходнейшаго въ Комическихъ сочиненiяхъ, чрезъ разные происки, чрезъ ласкательства къ народу, и чрезъ одобренiя своихъ артелей, часто побеждалъ, Менандръ въ отмщенiе ему въ одно время съ нимъ встрѣтяся на дорогѣ только спросилъ его; Скажи пожалуй мнѣ, Филимонъ, не краснѣешь ты со стыда, когда меня побѣждаешь? Еврипидъ также, по объявленiю М. Варрона, сочинилъ семь-

 де-

(1) *Филимонъ*] Въ одно время съ Менандромъ процвѣталъ Филимонъ, но только нѣсколько былъ его лѣтами старѣе. Отца имѣлъ Дамона, жившаго во времена Александра Великаго, Олимп. XII. а самъ онъ жилъ уже при Антигонѣ. Свида называетъ его Серакузяниномъ; но Страбонъ объявляетъ, что онъ родился въ Помпеiополѣ, Сицилiйскомъ городѣ. Пространнѣе о семъ Стихотворцѣ видѣть можно у Апулея въ *Флоридахъ*, и у Квинтилiана кн. 10. гл. 1.

(2) *Менандръ*] Смотри о семъ писателѣ выше въ кн. 1. гл. 23.

десятъ пять Трагедій; (3) но только въ пяти надъ прочими Стихотворцами одержалъ побѣду; а напротивъ того самъ отъ многихъ, да и самыхъ глупѣйшихъ Стихотворцевъ часто былъ побѣждаемъ. О Менандрѣ же иные говорятъ, что онъ сто восемь, а иные сто девять, оставилъ сочиненныхъ Комедій. Но я объ немъ въ книгѣ, называемой *Хроникѣ* славнѣйшаго писателя (4) Аполлодора слѣдующія читалъ стихи:

Κηφισιεὺς ὢ ἐκ Διοπείθους πατρὸς
Πρὸς τοῖς ἑκατὸν πέντε γράψας δράματα
Ἐξέλιπε, πεντήκοντα καὶ δυοῖν ἐτῶν.

т. е.

---

(3) *Но только въ пяти одержалъ побѣду*] Сіе самое свидѣтельствуетъ о Еврипидѣ Свида сими словами: *Нѣкоторые говорятъ, что всѣхъ его драмъ было семдесятъ пять, а иные девяносто двѣ: но всѣхъ нынѣ на лицо находится 77. пять разъ сей Стихотворецъ одержалъ побѣду: четырежды онъ самъ, а въ пятой разъ уже послѣ его смерти одержалъ его племянникъ Еврипидъ чрезъ представленіе его драмы.*

(4) *Аполлодора*] Сей Аполлодоръ былъ родомъ Аѳинянинъ, сынъ тамошняго гражданина, по имени Асклепіада: художествомъ Грамматикъ, ученикъ Панеція Родосскаго философа, и Аристарха Грамматика; и, какъ говоритъ Свида, онъ есть изобрѣтатель стиховъ, называемыхъ Τραγίαμβοι. Жилъ во время Птоломея Евергета втораго. О его *Хроникѣ* упоминаетъ Діогенъ Лаерцій, Діодоръ Сикилійскій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, и многіе другіе: пространнѣе видѣть можно о семъ писателѣ у Воссія *Греческ. Истор.* кн. 1. гл. 21. у Іонзія *о Писат. Философ. Истор.* кн. 2. гл. 15.

то есть.

Менандръ родомъ изъ Кифизіи сынъ Діопиѳтъ написавши сто пять Драмматическихъ сочиненій, Умеръ на пятьдесять второмъ году отъ рожденія.

Однако изъ всѣхъ оныхъ ста пяти Комедій, по свидѣтельству тогожъ Аполлодора въ тойже Книгѣ, онъ только въ осьми надъ прочими стихотворцами одержалъ побѣду.

ГЛАВА 5.

Несправедливо нѣкоторые нискіе Реторы думаютъ, будто Цицеронъ въ книгѣ о Дружествѣ *употребилъ порочное доказательство, т. е. будто онъ* ἀμφισβητούμενον ἀντὶ ὁμολογουμένου [сумнительное положилъ вмѣсто истиннаго и правильнаго], *которое мы здѣсь обстоятельнѣе изслѣдовали и разобрали.*

М. Цицеронъ въ разговорѣ, надписанномъ *Лелій*, или о *Дружествѣ*, хотя показать, что дружество, не въ надеждѣ и чаяніи отъ него происходящія пользы, и не для награды и выгодъ, хранить должно; но для того только, что оно само по себѣ исполнено добродѣтели и честности, искать и любить надобно, хотя бы впрочемъ никакія изъ него пользы, и никакихъ выгодъ получить не можно было: такое разсужденіе и таковыя слова отъ лица К. Лелія, мужа разумнаго, и П. Африкану искреннѣйшаго пріятеля употребилъ: „Quid

 „enim

„ enim Africanus indigens mei? nec ego quidem „ illius. Sed ego admiratione quadam virtutis eius, ille „ vicissim opinione fortasse non nulla, quam de meis „ moribus habebat, me dilexit. Auxit beneuolentiam „ consuetudo. Sed quanquam utilitates multae et magnae „ consecutae sunt: non sunt tamen ab earum spe cau- „ sae diligendi profectae. Ut enim benefici liberalesque „ sumus, non ut exigamus gratiam, neque enim „ beneficium feneramur, sed natura propensi ad libe- „ ralitatem sumus: sic amicitiam non spe mercedis „ adducti, sed quod omnis eius fructus in ipso „ amore inest, experendam putamus. т. е. *Что нужды Африкану по мнѣ? и мнѣ также нѣтъ никакой въ немъ. Но я только удивляяся его добродѣтели; а онъ взаимно можетъ быть разсуждая о моихъ нравахъ, меня полюбилъ. Сію любовь умножило дружеское обхожденіе; но хотя многія и великія оттуда послѣдовали пользы, однако причины любви не отъ надежды оныхъ произошли. Ибо какъ мы благотворительны и щедры есьмы не для того, чтобы востребовать за то благодарность, ибо благодѣяніе въ лихву не отдается; но поелику мы отъ природы склонны къ щедрости: такъ и дружества, не въ надѣяніи возмездія, но что вся его польза состоитъ въ самой оной взаимной любви, желать и искать почитаемъ за должное.* Когда сіе въ собраніи ученыхъ мужей читано было, то одинъ Реторической мудрецъ, знатокъ обѣихъ языковъ не послѣдній, изъ числа тѣхъ остриньких и мѣлкихъ учи-

телей, которыхъ τεχνικὸς [*художниками*] называютъ, однакожъ до разсужденій не неохотникъ, думалъ, что М. Туллій употребилъ въ семъ случаѣ доводъ нехорошій и *недоказательной*, "но до тогоже вопроса надлежащій," до котораго и самая предлагаемая вещь относится; и сію погрѣшность называлъ онъ Греческими словами, ἀμφισβητούμενον ἀντὶ ὁμολογουμένου (*доводъ сомнительной имѣсто извѣстнаго*) Ибо *благотворительныхъ*, говорилъ онъ, и *щедрыхъ* Цицеронъ взялъ къ подтвержденію того, что сказано имъ *о Дружествѣ*; но еще и о сей самой истинѣ обыкновенно спрашивается да и по справедливости, что, ежели кто благотворенія и щедроты оказываетъ, то съ какими мыслями и съ какимъ намѣреніемъ онъ благотворителенъ, и щедръ? или то есть для того, что взаимныя себѣ чаетъ благодарности, и благодѣтельствуемаго побуждаетъ къ воздаянію равныхъ себѣ услугъ, что по видимому и большая часть людей дѣлаетъ: или потому, что онъ отъ самаго естества есть благотворителенъ, и сія благотворительность и щедрость сама по себѣ ему служитъ удовольствіемъ, безъ всякаго домогательства возпріять за то благодарность, что весьма рѣдко бываетъ. А доводы, разсуждалъ онъ, всегда должны быть или вѣроятные, или ясные и непротиворѣчные. И говорилъ, что то называется ἀπόδειξις [*доказательствомъ*], когда сомнитель-

ныя или темныя истинны, изъясняются ни-какому сомнѣнію неподлежащими доводами. А дабы совершенно показать, что благотворительныхъ и щедрыхъ не должно взять доказательствомъ и примѣромъ къ разсужденію *о Дружествѣ*; то, говоритъ, равнымъ образомъ и тѣмже видомъ рѣчи можно и дружество взять за доказательство, ежелибъ кто захотѣлъ утвердить, что люди должны быть благотворны и щедры не въ надеждѣ какого либо за то возмездія, но изъ одной любви къ честности. Ибо можетъ онъ подобнымъ сему образомъ такъ сказать: понеже, какъ мы дружество не въ надеждѣ полученія пользы любимъ: такъ благодарными и щедрыми мы должны быть не для воспріятія за то благодарности. Конечно можно, говорилъ сей учитель, такъ сказать. Но ни дружество щедрости, ниже щедрость дружеству быть доказательствомъ не можетъ, когда какъ о томъ, такъ и о другомъ равной предлагается запросъ. Нѣкоторымъ сіи онаго Ретора слова казалися разумными и основательными; но не зналъ онъ конечно, что сіи Цицероновы слова точно означаютъ. Ибо *благотворительнымъ и щедрымъ* Цицеронъ называетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно всѣ Философы называютъ, т. е. не того, которой, какъ самъ Цицеронъ говоритъ, *благодѣянія въ лихву отдаетъ*, но кто оказываетъ оныя, безъ всякаго и внутренняго на-

намѣренія, касающагося до его выгодъ. Слѣдовательно не темное и не сомнительное онъ употребилъ доказательство, но извѣстное и ясное потому, что ежели кто истинно и безпритворно благотворителенъ и щедръ, то не спрашивается, уже съ какими онъ мыслями и намѣреніемъ благодѣянія и щедрость другимъ оказываетъ. Впрочемъ совсѣмъ бы другими именами назвать должно было того, ежелибъ кто сіе дѣлалъ болѣе для своихъ выгодъ, нежели для вспомоществованія другому. Правда, успѣлъ бы, можетъ быть сей обличитель въ своемъ охужденіи, ежелибъ Цицеронъ тамъ сказалъ: *Ut enim benefice liberaliterque facimus, non ut exigamus gratiam*, т. е. *Ибо какъ мы благотворно и щедро поступаемъ не для того, чтобы за то позтребовать благодарности.* Ибо тогдабъ казаться могло, что благотворно и щедро поступать приличествовать можетъ и неблаготворительному человѣку, ежели сіе ему сдѣлать случилось по какомуніесть только обстоятельству, а не по самому всегдашней щедрости свойству и силѣ. Но какъ Цицеронъ привелъ здѣсь въ доказательство благотворительныхъ и щедрыхъ точно таковыхъ, какихъ мы выше описали: то безразсудно поистиннѣ и глупо оной учитель охуждаетъ разсужденіе ученѣйшаго сего мужа.

ГЛАВА

ГЛАВА 6.

Несправедливо Веррій Флакъ по второй книгѣ, изъ сочиненныхъ имъ о Темныхъ мѣстахъ М. Катона, написалъ de Seruo Recepticio.

М. Катонъ выхваляя (1) Воконіевъ законъ; и совѣтуя его Римлянамъ принять, сіи употребилъ слова: *Principio nobis mulier magnam dotem attulit, tum magnam pecuniam recipit, quam in viri potestatem non committit: eam pecuniam viro dat mutuam: postea, ubi irata facta est,* seruum recepticium *sectari atque flagitare virum iubet.* Зашелъ между нами запросъ, что значитъ, *Seruus Recepticius.* Немедленно мы сыскали тогда книги Веррія Флакка о Темныхъ Мѣстахъ Катоновыхъ сочиненій, и нашли во второй книгѣ написано, что *Recepticius Seruus* называется слуга негодной и ничего нестоющій, которой будучи проданъ, и за какой ни есть порокъ отданъ назадъ и *receptus* [*принятъ*] опять своимъ прежнимъ господиномъ. Для сей причины, говоритъ онъ, такому слугѣ приказываемо было ходить за своимъ господиномъ и съ крикомъ требовать денегъ за себя взятыхъ, дабы чрезъ то болѣе оскорбить и обезчестить, что его негоднѣйшій слуга, требуя назадъ денегъ, называетъ по имени. Но естьли кои полагаются

---

(1) *Воконіевъ законъ*] Сію рѣчь въ одобреніе Воконіева закона противу безсилія женщинъ Катонъ говорилъ въ консульство Цепіона и Филиппа на шестьдесятъ пятомъ году отъ рожденія, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, пиша къ Цицерону о *Старости.*

ся въ семъ случаѣ на слова Веррія Флакка, то я съ дозволенія ихъ скажу, что *receptitius seruus* здѣсь у Катона совсѣмъ иное значитъ, нежели какъ написалъ Веррій; да и всякому сіе понять нетрудно. Сіи безъ сомнѣнія слова заключаютъ въ себѣ такой смыслъ: когда жена приносила приданое мужу, то, что она изъ своего имѣнія удерживала для себя, и мужу не отдавала, называлося *recipere*, какъ и нынѣ также въ продажахъ говорится то *recipi*, что изъ продаваемыхъ вещей изключается и не продается. Сіе слово и Плавтъ также употребилъ въ семъ стихѣ:

Posticulum hoc recepit, cum aedes vendidit.

то есть.

Продавши покои одну заднюю калитку не продавъ, а удержалъ.

Да и самъ Катонъ, хотя чрезъ то доказать богатую жену, *Mulier*, говоритъ, *et magnam dotem dat, & magnam pecuniam recipit.* т. е. *Жена и великое приноситъ приданое, и великую часть имѣнія у себя удерживаетъ.* А изъ онаго имѣнія, которое она по отдачѣ своего приданаго удерживаетъ, деньги отдаетъ мужу въ долгъ. Когда же она за что нибудь на мужа осердяся захочетъ оныя деньги взять назадъ, то приставляетъ къ нему просильщикомъ *seruum receptitium*, т. е. собственнаго своего слугу, коего она не отдала въ приданое, но съ оставшимися деньгами у себя оставила [*receperat.*] Ибо не позво-

лялося женѣ приказать сего сдѣлать слугѣ мужнему, но только своему собственному. Болѣе я доказательствъ къ подтвержденію сего не привожу: ибо все, что и Веррій говоритъ, и мы сказали, само собою ясно. И такъ что кому лучшимъ и съ правдою сходнѣйшимъ покажется, тотъ пусть за истинну то и принимаетъ.

ГЛАВА 7.

Что П. Нигидію и К. Сцеволѣ казалося, что оныя изъ Атинійскаго закона слова: Quod. Subreptum. Erit. Eius. Rei. Aeterna. Autoritas. Esto. т. е. что будетъ похищено, той вещи вѣчной искъ да будетъ, *не меньше прошедшее, какъ и будущее воровство запрещали.*

Въ древнемъ Атинійскомъ законѣ написано: *Quod. Subreptum. Erit. Eius. Rei. Aeterna. Auctoritas. Esto.* Кто можетъ подумать, чтобъ оной законъ сими словами, говорилъ не о будущемъ только времени; но К. Сцевола сказывалъ, что (1) его отецъ, и Брутъ, и Манилій, люди весьма ученые дѣлали вопросы и сомнѣвалися, до будущихъ ли только покражей оной законъ касался, или также и до учиненныхъ прежде: ибо,

---

(1) Его *отецъ*] К. Муцій Сцевола; ибо одно имя и отецъ и сынъ имѣли.

ибо, *Quod. Subreptum. Erit.* т. е. *что похищено будетъ*, по видимому оба времени означаетъ, какъ прошедшее, такъ и будущее. И такъ П. Нигидій, мужъ изъ всего Римскаго гражданства преученѣйшій, въ двадцать третіемъ Грамматическихъ Разсужденій писалъ о семъ ихъ сомнѣніи; да и самъ онъ также думаетъ, что здѣсь неизвѣстно заподлинно время. Но онъ такъ сухо и темно тамо разсуждаетъ, что по видимому замѣчалъ сіе болѣе для вспомоществованія своей памяти, нежели для наученія читающихъ. Однакожъ такъ онъ о семъ мѣстѣ говорить казался: Слова и *esse* и *erit*, когда одни и сами собою стоятъ, тогда они знаменованіе своего времени удерживаютъ; а когда соединяются съ прошедшимъ, то силу своего времени теряютъ, и переходятъ въ прошедшее. Ибо я говоря *in campo est*, и *in comito est*, означаю время настоящее; также когда скажу *in campo erit*, показываю время будущее: а когда говорю *factum est*, *scriptum est*, *subreptum est*, то хотя глаголъ *est* стоитъ въ настоящемъ времени, однако поелику соединяется съ прошедшимъ временемъ, то и въ настоящемъ быть перестаетъ. Равнымъ образомъ разсуждать должно и объ оныхъ въ законѣ находящихся словахъ. Ежели раздѣлить сіи два слова *subreptum* и *erit*, и такъ бы сказать *subreptum*, какъ *certamen erit*, или *sacrificium erit*: тогда покажется, что законъ говоритъ только о будущемъ времени.

Ежели же совокупно и соединенно ты будешь ихъ разумѣть, и *subreptum erit* не за два, но за одно слово почтешь; тогда не меньше симъ словомъ означается время прошедшее, какъ и будущее.

ГЛАВА 8.

Между разговорами за столомъ у Тавра Философа разсуждаемо было о томъ, для чего масло часто и удобно, вина рѣже замерзаютъ, а уксусъ почти никогда. И почему вода въ рѣкахъ и источникахъ отъ морозу сгущается, а морская нѣтъ.

Тавръ философъ по большой части насъ во Аѳинахъ биралъ къ себѣ на ужинъ въ то время дня, какъ уже смеркается; ибо по большой части въ сіе время сходилось много пріятелей къ нему ужинать. Весь его ужинъ состоялъ въ одномъ горшкѣ (1) *Египетской чечевицы*, съ накрошенною меленько въ нея тыквою. Въ одинъ день, какъ мы уже сѣли и расположились къ ужину, и горшокъ поставленъ былъ на столъ, то

(1) *Египетской чечевицы и проч*] Подлинно сіе есть доказательствомъ умѣреннаго, нероскошнаго и пряме философскаго ужина. Ибо древніе философы по большой части овощами питались, какъ-то чечевицею, бобами, горохомъ, и симъ подобными плодами. Почему и Персій говоритъ о *Философской пищѣ*, написавъ.

- - - *Siliquis et grandi pasta polenta.*

то Тавръ приказалъ своему мальчику положить въ оную чечевицу масла. Сей мальчикъ родиною былъ изъ Аттики, отъ роду лѣтъ осьми, замысловатыми шутками приличными и его возрасту, и Аттическому народу преисполненный. Онъ по незнанію принесъ пустую кубышку, думая, что вь ней масло есть, и ее оборотя, какъ обыкновенно дѣлается, поводилъ кругомъ по всему горшку, однако масла оттуда ничего не текло. Мальчикъ смотритъ на кубышку свирѣпымъ взглядомъ сердяся, и потомъ сильнѣе ея потрясши опять надъ горшкомъ оборачиваетъ. Когда же мы всѣ этому начали потихоньку, и отъ него какбы таяся, смѣяться, то мальчикъ по Гречески, да и Аттическимъ нарѣчіемъ Μὴ γελᾶτε, говоритъ, ἔνι τ᾽ ἔλαιον, ἀλλὰ ἐκ ἴσε οἷα, Φρίκη περὶ τὸν ὄρθρον γέγονε τήμερον, κεκρυςάλλωται. т. е. *Не смѣйтеся, есть въ кубышкѣ масло, но не знаете вы, какой морозъ былъ сего дня поутру; оно замерзло.* Околотень! говоритъ смѣяся Тавръ, бѣги скорѣе, и купи масла. А какъ мальчикъ пошелъ его покупать, то нѣтъ ничего, говоритъ Философъ, сего медленія несноснѣе, которое причинилъ намъ недостатокъ масла, а притомъ, какъ я вижу, и горшокъ весьма кипитъ. Быть такъ, подождемъ; и между тѣмъ, какъ мальчикъ намъ теперь напамятовалъ, что масло обыкновенно отъ стужи замерзаетъ, то станемъ разсуждать, какая бы тому

 бы-

была причина, что (2) масло часто и весьма удобно (3), а вино рѣдко замерзаетъ. Сіе сказавши взглянулъ онъ на меня, и велѣлъ говорить, какъ я о семъ думаю. Я ему отвѣтствовалъ такъ: Догадываюся, что вино не скоро замерзаетъ потому, что оно имѣетъ въ себѣ отъ природы нѣкоторыя сѣмена теплоты и огня, по сему-то свойству и Гомеръ назвалъ его αἴθοπα οἶνον [*горячимъ виномъ*], а не по цвѣту, какъ нѣкоторые думаютъ. Такъ, правду ты говоришь, сказалъ Тавръ; ибо обыкновенно вино въ человѣкѣ производитъ жаръ. Однако и масло также дѣлаетъ жаръ, и не меншую имѣетъ силу въ согрѣваніи тѣлъ. И ежели сіе такъ, что жидкости, имѣющія въ себѣ больше тепла, труднѣе замер-

(2) *Масло часто и весьма удобно*] Тавръ думалъ, что и масло замерзаетъ; но онъ въ семъ ошибся; ибо хотя масло отъ стужи густѣетъ, но никогда не замерзаетъ или κεκρυστάλλωται, какъ сказалъ мальчикъ, и отъ котораго слова все ихъ зачалося разсужденіе; и такъ Тавръ по своему неискуству сгущеніе масла назвалъ замерзаніемъ.

(3) *А вино рѣдко замерзаетъ*] Изрядно придано нарѣчіе *рѣдко*: то есть что и вино иногда по мнѣнію Тавра замерзаетъ, что въ холодныхъ странахъ свѣта весьма часто случается. Сіе свидѣтельствуетъ Виргил. Георг. кн. 3.

Caeduntque securibus humida vina.

и Овид. Печал. кн. 3.

Nudaque consistunt formam seruantia testae
Vina: nec hausta meri, sed data frusta bibunt.

Но мы Сѣверные жители самымъ опытомъ сіе знаемъ.

мерзаютъ, то слѣдуетъ, что холоднѣйшія жидкости удобно и скорѣе замерзать должны. Однакожъ (4) уксусъ хотя самъ по себѣ весьма холоденъ, но никогда не мерзнетъ: такъ не лучше ли сказать, что причина, по чему масло скорѣе замерзаетъ, зависитъ отъ его легкости? Ибо легчайшія и тончайшія тѣла по видимому способнѣе суть къ сгущенію. Сверхъ сего не неприлично также, говоритъ, дѣлать разсужденія и о томъ, для чего вода находящагося въ рѣкахъ и источникахъ отъ мороза густѣетъ; а (5) море всякое совсѣмъ не мерзнетъ? хотя (6) Иродотъ, продолжалъ

 онъ,

(4) *Уксусъ никогда не замерзаетъ*] чтобы уксусъ никогда не замерзалъ и не сгущался отъ мороза, сіе совсѣмъ ложно. Напротивъ того всѣмъ извѣстно, что уксусъ кругъ обѣихъ Полюсовъ также какъ и вино замерзаетъ.

(5) *Море всякое совсѣмъ не замерзаетъ*] Всякъ видитъ, что Тавръ здѣсь отъ истинны отступаетъ, ибо мы знаемъ, что самой Океанъ въ здѣшнихъ странахъ во время холодной и жестокой зимы вокругъ береговъ мерзнетъ. Сверхъ сего извѣстно изъ записокъ мореплавателей бывавшихъ близъ здѣшняго Полюса, что Сѣверное море по причинѣ вѣчныхъ льдовъ совсѣмъ непроходимо.

(6) *Иродотъ*] Сіе мѣсто, о которомъ говоритъ Тавръ, находится у Иродота въ 4. кн. гдѣ онъ, описывая Скиѳію, между прочимъ и о семъ упоминаетъ. Но что здѣсь Иродотъ о замерзаніи Скиѳскаго и Босфорическаго Киммерійскаго моря говоритъ, то съ самою истинною есть согласно. И такъ ошибся Геллій, или лучше Тавръ философъ, будто Иродотъ написалъ сіе противу всѣхъ мнѣнія.

онъ, писатель Исторіи, почти противу всѣхъ, о семъ предметѣ вопрошающихъ, мнѣнія пишетъ, будто Босфорическое море, навываемое Киммерійское, и также Скиѳское, замерзаютъ и совсѣмъ остановляются. Какъ сіе Тавръ разсуждалъ, то между тѣмъ мальчикъ съ масломъ пришелъ, и горшокъ простылъ; и время настало ѣсть и молчать.

ГЛАВА 9.

О знакахъ букпъ, пъ Письмахъ К. Цесаря находящихся, и о другихъ тайныхъ письмахъ изъ дрепней Исторіи пзятыхъ; и также что значитъ Scytale Laconica.

Есть книги содержащія Письма К. Цесаря къ К. Оппію и Балбу Корнилію, которымъ онъ въ свое отсутствіе поручалъ правленіе своихъ дѣлъ. Въ оныхъ Письмахъ по нѣкоторымъ мѣстамъ находятся особливыя буквы, не составляющія никакихъ слоговъ, которыя не зная, почтешь совсѣмъ никакого смысла не заключающими; потому что изъ оныхъ буквъ никакихъ словъ составить неможно. А было у нихъ между собою тайное согласіе, какимъ образомъ мѣста оныхъ буквъ перемѣнять такъ, чтобъ въ письмѣ одна буква занимала мѣсто и наименованіе другой, а въ чтеніи каждая стояла на своемъ мѣстѣ и въ собственномъ значеніи. Какую же букву вмѣсто какой полагать, они о семъ прежде,

какъ

какъ я сказалъ, уговаривались. О тайномъ сихъ буквъ, въ Письмахъ К. Цесаря находящихся, знаменовании есть и (1) Записки Пробомъ Грамматикомъ довольно тщательно сочиненныя. Древніе также Лакедемоняне во время войны посылая къ своимъ Полководцамъ письма, и хотя ихъ утаить, чтобы, если по случаю они попадутся непріятелямъ, не дать знать о своихъ предпріятіяхъ и намѣреніяхъ, такой же родъ хитрости употребляли. (2) Они дѣлали двѣ палочки круглые и долговатые, равной толщины (3) и долины, изъ которыхъ одну бралъ Полко-

(1) *Записки Провомъ Грамматикомъ сочиненныя*] Видно, что сіи записки другія были, а не та книга, которая находится нынѣ, написанная Пробомъ Валеріемъ *de Notis Romanorum*, въ которой онъ толкуетъ знаки литеръ, по большой части въ публичныхъ памятникахъ, древними Римлянами употребляемыя. Но въ сихъ запискахъ, о коихъ Геллій здѣсь упоминаетъ, Пробъ толковалъ только то, что короткими и совсѣмъ отмѣнными знаками, и нарочно для утаенія отъ прочихъ въ письмахъ К. Цесаря было писано. Сей родъ знаковъ только употреблемъ былъ однимъ Цесаремъ въ письмахъ, а тѣ знаки были для всѣхъ общими, и употреблялися въ законахъ Сенатскихъ и народныхъ употребленіяхъ, въ указахъ, судахъ, завѣщаніяхъ, договорахъ и проч.

(2) *Они дѣлали двѣ палочки*] Все сіе по видимому Геллій о *Скиталѣ Лакедемонской* взялъ изъ Плутарха въ Лизандрѣ. Сверхъ сего пишетъ еще о семь Свида.

(3) *И долины*] Какая точно была длина оной палочки, о томъ никто изъ древнихъ, кромѣ Димитрія Триклина,

водецЪ на войну, а другая оставалася дома вЪ МагистратѢ. Когдаже потребуютЪ обстоятельства писать какія нибудь кЪ полководцу тайныя письма, то они во кругЪ палочки самой тонкой, а длиною какЪ нужда требовала, обвертывали ремень такЪ, чтобы краишки онаго ремня сЪ обѢихЪ сторонЪ вплоть между собою соединялись. ПотомЪ на ономЪ ремнѢ поперегЪ сгибовЪ сЪ верху вЪ низЪ письма писали. По написаніи такимЪ образомЪ письма оной ремень сЪ палочки снявши посылали его кЪ полководцу знающему также сію хитрость. Оной развитой ремень буквы представлялЪ нецѢльными и раздробленными такЪ, что ихЪ раздѢлялЪ весьма на многія и различныя части. Почему хотябы сей ремень и попался вЪ руки непріятелей, то ничего имЪ изЪ него узнать будетЪ не можно. Но какЪ получитЪ его тотЪ, кЪ которому посланЪ, то онЪ взявши равную палочьку, при себѢ находящуюся, кругомЪ ея такЪ, какЪ былЪ уговорЪ, по надлежащему онымЪ обвиваетЪ: и такимЪ образомЪ буквы, такуюжЪ окружность палочки нашедши, опять соединялись, и письмо цѢльнымЪ и кЪ прочтенію удобнымЪ представляли. Сей родЪ письма Лакедемоняне называли *Σκυτάλην* [*потаеннымЪ*].

на, не писалЪ. ОнЪ, толкуя 6 Оду Олимп. Пиндарову, пишетЪ, что *Скитала* была длиною вЪ три или четыре локтя.

нымъ]. Читали мы еще въ древней Финикійской Исторіи, что одинъ также славной мужъ, Газдрубалъ ли, или кто иной, не помню, письмо о тайныхъ дѣлахъ писанное, скрылъ такимъ образомъ (4). Взялъ онъ новыя, и еще воскомъ ненатертыя дщицы, и на ономъ деревѣ высѣкъ письмо. Потомъ какъ обыкновенно дѣлается, натеръ ихъ воскомъ, и какъ ненаписанныя къ тому, которому онъ прежде обѣщался сіе сдѣлать, послалъ. Сей ихъ взявши, и счистя долой воскъ, письмо цѣло высѣченное на деревѣ прочиталъ. Находится въ достопамятностяхъ Греческихъ и другой нѣкоторой чудной, и безчеловѣчною хитростію выдуманной способъ писать потаенныя письма, а имянно: Былъ одинъ человѣкъ именемъ Гистіей родомъ изъ Азіи не незнатный. Азія тогда была подъ владѣніемъ Дарія Царя. Сей Гистіей будучи въ Персіи у Дарія, захотѣлъ какого-то Аристагора увѣдомить о нѣкоторыхъ тайныхъ дѣлахъ воровскимъ письмомъ. Подлинно что сія потаенность письма достойна удивленія. Онъ своему слугѣ чрезъ долгое время болящему глазами, волосы со всей головы подъ видомъ будто для излѣченія обрилъ, и на кожѣ его головы накололъ

 буквы,

(4) *Взялъ онъ новыя и еще воскомъ ненатертыя дщицы*] Извѣстно, что древніе обыкновенно писали на дощечкахъ, воскомъ натертыхъ, которыя и названы, оттуда *Cerei pugillares* для того, что на нихъ *stylo pungendo* писали.

буквы, коими свое письмо все изобразилЪ. Потомъ держалЪ онЪ сего слугу дома до тѣхЪ порЪ, пока волосы выросли. А какЪ скоро они выросли, то послалЪ его кЪ Аристагору приказывая тако: КакЪ ты придешь, говорилЪ онЪ своему слугѣ, кЪ Аристагору то скажи, что я ему приказалЪ твою обрить голову, такЪ какЪ я сЪ тобой недавно самЪ сдѣлалЪ. Слуга по приказанію его кЪ Аристагору пошелЪ, и повелѣніе своего господина ему объявилЪ. АристагорЪ почитая сіе за истинну, слугу обрилЪ, и такимЪ образомЪ письмо посланное прочиталЪ.

ГЛАВА 10.

Что ФаворинЪ думалЪ о ВиргиліевыхЪ стихахЪ, вЪ которыхЪ онЪ описывая горящую гору Етну подражалЪ Пиндару Стихотворцу. ПритомЪ и стихи обѣихЪ СтихотворцевЪ имЪ снесены и разсуждаемы.

Помню я, что ФаворинЪ ФилософЪ, когда онЪ по причинѣ жаркаго времени находился у своего пріятеля вЪ деревнѣ Антіатѣ, а мы тудаже для свиданія сЪ нимЪ изЪ Рима пріѣхали, о *Пиндарѣ Стихотворцѣ* и *Виргиліи* разсуждалЪ слѣдующимЪ образомЪ. Друзья, говоритЪ,ипріятели П. Виргилія вЪ *ЗапискахЪ о его разумѣ и поведеніяхЪ* писанныхЪ повѣствуютЪ, что Виргилій обыкновенно говаривалЪ о себѣ, что онЪ свои стихи раждалЪ по примѣру медве-

ведицы. Ибо (1) какъ сей звѣрь родивши своихъ дѣтей гнусными и безобразными, послѣ чрезъ многое лизаніе ихъ дѣлаетъ лучшими и миловиднѣйшими: равнымъ образомъ и плоды его разума сперва имѣютъ на себѣ видъ грубой и несовершенной, а потомъ многократно онъ ихъ обработывая и вычищая дѣлалъ красивыми и благообразными. Что сіе Виргилій, мужъ столь высокаго разума искренно и по самой истинѣ говаривалъ, продолжалъ Фаворинъ, сему самыя его сочиненія суть яснымъ доказательствомъ. Ибо что онъ совершивши, обработавши, и съ великимъ разсужденіемъ и стараніемъ окончавши, оставилъ, то исполнено всей стихотворческой красоты и славы. Но которыя части онъ для поправленія отложилъ впередъ, и, по причинѣ

(1) *Како сей звѣрь родивши своихъ дѣтей гнусными и проч.*] Древніе всѣ думали, что медвѣдицы раждаютъ какой - то кусокъ плоти такъ, что членовъ совсѣмъ въ немъ не видно; а послѣ своимъ лизаніемъ наводятъ на него должный видъ и образъ: смотр. Арист. кн. 2. Истор. о *Животныхъ*. Плин. кн. 8. гл. 36. проч. Но сіе баснословное мнѣніе по видимому оттуда имѣетъ свое начало, что медвѣдицы раждаютъ своихъ дѣтей въ толстыхъ перепонкахъ, которыми они будучи покрыты, представляютъ видъ безобразныя плоти. Но мать сіи перепонки перегрызаетъ и снимаетъ и лизаніемъ своимъ, дѣтище очищаетъ отъ всѣхъ нечистотъ, что и другія животныя также дѣлаютъ. Впрочемъ Далехампій толкуя вышереченное Плиніево мѣсто говоритъ, что онъ въ одно время видѣлъ во чревѣ медвѣдицы, охотниками пойманной и распластанной, медвѣжатъ со всѣми членами, весьма хорошо и раздѣльно расположенными.

нѣ предускорившей смерти, совершить не могъ, тѣ недостойны превосходнѣйшаго имени и разума стихотворческаго. Для того-то онъ будучи обремененъ болѣзнію, и видя приближающуюся смерть, усильно просилъ и молилъ своихъ пріятелей, чтобъ они Енеиду, которую онъ еще не довольно выправилъ, совсѣмъ уничтожили и истребили. Наипаче же, говоритъ Фаворинъ, по видимому надлежало гораздо выработать и исправить то мѣсто, которое сдѣлано *о Горѣ Этнѣ*. Ибо онъ хотя сдѣлать подражаніе стиху, Пиндаромъ древнимъ Стихотворцемъ, о свойствѣ и горѣніи оной горы сочиненному, такія вымышлялъ предложенія и слова, что и самаго Пиндара обильнымъ и высокимъ краснорѣчіемъ славнаго казался въ семъ мѣстѣ напыщеннѣе и надменнѣе. Но чтобы и васъ того, о чемъ я говорю, сдѣлать свидѣтелями и судьями, то я вамъ оной Пиндаровъ стихъ, *о Горѣ Этнѣ*, сколько могу упомятовать, прочту.

ΠΥΘΙΟΔ. ʼΕΙΔ. Ι. ΣΤΡΟΘ. 2.

Τὰς ἐρέυγονται μὲν ἀπλά-
τȣ τȣ̃ πυρὸς ἁγνοτάται
ʼΕκ μυχῶν παγαὶ· ποταμοὶ
Δʼ ἁμέραισι μὲν προχέοντι ῥόον καπνȣ̃
Αἴθων· ἀλλʼ ἐν ὄρφναισι πέτρας
Φόινισσα κυλινδομένα φλὸξ ἐς, βαθεῖ-
άν φέρει πόντȣ πλάκα σὺν πατάγω.
Κε̃νο δʼ ʼΑφαίςοιο κρȣνȣ̀ς ἑρπετὸν
Δεινοτάτȣς ἀναπέμ-
πει· τέρας μὲν θαυμάσιον προsιδε-

θαι,

θαι, θαῦμα δὲ καὶ παριόντων ἀκοῦσαι.
Послушайте же теперь, говоритъ, и Виргиліевы стихи [Ен. кн. 3. ст. 570. слѣд.] которые по видимому онъ только началъ, а не сдѣлалъ:

Portus et accessu ventorum immotus et ingens
Ipse, sed horrificis iuxta tonat Aetna ruinis,
Interdumque atram prorumpit ad aethera nubem,
Turbine fumantem piceo et candente favilla,
Attollitque globos flammarum, et sidera lambit:
Interdum scopulos avulsaque viscera montis
Erigit eructans, liquefactaque saxa sub auras
Cum gemitu glomerat, fundoque exaestuat imo.

Пиндаръ, говоритъ, въ самомъ началѣ слѣдуя самой истиннѣ написалъ то, что въ самой вещи тамъ приключалося, и самымъ глазамъ являлося, т. е. что Этна днемъ дымилася, а ночью изрыгала пламень. А Виргилій чрезмѣрно стараяся о шумѣ и звукѣ словъ оба времена смѣшалъ безъ всякаго раздѣленія. Греческой стихотворецъ ясно представилъ, что оная гора изъ своихъ нѣдръ огненныя источники изрыгаетъ, проливаетъ дыма рѣки, и багровыя и клубящіяся пламени свитки, на подобіе огненныхъ зміевъ, на морскія берега мещетъ: а нашъ Виргилій хотя перевести *ῥόον καπνοῦ αἴθωνα*, сими словами, atram nubem turbine piceo, et favilla fumantem, сдѣлалъ грубо и безпорядочно. Globos также flammarum, вмѣсто что Пиндаръ назвалъ *κρουνοὺς* [*полны*] перенесъ весьма не хорошо и *ἀκύρως* [*несобственно*]. не хорошо также сказано и *sidera lambit*; попусту, го-

говоритъ; и безъ всякаго разсужденія онъ тутъ наклалъ такихъ словъ. Ибо невѣроятно да и неслыхано, что онъ сказалъ *nubem atram fumare turbine piceo et favilla candente.* Понеже тѣ матеріи non ſolent, говорилъ, fumare и ниже eſſe atra, кои суть candentia. Развѣ онъ candente положилъ слѣдуя простому нарѣчію и несобственно вмѣсто горячей искры, а не огненной и не свѣтящейся. Ибо candens произведено отъ *candor*, а не отъ *calor*. Чтожъ онъ сказалъ, будто ſaxa и ſcopulos изрыгаетъ, которыя немедленно растаявали и стенали, и въ воздухѣ клубилися; сего, говоритъ, ни Пиндаръ не писалъ, ниже когда слыхано; а притомъ сіе бы чудовище было всѣхъ чудовищъ чуднѣе и нелѣпѣе.

ГЛАВА II.

Плутархъ въ Пиршественныхъ книгахъ Платоново о свойствѣ и расположеніи желудка и его каналѣ называемомъ τραχεῖα, мнѣніе противу врача Еразистрата защищалъ, приведши къ тому свидѣтельства изъ древняго врача Иппократа.

Какъ Плутархъ, такъ и другіе ученые мужи писали, что Еразистратъ славной врачь охуждалъ Платона за то, (1) что онъ говорилъ, будто питье нами принятое сте-

(1) *Что онъ говорилъ, будто питье*] Сіе Платоново мѣсто находится у него въ Тимеѣ, гдѣ онъ разсуждая о

стекаетъ къ легкому, и его довольно намочивши, насквозь чрезъ скважины въ немъ находящіяся протекаетъ, и оттуда сбѣгаетъ въ пузырь: и что оныя погрѣшности начальникомъ былъ (2) Алцей написавшей въ своихъ сочиненіяхъ такъ:

Τέγγε πνεύμονας οἴνῳ·
Τὸ γὰρ ἄστρον περιτέλλεται.

то есть:

Намачивай легкое виномъ;
Ибо понѣ уже звѣзда восходитъ.

А самъ Еразистратъ говорилъ, что въ человѣкѣ есть два канальца, или двѣ цѣвки, отъ самаго рта внизъ проведенныя, (3) изъ которыхъ чрезъ одну проходитъ въ желудокъ всякая пища и питіе, а оттуды идетъ въ нижнюю чрева часть, по Гречески ἡ κάτω κοιλία называемую, и тамо варится и раз-

---

о *Зачатіи человѣческомъ*, между прочимъ и должность легкимъ описываетъ пространными словами.

(2) *Алцей*] Сей лирической Стихотворецъ родомъ былъ изъ Митилены, процвѣталъ во время Періандра почитавшагося между седьми мудрецами. Онъ былъ человѣкъ важный и строгій, защищалъ отечество внѣ противу Аѳинянъ, а внутрь противу утѣсненія Тиранновъ, не меньше оружіемъ, какъ и стихами. Первой онъ изобрѣлъ стихъ Алкаической, столь часто Гораціемъ употребляемой, и почиталcя первымъ въ Греціи Лирикомъ. О немъ упоминаетъ Квинтиліанъ въ кн. 10. гл. 1. Горацій кн. 2. од. 13.

(3) *Изъ которыхъ чрезъ одну*] Оной каналъ собственно называется οἰσόφαγος, чрезъ которой пища проходитъ въ желудокъ, яко въ нѣкоторую житницу всѣхъ частей, какъ говоритъ Аристотель въ 3. кн. о *Частяхъ Живот. Вот.* гл. 3.

раздѣляется; а потомъ что суше и грубѣе, то сходитъ во афедронъ [aluum] по Гречески κῶλον называемой, а влажнѣйшія части черезъ почки въ пузырь. Чрезъ другой же каналъ, по Гречески τραχεῖα ἀρτηρία, называемой, проходитъ изо рту къ легкому воздухъ, и оттуда паки въ ротъ и ноздри розвращается; симъ путемъ и голосъ также ходитъ. Но чтобъ пища и питіе, коимъ надобно проходить въ желудокъ, изо рту какъ нiесть не попали въ тоже самой каналъ, коимъ духъ входитъ и исходитъ, и тѣмъ не воспрепятствованъ былъ путь дыханію; то мудрая природа устроила подлѣ сихъ двухъ проходовъ въ самомъ началѣ горла язычекъ [ἐπιγλωττίς] какбы нѣкоторую загородку движущуюся, которая во время яденія и питія духовую жилу τὴν ἀρτηρίαν τραχεῖαν закрываетъ и загораживаетъ, дабы что изъ пищи и питія не попало въ оной дыханія путь; и для сей причины, когда сія жила еще въ самомъ ртѣ заграждена, то ничто изъ влажнаго не можетъ пройти въ легкое. Такъ говорилъ врачь Еразистратъ противу Платона. Но Плутархъ въ одной Книгѣ изъ называемыхъ Пиршенственными, говоритъ, что сего Платонова мнѣнія былъ начальникомъ (4) Иппократъ; и что сіеже самое ду-

(4) *Иппократъ*] Сей великій мужъ имѣлъ у себя отца Гераклида, а мать Пракситею, учился у Геродика, жившаго во времена Артаксеркса Лонгомана. Плиній раз-

думали (5) Филистіонъ Локръ (6) и Діоксиппъ Иппократикъ, древніе и славные врачи; и что оной язычекъ ἐπιγλωττίς, о которомъ говорилъ Еразистратъ, не съ тѣмъ устроенъ на семъ мѣстѣ, дабы не втекло что нибудь изъ питія въ сей каналъ; [ибо и легкому также для его питанія и наполненія потребны влажности и соки;] но онъ устроенъ тутъ какбы нѣкоторымъ надзирателемъ и судіею, пропускать ли туда, или не

разсуждая о прославившихся въ разныхъ наукахъ мужахъ, написалъ кн. 7. гл. 37. слѣдующее: *Иппократъ прославился во врачевной наукѣ. Онъ въ одно время предсказалъ, что язва изъ Иллиріи перейдетъ въ Грецію, и такимъ образомъ своихъ учениковъ разслалъ по всѣмъ городамъ для отвращенія онаго зла. За сію услугу Греки установили ему тѣже самыя почести, которыя воздавались Геркулесу. Кратко сказать: его Корнилій называетъ отцемъ Медицины.*

(5) *Филистіонъ Локръ*] Кромѣ Плутарха въ вышеобъявленныхъ книгахъ написавшаго, что сей Филистіонъ Локръ былъ человѣкъ древній и славный во врачебной наукѣ; кромѣ, говорю, сего упоминаетъ о Филистіонѣ древнемъ врачѣ и Плиній кн. 20. гл 12 которой по видимому тотже самой, которой называется здѣсь Филистіономъ Локромъ или Локринскимъ. Жилъ онъ во время Филиппа Аминтова сына, царя Македонскаго, около сто шестой Олимп. Нѣкоторые книгу о *Діетѣ* находящуюся нынѣ между Иппократовыхъ сочиненій приписываютъ Филистіону.

(6) *Діоксиппъ Иппократикъ*] Хотя Плутархъ ясно упоминаетъ объ имени сего врача; однако я еще нигдѣ не могъ найти и читать, чтобъ кто между древними врачами, изъ учениковъ Иппократовыхъ, симъ имечемъ назывался. А упоминается нѣкоторый Дексиппъ, какъ бывшій Иппократовъ ученикъ.

не пропускать того, что касается до нашего здравія: какъ-то пищи онъ никакой въ сей артеріи каналъ не пропускаетъ; но отправляетъ ея въ желудокъ по другому каналу; а питіе раздѣляетъ на двѣ части, одну для желудка, а другую для легкаго; и, что должно пропустить чрезъ артерію въ легкое, то не вдругъ, но съ остоновкою и помаленьку пропускаетъ, а прочее все посылаетъ въ другой каналъ съ желудкомъ соединенной.

ГЛАВА 12.

О нискихъ матеріяхъ, по Гречески ἄδοξα называемыхъ, о которыхъ Фапоринъ по одно время для упражненія разсуждалъ.

Къ разсужденію о *Подлыхъ матеріяхъ* отъ Грековъ ἄδοξοι ὑποθέσεις [*безславныя предложенія*] называемыхъ, и древніе не только Софисты, но и Философы также приступали: и нашъ Фаворинъ часто и весьма охотно за нихъ принимался, почитая ихъ способствующими или къ ободренію разума, или къ упражненію въ замысловатыхъ шуткахъ, или къ облегченію силъ трудными разсужденіями утомленныхъ. Какъ-то онъ (1) приписывалъ похвалы Ѳерситу, хвалилъ

въ

(1) *Приписывалъ похвалы Ѳерситу,* Онаго Ѳерсита, между Греками пришедшими подъ Трою, находящагося, Гомеръ во 2 Пѣсни Иліады описываетъ: *Ѳерситъ, скареднѣйшій мужъ, пришедшій подъ Трою,* *кри-*

въ четвертый день возвращающуюся лихорадку. Много о такихъ матеріяхъ онъ забавнаго и притомъ важнаго на обѣ стороны говорилъ, и свои разсужденія въ книгахъ оставилъ. Но выхваляя лихорадку и (2) Платона приводилъ къ тому свидѣтелемъ, которой написалъ, что, естьли кто четвероднeвною бывъ болѣнъ лихорадкою выздоровѣетъ, и въ силахъ своихъ паки укрѣпится; то послѣ его здоровье гораздо будетъ прежняго крѣпче и постояннѣе. Между сими похвалами употребилъ онъ шуточнымъ и пріятнымъ образомъ и сіе изреченьице: Есть, говоритъ, стихъ, коего истинна многими уже вѣками испытана:

Ἄλλοτε μητρυιὴ πέλει ἡμέρη, ἄλλοτε μήτηρ.

то есть.

Иной день мачиха, а иной день мать.

Чрезъ сіе означается, что не можно всякой день быть въ добромъ состояніи, но въ иной день добро, въ иной худо случается.

 Еже-

кривоокій, кромѣ, рамена имѣлъ сляченны и стѣснены, голова у него была островидная и вел-пласая.

(2) *Платона приводилъ къ тому свидѣтелемъ*] Такого мѣста, сколько мнѣ извѣстно, нынѣ въ сочиненіяхъ Платоновыхъ не находится, гдѣ бы онъ говорилъ, что выздоровѣвшіе отъ четвероднeвной лихорадки, послѣ бываютъ здоровѣе и крѣпче. Но писавшіе жизнь Платонову говорятъ, что онъ, живучи въ Академіи четвероднeвною лихорадкою страдалъ осмнатцать мѣсяцевъ, и послѣ лихорадки своею трезвостію и тщаніемъ паки возвратилъ свои силы, но гораздо предъ прежними крѣпчайшія.

Ежели же, говоритъ, между людьми худо съ добромъ случается попеременно; то и сія лихорадка, двумя днями перемѣжающаяся, должна почесться щастливѣйшею предъ другими, потому что въ ней μία μητρυιὰ δύω μητέρες: [одна мачиха, а двѣ матери.]

ГЛАВА 13.

Частица quin сколько, и какія перемѣны имѣетъ въ значеніи, и сколь часто въ древнихъ Писателяхъ она неудовопонятною бываетъ.

Quin, частица, отъ Грамматиковъ союзомъ называемая, различными образами и выговарами рѣчь соединяетъ; ибо въ инаковомъ смыслѣ она берется, когда мы или выговаривая кому, или вопрошая, или совѣтуя ее употребляемъ, на пр. *Quin venis. quin legis. quin fugis*: въ инаковомъ, когда мы такимъ образомъ утверждаемъ: *Non dubium est, quin M. Tullius omnium sit eloqentissimus.* Инаковой также, и первому кажется противной она имѣетъ смыслъ, когда мы такимъ образомъ ея полагаемъ; *Non idcirco causas Isocrates non defendit, quin id utile esse et honestum exitimarit.* Въ семъ знаменованіи она также положена у М. Катона въ третьемъ Началѣ: *Haud eos*, говоритъ онъ, *eo postremum scribo, quin populi et boni et strenui sint.* Во второмъ также Началѣ онъ сію частицу употребилъ въ семже почти смыслѣ: *Neque satis*, говоритъ, *habuit, quod eam in occulto*

occulto vitiaverat, quin eius famam prostitueret. Сверхъ того я примѣтилъ, что Квадригарій въ осьмой Лѣтописи сію частицу употребилъ весьма въ темномъ смыслѣ. Я здѣсь его прилагаю слова: *Romam venit. vix supererat, quin triumphus decernatur.* Въ шестой также его Лѣтописи написано такъ: *Pene factum est, quin castra relinquerent, atque cederent hosti.* Но я знаю, что иной нимало не подумавши скажетъ: нѣтъ никакой трудности въ сихъ словахъ: ибо *quin* въ обѣихъ мѣстахъ здѣсь положено вмѣсто, *ut*, и столь-коже ясно, какъ ежелибъ сказать такъ: *Romam venit. vix supererat, ut triumphus decernatur.* также и въ другомъ мѣстѣ: *Pene factum est, ut castra relinquerent hosti.* Пусть оные проворы таковыя употребляютъ убѣжища въ перемѣненіи темныхъ и неудобовразумительныхъ словъ, однако же они должны ихъ употреблять сколько можно осторожнѣе и скромнѣе. Ибо что касается до частицы quin, то ежели кто не знаетъ, что она есть сложная, и не только для соединенія рѣчи служащая, но и нѣкоторое особенное знаменованіе въ себѣ заключающая, тотъ никогда поистиннѣ не можетъ узнать ея свойства и перемѣнъ въ значеніи. Но о семъ разсуждать подробнѣе, требуется много времени; и такъ ежели кто имѣетъ любопытство и время, тотъ можетъ о семъ справиться въ *Запискахъ Грамматическихъ* П. Нигидія.

ГЛАВА 14.

Красивыя изреченія выбранныя изъ Публіевыхъ Мимовъ.

(1) Публій Сиріанинъ писалъ Мимы, и почитался почти равнымъ Лаберію. Но К. Цесарь будучи Лаберіевымъ злословіемъ и гордостію много озлобляемъ, говорилъ вездѣ, что онъ гораздо за пріятнѣйшія и превосходнѣйшія почитаетъ Мимы Публіевы, нежели Лаберіевы. Многія изрѣченія изъ Публіевыхъ почитаются красивыми и для общаго въ рѣчи употребленія весьма полезными. Я нѣкоторый изъ нихъ здѣсь приписать почелъ за долгъ; и они суть слѣдующія:

Malum est consilium, quod mutari non potest.
Худой совѣтъ, коего перемѣнить не можно.
Beneficium dando accipit, qui digno dedit.
Тотъ благодѣяніе дѣлая себѣ благодѣтельствуетъ, кто достойному его дѣлаетъ.
Feras, non culpes, quod vitari nequit.
Безъ негодованія сноси то, чего извѣжать не льзя.
Cui plus licet, quam par est, plus vult, quam licet.
Кому больше дозволяется, нежели должно, тотъ болѣе хочетъ, нежели дозволяется.
Comes facundus in via pro vehiculo est.
Говорливой спутникъ на дорогѣ служитъ вмѣсто коляски.
Frugalitas inserta est rumoris boni.
Умѣренность есть украшеніемъ доброй славѣ

Не-

---

(1) *Публій* Былъ родомъ изъ Сиріи, почему и названъ Публіемъ Сиріаниномъ. Процвѣталъ онъ въ одно время съ Лаберіемъ, хотя нѣсколько лѣтами былъ его моложе, при Іюліѣ Кесарѣ.

Heredis fletus sub persona risus est.
Наслѣдника слезы, есть прикрошенной смѣхъ.
Furor fit laesa saepius patientia.
Терпѣніе многократно будучи озлоблено превращается въ бѣшенство.
Improbe Neptunum accusat, qui iterum naufragium facit.
Несправедливо тотъ жалуется на Нептуна, кто въ другой разъ претерпѣваетъ кораблекрушеніе.
Ita amicum habeas, posse, ut, fieri inimicum, putes.
Обходися съ пріятелемъ такъ, какъбы онъ могъ быть тебѣ когданибудь врагомъ.
Veterem ferendo iniuriam invites novam.
Старую снося обиду, навлечешь на себя новую.
Nunquam periculum sine periculo vincitur.
Бѣда никогда безъ бѣды не побѣждается,
Nimium altercando veritas amittitur.
Въ чрезмѣрныхъ спорахъ истинна теряется.
Pari beneficii est, quod petitur, si belle neges.
Частію благодѣянія почестися должно, когда ты въ требуемомъ у тебя разумно отказать умѣешь.

ГЛАВА 15.

Отомъ что Карнеадъ Академикъ чистилъ свой желудокъ чемерицею, намѣреваясь писать противъ ученія Зенона Стоика; и о свойствѣ и пользѣ какъ бѣлыя, такъ и черныя чемерицы въ лѣкарствѣ.

Карнеадъ Академикъ намѣреваясь писать противу книгъ Стоика Зенона, свой желудокъ чистилъ бѣлою чемерицею для того, дабы что нибудь изъ повредившихся въ желудкѣ влажностей не дошло до обиталища души, и не привело въ слабость стремительность и силу разума. Съ то-

 ли-

ликимъ-то тщаніемъ и пріуготовленіемъ себя оной превосходнаго разума мужъ приступалъ къ опровержeнію Зеноновыхъ сочиненій. Сіе я о *Бѣлой чемерицѣ* читая въ Греческой Исторіи, старался обстоятельнѣе узнать о семъ родѣ растѣнія; и узналъ, что два рода есть чемерицы разнаго цвѣту, бѣлаго т. е. и чернаго; но оные цвѣты находятся не въ сѣмени чемерицы, и не въ вѣточкахъ, но въ самомъ кори̇ѣ. Бѣлая чиститъ желудокъ и верхнюю часть чрева чрезъ рвоту; а черная слабитъ чрезъ нижней проходъ. Но обѣ имѣютъ силу изгонять вредныя влажности, бывающія причинами болѣзней. Притомъ же надлежитъ опасаться, чтобы вмѣстѣ съ причинами болѣзней, растворивши такимъ образомъ всѣ пути тѣла, не истощить также и силу, которая есть причиною и началомъ жизни; и чтобъ человѣкъ потерявши всю естественныхъ соковъ крѣпость не умеръ. Плиній Секундъ въ Естественной Исторіи написалъ, что самая лучшая и безопаснѣйшая чемерица родится въ островѣ Антикирѣ; и для того-то Ливій Друзъ, бывшій народнымъ Трибуномъ, когда въ падучей болѣзни находился, ѣздилъ въ Антикиру и тамо пилъ оную траву, чрезъ что и отъ болѣзни освободился. Сверхъ того я читалъ, что Галлы на охотѣ чемерицею намазываютъ стрѣлы, для того что звѣри такими стрѣлами убитыя бываютъ мягче-

и лучше въ кушаньѣ; но только раны чрезъ прикосновеніе чемерицы гораздо бываютъ ширѣ и больше.

ГЛАВА 16.

Что Понтійскія утки имѣютъ въ себѣ силу ослаблять язы: и какое имѣлъ стараніе о семъ родѣ лѣкарства тамошній Царь Митридатъ.

Сказываютъ, что Понтійскія утки питаются ядами. Да и Леней также К. Помпея отпущенникъ написалъ, что Митридатъ Понтійской Государь великое имѣлъ стараніе о составленіи сего рода лѣкарства; и обыкновенно смѣшивалъ утячью кровь съ лѣкарствами, и чрезъ то ихъ дѣлалъ способными къ приведенію въ слабость ядовъ; и что оная кровь въ семъ составѣ весьма великую имѣетъ силу. Самъ же Царь, по причинѣ всегдашняго сихъ лѣкарствъ употребленія, предостерегалъ себя отъ всякихъ тайно подносимыхъ въ пиршествахъ отравъ; да еще и нарочно почасту для испытанія своихъ силъ самыя злые и смертоноснѣйшие пилъ яды безъ всякаго вреда и опасности. По чему наконецъ какъ онъ, будучи на сраженіи побѣжденъ, убѣжалъ въ послѣдніе предѣлы своего царства, и тамо намѣреніе принялъ умереть; то самолютѣйшие для прекращенія своея жизни, принимая вотще яды, уже своимъ

мечемъ себя закололь. Симъ Государемъ отъ отравы изобрѣтенное лѣкарство, называемое Antidotus Mithridatios, и нынѣ въ въ великой славѣ.

ГЛАВА 17.

Что Митридатъ Понтійскій Государь говорилъ двацати пяти Народовъ языками; а Кинтъ Енній говаривалъ про себя, что онъ имѣетъ три сердца; потому что зналъ три языка, Греческой, Оской и Латинской.

К. Енній говаривалъ, что у него три сердца, потому что умѣлъ говорить по Гречески, Оски и Латински. А Митридатъ славной Понтійской и Виѳинской Государь, которой былъ на войнѣ побѣжденъ Кн. Помпеемъ, двацати пяти Народовъ, подъ своею областію находящихся зналъ языки; и ни съ кѣмъ изъ всѣхъ оныхъ народовъ никогда не говорилъ чрезъ переводчика; но кого онъ къ себѣ ни призывалъ изъ подданныхъ, со всякимъ его языкомъ и рѣчію такъ чисто и хорошо говорилъ, какбы тамошній былъ уроженецъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 18.

Маркъ Варронъ пишетъ, что Анній Милонъ К. Саллюстія писателя Исторія, поимавъ въ прелюбодѣяніи высѣкъ плетьми, и взявши съ него деньги отпустилъ.

М. Варронъ мужъ по ученію и добропорядочной жизни достовѣрнѣйшій, въ книгѣ названной Pius aut de Pace написалъ, что К. Саллюстій, важныя оныя и строгія Исторіи писатель пойманъ будучи Анніемъ Милономъ въ прелюбодѣяніи, жестоко былъ высѣченъ плетьми, и по заплаченіи денегъ отпущенъ.

ГЛАВА 19.

Что Епиктетъ Философъ обыкновенно говаривалъ негоднымъ и развратнымъ людямъ прилѣжно Философіи учащимся; и какія онъ два слова весьма полезныя хранить тщательно приказывалъ?

Я слышалъ отъ Фаворина, что Епиктетъ Философъ говаривалъ, что много изъ философствующихъ есть таковы, кои суть философы ἄνευ τοῦ πράττειν, μέχρι τοῦ λέγειν, т. е. *только словомъ, а не дѣломъ.* Но гораздо еще сильнѣе и для нихъ укоризненнѣе Епиктетовы тѣ слова, которыя записалъ Арріанъ въ своихъ разговорахъ сочиненныхъ о *Разсужденіяхъ Епиктета.* Ибо говоритъ онъ, что Епиктетъ въ одно время примѣтя нѣкотораго человѣка, которой былъ безстыденъ,

раз-

развращенъ во нравахъ, дервокъ, болтливъ, и о всемъ прочемъ старателенъ, выключая душу; таковаго, говоритъ, увидя человѣка, за науки также и Философію принимающагося, Физикѣ и Діалектикѣ учащагося, и во многія симъ подобныя разсужденія вмѣшивающагося, призывалъ свидѣтелями къ сему боговъ и человѣковъ, и между призываній такими часто его поносилъ словами: Ἄνθρωπε, πῦ βάλλεις; σκέψαι, εἰ κεκάθαρται τὸ ἀγγεῖον· ἂν γὰρ εἰς τὴν οἴησιν αὐτὰ βάλλῃς, ἀπώλετο· ἢν σαπῇ, ἢ ὖρον, ἢ ὄξος γένοιτο ἂν, ἤ τι τῦτων χεῖρον. т. е. *Безумной человѣкъ! куда ты кладешь? осмотри прежде, чистъ ли сосудъ. Ибо ежели ты это кладешь въ разумъ свой, то пропадетъ; и изгнивши превратится или въ мочу, или въ уксусъ, или во что нибудь еще того хуже.* Подлинно, ни что сихъ его словъ не можетъ быть важнѣе и справедливѣе, которыми оной великой Философъ далъ знать, что науки и Философическія знанія, будучи влiяны въ человѣка негоднаго и развратнаго, какъ въ нечистый и оскверненый нѣкій сосудъ, портятся и развалѣваются; и какъ онъ самъ говоритъ, κυνικώτερον, сквернѣйшею мочею, или еще и хуже, дѣлаются. Сверхъ сего онойже Епиктетъ, какъ я отъ тогоже Фаворина слышалъ, говаривалъ, что два порока всѣхъ хуже и гнуснѣе; нетерпѣніе и невоздержаніе; когда, т. е. или обидъ, которыя намъ сносить должно, не терпимъ и не сносимъ; или отъ которыхъ ве-

вещей должно воздерживаться, не воздерживаемся. И такъ, говоритъ, естьли кто сiи два слова запечатлѣетъ въ своемъ сердцѣ, и самъ собою повелѣвая и управляя всегда имѣть будетъ ихъ въ памяти, тотъ во многихъ случаяхъ предостережется отъ погрѣшностей, и жить будетъ преспокойнѣйшимъ образомъ. Слова же имъ сказанныя сiи суть: *ἀνέχȣ καὶ ἀπέχȣ: Терпи и воздержися.*

ГЛАВА 20.

Слова изъ Платоновой книги, называемой Пиршество, взятыя, и искуснымъ, стройнымъ, и связнымъ расположенiемъ рѣчи для упражненiя на Латинской языкъ переведенныя.

Въ бытность нашу у Философа Тавра, читано было Платоново Пиршество (Συμπόσιον). Въ сей книгѣ Павзанiевы слова, которыми онъ по своей чередѣ выхвалялъ любовь, такъ мнѣ полюбилися, что я постарался ихъ затвердить на память. Слова же мною упамятованныя суть слѣдующiя: Πᾶσα γὰρ πρᾶξις ὧδε ἔχει. αὐτὴ ἐφ' ἑαυτῆς πραττομένη, ὄτε καλὴ, ὄτε αἰσχρὰ. οἷον νῦν ἡμεῖς ποιȣμεν ἢ πίνειν, ἢ λαλεῖν, ἢ διαλέγεσθαι· ȣκ ἐςι τȣτων αὐτὸ καθ' αὑτὸ, καλὸν ȣδέν· ἀλλ' ἐν τῇ πράξει ὡς ἂν πραχθῇ, τοιȣτον ἀπέβη. καλῶς μὲν γὰρ πραττόμενον καὶ ὀρθῶς, καλὸν γίγνεται. μὴ ὀρθῶς δὲ, αἰσχρὸν. Οὕτω δὲ καὶ τὸ ἐρᾶν καὶ ὁ ἔρως, ȣ πᾶς ἐςὶ καλὸς, ȣδὲ ἄξιος ἐγκωμιάζεσθαι, ἀλλ' ὁ καλῶς προ-

προτρέπων ἐρᾶν. По прочитаніи сихъ словъ, Тавръ говорилъ ко мнѣ, эй ты витія [ибо такъ онъ меня сперва принявши въ свою школу называлъ, думая, что я единственно въ Аѳины пріѣхалъ для изученія краснорѣчію:] видишь ли сколь сіе ἐνθύμημα [*разсужденіе*] связно, ясно, кругло и краткимъ словами съ равномѣрною нѣкоторою стройностію выражено? Можно ли найти въ вашихъ Риторскихъ книгахъ, такъ связно, и такъ стройно написанную рѣчь? Но на сіе, говоритъ, стройное теченіе слова только мимоходомъ посмотрѣть совѣтую; впрочемъ надлежитъ вникать болѣе въ самую внутренность Платонова разума, и разсуждать важность и превосходство самыхъ вещей, а не на одну смотрѣть пріятность буквъ его, и красоту словъ. Сіе Таврово о красотѣ Платоновой рѣчи разсужденіе не только меня не привело въ робость, но еще и побудило стараться выразить витійство Греческой рѣчи Латинскими словами. И какъ нѣкоторыя самыя малѣйшія и подлыя животныя что нибудь слыша или видя, стараются тому сами подражать; такъ равно и я, чему удивлялся въ Платоновой рѣчи, тому хотя не подражать, но по крайней мѣрѣ одно того начертаніе и тѣнь сдѣлать осмѣлился; и вотъ какъ изобразилъ я его слова на нашемъ языкѣ: *Omne omnino factum ſic ſeſe habet: neque turpe eſt, quantum in eo eſt, neque honeſtum: velut eſt, quas facimus nunc ipſi res, bibe-*

bibere, cantare, differere; nihil namque horum ipsum ex sese honestum est: quale, quum fieret modo, factum est, tale extitit. si recte honesteque factum est, tum honestum fit; sin parum recte, turpe fit. Sic amare; sic amor non honestus omnis, neque omnis laude dignus: sed qui facit nos, ut honeste amemus.

ГЛАВА 21.

О томъ, въ которыя имянно времена по создании Рима Греческіе и Римскіе славные мужи процвѣтали, до второй Карѳагенской войны.

Чтобы имѣть нѣкоторую сокращенную роспись древнихъ вѣковъ, и также славныхъ мужей въ оные вѣки родившихся; и, чтобы чрезъ то въ разговорахъ о времени и жизни славныхъ людей не сказать по незнанію чего нибудь ложнаго, какъ оной неученной [ἀπαίδευτος] мудрецъ, не давно предъ всѣмъ свѣтомъ утверждавшій, будто Карнеадъ Философъ отъ Царя Александра Филиппова сына денежное получилъ награжденіе; и что будто Панецій Стоикъ вмѣстѣ жилъ съ старшимъ Африканомъ, чтобы, говорю, отъ таковыхъ въ разсужденіи временъ и вѣковъ предостеречься намъ погрѣшностей, то я коротенько выбралъ изъ книгъ называемыхъ Лѣтописями, въ которые имянно вѣка Греческіе и Латинскіе, какъ разумомъ, такъ и царствованіемъ, отъ сотворенія Рима до второй Карѳагенской вой-

войны, предъ прочими прославившіеся, процвѣтали мужи; и оныя мои выписки, по различнымъ прежде мѣстамъ сдѣланныя, теперь здѣсь разположилъ я по порядку. Правда я не для того сіе предпринялъ, чтобъ съ особеннымъ и отмѣннымъ тщаніемъ написать обстоятельныя превосходныхъ оныхъ обоего народа мужей *συγχρονίσμυς* [*сопремянія*]; но только дабы сіи *Ночи* нѣкоторымъ образомъ и сими также Исторіи цвѣтками хотя слегка разпещрены были. Я за довольное почелъ въ сихъ Запискахъ предложить о временахъ только нѣкоторыхъ мужей такъ, чтобы изъ того и о времени прочихъ, здѣсь мною неупомянутыхъ, нетрудно догадываться и узнать было можно. И такъ зачнемъ мы съ славнаго Солона: ибо въ разсужденіи Омира и Исіода, почти всѣ писатели согласны, что они жили или въ одно время, или Омиръ нѣсколько попрежде; однако оба они (1) по объявленію Кассія въ первой книгѣ Лѣтописей *о Омирѣ и Исіодѣ*, жили (2) въ царствованіе въ Альбѣ Сильвіевъ спустя слишкомъ сто

(1) *По объявленію Кассія*] Здѣсь разумѣется А. Кассій Теминъ, жившій во время четвертыхъ столѣтнихъ Игръ, при К. Корниліѣ Лентулѣ, и А. Муммiѣ Ахаѣ Консулахъ, въ лѣто отъ созданія Рима 608. Не надобно сего Писателя смѣшивать съ Кассіемъ Северомъ, жившимъ во время Августа и Тиверія. Смотр. Воссія кн. 1. о *Римск. Истор.* гл. 7. и 21.

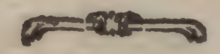
(2) *Въ царствованіе въ Альбѣ Сильвіевъ*] То есть во время Албы Силвія, Енеева сына.

шестдесятъ лѣтъ по Троянской войнѣ, а до созданія Рима, какъ написалъ Корнилій Непотъ въ первой книгѣ Лѣтосчисленій *о Гомерѣ*, около ста шестидесяти лѣтъ. И такъ Солонъ, одинъ изъ славнаго онаго числа мудрецовъ, царствующу въ Римѣ Тарквинію Приску, въ тритцать третій годъ его царствованія, написалъ Аѳинейцамъ законы. Въ царствованіе же Сервія Туллія, въ Аѳинахъ Тиранномъ былъ Пизистратъ, получившій сіе достоинство (3) по Солонѣ, самопроиз-

воль-

(3) *По Солонѣ, самопроизвольно въ ссылку ушедшемъ*] Что Солонъ по завладѣніи царскою властію Пизистратомъ ушелъ изъ Аѳинъ, о семъ свидѣтельствуетъ и Діогенъ Лаерцій въ его житіи: *Но какъ уже воцарившуся Пизистрату никому совѣтовъ подавать Солонъ не могъ, то положивши оружіе предъ судилищемъ и сказавъ, о отечество! я помогалъ тебѣ и словомъ и дѣломъ! поплылъ въ Египетъ и Кипръ*; хотя Лаерцій и ошибается въ томъ, будто Солонъ уже воцарившуся Пизистрату въ Египетъ ѣздилъ. Ибо заподлинно извѣстно, что Солонъ путешествіе сіе предпринималъ по написаніи законовъ съ тѣмъ, чтобъ чрезъ десятолѣтнее свое отсутствіе болѣе придать имъ силы и важности, какъ примѣтилъ сіе Меурсій у Плутарха въ жизни Солоновой. Невѣроятно также кажется и то, что написалъ Плутархъ, будто онъ жилъ въ Аѳинахъ и въ царствованіе Пизистратово; хотя пріятели и совѣтовали ему вытти вонъ. Ибо кромѣ Геллія и Лаерція, противное свидѣтельствующихъ, можно тожъ самое доказать и изъ писемъ находящихся у Лаерція, какъ отъ Пизистрата къ Солону, въ которыхъ онъ его просилъ возвратиться въ Аѳины, такъ и изъ отвѣта Солонова къ Пизистрату, въ коемъ онъ нехотѣніе свое возвратиться извиняетъ тѣмъ, что онъ при немъ безопасно жить не можетъ.

Прав-

вольно въ ссылку ушедшемъ. (4) Потомъ Пиѳагоръ Самійской пришелъ въ Италію, въ цар-

---

Правда, хотя неуповательно, чтобъ сіи письма точно были писаны Пизистратомъ и Солономъ; но отъ кого нибудь вымышлены подъ ихъ именами: однакожъ изъ нихъ видно, что древніе находились въ томже мнѣніи, что Солонъ въ царствованіе Пизистрата не жилъ въ Аѳинахъ. Весьма изрядно также замѣтилъ Меурсій въ Солонѣ, что онъ въ сіе самое время ѣздилъ въ Лидію къ Крезу, какъ повѣствуетъ Діогенъ Лаерцій. Но Плутархъ и предъ нимъ Иродотъ пишутъ иначе; и оба они въ томъ погрѣшаютъ, что будто Солонъ былъ у Креза въ то время, какъ отлучился отъ отечества на десять лѣтъ для утвержденія своихъ законовъ, чему совсѣмъ быть не возможно. Ибо уже выше упомянуто, что Солонъ написалъ свои законы въ Олимпіаду 46 ю; а Крезъ началъ царствовать еще во 1 лѣто 54 й Олимпіады, какъ свидѣтельствуетъ о семъ Евсевій въ *Лѣтописцѣ*.

(4) *Потомъ Пиѳагоръ Самійскій пришелъ въ Италію*] Ямвлихъ пиша о жизни Пиѳагоровой, говоритъ, что онъ пришелъ въ Италію около 62 й Олимп. Но сіе справедливо ли тотчасъ увидимъ. Причина же, для коей Пиѳагоръ уѣхалъ въ Италію, по объявленію Лаерція въ его житіи, была та, что онъ по долговременномъ странствованіи возвратившись во свое отечество, нашелъ его въ утѣсненіи отъ владычества Поликратова. Иные же говорятъ, что онъ сіе сдѣлалъ не могши терпѣть Силозонта, Поликратова брата и преемника, о которомъ Страбонъ въ 14 книгѣ пишетъ, что онъ столь былъ жестокій государь, что многіе принуждены были оставить островъ Самосъ; сіе по видимому съ истинною сходнѣе. Ибо ежели Пиѳагоръ, какъ тоже объявляетъ Ямвлихъ, въ Египтѣ жилъ 20 лѣтъ, и въ то самое время Поликратъ уже воцаряся писалъ объ немъ къ Египетскому царю Амазиду одобрительныя письма, какъ объявляетъ Лаерцій; то никакъ не можно Пиѳагору въ 62 Олимпіаду уйти въ Италію, по-то-

царствованіе Тарквиніева сына Тарквинія же называемаго Гордымъ; и въ то время въ Аѳинахъ Гармодіемъ и Аристогитономъ убитъ Гипархъ сынъ Пизистратовъ, (5) братъ Гиппія Тиранна. Архилохъ же прославившійся своими сочиненіями, по объявленію Корнилія Непота, еще при царствованіи въ Римѣ Тулла Гостилія, находился. Потомъ въ двѣсти шестдесятое лѣто, или нѣсколько спустя больше по созданіи Рима, Аѳиней-

У 2 цы

тому что въ сіе время Поликратъ только началъ царствовать. Но по смерти Поликратовой Дарій Персидскій государь владычество надъ Самосомъ отдалъ вмѣсто подарка Силозонту, въ 4й годъ 66й Олимп. которой годъ былъ отъ С. Рима 251, и въ оное время царствовалъ еще въ римѣ Тавкиній Суперб: и такимъ образомъ можно было Пиѳагору притти въ Италію во время Тарквиніево, какъ пишетъ авторъ. А Солинъ въ 16. гл. пишетъ, что Пиѳагоръ пришелъ въ Италію уже въ Консулство Брутово. *In Samo*, говоритъ. *nihil nobilius, quam Pythagoras civis, qui mox offensus fastu Tyrannico, relicta domo, Bruto Consule, qui reges urbe exegit, Italiam advectus est.* Равнымъ образомъ Цицеронъ въ 4. кн. Тускул. запрос. пишетъ, что Пиѳагоръ былъ въ Италіи въ то время, когда Брутъ избавилъ отечество отъ царскаго ига. Впрочемъ чтобы ни писали о Пиѳагоровомъ пришествіи въ Италію, то есть, подъ конецъ ли, или уже по окончаніи консульства Брутова; только то сомнительно, что не льзя Пиѳагору было перейти въ Италію въ 6.й Олимп. какъ пишетъ Ямвлихъ; или въ началѣ царствованія Поликратова, какъ по видимому намѣкаетъ Діогенъ Лаерцій и Малхъ *въ Житіи Пиѳагора.*

(5) *Братъ Гиппія Тиранна*] Который Гиппій въ четвертое также лѣто по убіеніи Гиппарха выгнанъ изъ Аѳинъ, т. е. въ 3 лѣт 67. Олимп. или въ 244. годъ отъ создан. Рима.

цы на славной Мараѳонской оной войнѣ подъ предводительствомъ Милтіада, побѣдили Персовъ; которой [Милтіадъ] послѣ оной войны осужденъ будучи отъ Аѳинскаго народа въ публичной тюрьмѣ жизнь окончилъ. Послѣ сего жилъ Есхилъ, славной Трагикъ въ Аѳинахъ. А въ Римѣ въ сіиже времена народъ взбунтовавшись подѣлалъ себѣ въ первой разъ Трибуновъ и Едиловъ; и не много спустя времени Кн. Марцій Коріоланъ, по причинѣ обидъ и утѣсненій причиненныхъ ему отъ народныхъ Трибуновъ, оставя Республику передался къ Волскамъ, врагамъ Римскаго народа, и учинилъ противу его войну. (б) По прошествіи потомъ не многихъ лѣтъ, царь Ксерксъ Аѳинейцами и другими Греческими народами подъ предводительствомъ Ѳемистокла находящимися, на морскомъ сраженіи, бывшемъ при Саламинѣ, былъ побѣжденъ и обращенъ въ бѣгство. Послѣ того, года съ четыре спустя при Мененіи Агриппѣ, и М. Гораціѣ Консулахъ, на Беентскомъ сраженіи, бывшемъ при рѣкѣ Кремерѣ, триста шесть человѣкъ Фабіевъ, изъ сенаторскаго поколѣнія произшедшихъ, и съ своими семействами отъ непріятелей побиты. Около сихъ временъ процвѣталъ Емпедоклъ Агригентійской, мужъ славной въ естественной

(б) *По прошествіи потомъ не многихъ лѣтъ царь Ксерксъ*] По прошествіи т. е. десяти лѣтъ по Мараѳонской войнѣ было сраженіе при Саламинѣ, какъ свидѣтельствуетъ Ѳукидидъ кн. 3.

ной Философіи. ВЪ РимѢ же вЪ сіе время сдѢланы для написанія законовЪ Децемвиры, которые написали сперва десять ТаблицЪ, а потомЪ еще двѢ кЪ онымЪ присовокупили. ПотомЪ около триста двадцать третьяго года отЪ С. Рима вЪ Греціи, по запискамЪ Ѳукидида, зачалася великая оная Пелопонесская война. ВЪ сіе время ОлЪ Постумій ТубертЪ вЪ РимѢ былЪ ДиктаторомЪ, который своего сына за то, что онЪ вЪ противность его приказанія воевалЪ противЪ непріятеля, ссѢкЪ топоромЪ; война же была тогда у РимлянЪ сЪ Фиденатами. ВЪ теченіи сего времени славные и знаменитые вЪ Греціи были мужи СофоклЪ, и потомЪ ЕврипидЪ, Трагическіе Стихотворцы, врачь ИппократЪ и ДемокритЪ ФилософЪ; которыхЪ СократЪ Аѳинейской хотя родомЪ моложе былЪ, однако нѢсколько времени и сЪ ними жилЪ вмѢстѢ. ПослѢ сего, какЪ Римскую Республику управляли вЪ консульской власти военные Трибуны, (7) около триста сорокЪ седмаго года отЪ С. Рима, Лакедемоняне поставили надЪ Аѳинейцами тритцать оныхЪ Тиран-

 новЪ;

(7) *Около 343 года отЪ С. Р. Лакедемоняне установили*] Гелій здѢсь другимЪ слѢдуетЪ ЛѢтописямЪ, нежели какЪ выше, гдѢ онЪ слѢдуя Варрону написалЪ, что Пелопонесская война зачалася вЪ 313 лѢто отЪ С. Р. ибо оное установленіе ТиранновЪ воспослѢдовало 27 лѢтЪ спустя послѢ того т. е. вЪ 350 годЪ отЪ С. Р. а вЪ 1 лѢто 94 й Олимпіады, вЪ которое время Аѳины взяты ЛизандромЪ.

новъ; а (8) въ Сициліи государствовалъ Діонисій старшій; и по прошествіи не многихъ послѣ того лѣтъ осужденъ былъ въ Аѳинахъ на смерть Сократъ, и въ темницѣ умерщвленъ ядомъ. Въ тоже почти время М. Фурій Камилъ былъ въ Римѣ Диктаторомъ, и плѣнилъ Веевъ. Не много спустя воспослѣдовала Сеноническая война, въ которую Галлы взяли Римъ, кромѣ Капитоліи. Въ не многомъ послѣ того времени былъ славной въ Греціи звѣздочетъ Евдоксъ: и Аѳинейцы подъ предводительствомъ Форміона при Коринѳѣ побѣдили Лакедемонцевъ. И М. Манлій въ Римѣ, которой въ осаду Капитоліи Галловъ въ крѣпость по стѣнѣ уже лѣзущихъ прогналъ, будучи уличенъ въ умыслѣ о завладѣніи Римскимъ государствомъ осужденъ на смерть, и свергнутъ, какъ говоритъ М. Варронъ, стремглавъ съ Тарпейскаго камня; а по запискамъ Корнилія Непота плетьми до смерти засѣченъ. Въ тоже годъ т. е. въ седмой по освобожденіи Рима родился Аристотель Философъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ (9) послѣ Сеноническої войны, Ѳебанцы подъ предводительствомъ Епаминонда при Левктрахъ побѣдили Лакедемонянъ;

---

(8) *Въ Сициліи Діонисій*] Сей воцарился около послѣдняго года Пелопонесской войны.

(9) *Послѣ Сеноническої войны*] Геллій такъ называетъ какъ и выше сего, Галлическую войну, которую Сеноны, Галлической народъ, имѣли съ Римлянами.

нянъ; и въ скоромъ послѣ времени въ Римѣ, въ силу узаконенія Лициніемъ Столономъ учрежденнаго, начали производиться въ Консулы изъ простаго народа, на которое достоинство прежде производимы были только изъ Сенаторскихъ поколѣній. Потомъ около четырesотаго отъ С. Рима лѣта, Филиппъ сынъ Аминты, а отецъ Александра получилъ себѣ Македонское царство. (10) Въ сіе время родился Александръ; и не много потомъ спустя лѣтъ Платонъ Философъ отправился къ Діонисію Сицилійскому Тиранну младшему. По маломъ послѣ того времени Филиппъ при Херонеѣ на страшномъ сраженіи побѣждаетъ Аѳинейцовъ; съ котораго сраженія Димосѳенъ Ораторъ бѣгствомъ спасся: а какъ за сей его побѣгъ начали поносить, то онъ сіе отвергнулъ слѣдующимъ извѣстнѣйшимъ всякому стихомъ:

Ἀνὴρ ὁ φεύγων καὶ πάλιν μαχήσεται.

то есть.

Убѣгшій мужъ и паки можетъ воевать.

Потомъ Филиппъ коварнымъ образомъ убитъ; а Александръ принявши царство пошелъ войною на Персовъ, въ Азію и на во-

 сто-

(10) *Въ сіе время родился Александръ*] Родился Александръ В. въ 1. лѣто сто 6 й Олимп. 6 числа, мѣсяца Іюня, въ которой день сожженъ Геростратомъ храмъ Діанинъ, какъ пишетъ Плутархъ *въ Александрѣ*, и Діодоръ Сикилійскій кн. 16. Оной годъ былъ, по изчисленію Варрона 398. отъ С. Р.

стокѣ живущихъ; а (11) другой Александръ, по прозванію Молоссъ, пошелъ въ Италію воевать съ Римскимъ народомъ; ибо тогда слава и мужество Римское начинали уже просіявать и у пограничныхъ народовъ; но прежде зачатія войны онъ скончался. Говорятъ, что оной Молоссъ идучи въ Италію говаривалъ, что онъ идетъ къ Римлянамъ такъ, какъ въ Ἀνδρωνῖτιν [обиталище мужей]; а Александръ Македонской пошелъ къ Персамъ, какъ въ γυναικωνῖτιν [обиталище женъ]. Послѣ сего Александръ Македонской по завоеваніи большей части востока, царствуя одиннатцать лѣтъ, умеръ. Не много также спустя Аристотель Философъ, а за нимъ Димосѳенъ, скончалися. Въ тѣже почти времена Римской народъ тяжкою и долговременною войною утѣсняемъ былъ отъ Самнитянъ; и оба Консулы Тив. Ветурій и Сп. Постумій въ трудномъ положеніи мѣста близъ деревни Кавдіи окружены будучи отъ Самнитянъ, и порабощены подъ иго ихъ, безчестные для себя сдѣлавши договоры въ Римъ возвратилися; для которой причины они по приказанію народа отданы были чрезъ Феціаловъ Самнитянамъ, и назадъ уже невозвращены. По прошествіи потомъ четырехъ сотъ и почти семидесяти лѣтъ отъ С. Рима произошла у Римлянъ война съ царемъ Пирромъ.

(11) *Другой Александръ и проч.*] Сей былъ дядя великому Александру, т. е. братъ его матери Олимпіады, Епирской государь.

ромЪ. ВЪ оное время славные были Философы ЕпикурЪ Аѳинейской и ЗенонЪ Циттіенской. Тогдаже К. Фабрицій ЛусцинЪ, и К. Емилій ПапЪ были вЪ РимѢ Ценсорами; и П. Корнилія Руфина, бывшаго два раза КонсуломЪ и однажды ДиктаторомЪ, отрѢшили отЪ сенаторства; вЪ причину же сему отрѢшенію привели то, что онЪ имѢлЪ у себя серебреной для стола посуды на десять фунтовЪ. ПотомЪ вЪ четыреста почти девяностое лѢто отЪ С. Рима, вЪ консульство Аппіа Клавдіа по прозванію Кавдекса, оному Аппію Цеку брата, и М. Фулвія Флакка, начата первая сЪ Карѳагенцами война; и не много послѢ былЪ вЪ Александріи у царя Птоломея славной Киринейской СтихотворецЪ КаллимахЪ. По прошествіи потомЪ сЪ небольшимЪ двадцати лѢтЪ, какЪ уже заключенЪ былЪ мирЪ сЪ Карѳагенцами, при КлавдіѢ ЦентонѢ Аппіа Цека сынѢ, и М. СемпроніѢ ТудитанѢ, спустя сто шестьдесятЪ почти лѢтЪ по смерти Софокла и Еврипида, а по кончинѢ Менандра около пятидесяти двухЪ лѢтЪ, первой изо всѢхЪ началЪ вЪ РимѢ представлять публично Драматическія сочиненія Л. Ливій СтихотворецЪ. За КлавдіемЪ и ТудитаномЪ Консулами, слѢдовали К. Валерій и К. Манилій; при которыхЪ по объявленію М. Варрона, вЪ первой книгѢ *о СтихотворцахЪ*, родился К. Енній СтихотворецЪ, которой на шестьдесятЪ седмомЪ году своея жизни пи-

 салЪ

салъ двѣнатцатую книгу Лѣтописей, какъ онъ самъ Енній въ той своей книгѣ объявляетъ. Въ пятсотъ одиннатцатомъ году по созданіи Града, Сп. Карвилій Руга первой въ Римѣ по совѣту своихъ пріятелей развелся съ женою, потому что она была безплодна и далъ присягу предъ Ценсорами, что женится на другой единственно для дѣторожденія. Въ тотже годъ К. Невій Стихотворецъ читалъ предъ народомъ свои драмы, которой, по объявленію М. Варрона въ первой книгѣ *о Стихотворцахъ*, во время первой Пунической войны служилъ салдатомъ. Сіе подтверждаетъ и самъ Невій въ своихъ стихахъ, сочиненныхъ имъ о сей войнѣ. Но Порцій Лициній говоритъ, что Стихотворство началося въ Римѣ гораздо пожже сего времени, какъ видно изъ его стиховъ.

Paenico bello ſecundo Muſa pinnato gradu,
Intulit ſe bellicoſam in Romuli gentem feram.

то есть.

(12) *Во вторую Пуническую войну, Муза пернатыми стопами*
Влѣтѣла въ воинственной и жестокой Римской народъ.

По

(12) *Во вторую Пуническую войну*] Хотя грубыя нѣкоторыя начатки Латинской Поезіи были вскорѣ после первой Пунической войны, какъ видно изъ тѣхъ Комедій, которыя Ливій Андроникъ, и не много спустя по немъ Кн. Невій въ народъ издали; однако кажется, что Порцій Лициній, по знатному приращенію, которое она во вторую Пуническую войну получила, въ то наипаче время полагаетъ ея начало.

По прошествіи потомъ пятнатцати лѣтъ предпринята война паки противу Карѳагенцовъ. И не много спустя М. Катонъ Ораторъ въ Римѣ, и Плавтъ театральной Стихотворецъ процвѣтали. Въ тѣже почти времена Діогенъ Стоикъ, и Карнеадъ Академикъ, и Критолай Перипатетикъ отъ Аѳинянъ къ Сенату Римскаго народа для нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ послами были отправлены. Потомъ спустя не много К. Енній, Цецилій, Теренцій, и за ними Пакувій, жили; и при Пакувіи уже въ старость пришедшемъ былъ славный оный ихъ сочиненій критикъ Акцій Луцилій. Но я, положивши намѣреніе сдѣлать симъ примѣчаніямъ конецъ на второй Пунической войнѣ, уже далѣе прошелъ оныя.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА 1.

Прѣнія между Стоическимъ Философомъ и Перипатетикомъ, при Фаворинѣ произведенныя; а предлагаемъ былъ между ими вопросъ: Сколь сильна добродѣтель въ содѣланіи жизни блаженною; и сколько къ тому способствуютъ внѣшнія вещи.

Фаворинъ имѣлъ у себя пріятелей двоихъ непослѣднихъ по городу Риму Философовъ; изъ нихъ одинъ былъ послѣдователь ученія Парипатетическаго, а другой Стоическаго. Случилося мнѣ нѣкогда вмѣстѣ съ Фавориномъ въ Остіи быть при нихъ и слышать, какъ они весьма жарко и ссорливо защищали одинъ противъ другаго своихъ толковъ положенія. Во время лѣта прохаживалися мы вечеромъ по берегу; гдѣ Стоикъ разсуждалъ, что человѣческая жизнь, какъ блаженною чрезъ одну только внутреннюю добродѣтель, такъ напротивъ и крайнѣ бѣдною чрезъ одни пороки, содѣлаться можетъ; хотя бы впрочемъ никакихъ тѣлесныхъ и внѣшнихъ совершенствъ при добродѣтели не было; а при порокахъ хотябы всѣ они находилися. Напротивъ того Перипатетикъ хотя уступалъ, что чрезъ одни душевныя пороки и развратность, наша жизнь бываетъ бѣдною; однако думалъ, что къ содѣланію жизни совершенно блаженною недовольна едина добродѣтель; пото-

шому что къ усовершенію блаженныя жизни, нужными кажутся быть также здоровье и крѣпость тѣла, благообразіе лица, имѣніе, и добрая слава, и прочія симъ подобныя тѣлесныя совершенства, и благія щастія. Противорѣчилъ на семъ мѣстѣ Стоикъ, и удивлялся, что Перипатетикъ порокъ и добродѣтель полагаетъ какбы вещи только различныя. Понеже порокъ и добродѣтель суть двѣ вещи между собою противныя; и также бѣдная и блаженная жизнь равно между собою противны; то для чего не наблюдаетъ онъ въ обѣихъ мѣстахъ точной силы и свойства противныхъ вещей, и думаетъ, что жизнь бѣдною учинить одинъ порокъ можетъ; а блаженною, говоритъ, одна добродѣтель сдѣлать ея не въ состояніи. И говорилъ, что Перипатетикъ самъ себѣ противорѣчитъ, уча, что жизнь никоимъ образомъ блаженною быть не можетъ, ежели не будетъ при ней единыя добродѣтели, и напротивъ не допускаетъ, чтобъ жизнь была блаженною, при единой добродѣтели. Ибо онъ ту честь и силу, которую придаетъ добродѣтели отсутствующей отъ жизни, у находящейся при жизни отъемлетъ. Тогда Перипатетикъ забавнымъ образомъ сказалъ: прошу покорно отвѣтствовать мнѣ, почитаешь ли ты за ведро вина то, въ которомъ не достаетъ одной крушки? Нѣтъ, говоритъ, не льзя назвать ведромъ вина, изъ котораго взята

одна

одна крушка. Слыша сiе ПарипатетикЪ, такЪ по этому, говоритЪ, надобно сказать, что одна крушка дѢлаетЪ ведро вина, потому что, ежели ея одной вЪ немЪ не будетЪ, тогда не есть ведро вина, а когда она будетЪ приложена, тогда бываетЪ настоящее ведро. Ежели же безразсудно утверждать, чтобЪ одною кружкою ведро дѢлалося ведромЪ, то также безразсудно сказать и то, чтобы жизнь чрезЪ едину добродѢтель была блаженною; потому только что безЪ добродѢтели блаженною быть никогда не можетЪ. Тогда ФаворинЪ взглянувши на Перипатетика, этотЪ, говоритЪ, доводЪ, тобою о кружкѢ вина приведенной, написанЪ и растолкованЪ давно вЪ книгахЪ: но сiе надобно почитать болѢе за шутошной обманЪ, нежели за твердое доказательство. Ибо когда не достаетЪ одной кружки, то сей недостатокЪ дѢлаетЪ ведро неполнымЪ и нецѢлымЪ; когда же приложится, то не одна она составляетЪ ведро, а только дополняетЪ оное. ДобродѢтель же не есть, какЪ они говорятЪ, какое либо прибавленiе или дополненiе, но она сама собою есть образЪ блаженныя жизни, по чему она едина, ежели находится, дѢлаетЪ жизнь блаженною. О семЪ и о другихЪ нѢкоторыхЪ мѢлкостяхЪ, болѢе запутанныхЪ, нежели полезныхЪ, при ФаворинѢ они между собою спорили. Но какЪ уже ночь наступила, и сдѢлалося темнѢе, то мы проводивши Фаворина на подворье, разошлися.

ГЛА-

ГЛАВА 2.

Вѣ какихъ словопрѣніяхъ мы обыкновенно вѣ Аѳинахъ Сатурновы праздники препровождали; и нѣкоторые приложены увеселительные запросы и загадки.

Мы обыкновенно Сатурновы праздники препроводили въ Аѳинахъ весело и благопристойно, non remittentes, какъ говорится, animum, [*не разславляя духъ.*] ибо *remittere*, говоритъ Музоній, значитъ почти тоже, что и *amittere* [*потерять*]; но оной нѣсколько услаждая и увеселяя пріятными и благопристойными разговорами и разсужденіями. Много насъ сходилося на одинъ ужинъ, т. е. тѣхъ, которые вмѣстѣ пріѣжжали изъ Рима въ Грецію, и кои однимъ наукамъ и у однихъ учителей обучалися. Въ то время тотъ, которому по чередѣ надлежало готовить ужинъ, въ награду за рѣшеніе задачь, предлагалъ книгу либо Греческую, либо Латинскую древняго писателя, и еще вѣнецъ изъ лавра сплетенной. Вопросовъ предлагалъ онъ столько, сколько человѣкъ насъ тамо находилося. И какъ онъ всѣ вопросы предложитъ, тогда каждой по жеребью рѣшилъ свою задачу. И ежели кто рѣшитъ, тотъ получалъ себѣ вѣнецъ и награжденіе, а ежели не рѣшитъ, то отдаваема была оная задача для рѣшенія тому, на кого жеребей выпадетъ. И такимъ образомъ кругомъ сей порядокъ былъ наблюдаемъ. Ежели же какую задачу ни одинъ не рѣшитъ,

шитЪ, то вѣнецЪ за оную опредѣленной посвящаемЪ былЪ Богу, вЪ честь котораго оной праздникЪ совершался. Предлагаемы же были вЪ запросахЪ, или изреченіе древняго Стихотворца, сЪ пріятностію темное, или изслѣдованіе древней какой исторіи, или какого мѣста изЪ Философіи неправильное толкованіе, или Софистическаго обмана рѣшеніе, или рѣдкаго и не столь употребительнаго слова произведеніе, или также вЪ ясномЪ глаголѣ темнѣйшее время. Недавно, я помню, предлагаемо было семь таковыхЪ запросовЪ, изЪ которыхЪ первой состоялЪ вЪ истолкованіи сихЪ изЪ ЕнніевыхЪ СатирЪ стиховЪ, которые многоразлично и притомЪ сладко однимЪ словомЪ перевязаны. Стихи суть слѣдующія:

Nam, qui lepide postulat alterum frustrari,
Quem frustratur, frustra, eum, dicit, frustra esse.
Nam, qui sese frustrari quem frustra sentit,
Qui frustratur, is frustra est; si non ille est frustra.

Второй: какЪ должно понимать и разумѣть слова, которыя ПлатонЪ вЪ своихЪ книгахЪ о *Правленіи гражданства* написалЪ κοινὰς τὰς γυναῖκας т. е. *общія жены*, и что онЪ чрезЪ сіе разумѣлЪ; и для чего онЪ мужамЪ храбрымЪ и побѣдителямЪ опредѣлилЪ вЪ награжденіе цѣлованіе мальчиковЪ и дѣвочекЪ? ВЪ третьемЪ мѣстѣ спрашивано было подЪ которыми словами вЪ оныхЪ уловкахЪ скрывается обманЪ, и какимЪ образомЪ ихЪ раздѣлить и рѣшить можно? *Чего ты не по-*

те-

терялъ, то имѣешь; роговъ ты не потерялъ, *слѣдовательно рога имѣешь*. И также второй обманъ: *Что есмь я, ты не еси то; но я есмь человѣкъ, слѣдовательно ты не еси человѣкъ*. Спрашиваемо также тамо было, какбы рѣшить сію Софистическую задачу: *Когда я лгу, и говорю самъ, что я лгу; то лгу ли, или правду говорю?* Послѣ сего запросъ былъ сей: *Для чего дворяне Римскіе пиршествуютъ обыкновенно, и взаимные посылаютъ подарки, во время игръ Мегаленскихъ; а простой народъ во время* (1) *Цереринывъ*? Потомъ спрашивано было: Кто изъ древнихъ Стихотворцевъ употребилъ глаголъ *verant*, значащій *vera dicunt*. Шестой вопросъ былъ, какая трава Асфоделъ [*царскіе кудри*,] о которой Исіодъ въономъ стихѣ упомянулъ:

Νήπιοι οὐδ' ἴσασιν, ὅσῳ πλέον ἥμισυ παντὸς,
Οὐδ' ὅσον ἐν μαλάχῃ τε ϗ ἀσφοδέλῳ μέγ' ὄνειαρ.

то есть.

Глупые не знаютъ, чѣмъ больше половина цѣлаго,
Ниже сколь великая находится польза въ ржѣ и асфоделѣ.

И что также Исіодъ разумѣетъ подъ словами, *половина есть больше цѣлаго*. Самой послѣдній запросъ былъ *scripserim*, *legerim*, *venerim*, котораго времени глаголы, прошедшаго или будущаго, или и того и другаго вмѣстѣ. Когда сіи запро-

(1) *Цереринывъ*] Церерины игры уставлены въ честь богини Цереры, и начинаяся съ 12 го числа Апрѣля продолжались чрезъ восемь дней въ Амфитеатрѣ.

сы по вышереченному порядку были предложены, и отъ каждаго по жеребью истолкованы, то всѣмъ намъ въ награжденіе дано по вѣнцу и по книгѣ; кромѣ только того вопроса, которой предложенъ былъ о глаголѣ *verant*; ибо никто не могъ припамятовать, что сей глаголъ употребленъ К. Енніемъ въ третьейнадесять книгѣ *Лѣтописей*, въ семъ стихѣ:

Satin vates verant aetate in agunda.

По чему и вѣнецъ, за рѣшеніе сего вопроса назначенной, посвященъ былъ Сатурну, богу онаго праздника.

ГЛАВА 3.

Какое, говорилъ Есхинъ Реторъ въ Словѣ, въ которомъ онъ уличалъ Тимарха въ безчестной жизни, Лакедемонцы на похвальнѣйшее мнѣніе одного развратнѣйшаго человѣка сдѣлали опредѣленіе.

Есхинъ острѣйшій и благоразумнѣйшій изъ Ораторовъ, прославившихся въ Аѳинейскихъ собраніяхъ краснорѣчіемъ, въ строгомъ ономъ, ѣдкомъ, и укоризненномъ словѣ, говоренномъ на обличеніе Тимарха въ безчестныхъ поведеніяхъ, говоритъ, что Лакедемонцамъ отъ одного мужа, тогоже гражданства Сенатора, добродѣтелію и старостію лѣтъ довольно украшеннаго, весьма благородной и славной данъ былъ совѣтъ. Лакедемонской, говоритъ онъ, народъ

родъ въ одно время разсуждалъ, что бы было полезно и честно къ правленію своего общества. Тогда для поданія голоса всталъ нѣкоторой человѣкъ, поведеніемъ своея жизни весьма безчестнѣйшій, но языкомъ, и краснорѣчіемъ въ то время славнѣйшій, и подалъ совѣтъ столь разумной, что всѣмъ понравился и отъ всѣхъ былъ принятъ; почему народъ и хотѣлъ было сдѣлать по его голосу опредѣленіе. Но вдругъ одинъ изъ чина старѣйшихъ, коихъ Лакедемонцы по важности лѣтъ и достоинству, яко учителей и наставниковъ въ правленіи общества почитали, смущеннымъ и раздраженнымъ духомъ вскочилъ съ мѣста, и, можно ли, говоритъ, Лакедемонцы! надѣяться, чтобы сей городъ и сіе общество могло быть болѣе цѣлымъ и непобѣдимымъ, когда мы людей столь развращенной жизни будетъ употреблять себѣ въ совѣтники? Ежели сіе мнѣніе разумно и полезно, то не допустимъ, чтобы оно было обезчещено произнесеніемъ развратнѣйшаго своего подателя. Сіе сказавши, выбралъ онъ одного мужа храбростію и добродѣтелями предъ прочими превосходнѣйшаго, только не словеснаго и не краснорѣчиваго: и приказалъ ему, по согласію и прошенію всѣхъ, тоже самое мнѣніе, красноглаголивымъ человѣкомъ произнесенное, пересказать какими онъ можетъ словами, чтобъ т. е. прежнее совсѣмъ предавши забвенію, народное опредѣленіе и учре-

жденіе было сдѣлано подъ его токмо одного именемъ. И такимъ образомъ по совѣту сего благоразумнѣйшаго старика поступлено. Полезное мнѣніе было принято, а развратной онаго податель перемѣненъ.

ГЛАВА 4.

Сулпицій Аполлинаръ нѣкоторому человѣку хвастающему, что онъ одинъ разумѣетъ Саллюстіевы Исторіи, насмѣяся, предложивши вопросъ, что оныя слова у Саллюстія означаютъ: Incertum ſtolidior, an vanior.

Какъ мы уже достигши юношескаго возраста въ Римѣ претексту и дѣтскую тогу перемѣнили, и искали себѣ искуснѣйшихъ учителей; то случилося намъ быть въ селѣ Сандаларіѣ у книгопродавцевъ; гдѣ при великомъ людей собраніи Сулпицій Аполлинаръ, мужъ на нашей памяти ученнѣйшій, одного хвастуна похваляющагося знаніемъ Саллюстіевой Исторіи, осмѣялъ онымъ родомъ шуточнаго притворства, какой обыкновенно употреблялъ Сократъ противу Софистовъ. Ибо когда сей самохвалъ говорилъ, что онъ одинъ можетъ читать и толковать Саллюстія, и что не только одну поверхность и вершки изреченій онъ знаетъ, но и въ самую внутренность и силу его словъ проникаетъ и видитъ; въ то время Аполлинаръ изъяснившися, что онъ

его столь высокое ученіе весьма почитаетъ и уважаетъ, Сколько ты, говоритъ, почтеннѣйшій учитель, меня обрадовалъ своимъ приходомъ, когда столь совершенно разумѣешь Саллюстія. Ибо вчерашняго дня у меня спрашивали, что бы оныя его слова въ четвертой Исторической книгѣ *о Кн. Лентулѣ* написанныя значили, о которомъ *perincertum*, говоритъ Саллюстій, было, *stolidior ne esset, an vanior.* И притомъ самыя слова, точно какъ написаны Саллюстіемъ, прочитали: *At Cn. Lentulus, patriciae gentis, collega eius, cui cognomentum Clodiano fuit, perincertum, stolidior an vanior, legem de pecunia, quam Sulla emtoribus bonorum remiserat, exigenda promulgavit.* И такъ спрашивали, говорилъ Аполлинаръ, у него, но онъ не могъ рѣшить, что значитъ *vanior*, и что *stolidior*? Понеже Саллюстій по видимому такъ сіи слова между собою раздѣлилъ, и одно другому противоположилъ, какъ будто бы они были различны и несходны между собою, и не одинъ порокъ оба сіи слова означали. По чему и просилъ Аполлинаръ, чтобъ онъ обѣихъ сихъ словъ значенія и начала ему растолковалъ. Тогда онъ искривленіемъ рта и движеніемъ губъ давши знать, что онъ какъ предлагаемую вещь, такъ и самаго спрашивающаго презираетъ, древнихъ, говоритъ, и отдаленнѣйшихъ отъ нашего времени словъ, какъ выше сказано, я въ силу и внутренность вникаю и изслѣдываю, а не такихъ, которые всякому извѣстны

и обыкновенны; ибо тотъ самаго Кн. Лентула *stolidior est et vanior*, кто не знаетъ, что *vanitas* и *stoliditas* одну и туже означаютъ *глупость*. Сіе сказавши, на самой половинѣ разговоръ оставилъ, и пошелъ прочь. Мы хотя, а наипаче Аполлинаръ, старалися удержать и принудить его къ тому, чтобы онъ или о различіи сихъ словъ, или, какъ онъ думалъ, о сходствѣ пространнѣе и яснѣе разтолковалъ, и не сердился на то, что онъ хочетъ о томъ отъ него знать: но онъ, думая, что чрезъ сіе надъ нимъ насмѣхаются, притворился, будто имѣетъ какую-то нужду, и такъ ушолъ. А мы послѣ того отъ Аполлинара узнали, что *vani* собственно называются не тѣ, которыхъ простой народъ называетъ *desipientes*, или *hebetes*, или *ineptos*: но подъ симъ словомъ древніе ученнѣйшіе мужи разумѣли, *mendaces et infidos*, и которые бездѣльныя и пустыя вещи вмѣсто важныхъ и истинныхъ коварно составляютъ: а *stolidi* называются не столько *stulti* и *excordes*, сколько *satiri* и *molesti* и *illepidi*, каковыхъ Греки называли μοχθηρὸς καὶ φορτικὸς. И говорилъ онъ, что оба сіи слова, и ихъ значенія находятся въ Нигидіевыхъ книгахъ, въ которыхъ я нашедши оныя слова и съ примѣрами первыхъ ихъ знаменованій замѣтилъ, чтобъ ихъ помѣстить въ запискахъ сихъ Ночей; да думаю, что я уже ихъ гдѣнибудь въ сіи разсужденія и внесъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

О томъ, что у К. Еннія въ седьмой Лѣтописи Quadrupes Eques; *а не* Quadrupes Equus, *какъ многіе читаютъ, написано.*

Когда мы съ Антоніемъ Юліаномъ Реторомъ мужемъ добродѣтельнымъ и краснорѣчивымъ, яко его сродственники, въ Путеолахъ лѣтнее свободное время въ пріятныхъ наукахъ, и честныхъ и благопристойныхъ забавахъ препровождали; въ то время Юліану сказано было, что какой-то Ἀναγνώϛης [*чтецъ*], человѣкъ не неученой, весьма искусно и громко передъ народомъ на Театрѣ читаетъ Енніевы Лѣтописи. Пойдемъ, говоритъ Юліанъ, послушаемъ сего Енніаста; ибо онъ самъ себя такимъ именемъ называлъ. Мы его нашедши съ великимъ крикомъ читающаго седьмую книгу изъ Енніевыхъ Лѣтописей, услышали, что онъ сіи стихи неправильно произноситъ:

Denique vi magna quadrupes èquus atque elephanti
Proiiciunt sese.

И потомъ не многіе присовокупивши къ тому стихи, при возсыланіи себѣ отъ всѣхъ слушателей похвалъ, ушелъ. Тогда Юліанъ выходя изъ Театра, что вы, говоритъ, думаете о семъ ἀναγνώςῃ [*чтецѣ*] и о *quadrupede equo*? ибо онъ точно читалъ такъ:

Denique vi magna quadrupes equus atque elephanti
Proiiciunt sese.

Ежели бы онъ хотя посредственнаго имѣлъ у себя въ чтеніи учителя и наставника,

то могЪ ли бы сказать *quadrupes equus*, а не *quadrupes eques*: ибо ни одинЪ изЪ искусныхЪ вЪ древней учености не сомнѣвался, что такЪ Енніемъ написано. А какЪ нѣкоторые изЪ бывшихЪ притомЪ начали говорить, что и изЪ нихЪ каждой у своего Грамматика читали *quadrupes equus*, и удивляются тому, что бы означало *quadrupes eques*: то желалЪ бы я, говоритЪ, вамЪ любезнѣйшіе юноши такЪ прилѣжно читать К. Еннія, какЪ читалЪ П. Виргилій, которой ему подражая вЪ своихЪ ГеоргикахЪ (кн. 3. ст. 115. слѣд.) вмѣсто *equo* положилЪ *equitem*, какЪ видно изЪ сихЪ стиховЪ:

Frena Pelethronii Lapithae gyrosque dedere.
Impositi dorso, atque equitem docuere sub armis
Insultare solo, et gressus glomerare superbos.

ВЪ семЪ мѣстѣ всякой, кто только помнѣе и острѣе примѣтитЪ, что чрезЪ *equitem* не что иное разумѣть надобно, какЪ *equum*; понеже большая часть изЪ древнихЪ и человѣка на лошади сѣдящаго, и лошадь, на которой сидитЪ, называли *equitem*. Потому и глаголЪ *equitare*, произведенной отЪ слова *equitis*, употреблялся и о человѣкѣ на лошади ѣздящемЪ, и о лошади подЪ человѣкомЪ ходящей. Луцилій, мужЪ столь вЪ ЛатинскомЪ языкѣ искусной, говоритЪ *equum equitare* вЪ сихЪ стихахЪ:

Quis hinc currere equum nos atque equitare videmus,
His equitat curritque; oculis equitare videmus;
Ergo oculis equitat.

Одна:

Однакожъ, продолжалъ Юліанъ, я симъ доволенъ не былъ: и, чтобы совершенно въ томъ увѣриться, и никакого не оставить мѣста сомнѣнію, *equus* ли, или *eques*, оставилъ Енній; то сыскалъ одну весьма древнюю книгу, чуть ли, какъ сказывали, не Лампадіоновой рукою исправленную, и великую давши цѣну за посмотрѣніе одного стиха, нашелъ тамо написано *eques* а не *equus*. О семъ тогда Юліанъ, и о многихъ другихъ матеріяхъ ясно и притомъ весьма пріятно разговаривалъ. Но сіе самое послѣ я нашелъ и въ другихъ запискахъ также написано.

ГЛАВА 6.

Елій Мелиссъ въ книгѣ подъ заглавіемъ; о Свойствѣ Рѣчи, *которую по изданіи назвалъ онъ* Cornum Copiae, *писалъ худо и несправедливо, полагая весьма неосновательное различіе между* Matronam *и* Matremfamilias.

Елій Мелиссъ на нашей памяти въ Римѣ почитался первѣйшимъ между Грамматиковъ. Но славнѣе онъ въ наукахъ былъ по своему хвастовству и σοφιςεία, нежели самою вещію. Онъ кромѣ премногихъ другихъ сочиненій написалъ книгу, какъ вскорѣ по изданіи ея судили, исполненную учености. Титулъ сея книги былъ великою приманкою къ прочитанію ея: ибо она *о Свойствѣ Рѣ-*

чи, [*de Proprietate Loquendi*] надписана. И такъ кто бы возмнилъ о себѣ, что онъ можетъ исправно и свойственно говорить, не выучившися онымъ Мелиссовымъ правиламъ *о Свойствахъ Рѣчи?* Изъ оной книги слова суть сіи: *Matrona est, quae semel peperit; quae saepius, materfamilias: sicuti sus, quae semel peperit, porcetra; quae saepius, scropha.* т. е. *Matrona называется та женщина, которая только однажды родила; а которая многократно раждала, та Materfamilias: такъ какъ свинья, однажды опоросившаяся называется porcetra; а которая многократно, та scropha.* Но самъ ли Мелиссъ сіе *de Matrona* и *Matrefamilias* выдумалъ и изобрѣлъ, или у кого начиталъ, о томъ надобно спроситься у гадателей. Ибо во мнѣніи *de Porcetra* онъ имѣлъ непремѣнно себѣ предводителемъ Помпонія въ Ателланѣ. Но чтобы *Matrona* называлася та, которая только однажды родила, а *Materfamilias* только многократно раждавшая, сего онъ никакими изъ древнихъ писателей не можетъ утвердить свидѣтельствами. А напротивъ того гораздо вѣроятнѣе то, что намъ предали достовѣрные древнихъ словъ толкователи, то есть, что *Matrona* собственно называется женщина, вступившая съ мужемъ въ супружество [*in matrimonium*,] и пока въ ономъ супружествѣ пребываетъ, хотя бы совсѣмъ дѣтей еще не раждала; и она названа *Matrona* отъ имени *matris*, не полученнаго еще ею, но въ надеждѣ и уповаціи, что скоро оное чрезъ

чадо-

чадородіе себѣ получить имѣетъ; откуда и самое супружество называется *matrimonium*. А materfamilias называется только та, которая въ рукахъ и власти своего мужа, или того, у котораго мужъ ея въ рабствѣ и власти, находится; потому что она не только въ супружество, но также въ семейство in familiam мужа и въ право наслѣдства его вступила.

ГЛАВА 7.

(1) *Какъ поступилъ Фаворинъ съ нѣкоторымъ Грамматикомъ, вездременно у него спросившимъ о сомнительныхъ знаменованіяхъ словъ: и сколько имѣетъ значеній* Concio.

Въ одно время случилося Фаворину встрѣтиться при капищѣ Карментиномъ съ Домитіемъ, человѣкомъ ученымъ, и знаменитымъ по городу Риму Грамматикомъ, по прозванію Инсаномъ [*сумозроднымъ*], потому что онъ былъ необходителенъ и угрюмъ; встрѣтяся съ нимъ Фаворинъ, при чемъ и я съ нимъ былъ, Скажи пожалуй, говоритъ,

---

(1) *Какъ поступилъ Фаворинъ и проч.*] Надписаніе сіе сумнительно, или паче совсѣмъ ложно и противно тому, что говоритъ Геллій. Ибо не Домитій ученый человѣкъ и знатный въ Римѣ Грамматикъ о обоюдности словъ спрашивалъ; но самъ Фаворинъ предлагалъ ему вопросъ о словѣ *Concio*; и потому лучше написать надобно: *Какъ Домитій Грамматикъ поступилъ съ Фаворином, и проч.*

ритъ, почтенный учитель, не погрѣшилъ я въ томъ, что вмѣсто Греческаго слова, *δημηγορίαι*, сказалъ по Латинѣ, *Conciones?* Ибо я сумнѣваюсь, и стараюся узнать, употреблялъ ли кто нибудь изъ древнихъ чисто по *Латинѣ* говорившихъ, Concionem, *pro verbis et Oratione* [*за рѣчь и слова*]. Домитій свирѣпымъ на него взглянувши видомъ, и съ негодованіемъ, нѣтъ уже, говоритъ, никакой ко спасенію надежды, когда и вы знатнѣйшіе философы, ни о чемъ болѣе не стараетеся, какъ только о словахъ и ихъ знаменованіяхъ. Однако я тебѣ пришлю такую книгу, въ которой ты можешь найти, чего ищешь. Ибо я будучи Грамматикъ уже нынѣ ищу науки касающейся до жизни и нравовъ: а вы философы сдѣлалися совсѣмъ, какъ говоритъ М. Катонъ, *мертвыми словарями*, потому что собираете слова и вещи пустыя, тщетныя, и безполезныя, подобныя рѣчамъ плачущихъ изъ найму женщинъ. О ежелибъ, говоритъ, мы всѣ были нѣмыми, конечно бы развратность имѣла менше средствъ къ своему усилію! А какъ мы съ нимъ разошлися, то неблаговременно, говоритъ Фаворинъ, мы приступили съ запросами къ сему человѣку; ибо онъ, мнѣ кажется, [*ἐπιμαίνεται*] бѣснуется. Однако же знайте, придалъ онъ, что сіе бѣснованіе, меланхоліею называемое, случается не съ низкими и малыми умами;

(2) Ἀλλὰ

(2) Ἀλλὰ εἶναι σχεδόν τι τὸ πάθος τοῦτο ἡρωικόν. *Но сія болѣзнь есть нѣчто превосходное*, и по большой части люди пораженные оною произносятъ великія истины, только не сообразуяся [μήτε καιρῦ, μήτε μέτρυ.] *ниже со временемъ, ниже съ умѣренностію.* И сіе самое, что онъ сказалъ теперь о философахъ, какъ вы почитаете? не почелъ ли бы всякъ достопамятною вещію сіе его произреченіе, хотя бы оно и (3) Антисѳеномъ или (4) Діогеномъ было сказано? Но не много спустя прислалъ онъ Фаворину обѣщанную книгу, которая, какъ я думаю, была Веррія Флакка; и въ коей касательно до сего рода запросовъ, слѣдующее было написано: *Senatus* берется и за мѣсто, и за людей тамо находящихся; *Civitas* и за мѣсто, и за городъ, и за право всѣхъ гражданъ, и за многочисленность народа; *Tribus* также, и *Decuriae* употребляется и за мѣсто и за людей. А *Concio* имѣетъ три значенія, 1. значитъ мѣсто, откуда рѣчи говорятся; 2. Собраніе предстоящаго наро-

---

(2) Ἀλλὰ εἶναι σχεδὸν] Сіе есть мнѣніе Аристотелево, которое пространнѣе предлагаетъ онъ Sect. XXX. Problemmate 1. гдѣ старается дать причину, по чему люди, или душевными дарованіями превосходнѣйшіе, или въ Философіи, или въ Политикѣ, или въ Поэзіи, или въ Юриспруденціи искуснѣйшіе бываютъ меланхолики.

(3) *Антисѳеномъ*] Имѣемъ жизнь его описанную Діогеномъ Лаертіемъ въ кн. 6.

(4) *Діогеномъ*] Лаертій въ Діогенѣ объявляетъ, что онъ былъ ученикъ Антисѳеномъ.

народа. 3. Самую рѣчь, предлагаемую народу. Такъ какъ М. Туллій въ Рѣчи, надписанной, Contra Concionem Q. Metelli: *Ascendi*, говоритъ, *in Concionem, concursus est populi factus*. И онже въ Книгѣ объ Ораторѣ гл. 50. говоритъ: *Conciones saepe exclamare vidi, cum apte verba cecidissent; et enim expectant aures, ut ex verbis colligetur sententia*. Примѣровъ въ оной книгѣ написано не было: однако мы послѣ Фаворину, желающему видѣть оныхъ значеній примѣры, нашедши и у Цицерона въ вышеобъявленныхъ мѣстахъ, и у другихъ славнѣйшихъ древнихъ писателей, показали. Но въ разсужденіи того, чего онъ наипаче искалъ, полагается ли т. е. *Concio* вмѣсто *Слоѣ и Рѣчи* былъ онъ увѣренъ изъ надписи Тулліевой книги, самимъ М. Цицерономъ положенной тако: Contra Concionem Q. Metelli, подъ которымъ словомъ поистиннѣ не иное что разумѣется, какъ самая *Рѣчь*, Метелломъ говоренная.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.

Ὁμοιοτέλευτα ϰ̀ Ὁμοιόπτωτα [подобнокончащіяся и подобнопадающія] *и подобныя симъ фигуры, почитаемыя за украшеніе Рѣчи, суть пустыя и только однимъ дѣтямъ свойственныя; что доказывается и Луциліевыми также стихами.*

Ὁμοιοτέλευτα ϰαὶ ἰσοϰατάληϰτα [*подобокончащіеся*], ϰαὶ πάρισα ϰαὶ ὁμοιόπτωτα, и симъ подобныя мудрости, отъ оныхъ ἀπειροϰάλοις [*невѣждъ*,] старающихся казаться Исократовыми подражателями, въ расположеніи словъ неумѣренно и безразсудно употребляемыя, сколь непріятны и скучны, и только ребятамъ свойственны, весьма ясно и притомъ забавно, доказалъ Луцилій въ пятой Сатирической книгѣ. Ибо онъ тамо жалуяся на своего пріятеля, что онъ его не посѣтилъ въ болѣзни, такъ шуточнымъ образомъ пишетъ:

Quo me habeam pacto, tametſi non quaeris, docebo:
Quando in eo numero manſti, quo in maxima nunc eſt
Pars hominum, ut periiſſe velis, quem viſere nolueris cum debueris, hoc nolueris, & debueris, te
Si minus delectat, quod ἄτεχνον Iſocraticum eſt. Ὁ
χληρῶδεςque ſimul totum ac συμμειραϰιῶδες:
Non operam perdo. Si tu hic.

ГЛАВА 9.

Что значитъ у М. Катона слово insecendo; *и что* insecendo *лучше надобно читать, нежели, какъ многіе думаютъ*, insequendo.

Въ старинной книгѣ, въ которой находилася Рѣчь М. Катона (1) за Птоломея противу Ѳерма, слѣдующее было написано: *Sed si omnia dolo fecit; omnia auaritiae atque pecuniae causa fecit; eiusmodi scelera nefaria, quae neque* insecendo *neque legendo audiuimus: supplicium pro factis dare oportet.* По прочтеніи сего мѣста предложенъ былъ запросъ, чтобы значило *insecendo*? Тогда изъ находившихся при семъ одинъ учитель Грамматики, а другой человѣкъ ученый, начали между собою о семъ словѣ спорить, Грамматикъ говорилъ, что надобно писать *insequendo*, а не *insecendo*, и значитъ тоже что *insequens*, и что говорится *inseque* какбы *perge legere & insequere*; какъ и самъ Енній написалъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Inseque, Musa, manu Romanorum induperator,
Quod quisque in bello gessit cum Rege Philippo.

Но другой ученый оный человѣкъ крѣпко утверждалъ, что сіе написано правильно, и нѣтъ никакой тутъ погрѣшности; и

---

(1) *За Птоломея*] Разумѣется Птоломей младшій, прозывавшійся Евергетомъ вторымъ или Фискономъ; седьмый Египетскій царь и преемникъ брата своего Филометера. См. Юстина кн. 38. Стравона кн. послѣднюю: Аѳенея кн. 4. и 12. которые свидѣтельствуютъ, что сей Птоломей былъ прежестокій тираннъ.

и доказывалъ то изъ Велія Лонга; человѣка въ наукахъ не безъискуснаго, который въ своихъ запискахъ *о Употребленіи Старинныхъ Словъ* написалъ, что у Еннія надобно въ семъ мѣстѣ читать не *insequе*, но *insece*; и для сей-то причины древніе то, что мы называемъ нынѣ *narrationes*, называли *sectiones*. И Варронъ оный Плавтовъ стихъ *de Menaechmis*,

Haec nihilo mihi videntur esse sectius, quam somnia.

протолковалъ такъ: *Nihilo magis narranda esse, quam si ea essent somnia.* Такимъ образомъ они между собою спорили. Но я думаю, что и М Катономъ *insecendo*, и К. Енніемъ *insece* безъ буквы *v* было написано. Ибо я нашелъ въ Патренской библіотекѣ древнѣйшую книгу Ливія Андроника подъ заглавіемъ Ὀδύσσεια, въ которой былъ первый стихъ съ симъ словомъ безъ буквы в,

Virum mihi, Camaena, insece versutum.

сочиненный изъ онаго Омирова стиха:

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μῦσα, πολύτροπον.

Почему я полагаюся на оную столь древнюю и столь достовѣрную книгу. Ибо что касается и до оныхъ словъ въ Плавтовомъ стихѣ, *sectius, quam somnia*; то не болѣе находится доказательствъ къ подтвержденію и противной стороны. Сверхъ того хотя древніе не *insequе* но *insece* употребляли; однако оба сіи слова по видимому одинъ смыслъ имѣютъ: понеже и *sequo* и *sequor*, также *secta* и *sectio* толь-

жо по одному обыкновенію различествуютѣ; впрочемѣ ежели кто побольше вникнетѣ, то увидитѣ, что обѣихѣ сихѣ словѣ одно и начало, одно и произведеніе. Учители также и толкователи Греческихѣ словѣ думаютѣ, что, Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μῦσα, и ἔσπετε νῦν μοι Μῦσαι, сказано также, какѣ по Латинѣ говорится *insequé*; потому что вѣ одномѣ, говорятѣ, изѣ сихѣ словѣ ν удвоено, а вѣ другомѣ перемѣнено на ς. Но впрочемѣ самое сіе ἔπη, что значитѣ слова или стихи, не откуда произходитѣ, какѣ ἀπὸ τῦ ἕπεσθαι καὶ ἔπειν [*a sequi et dicere.*] И такѣ по сей же причинѣ и древніе Латинщики *narrationes* и *sermones* называли *insectiones*.

ГЛАВА 10.

Погрѣшаютѣ тѣ, которые думаютѣ, будто вѣ изслѣдованіи лихорадки отѣ лѣкарей щупается біеніе жилѣ [venarum,] *а не артерій.*

Случилося мнѣ во время лѣтнихѣ жаровѣ выѣхать вѣ деревню знатнаго человѣка Ирода, находящуюся на Аттическомѣ полѣ, на мѣстѣ называемомѣ Кефизіа, водами, рощами и лѣсами изобильную. Тамѣ я будучи, вдругѣ поносомѣ и нечаянною лихорадкою сдѣлался болѣнѣ. А какѣ Калвизій Таврѣ Философѣ и нѣкоторые изѣ его послѣдователей пришли туда изѣ Аѳинѣ меня навѣстить, то тамошнихѣ мѣстѣ лѣкарь, который меня пользовалѣ, началѣ пересказывать Тавру

вру о моей болѣзни, и какимъ образомъ, и чрезъ коликое время лихорадка ко мнѣ приходитъ и отходитъ. Между тѣмъ разговоромъ лѣкарь говоря, что я уже нѣсколько началъ быть тѣломъ поздоровѣе, сказалъ: Ты можешь и самъ, Тавръ, сіе узнать, Ἐὰν ἅψῃ αὐτȣ̃ τῆς φλεβὸς, что на нашемъ языкѣ значитъ, *ежели пощупаешь его жилу*. Но какъ по сему его неискуству въ словѣ, что онъ сказалъ *жилу* вмѣсто *артеріи*, бывшіе при Таврѣ ученые люди начали сомнѣваться о искуствѣ его въ лѣкарской наукѣ, и сіе показывать чрезъ роптаніе и другіе знаки; то Тавръ, по своему обыкновенію, съ довольною скромностію сказалъ: Мы увѣрены, почтенный мужъ, что ты не не знаешь, что называется жила, и что *артерія*: и что жилы сами по себѣ недвижимы, и ихъ щупаютъ только для пусканія крови; а артеріи своимъ движеніемъ и біеніемъ показываютъ состояніе и мѣру лихорадокъ. Но, какъ я вижу, ты сіе сказалъ болѣе сообразуясь съ принятымъ обыкновеніемъ, а не по незнанію; потому что я не одного только тебя, но и другихъ многихъ слыхалъ, которые несправедливо полагаютъ въ разговорахъ *жилу* вмѣсто *артеріи*. И такъ, дабы намъ узнать, что ты превосходнѣе въ лѣченіи, нежели въ рѣчи, постарайся съ помощію и благоволеніемъ боговъ, какъ можно поскорѣе его вылѣчить и намъ пред-

ставить здоровымъ. Я послѣ припамятовавши о сей укоризнѣ, сдѣланной лѣкарю за оную погрѣшность, разсудилъ, что не только одному лѣкарю, но равно и всѣмъ свободнымъ и благовоспитаннымъ людямъ, стыдно не знать вещей, касающихся до познанія нашего тѣла, а наипаче когда онѣ не толь далеко и глубоко отъ насъ сокрыты, и которымъ самая природа, дабы чрезъ то мы могли удобнѣе сохранить свое здоровье, на яву и вблизи къ намъ быть опредѣлила. И для сего, сколько мнѣ свободное дозволило время, упражнялся я также и въ чтеніи книгъ до врачебныя науки принадлежащихъ, которыя почиталъ потребными къ своему намѣренію, и изъ нихъ много почерпнулъ и другаго полезнаго для общей жизни, а притомъ, кажется, узналъ также какъ о жилахъ, такъ и объ артеріяхъ. *Жила* есть вмѣстилище крови, что лѣкаря *ἀγγεῖον* называютъ, смѣшенной и сліянной съ естественнымъ духомъ, въ которомъ вмѣстилищѣ больше находится крови, и меньше духа. Но *артерія* есть вмѣстилище естественнаго духа смѣшаннаго и соединеннаго съ кровію, въ которомъ больше духа, а крови меньше. *Σφυγμὸς* же [*біеніе*] есть естественное, а непроизвольное напряженіе и ослабленіе движенія въ сердцѣ и артеріи. Древними врачами такое ему сдѣлано на Греческомъ языкѣ опредѣленіе: *Σφυγμὸς ἐστι διαστολὴ, καὶ συστολὴ ἀποδιαίρετος ἀρτηρίας καὶ καρδίας*

т. е.

т. е. *Біеніе естъ разширеніе и сжатіе артеріи и сердца.*

ГЛАВА II.

Что неправильно слова изъ Стиховъ Фурія Антіата Цезелліемъ Виндексомъ опорочены; при чемъ и самые стихи, въ которыхъ находятся оныя слова, прилагаются.

Хотя я Цезелліи Виндекса почитаю за Грамматика небезъискуснаго; однако не соглашаюся съ нимъ въ томъ, что онъ думаетъ о *Стихахъ Фуріевыхъ*. Ибо онъ безразсудно и дерзко написалъ, будто (1) сей древній Стихотворецъ обезобразилъ Латинскій языкъ нововымышленными словами; но они мнѣ не кажутся ни стихотворческому свойству противными, ниже въ самомъ выговорѣ и рѣчи грубыми и неприятными; какъ-то отъ многихъ и самыхъ славныхъ Стихотворцевъ грубо и неприятно нѣкоторыя слова были вымышляемы. Но что наипаче Цезеллій охуждаетъ въ Фуріѣ, есть слѣдующее: что онъ о землѣ перемѣняющейся въ грязь, говоритъ, *lutescere*; о *мракѣ* въ совершенную ночь превра-

---

(1) *Фурій древній Стихотворецъ*] Разумѣется А. Фурій Антіатъ, какъ видно изъ заглавія; а жилъ онъ около 65 го года отъ С. Р. Былъ сродникъ К. Лутатія Катула, какъ явствуетъ изъ словъ Цицероновыхъ въ Брутѣ, упоминаемыхъ Воссіемъ въ Кн. о *Стихотворц. Латинс.*

вращающемся *noctescere*; прежнія возвращать силы, *virescere*; о вѣтрѣ, и гдѣ онъ лазоревое море нѣжно колеблетъ и дѣлаетъ его блестящимъ, написалъ, *purpurat*, и богатѣть *opulescere*. При чемъ и самые стихи, въ которыхъ находятся сіи слова, изъ Фуріевой Поемы полагаетъ:

Sanguine diluitur tellus, caua terra lutescit.
Omnia noctescunt tenebras caliginis atrae.
Increscunt animi, virescunt vulnere virtus.
Sicut fulica levis volitat super aequora classis,
Spiritus Eurorum virides cum purpurat undas,
Quo magis in patriis possint opulescere campis.

ГЛАВА 12.

Латинскіе древніе писатели имѣли обыкновеніе страдательные глаголы перемѣнять въ дѣйствительные.

У древнихъ и то также почиталося въ сочиненіи рѣчи за нѣкоторый родъ красоты, чтобы вмѣсто глаголовъ, имѣющихъ видъ страданія, полагать дѣйствительные, и обратнымъ образомъ. Ювентій въ комедіи.

Pallium, говоритъ, *flocci ut splendeat.*

не гораздо ли сіе красивѣе и пріятнѣе сказано, какъ ежели бы сказать *maculetur*? Подобнымъ образомъ и Плавтъ.

Quid est hoc? rugat pallium, amictus non sum commode.

Онъ же, *pulueret*, говоритъ, не то разумѣя, что наполняетъ пылью, но что пылью наполненно:

Exi

Exi tu, Daue,
Age, sparge: mundum esse hoc vestibulum, volo.
Venus ventura est nostra, nolo hoc pulveret.

Также въ Азинаріи *contemples* употребилъ, вмѣсто *contempleris*:

Mecum caput contemples, si quidem e re consultas tua. Кн. Гелліи въ Лѣтописцѣ: *Postquam tempestas* sedauit, *Atherbal taurum immolauit.* М. Катонъ въ Началахъ: *Eodem conuenae complures ex agro accessitauere: eo res eorum* auxit. Варронъ въ книгахъ написанныхъ къ Марцеллу о *Латинскомъ Языкѣ*: *In priore verbo graues prosodiae, quae fuerunt, reliquae* mutant, говоритъ, весьма красиво вмѣсто *mutantur.* Да и слѣдующее егоже изреченіе въ 7 книгѣ о *Божественныхъ Вещахъ*, можетъ казаться сказаннымъ въ подобномъ смыслѣ: *Inter duas filias regum quid* mutet, *inter Antigonam et Tulliam est animaduertere.* Страдательные же глаголы вмѣсто дѣйствительныхъ употребленные почти у каждаго изъ древнихъ Писателей находятся. Теперь я не многіе изъ нихъ могу припамятовать: *Muneror te* вмѣсто *munero; significor* вмѣсто *significo; sacrificor* вмѣсто *sacrifico; assentior* вмѣсто *assentio; feneror* также вмѣсто *fenero;* и *pigneror* вмѣсто *pignero*: и другіе премногіе симъ подобные, которыхъ множество въ чтеніи древнихъ Писателей можно примѣтить.

ГЛАВА 13.

Какимъ образомъ Діогенъ Философъ отплатилъ, будучи хопарно искушаемъ отъ одного безстыднаго Софисматическаго Діалектика.

Во время Сатурнальскихъ потѣхъ въ Аѳинахъ, мы обыкновенно забавлялися нѣкоторымъ родомъ веселой и честной игры, которая производилась такимъ образомъ. Какъ много насъ, однимъ и тѣмже наукамъ учившихся, соберется въ часы опредѣленные для бани; то разныя выдумывали мы задачи, *софизмами* называемыя; и ихъ какбы нѣкоторыя кости или лодышки, каждый по своей очереди для рѣшенія на средину метали. За рѣшеніе или неуразумѣніе задачи, уставленъ былъ вмѣсто награжденія или штрафа одинъ (1) сестерцій. На сіи деньги былъ готовленъ ужинъ для всѣхъ тѣхъ, которые въ сію игру играли. Оныя же задачи такимъ почти образомъ были дѣлаемы: *Что есть снѣгъ, то не есть градъ; а снѣгъ есть бѣлой, слѣдовательно градъ не есть бѣлой.* Подобнымъ также образомъ: *Что есть человѣкъ; то не есть лошадь; а человѣкъ есть животное; слѣдовательно лошадь не есть животное.* И такъ каждый по своей чередѣ былъ долженъ рѣшить себѣ

(1) *Сестерцій*] Сестерцій былъ серебряная монета прежде стоившая двухъ съ половиною ассовъ, а послѣ четырехъ ассовъ.

бѣ предложенную задачу, и сказать въ которой части и въ которомъ словѣ находится обманъ: и что уступить, и что опровергнуть надлежитъ. Ежели же кто нескажетъ, тотъ штрафованъ былъ однимъ сестерціемъ. Оный штрафъ употребляемъ былъ на ужинъ. Но я здѣсь не могу не сказать, сколь забавно Діогенъ за таковой родъ задачи, себѣ отъ нѣкотораго Діалектика изъ Платоновой школы въ ругательство предложенной, отплатилъ. Ибо какъ Діалектикъ такимъ образомъ ему предложилъ: *Что есмь я, ты не еси то*: а Діогенъ сіе уступилъ но, придалъ тотъ, *я есмь человѣкъ*; а какъ Діогенъ сіе уступилъ; то Діалектикъ заключилъ такъ: *Слѣдовательно ты не человѣкъ*. Это, сказалъ ему Діогенъ, ложно; а ежели ты хочешь, чтобы сія задача была справедлива, то зачни съ меня.

ГЛАВА 14.

Что значитъ Numerus Hemiolios, *что* Epitritos; *и что Латинщики не осмѣлилися сихъ словъ перевести на свой языкъ.*

Нѣкоторые виды чиселъ, названные отъ Грековъ извѣстными именами, на Латинскомъ языкѣ наименованій себѣ не имѣютъ. Но писавшіе по Латинѣ о *Числахъ*, оныя фигуры называли Греческими именами, а Латинскія онымъ названія выдумывать, поелику они были бы несвойственны, не захо-

тѣлій. Ибо какое бы имя можно было выдумать, для названія *Numeri Hemiolii*, или *Epitriti? Hemolios* есть такая сумма, которая содержитъ въ себѣ нѣкоторое число цѣлое, и еще его половину: такъ какъ *три* къ *двумъ*, *пятнатцать* къ *десяти*, *тритцать* къ *двайтцати*. А *Epitritos* есть такое содержаніе, которое заключаетъ въ себѣ одно число цѣлое, и еще третью его часть; какъ *четыре* къ *тремъ*, *двенатцать* къ *девяти*, *сорокъ* къ *тритцати*. Се я не безъ причины здѣсь замѣтилъ; потому что ежели кто не будетъ знать наименованія сихъ чиселъ; тотъ не можетъ уразумѣть нѣкоторыхъ тончайшихъ содержаній, въ философскихъ книгахъ написанныхъ.

ГЛАВА 15.

М. Варронъ въ Героическихъ стихахъ примѣтилъ нѣчто весьма любопытное и тонкое.

Стихотворцы въ долгихъ стихахъ называемыхъ Гексаметрами, также въ Сенаріяхъ примѣтили, что двѣ стопы первыя, и двѣ послѣднія могутъ имѣть цѣлыя части рѣчи, а середнія никогда не могутъ; но должны они всегда состоять изъ словъ или раздѣленныхъ, или смѣшенныхъ и слiянныхъ. М. также Варронъ въ книгахъ *о Наукахъ* написалъ, что онъ примѣтилъ въ стихѣ гексаметрѣ, что пятое

тое полустопіе всегда слово оканчиваетъ; и что первыя пять полустопія имѣютъ равную силу въ составленіи стиха, какъ и прочія седмь послѣднія; и сіе, говоритъ, бываетъ по нѣкоторому размѣренію Геометрическому.

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ
ГЛАВА I.

Отвѣтъ одного Философа попрошеннаго: для чего онъ во время морской бури блѣднѣлъ.

Плыли мы (1) изъ Кассіопіи въ Брундузъ по Іоническому сердитому, пространному и неспокойному морю. Во всю почти на пути нашемъ первую ночь страшный дыша съ боку вѣтеръ наполнялъ нашъ корабль волнами. Всѣ наши спутники находилися въ плачѣ и слезахъ, сокрывшися на самой низъ корабля. Между тѣмъ хотя уже и день наступилъ, однако опасность и буря ни мало не уменшилась, но еще вихри начали быть чаще, небо все почернѣло, мрачные клубы, и страшныя нѣкія облаковъ фигуры,

(1) *Изъ Кассіопіи*] Кассіопія есть имя страны въ Епирѣ по Птоломею, въ которой находился городъ называемый Кассіопа, и мысъ тогоже имени, откуда безъ сомнѣнія имѣлъ плаваніе Геллій.

туры, называемыя τυφῶνες, по видимому обрушиться и совсѣмъ нашъ корабль потопить хотѣли. Въ томже кораблѣ находился славный въ Стоическомъ ученіи Философъ, котораго я зналъ въ Аѳинахъ, мужъ немаловажный, и съ великимъ тщаніемъ своихъ учениковъ наставляющій. Нарочно я на него среди толикихъ бѣдствій, и въ толикую неба и моря свирѣпость, смотрѣлъ, желая узнать въ какомъ онъ состояніи духа, и въ совершенной ли находится неустрашимости и безбоязніи. Я тутъ увидѣлъ его безстрашнымъ и безскорбнымъ, и хотя никакого онъ не издавалъ плача и вопля, какъ прочіе всѣ, однако же смущеніемъ своего лица не много отъ другихъ былъ отличенъ. Но какъ возсіяло ведро, море утихло, и жестокость опасности миновала: то подошелъ къ Стоику какой-то Грекъ изъ Азіи, человѣкъ, какъ можно было изъ его одежды, убранства и множества слугъ примѣтить, богатый и притомъ весьма веселый и роскошный, и, какбы ругаяся, сказалъ: Чтобы тому, Философъ, была за причина, что, во время оныхъ опасностей, ты испугался и поблѣднѣлъ? а я ниже боялся, ниже блѣднѣлъ. Философъ нѣсколько помешкавши, а можетъ быть еще думая, должно ли ему на сіе отвѣтствовать? Ежели, говоритъ, я среди толикой свирѣпости бурей казался не много испугавшимся: то знай, что ты не достоинъ того, чтобы сего слышать при-

чи-

чину. А пусть тебѢ на сiе вмѢсто меня отвѢтствуетъ оный Аристиппов ученикъ, который въ подобное нашему время, отъ подобнаго тебѢ по всему человѢка будучи вопрошенъ, почему бы Философъ боялся въ то время, когда онъ напротивъ не боялся? отвѢчствовалъ: Для того, что мы съ тобою не одинаковыхъ свойствъ; ибо ты не очень безпокоился о своей плутовской и скверной душѢ, а напротивъ того я весьма жалѢлъ о душѢ Аристипповымъ ученiемъ просвѢщенной. Сими словами Стоикъ отогналъ отъ себя онаго Азiатскаго богача. Но послѢ какъ мы уже подъѢжжали къ Брундузу, и вѢтры всѢ на морѢ успокоилися; то я спросилъ его, какая бы была причина его страха, о которой онъ не сказалъ безразсудно и грубо его вопрошающему? Онъ мнѢ на сiе ласково и тихо сказалъ: когда ты столь желаешь сiе узнать, то послушай, что о семъ краткомъ, но необходимомъ и естественномъ страхѢ наши предки, основатели Стоическаго ученiя думали, или лучше, придалъ онъ, самъ о томъ прочти; ибо ежели ты прочитаешь, то и удобнѢе повѢришь, а притомъ и долѢе памятовать будешь. Сiе сказавши тутже вынулъ изъ своей котомки Епиктита Философа (2) пятую книгу *Разсужденiй*, ко-

(2) *Пятую книгу Разсужденiй*] Приводитъ здѣсь Геллiй пятую книгу разсужденiй Епиктитовыхъ, отъ Аррiана въ

которыя собраны и расположены Арріаномъ, и во всемъ сходствовали съ ученіемъ Зинона и Хрисиппа. Въ оной книгѣ, касательно до сего, читалъ я на Греческомъ языкѣ слѣдующее разсужденіе: Умопредставленія, называемыя Философами *Φαντασίαι*, которыми человѣческій разумъ при первомъ воззрѣніи на вещь втекшую въ душу, немедлѣнно поражается, не въ нашей состоятъ волѣ, ниже отъ насъ зависятъ, но съ нѣкоторымъ насильствіемъ вносятся въ человѣческій умъ. Подтвержденія же, называемыя *συγκατατέσεις*, посредствомъ которыхъ оныя представленія бываютъ познаваемы и разсуждаемы, суть произвольныя, и состоятъ въ человѣческой волѣ. По чему когда какой либо звукъ страшный или съ неба, или отъ паденія какой вещи произшедшій, или нечаянная, хотя никакой бѣды въ себѣ не заключающая вѣсть, или что нибудь подобное симъ приключится; тогда и философскій духъ непремѣнно нѣсколько поражается и приходитъ въ робость и страхъ, не отъ представленія какоголибо зла, но отъ нѣкоторыхъ восхитительныхъ и непредусмотрѣнныхъ движеній, силу разума и души предваряющихъ. Однако мудрый человѣкъ въ тоже время *τὰς τοιάυτας Φαντασίας*, т. е.

сіи

въ порядокъ приведенныхъ. Нынѣ только четыре таковыя книги послѣ Арріана остались, въ которыхъ всего Телліемъ здѣсь приводимаго, мѣста не находится.

сіи страшныя души своей представленія; не подтверждаетъ и не пріемлетъ [ὀ συγκατατίθεται ἐτὲ προσεπιδοξάζει], но отвергаетъ и отвращаетъ; и не находитъ въ нихъ, чего бы можно было ему бояться. И сіе-то, говорятъ, различіе между душею мудраго и глупаго, что глупый представленія, при первомъ взглядѣ себѣ жестокими и страшными показавшіяся, и въ самой истиннѣ почитаетъ таковыми καὶ προσεπιδοξάζει. Ибо Стоики разсуждая о семъ сей употребляютъ глаголъ. Но мудрый человѣкъ, когда на краткое время и показывается лицемъ смущенъ, ὀ συγκατατίθεται не соглашается, но твердо пребываетъ въ своемъ мнѣніи, которое онъ всегда имѣлъ о сихъ представленіяхъ, т. е. что они ни мало не опасны, а только по наружному и лживому виду насъ устрашаютъ. Такъ Епиктитъ Философъ по правиламъ Стоическимъ о семъ думалъ, и въ вышеупомянутой книгѣ написалъ. Но я сіе замѣтить и сюда внести для того почелъ за нужное, чтобы мы при произшествіи таковыхъ же приключеній нѣсколько испугаться и какбы поблѣднѣть, не почли знакомъ человѣка глупаго и невѣжды, но въ ономъ краткомъ движеніи уступали бы болѣе естественной слабости, а не почитали бы сіи представленія въ самой вещи таковыми, каковыми они представляются.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

О томъ, что изъ пяти тѣлесныхъ чувствъ два наипаче имѣемъ мы со скотами общія.

Мы имѣемъ пять чувствъ, *αἰσθήσεις* по Гречески названныхъ, чрезъ которыя всякое услажденіе доходитъ до души или тѣла т. е. вкусъ, осязаніе, обоняніе, видѣніе, слышаніе. Изо всѣхъ сихъ съ излишествомъ получаемое услажденіе почитается порочнымъ и гнуснымъ. Но изъ вкуса и осязанія неумѣренное услажденіе, по мнѣнію мудрыхъ мужей, всего порочнѣе и гнуснѣе. И тѣхъ наипаче, которые въ сіи два скотскія услажденія вдаются, Греки порочнѣйшими называютъ именами, *ἀκόλαςους* или *ἀκρατεῖς* *похотлиными* и *невоздержными*. Понеже сіи только два услажденія вкуса и осязанія, т. е. неумѣренныя пожеланія на *пищу* и *блудодѣяніе*, суть общія людямъ со скотами; и для того человѣкъ скотскими сими преповѣжденный сластьми, почитается въ числѣ скотовъ и дикихъ звѣрей. Другія же, изъ прочихъ трехъ чувствъ происходящія услажденія, свойственными быть кажутся однимъ только людямъ. Я о семъ предлагаю разсужденіе Аристотеля Философа съ тѣмъ, чтобы хотя сего славнаго и ученаго мужа важность возмогла насъ отвлечь отъ оныхъ столь постыдныхъ сладострастій: *Διὰ τί οἱ κατὰ τὴν τῆς ἁφῆς ἢ γεύσεως ἡδονὴν γιγνομένην ἂν ὑπερβάλλωσιν, ἀκρατεῖς λέγονται. Οἱ τε γὰρ περὶ τὰ ἀφροδίσια, ἀκόλαςοι, οἱ τε*

περὶ

περὶ τας τῆς τροφῆς ἀπολαύσεις. Τῶν δὲ κατὰ τὴν τροφὴν, ἀπ' ἐνίων μὲν ἐν τῇ γλώττῃ τὸ ἡδύ: ἀπ' ἐνίων δὲ ἐν τῷ λάρυγγι. Διὸ ἡ Φιλόξενος γεράνε λάρυγγα εὔχετο ἔχειν. Ὁι δὲ κατὰ τὴν ὄψιν ἡ τὴν ἀκοὴν, ἐκ ἔτι ἢ διὰ τὸ τὰς ἀπὸ τέτων γινομένας ἡδονὰς κοινὰς εἶναι ἡμῖν καὶ τοῖς ἄλλοις ζώοις· ἅ τε ἐν ἔσαι κοιναὶ, ἀτιμόταται εἰσὶ· διὸ καὶ μάλιςα, ἢ μόναι ἐπονείδιςοι. ὥς τε τὸν ὑπὸ τέτων ἡττώμενον, ψέγομεν καὶ ἀκρατῆ καὶ ἀκόλασον λέγομεν, διὰ τὸ ὑπὸ τῶν χειρίςων ἡδονῶν ἡττᾶσθαι. ἐσῶν δε τῶν αἰσθήσεων πέντε, τὰ ἄλλα ζῶα ἀπὸ δύο μόνων τῶν προειρημένων ἥδεται· κατὰ δε τὰς ἄλλας, ἢ ὅλως ἐχ ἥδεται, ἢ κατὰ συμβεβηκὸς τἔτο πάχει. т. е. Для чего неумѣренные въ услажденіи осязанія и вкуса называются непоздержными? то есть и тѣ, которые на блудодѣяніе похотливы, и тѣ, которые роскошію въ пищѣ увеселяются. Но изъ тѣхъ, которые роскошію пищей плѣняются, иные услажденіе имѣютъ на языкѣ, а иные въ гортани. По чему и Филоксенъ желалъ у себя имѣть горло журавлиное. Но тѣхъ, которые неумѣренно поступаютъ въ зрѣніи и слушаніи, для чего не также называемъ? Не для того ли, что услажденія, происходящія отъ тѣхъ чувствъ, суть общи намъ и другимъ животнымъ? И такъ поелику они суть общія съ ними, то и почитаются гнуснѣйшими, и болѣе прочихъ, или лучше сказать одни они достойны суть охужденія. Чего ради мы утопающаго въ сихъ сластяхъ поносимъ и называемъ непоздержнымъ и похотливымъ за то, что въ гнуснѣйшихъ сластяхъ утопаетъ;

иво прочія животныя изъ всѣхъ пяти чувствъ сими только двумя услаждаются; а другими или никогда или только по случаю. И такъ кто, хотя нѣсколько въ себѣ имѣя человѣческаго стыда, охотно пожелаетъ сими двумя блудодѣянія и обжирства сластьми, общими со свиньею и осломъ увеселяться? Сократъ говаривалъ, что много такихъ есть людей, которые для того хотятъ жить, чтобъ ѣсть и пить; а онъ самъ пьетъ и ѣстъ для того, чтобы жить. А Иппократъ, божественнымъ знаніемъ одаренный мужъ, блудное соитіе почиталъ частію жесточайшія болѣзни, называемыя падучей. Его слова суть слѣдующія:

Τὴν συνουσίαν εἶναι μικρὰν ἐπιληψίαν.

то есть.

Венерическое сообщеніе есть малая падучая болѣзнь.

ГЛАВА 3.

О томъ, что постыднѣе есть холодно быть хвалиму, нежели жесточае должнаго поносиму.

Фаворинъ Философъ говаривалъ, что постыднѣе мало и холодно быть хвалиму, нежели чрезъ мѣру укоризненно и жестоко ругаему. Понеже, говоритъ, ругающій и злословящій человѣкъ чемъ сіе жесточае дѣлаетъ, тѣмъ больше за несправедливаго и враждебнаго почитается; почему по большей части ему въ томъ другіе не вѣрятъ.

рятъ. Но кто мало и сухо другаго хвалитъ, тотъ кажется, что не имѣетъ матеріи, откуда бы могъ почерпнуть похвалы. И хотя онъ почитается пріятелемъ тому, котораго хвалитъ; но ничего въ немъ не можетъ найти, чтобъ было достойно справедливыя похвалы.

ГЛАВА 4.

Для чего отъ нечаяннаго страха приключается поносъ; и для какой причины огонь позываетъ на мочу?

Аристотелевы книги, называемыя Физическіе Запросы, весьма забавны, и всякимъ родомъ пріятностей исполнены. Въ нихъ онъ дѣлаетъ запросъ, для чего нечаянный и сильный страхъ производитъ въ человѣкѣ немедленно поносъ? Также спрашиваетъ, по чему тотъ, который подолѣе постоитъ подлѣ огня, чувствуетъ позывъ на мочу? И что касается до сильнаго и скораго поноса во время страха, то онъ даетъ причину ту, что всякой страхъ есть хладотворенъ ψυχροποιόν; и оная сила хлада всю кровь и теплоту о внѣшности тѣла понуждаетъ и гонитъ внутрь; и вмѣстѣ производитъ то, что находящіеся въ страхѣ, при теченіи изо рту крови, блѣднѣютъ. Сія-то, говоритъ онъ, кровь и теплота, изъ внѣшнихъ тѣла частей согната будучи во внутреннія, по большей

части приводитъ желудокъ въ движенiе и производитъ поносъ. О частой же мочѣ случающейся у человѣка стоящаго близко огня, такъ онъ написалъ: Τὸ δὲ πῦρ διαχαλᾷ τὸ πεπηγὸς, ὥσπερ ὁ ἥλιος τὴν χιόνα. то есть: *Огонь разрѣшаетъ вещи огустѣвшiя такъ, какъ солнце снѣгъ.*

ГЛАВА 5.

Взятое изъ Аристотелевыхъ книгъ разсужденiе о томъ, что весьма худо снѣговую воду употреблять въ питье; и что изъ снѣгу дѣлается кристаллъ.

Случилося нѣкогда мнѣ и нѣкоторымъ другимъ изъ моихъ сверстниковъ и прiятелей, обучавшихся или краснорѣчiю или философiи, быть въ самое жаркое лѣта время, въ Тибуртинской деревнѣ у одного прiятеля, человѣка достаточнаго. Съ нами вмѣстѣ былъ одинъ честный мужъ изъ Перипатетической секты, человѣкъ довольно ученый, и во всемъ послѣдовавшiй Аристотелю. Онъ видя, что мы весьма много пили воды натаенной изъ снѣгу, насъ отъ того всячески удерживалъ и строго запрещалъ; и приводилъ намъ изъ славныхъ врачей, а наипаче изъ Аристотеля Философа, во всѣхъ человѣческихъ вещахъ преискуснѣйшаго, свидѣтельства, что снѣговая вода для плодовъ земныхъ и деревъ есть полезна, а для людей многое оной питiе не здоро-

рово; потому что она чахотку и другія болѣзни во внутренности зараждаетъ. Сіе онъ благоразумно, доброжелательно и безпрестанно намъ твердилъ. Но какъ мы оную воду пить не переставали; то онъ взялъ изъ библіотеки Тибуртинской, бывшей тогда въ Геркулесовомъ храмѣ, и довольное число книгъ имѣющей, Аристотелеву книгу, и ея къ намъ принесши говоритъ: хотя уже сего премудрѣйшаго мужа словамъ повѣрьте, и престаньте вредить свое здоровье. Въ оной книгѣ написано было, что изъ снѣгу вода для питья весьма вредна, и что она, тверже и гуще смерзшися, дѣлается тѣмъ, что называютъ Греки κρύςαλλον; причины же сему написаны тамо слѣдующія: понеже, когда отъ морозу вода жестѣетъ и сгущается, непремѣнно надобно быть изхожденію паровъ, и нѣкоторому изъ нея изходить и изтекать тончайшему воздуху. Сіе же, говоритъ, что изъ нея изходитъ, есть самая тончайшая матерія; а остаются уже въ ней частицы гораздо тяжелѣе, сорнѣе и нездоровѣе, которыя, біемы будучи удареніемъ воздуха, претворяются въ видъ и образъ бѣлыя пѣны. Чтожъ въ самой вещи здоровыя частицы чрезъ пары изъ снѣгу исходятъ и вылѣтаютъ, сему доказательствомъ есть то, что по растаяніи снѣга, воды бываетъ менше, нежели сколько было прежде замерзанія. Я нѣсколько словъ

изъ самаго Аристотеля здѣсь предлагаю: Διὰ τὶ τὰ ἀπὸ χιόνος καὶ κρυστάλλων ὕδατα φαῦλά ἐστιν; ὅτι παντὸς ὕδατος πηγνυμένου τὸ λεπτότατον διαπνεῖται καὶ κουφότατον ἐξατμίζει. σημεῖον δὲ ὅτι ἔλαττον γίνεται, ἢ πρότερον ὅταν τακῇ παγέν. ἀπεληλυθότος οὖν τοῦ ὑγιεινοτάτου, ἀνάγκη τὸ καταλειπόμενον χεῖρον εἶναι. т. е. *Для чего вода изъ снѣгу или льду натаенная не здорова? Для того, что изо всякой воды отъ стужи замерзшей тончайшія и легчайшія частицы вылѣтаютъ. Доказательствомъ же сему то, что растаявшей воды выпаетъ менше, нежели сколько ея было прежде замерзанія. Слѣдовательно то, что въ ней было здоровато, непремѣнно чрезъ замерзаніе изъ нея выходитъ, а остается только хуждшее.* Сіе мы прочитавши отдали честь ученнѣйшему оному мужу Аристотелю: и съ того времени я совсѣмъ объявилъ войну и ненависть къ снѣгу; а прочіе дѣлали съ нимъ перемиріе.

ГЛАВА 6.

О томъ, что стыдъ снаружи кровь разливаетъ, а страхъ оную жметъ на нутрь?

Въ запросахъ Аристотеля Философа написано тако: Διὰ τί οἱ μὲν αἰσχυνόμενοι ἐρυθριῶσιν, οἱ δὲ φοβούμενοι ὠχριῶσιν, παραπλησίων τῶν παθῶν ὄντων; ὅτι τῶν μὲν αἰσχυνομένων διαχεῖται τὸ αἷμα ἐκ τῆς καρδίας, εἰς ἅπαντα τὰ μέρη τοῦ σώματος, ὥστε ἐπιπολάζειν· Τοῖς δὲ φοβηθεῖσι συντρέχει εἰς τὴν

καρ-

καρδίαν, ὥςε ἐκλείπειν ἐκ τῶν ἄλλων μερῶν. т. е. *Почему, стыдящіеся краснѣютъ, а находящіеся въ страхѣ блѣднѣютъ, когда обѣ сіи страсти между собою подобнаго естества? Не для того ли, что кровь изъ сердца по всѣмъ частямъ тѣла разливается такъ, что и всю поверьхность онаго занимаетъ? а въ испугавшихся уходитъ въ сердце такъ, что по прочимъ частямъ тѣла ея бываетъ недостатокъ.* Сіи слова какъ я, будучи въ Аѳинахъ, прочиталъ нашему Тавру, и его спросилъ, что онъ думаетъ о данной сей причинѣ? онъ на сіе мнѣ сказалъ: хорошо это и справедливо Аристотель написалъ, что сія перемѣна происходитъ отъ разлитія и стеченія крови; но не сказалъ онъ того, для чего сіе такъ случается. Ибо можно еще спрашивать, почему стыдъ кровь разливаетъ, а страхъ сжимаетъ? когда стыдъ есть видъ страха, и опредѣляется отъ философовъ такимъ образомъ: *αἰσχύνη ἐςὶ Φόβος δικαίȣ ψόγȣ.* т. е. *Стыдъ есть страхъ справедливыя укоризны.*

ГЛАВА 7.

Что значитъ obesum; *и нѣкоторыя другія старинныя слова.*

Юлій Павелъ стихотворецъ, человѣкъ честный и въ древнихъ вещахъ и учености весьма искусный, имѣлъ на Ватиканскомъ полѣ небольшую вотчину. Часто онъ къ себѣ насъ туда зывалъ и потчивалъ разными огородными зеліями и яблоками. Въ одно время по осени мы у него съ Юліемъ Целсиномъ ужинали, и за столомъ читана была Левіева Алцеста. Послѣ мы, уже почти при захожденіи солнца возвращаяся въ городъ, начали разсуждать о фигурахъ и словахъ новыхъ и съ особенною красотою въ оной Левіевой поэмѣ сказанныхъ; и которыя изъ нихъ особеннаго достойны казалися примѣчанія, затверживали въ памяти, чтобы и намъ также при случаѣ ихъ употребить можно было. Слова, которыя мы тогда наипаче могли упамятовать, были такія:

Corpore, говоритъ, *pectoreque undique obeso*,
Ac mente exsensa, tardigenulo senio oppressum.

Мы примѣтили, что слово *obesus* здѣсь больше собственно, нежели со употребленіемъ сходно, положено вмѣсто *exilis atque gracilentus.* Ибо простой народъ *несобственно* или *чрезъ противорѣчіе* obesum употребляетъ вмѣсто *pinguis* и *uber.* Также примѣтили, что *obliteram gentem* положилъ онъ, вмѣсто *obliterata gens.* И, что непріятелей, нарушившихъ договоры

[foede-

[fœdera] назвалъ *fœdiſragos*, а не *fœderiſragos*. Также *rubentem auroram* назвалъ *pudoricolorem*, и *Memnonem nocticolorem*. Также вмѣсто *ſorte*, *dubitanter;* и отъ глагола *ſileo*, назвалъ *loca ſilenta*, и *pulverulenta*, и *peſtilenta;* и, *carendum tui eſt*, вмѣсто *te: magno impete* употребилъ, вмѣсто *magno impetu; forteſcere* вмѣсто *fortem fieri*; *dolentiam*, вмѣсто *dolorem*; *avens*, вмѣсто *lubens*. Равнымъ образомъ *curis intolerantibus* вмѣсто *intolerandis; manciolis*, сказалъ, вмѣсто *tenellis manibus*: и *quis tam ſiliceo?* Также *fiere*, говоритъ, *impendio infit*, то есть, *impenſe fieri incipit*; и *accipitret* положилъ вмѣсто *laceret*. Сими мы, на Левіевы слова примѣчаніями чрезъ всю дорогу забавлялися. Прочія же его выраженія, которыя болѣе казалися стихотворческими, и въ свободной рѣчи неупотребительными, мы оставляли; какъ-то, что онъ сказалъ о Несторѣ *triſaecliſenex*, и *dulcioriloquus*. Также, что о свирѣпыхъ и великихъ волнахъ говоритъ *multigrumis*. И рѣки огустѣвшія отъ стужи назвалъ покрытыми *tegmine Onychino*. Оставляли также и то, что онъ писалъ шуточнымъ образомъ, какъ на примѣръ ругателей своихъ назвалъ. *Subductiſuperciliicarptores*.

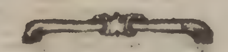

ГЛАВА 8.

Предлагается запросъ о томъ, употребляются ли въ множественномъ числѣ слова harena, caelum, triticum? *также* quadrigae, inimicitiae, *и другія нѣкоторыя сверхъ того слова находятся ли въ единственномъ числѣ?*

Я въ своемъ юношествѣ прежде отъѣзда въ Аѳины находяся въ Римѣ, въ свободное отъ ученія время, часто хаживалъ къ Фронтону Корнелію, и услаждался его различными и всякою ученостію исполненными разговорами. И никогда почти не случалося того, чтобы съ нимъ увидяся, и послушавши его разговоровъ, возвратился я въ домъ не просвѣщеннѣйшимъ и не ученѣйшимъ. Какъ-то въ одинъ день имѣлъ онъ разсужденіе хотя о вещи неважной, однакожъ достойное похвалы и для учащихся Латинскому языку небезполезное разсужденіе. Ибо какъ одинъ его пріятель, человѣкъ довольно ученый, и знатный въ то время Стихотворецъ находясь у него, говорилъ, что онъ избавился отъ водяной болѣзни горячимъ пескомъ [*usus calentibus harenis*]; тогда Фронтонъ въ насмѣшку сказалъ, ты хотя отъ болѣзни и избавился, однако отъ погрѣшности слова не избавился. Понеже К. оный Цесарь, безсмѣнный Диктаторъ, Кн. Помпея тесть, отъ котораго весь родъ и наименованіе Цесарей произошло, мужъ превосходнаго разума, и

чище прочихъ во свое время по Латинѣ говорившій, въ книгахъ, написанныхъ къ М. Цицерону, *о Свойствѣ Рѣчи*, разсуждалъ, что погрѣшительно говорится *harenae*, потому что слово *harena* никогда въ множественномъ числѣ употребляемо быть не должно, равно какъ и *cœlum* и *triticum*. А напротивъ того думаетъ, что слово *quadrigae*, хотя оно значитъ одну колесницу, изъ одного соединенія четырехъ запряженныхъ лошадей состоящую, всегда въ множественномъ только числѣ употреблять надлежитъ, такъ какъ слова, *arma*, *comitia* и *inimicitiae*: и ежели ты, любезнѣйшій мой Стихотворецъ, сему не противорѣчишь; то докажи пожалуй, что ты, сказавши въ множественномъ числѣ *harenas*, не погрѣшилъ и ни мало не ошибся. Что касается, отвѣчалъ онъ, до словъ *caelum* и *triticum*, то я не спорю, что они всегда въ единственномъ числѣ должны употребляться: а напротивъ того arma, maenia и comitia всегда въ множественномъ; о словахъ же *inimicitiae* и *quadrigae* мы разсмотримъ. И что принадлежитъ до слова *quadrigae*, то можетъ быть я въ разсужденіи сего уступаю древнихъ свидѣтельству. Но какая бы тому была причина, для которой К. Цасарь думаетъ, что слово *inimicitia*, такъ какъ *inscientia*, *impotentia* и *iniuria* или древними не было въ единственномъ числѣ употребляемо, или отъ насъ такъ употребляемо быть не должно? когда Плавтъ, украшеніе Латин-

тинскаго языка употребилъ также *deliciam*, въ единственномъ вмѣсто *delicias*.

Mea, говоритъ онъ, *voluptas*, *mea delicia*.

Да и самое сіе слово *inimicitia* К. Енній въ достопамятнѣйшей оной положилъ книгѣ:

Eo, говоритъ, *ingenio natus ſum; amicitiam*
Atque inimicitiam in fronte promtam gero.

Но скажи пожалуй, написалъ ли, или сказалъ ли кто другой, что *harenae* нечисто на Латинскомъ языкѣ говорится? и для того прошу тебя, оную К. Цесаря книгу, естьли близко, подать сюда; дабы намъ узнать, сколь онъ крѣпко и надежно сіе утверждаетъ. А какъ принесена была оная книга, называемая *о Спойствѣ Рѣчи*; то я изъ нея нѣкоторыя слова затвердилъ на память. Онъ сказавши выше, что ни *caelum*, ни *triticum*, ни *harena* множественнаго числа не имѣютъ, далѣе говоритъ: *Num tu harum rerum naturâ accidere arbitraris, quod unam terram, et plures terras, & urbem, & urbes, & imperium, & imperia dicamus; neque quadrigas in unam nominis figuram redigere, neque harenam in multitudinis appellationem convertere poſſimus?* Фронтонъ сіи прочитавши слова и оборотяся къ оному Стихотворцу, видишь ли, говоритъ, что К. Цесарь въ расужденіи слова harena, довольно ясно и твердо сказалъ противъ тебя? Стихотворецъ тронутъ будучи важностію книги, естьли бы, говоритъ, позволено было отзывать отъ Цесаря, то я бы тебя отозвалъ отъ сея книги къ другой. Но какъ онъ и

самъ

самъ своему мнѣнію не далъ причины, то скажи пожалуй ты, какая бы по твоему мнѣнію была погрѣшность сказать *quadriga* и *harenae*. На сіе Фронтонъ отвѣчалъ ему такимъ образомъ. Quadrigae, хотя и не есть всегда *multijugae*, но всегда заключается въ множественномъ числѣ; потому что quadrigae называются четыре лошади вмѣстѣ запряженныя, какъ будто бы *quadrijugae*. Да сверхъ того и совсѣмъ не льзя наименованіе многихъ лошадей заключить въ единственное число. Равнымъ образомъ, только въ другомъ видѣ, разсуждать надобно и *о словѣ harena*; ибо ежели *harena* и въ единственномъ числѣ положенное означаетъ множество и изобиліе малѣйшихъ частей, вмѣстѣ содержащихся: то безразсудно и неправильно уже по видимому сказать *harenae*, какъ будто бы сіе слово требовало множественнаго числа, когда оно и въ единственномъ числѣ заключаетъ въ себѣ множество. Но я сіе, придалъ онъ, сказалъ, не для того, чтобъ сіе правило и мнѣніе утвердить и сдѣлать неоспоримымъ; но только чтобъ мнѣніе Цесаря мужа ученаго не оставить безъ всякаго защищенія. Понеже для чего caelum въ единственномъ употребляется, а *mare* и *terra*, также *puluis*, *ventus* и *fumus* не всегда? для чего *inducias* и *caeremonias* древніе писатели иногда въ единственномъ числѣ полагали; а *ferias*, *nundinas*, *inferias* и *exequias* никогда? почему *mel*, и *uinum* и симъ подобныя слова имѣ-

имѣютъ множественное число; а lac не имѣетъ, о всемъ семъ, говорю, спрашивать и изъяснять мужамъ многодѣльнымъ, живущимъ въ столь занятомъ разными должностями градѣ, не можно. Да я вижу, что и сими самыми моими разсужденіями вы задержаны и отвлечены отъ какого нибудь дѣла. И такъ подите теперь, и въ свободное когда нибудь время поищите, употребилъ ли изъ древнихъ или ораторовъ или стихотворцевъ какой знатный, а не площадный писатель *quadrigam* и *harenas*? Сіи слова Фронтонъ приказалъ намъ искать, я думаю, не для того, будто бы онъ думалъ, что ни въ какихъ древнихъ книгахъ ихъ не находится, но чтобы возбудить насъ къ чтенію и изысканію рѣдкихъ словъ. Однакожъ мы нашли слово *quadriga* въ единственномъ числѣ употребленное въ Варроновой Сатирической книгѣ называемой *Exdemetricus*. Но слова *harenae*, въ множественномъ числѣ употребленнаго, съ меншимъ трудомъ мы искали за тѣмъ, что, какъ я помню, кромѣ К. Цесаря никто въ томъ не спорилъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 9.

Весьма забавный ответъ, данный Антоніемъ Юліаномъ бывшимъ съ нимъ вмѣстѣ на пиру нѣкоторымъ Грекамъ.

Одинъ юноша родомъ Азіатецъ, чиномъ всадникъ, веселыхъ мыслей, нравами и счастіемъ довольно украшенный, особенную охоту и склонность имѣющій къ Музыкѣ, въ день своего рожденія, которой онъ почиталъ началомъ своея жизни, давалъ своимъ пріятелямъ и учителямъ въ подгородной деревнѣ ужинъ. Въ то время на оной ужинъ пришелъ съ нами Антоній Іуліанъ Реторъ, публичный учитель, родомъ Гишпанецъ, человѣкъ краснорѣчивый, и въ знаніи древнихъ вещей и учености искусный. Онъ, по окончаніи стола, какъ пришло уже время питью и разговорамъ, просилъ молодаго хозяина, чтобъ приказалъ взойти своимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ для пѣнія и игранія на орудіяхъ. И такъ мальчики и дѣвочки взошедшія къ намъ весьма пріятно пѣли многіе стихи изъ Анакреонта, изъ Сафы, и изъ другихъ новѣйшихъ стихотворцевъ нѣкоторыя любовныя весьма сладкія и пріятныя Елегіи. Но больше всего усладилися мы нѣжнѣйшими стишками древняго (1) Анакреонта; которые

я

(1) *Анакреонта*] Евсевій въ лѣтописи пишетъ, что Анакреонтъ жилъ во время Поликрата Самійскаго тиранна; а сей получилъ тираннію около 62 й Олимпіады. Такъ и Павзаній въ Аттикахъ; такъ и Страбонъ кн. 14.

я нарочно сдѣсь написалъ съ тѣмъ, чтобъ между прочимъ сей мой нощной трудъ и безпокойство нѣсколько пріятностію словъ и стиховъ облегчилося.

Τὸν ἄργυρον τορεύσας
Ἥφαιστε, μοι ποιήσον,
Πανοπλίαν μὲν ουχὶ
(Τί γὰρ μάχαισι κάμοί;)
Ποτηρίον δε κοῖλον
Ὅσον δύνῃ βάθυνον.
Ποίει δὲ κατ᾽ αὐτὸ
Μήτ᾽ ἄστρα, μήθ᾽ ἁμάξας,
Μὴ στυγνὸν Ὠρίονα·
Τί πλειάδεσσι κάμοὶ,
[Τί δ᾽ ἄστρασι Βοώτεω;]
Ποίησον ἀμπέλους μοὶ
Καὶ βότρυας κατ᾽ αὐτὸ,
Καὶ χρυσέους πατοῦντας
Ὁμοῦ καλῷ Λυαίῳ
Ἔρωτα καὶ Βάθυλλον.

то есть.

О Вулканъ искусный мастеръ
Обраболывать сребро!
Не оружье мнѣ какое
Сдѣлай: что до браней мнѣ?
Сдѣлай ты стаканъ пожалуй
Сколько можно глубже,
Не черти по немъ ни звѣздъ,
Не пиши ни колесницъ,
Ни угрюма Оріона:
(Ибо что мнѣ до Плїядъ
Что мнѣ и до звѣздъ Вооты?
Лучше вырѣжь мнѣ на немъ
Съ вѣтьвьми кисти виноградны

И чтобы дапили ихъ
Въ позлащенномъ одѣяньѣ
Со Вавиллонъ Купидонъ
И любезный Вахусъ мой.

Какъ сіи стишки были пропѣты, то многіе изъ Грековъ, бывшихъ въ томъ пиршествѣ, люди веселые, и въ нашемъ языкѣ немало искусные, начали дразнить и укорять Юліяна, такъ какъ совсѣмъ человѣка грубаго и невѣжду тѣмъ, что онъ родился въ Гишпаніи, и что онъ только крикунъ, красноречіе его бѣшеное и вздорливое, и учитъ такому языку, которой никакихъ пріятностей, и никакихъ сладостей и красотъ не имѣетъ. И между тѣмъ часто его спрашивали, что онъ объ Анакреонтѣ и другихъ сего рода Стихотворцахъ думаетъ, и кто бы изъ нашихъ Стихотворцевъ столь пріятные и сладкіе сдѣлалъ стихи, выключая развѣ Катулла и Калва, коимъ не много можетъ быть удалося написать получше. Ибо Левій писалъ темно, Гортенсій некрасиво, Цинна несладко, Меммій негладко, и наконецъ всѣ стихотворцы писали грубо и невкусно. Тогда Юліанъ за отечественной языкъ, какбы за олтари и жертвенники, жестоко разсердяся и съ негодованіемъ сказалъ: Правда, долженъ бы я былъ уступить вамъ, чтобы вы въ таковыхъ распускностяхъ и самаго театроначальника превышали; и какъ въ роскошахъ житія и убранствѣ, такъ и во многихъ пѣсняхъ были его превосходнѣе: но чтобы вы насъ те.

Латинскій родъ, какбы нѣкоторыми людьми совсѣмъ грубыми и незнающими въ нѣжностяхъ никакого вкуса не почитали, позвольте мнѣ закрыть свою голову епанчою, какъ въ одной рѣчи, нѣколько цѣломудрію противной, здѣлалъ Сократъ; и послушавши узнайте, что и наши также древніе Стихотворцы, жившіе прежде вами упомянутыхъ, были въ любовныхъ дѣлахъ и сочиненіяхъ небезъискусны. Потомъ обвертѣвши голову, весьма пріятнымъ голосомъ запѣлъ стихи Валлерія Едитуа древняго стихотворца, а послѣ Порція Лицинія, и К. Катулла, которыхъ, по моему мнѣнію, ничего чище, красивѣе и стройнѣе ни на Греческомъ ни на Латинскомъ языкахъ сыскать не можно. Стихи изъ Едитуа:

Dicere cum conor curam tibi, Pamphila, cordis:
Quid mi abs te quaeram? verba labris abeunt.
Per pectus miserum manat subido mihi sudor.
Sic tacitus subidus, duplo ideo pereo.

И также стихи изъ другаго мѣста тогоже сочинителя не менше пріятные, какъ и первые:

Quid faculam praefers, Phileros, quà nil opu' nobis?
Ibimus, hoc lucet pectore flamma satis
Istam non potis est vis saeva extinguere venti,
Aut imber cœlo candidu' praecipitans!
At contra hunc ignem Veneris, nisi si Venus ipsa,
Nulla st', quae possit vis alia opprimere.

Потомъ изъ Порціа Лицинія сіи стихи:

Custodes ouium, teneraeque propaginis agnûm
Queritis ignem? Ite huc. Quaeritis? ignis homo 'st.
Si digito attigero, incendam syluam simul omnem:
Omne pecus flamma 'st, omnia quae video.

изъ К. Катулла были слѣдующіе стихи:

Aufugit mi animus. credo, ut solet, ad Theotimum
Devenit. sic est. perfugium illud habet.
Quid, si non interdixem, ne illunc fugitiuum
Mitteret ad se intro, sed magis eiiceret?
Ibimus quaesitum. Verum, ne ipsi teneamur,
Formido. Quid ago? da Venu' consilium.

ГЛАВА 10.

Слопа, praeter propter *между простаго народа употребляемыя, употреблены также и Енніемъ.*

Въ одно время я и Целсинъ Юліанъ Нумида ходили посѣтить Фронтона Корнилія, въ то время жестоко ногами болѣвшаго. И взошедши въ покои нашли его лежащаго на Греческой постелѣ, а кругомъ его сидѣло множество мужей, ученіемъ, родомъ и богатствомъ знаменитыхъ. Тутже стояли и плотники для строенія новыхъ баней призванные, и показывали ему разные образцы баней по кожѣ нарисованные. Онъ одинъ изъ нихъ выбравши образецъ спросилъ, коликое число требуется денегъ на совершеніе всего дѣла? А какъ

архитекторъ сказалъ, что надобно триста почти тысячь сестерцiевъ; то одинъ изъ прiятелей Фронтоновыхъ, *& praeter propter*, примолвилъ, еще *пятьдесятъ*. Фронтонъ оставя разговоры о суммѣ, касающейся до построенiя баней, и глядя на того прiятеля, которой сказалъ, что надобно еще *пятьдесятъ praeter propter*, спросилъ его, что это слово значитъ *praeter propter*? На что оной его прiятель говоритъ, не мое это слово, но многiе такъ говорятъ, а можетъ быть ты и самъ слыхалъ его во употребленiи. Но что оно значитъ, о томъ не у меня, а у Грамматика спрашивать надлежитъ; и въ тожъ самое время указалъ перстомъ на Грамматика тутъ сидящаго, которой въ Римѣ не безъ похвалы обучалъ оной наукѣ. Грамматикъ тронутъ будучи столь употребительнаго и общенароднаго слова темнотою, Мы, говоритъ, разсуждаемъ о такой вещи, которая никакъ не заслуживаетъ той чести, чтобъ дѣлать объ ней вопросъ. Ибо оное столь подлое слово употребительнѣе въ разговорахъ художниковъ, нежели между учеными людьми. Но Фронтонъ уже съ большимъ напряженiемъ голоса и лица, Развѣ, говоритъ, почтенный учитель, тебѣ кажется сiе слово подлымъ и негоднымъ, которое и М. Катонъ, и М. Варронъ, да и другiе многiе въ прошедшихъ временахъ, яко нужное и чистое Латинское употребляли? Къ симъ словамъ и

Юлiй

Юлій Целсинъ примолвилъ, что сіе самое слово, о которомъ идетъ рѣчь, находится также въ Енніевой Трагедіи, называемой *Ифигенія*, и что Грамматики его толкуя обыкновенно болѣе затемняютъ, нежели изъясняютъ. Потомъ немедленно приказалъ принесть К. Енніеву *Ифигенію* Въ хорѣ его Трагедіи мы читали слѣдующія написанные стихи:

Otio qui nescit uti, plus negoti habet,
Quam quum est negotium in negotio.
Nam cui, quod agat, institutum est; nullo negotio
Id agit. studet ibi. mentem atque animum delectat suum.
Otioso in otio animus nescit quid velit.
Hoc idem est: neque domi nunc nos, nec militiae sumus,
Imus huc, hinc illuc; quum huc ventum est, ire illinc lubet,
Incerte errat animus. praeter propter *vita vivitur.*

По прочтеніи сихъ стиховъ, Фронтонъ оборотяся къ Грамматику, уже робѣть начинающему, слышалъ ли ты, говоритъ, почтеннѣйшій учитель, что и Енній твой употребилъ *praeter propter*, да еще въ такомъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно философскія строжайшія споры бываютъ? И такъ, поелику уже объ Енніевомъ теперь словѣ рѣчь идетъ, то скажи пожалуй, какой точно смыслъ содержится въ семъ его стихѣ?

Incerte errat animus. praeter propter *vita vivitur.*

Грамматикъ долго потѣя, и много отъ стыда краснѣя, а между тѣмъ какъ прочіе надъ нимъ смѣялися, всталъ, и пошедши

 вонъ,

вонъ; Тебѣ, говоритъ, Фронтонъ, я послѣ одному скажу, дабы невѣжды не слыхали и не узнали, что это значитъ. И такимъ образомъ всѣ мы, оставя запросъ о семъ словѣ, встали.

ГЛАВА II.

Полагаются Платоновы любовные стихи, сочиненные имъ въ самой младости, когда онъ еще писалъ Трагедіи.

Въ великой славѣ находятся оные два Греческіе стиха, и за особенную свою красоту и пріятную краткость отъ многихъ удостоиваются той чести, чтобъ знать ихъ на память. Многіе изъ древнихъ писателей приписываютъ ихъ Платону Философу, и утверждаютъ, что онъ сочинилъ будучи въ молодыхъ лѣтахъ, въ то самое время, когда еще писывалъ Трагедіи.

Τὴν ψυχὴν, Ἀγάθωνα φιλῶν, ἐπὶ χείλεσι ἔχον.
Ἦλθε γὰρ ἡ τλήμων ὡς διαβησομένη.

Сіе двоестишіе одинъ мой пріятель, человѣкъ молодой, въ наукахъ небезъискусный, во многіе стихи нѣсколько вольнѣе и свободнѣе переложилъ. Но какъ они мнѣ показались памяти не недостойными, то я здѣсь ихъ прилагаю:

Dum ſemihulco ſauio,
Meum puellum ſauior,
Dulcemque florem ſpiritus

Duco

Duco ex aperto tramite;
Animula aegra & ſaucia
Cucurrit ad labias mihi,
Rictumque in oris peruium,
Et labra pueri mollia
Rimata itineri tranſitus,
Ut tranſiliret, nititur.
Tum ſi morae quid pluſculae
Fuiſſet in coitu oſculi;
Amoris igni percita
Tranſiſſet, & me linqueret:
Et mira prorſus res foret,
Ut ad me fierem mortuus,
Ad puerum intus viverem.

ГЛАВА 12.

Разсужденіе Ирода Аттика о силѣ и свойствѣ печали; и его мнѣніе подтверждается примѣромъ одного неученаго поселянина, которой съ терномъ вмѣстѣ посѣкъ плодоносныя дерева.

Я слышалъ въ одно время въ Аѳинахъ Ирода Аттика, бывшаго Консула, говорящаго Греческую рѣчь, въ которой онъ важностію, изобиліемъ, и красотою словъ всѣхъ почти на нашей памяти бывшихъ Ораторовъ далеко превзошелъ. Говорилъ онъ противъ Стоическаго ученія о *Безстрастіи*, раздраженъ будучи однимъ Стоикомъ за то, что будто онъ печаль приключившуюся ему

отъ смерти мальчика имъ любленнаго, несъ невеликодушно и неблагоразумно. Въ семъ разсужденіи, сколько я помню, смыслъ былъ такой: Что ни одинъ человѣкъ, чувствующій и разсуждающій по законамъ естества отъ оныхъ всѣхъ души движеній, называемыхъ *страстьми*, какъ-то отъ печали, желанія, страха, гнѣва, и радости совсѣмъ быть свободенъ не можетъ. Да хотя бы онъ и возмогъ дойти до того, чтобы отъ всѣхъ оныхъ страстей быть свободну: то сіе бы лучшимъ для него не было, потому что ослабѣлъ бы тогда его духъ, и былъ бы въ недѣйствіи, лишившися помощи отъ нѣкоторыхъ страстей, яко нужнаго иногда надъ собою владычества. Понеже, говорилъ онъ, сіи чувствованія и движенія души, кои будучи неумѣренны бываютъ пороками, суть соединены и весьма крѣпко сопряжены съ нѣкоторыми свойствами и силою нашихъ душъ. И потому, естьли мы безразсудно стараться будемъ всѣ оныя искоренить, то опасаться надлежитъ, дабы не потерять вмѣстѣ и добрыхъ также, и полезныхъ души качествъ, съ ними столь тѣсно соединенныхъ. И такъ, онъ разсуждалъ, что таковыя движенія души надобно съ благоразуміемъ и разсужденіемъ умѣрять, и очищать только отъ тѣхъ, которыя кажутся несродны и противны нашему естеству, а притомъ еще съ бѣдствіемъ соединены; и сверхъ того всячески

над

надлежитъ остерегаться, дабы въ сихъ обстоятельствахъ не случилося и съ нами того, что, какъ повѣствуютъ, случилося съ однимъ грубымъ и глупымъ Фракіяниномъ, при воздѣлованіи купленнаго имъ поля. Одинъ, говорилъ онъ, Фракіянинъ, уроженецъ самой отдаленнѣйшей Варваріи, къ обработыванію полей непривычный, желая лучшую найти себѣ жизнь, переселился въ плодоноснѣйшую свѣта страну, гдѣ купилъ помѣстье съ оливами и виноградомъ. Но совсѣмъ ничего не зная, какъ надлежитъ ходить за сими древами, увидѣлъ въ одно время своего сосѣда, что онъ терніе по всему полю выросшія высѣкаетъ, у ясней подстригаетъ самые вершинки, отростки выбѣгшіе отъ виноградныхъ корней вырываетъ, отпрыски выросшіе по яблонямъ и маслинамъ обрѣзываетъ; увидѣвши его въ сихъ трудахъ, подошелъ къ нему и спросилъ, для чего бы онъ столь великое множество деревъ и вѣтвей высѣкалъ? Сосѣдъ ему отвѣтствовалъ, что чѣмъ будетъ поле чище, тѣмъ древа на немъ растущія будутъ плодоноснѣе. Онъ поблагодаря ему за то пошелъ въ свое помѣстье съ великою радостію, какбы совершенно научася садоводству. Пришедши схватилъ ножъ и топоръ, и въ своемъ саду по незнанію бѣднякъ весь виноградъ и маслины обсѣкъ, вѣтви прекрасныхъ и плодоносныхъ деревъ обрѣзалъ, молодинькія яблони и другія къ

 про-

произращенію плодовъ способные кусты вмѣстѣ съ терніемъ для очищенія сада вырвалъ. Но послѣ со вредомъ своимъ узналъ, что онъ поступилъ дерзко, и что его ошибка произошла отъ того, что онъ положившись на сосѣда несправедливо ему подражалъ. Такъ, говоритъ, и оные послѣдователи *безстрастія*, кои хотятъ казаться спокойными, неустрашимыми, и ничѣмъ недвижимыми, не имѣя ни къ чему желанія, ни сожалѣнія, ни гнѣва, ни радости, всѣ сіи отсѣкши души дѣйствія, въ неключимомъ и какбы разслабленномъ тѣлѣ состарѣваются.

ГЛАВА 10.

По Латинѣ называющіеся Pumiliones [*карлы*] *по Гречески νάνοι называются.*

Какъ въ одно время Фронтонъ Корнилій, Фестъ Постумій, и Апполлинаръ Сулпицій, вмѣстѣ стоя въ сѣняхъ Палатинскаго дворца разговаривали между собою о разныхъ матеріяхъ; то я, тамже съ нѣкоторыми прочими находяся, ихъ разговоры, а особливо касающіеся до наукъ замѣчалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Въ то время Фронтонъ къ Аполлинарію, Скажи пожалуй мнѣ, говоритъ, почтенный учитель, справедливо ли я сдѣлалъ, что людей весьма малорослыхъ не назвалъ *nanos*, а лучше разсу-

дилъ

дилъ ихъ назвать *pumiliones*? Понеже я помню, что сiе слово находиться въ книгахъ древнихъ писателей; а слово nani, показалося мнѣ нечистымъ и варварскимъ. Правда, сказалъ Аполлинаръ, оно болѣе употребляется между простаго народа, однако не есть варварское, а происхожденiе свое имѣетъ съ Греческаго языка. Ибо Греки нискихъ и малорослыхъ людей называли νάνȣς; а называли они такимъ образомъ по нѣкоторому сходству произведенiя сего слова, съ самою вещiю онымъ означаемою. И, ежели, говоритъ, не обманываетъ меня моя память, сiе слово употреблено въ Аристофановой Комедiи, называемой Ἀκλαὶς. Однако можно бы тебѣ было его въ Латинской ввести языкъ, ежели бы только ты его захотѣлъ употребить; и оно гораздо бы было прiятiя достойнѣе, нежели тѣ гнусныя и весьма подлыя слова, которыя въ употребленiе Латинскаго языка введены Лаберiемъ. Тогда Фестъ Постумiй оборотяся къ одному Латинскому Грамматику, Фронтонову прiятелю, Насъ, говоритъ, Аполлинаръ научилъ, что Nani есть слово Греческое, но ты намъ скажи, не Латинское ли оно есть тогда, когда употребляется о нискихъ лошакахъ и малорослыхъ жеребятахъ; и у какого писателя оно въ семъ разумѣ употреблено? Оной Грамматикъ, человѣкъ подлинно довольно въ знанiи древней учености искусной, Ежели, сказалъ, не бу-

будетъ грѣха, въ присутствіи Аполлинара, предложить мнѣ свое мнѣніе объ ономъ Латинскомъ ли, или Греческомъ словѣ, то я осмѣливаюся тебѣ, Фестъ, о томъ у меня спрашивающему отвѣтствовать, что сіе слово есть Латинское, и находится въ сочиненіяхъ Гелвія Цинны, знатнаго и ученаго Стихотворца. Сіе сказавши и самые его стихи прочиталъ, которые я упамятовавши здѣсь прилагаю:

At nunc me cenumana per salicta.
Binis rheda rapit citata nanis.

ГЛАВА 14.

Что М. Варонъ и П. Нигидій, ученнѣйшіе по свое время Римляне, были современниками Цсарю и Цицерону, и что Нигидіевы разсужденія, по причинѣ ихъ темноты и излишней тонкости въ свѣтъ не выходятъ.

Во время М. Цицерона и К. Цесаря не много было краснорѣчивыхъ мужей. А только Маркъ Варронъ и М. Нигидій были подпорою и подкрѣпленіемъ различныхъ наукъ, просвѣщающихъ человѣчество. Что касается до Варрона; то ученыя его дѣла, содержащіяся въ книгахъ, находятся у всѣхъ во всегдашнемъ употребленіи. Но Нигидіевы разсужденія въ свѣтъ неизданы; и по причинѣ ихъ темноты и излишней тонкости, яко малополезныя, отъ всѣхъ оставлены; ка-

жаковы находятся, на примѣръ, его грамматическія записки, мною недавно читанныя, изъ которыхъ я нѣкоторыя мѣста для примѣру, въ доказательство его рода писанія, выбралъ. Онъ разсуждая о *Свойствѣ* и *Порядкѣ Буквъ*, отъ Грамматиковъ гласными называемыхъ, писалъ слѣдующее разсужденіе, которое я, для упражненія читающимъ, не истолковавши оставилъ. *A & O ſemper principes ſunt: I & V ſemper ſubditae. E & ſubit & praeit. In Euripo praeit; ſubit in Aemilio. Si quis putat, praeire U in his verbis, Valerius, Vennonius, Voluſius: aut J in his iam pridem, jecur, jocum, jucundum; errabit, quod hae litterae, cum praeunt, ne vocales quidem ſunt.* Item ex eodem libro verba haec ſunt: *Inter litteram N & G eſt alia vis, ut in nomine anguis, & angari, & ancorae, & increpat, & incurrit, & ingenuus. in omnibus enim his non verum N ſed adulterinum ponitur. Nam N non eſſe, lingua indicio eſt. Nam, ſi ea littera eſſet, lingua palatum tangeret.* Alio deinde in loco eſt ſcriptum: *Graecos non tantae inſcitiae arceſſo, qui OY ex O & Y ſcripſerunt, quantae, qui EI ex E & I. illud enim inopia fecerunt, hoc nulla re ſubacti.*

А. ГЕЛЛІЯ
АѲИНСКИХЪ НОЧЕЙ ЗАПИСКИ.
КНИГА ДВАДЕСЯТАЯ
ГЛАВА I.

Сек. Цецилія законоучителя и Фаворина Философа разсужденіе о законахъ двѣнатцати таблицъ.

Секстъ Цецилій въ правахъ и законахъ Римскаго народа былъ весьма знающь и искусенъ, и въ толкованіи оныхъ великую имѣлъ отъ всѣхъ довѣренность. Къ нему на Палатинскомъ дворѣ, гдѣ мы дожидались Цесаря для поздравленія, подошедши по случаю Фаворинъ Философъ, при насъ и при многихъ другихъ, съ нимъ разговаривалъ. Въ оныхъ тогдашнихъ разговорахъ зашла рѣчь о *Законахъ Децемвирскихъ*, которые т. е. Децемвиры, нарочно для того отъ народа сдѣланные, сочинили и на двѣнатцати Таблицахъ написали. Когда Сек. Цецилій разсмотрѣвъ и испытавъ законы многихъ городовъ говорилъ, что оные законы съ изрядною и совершенною краткостію словъ написаны: то Фаворинъ сказалъ: Пусть по твоимъ словамъ будетъ сіе въ большей части оныхъ законовъ; ибо я сіи двѣнатцать Таблицъ читалъ не съ меншимъ любопытствомъ, какъ и оныя десять Платоновыхъ книгъ о *Законахъ*. Но нѣкоторые въ нихъ законы кажутся быть или весьма темны, или жестоки; или напротивъ

тивъ слишкомъ снисходительны и послабительны; или силѣ написанныхъ словъ соотвѣтствовать немогущи. Темноту, сказалъ Сек. Цецилій, не должно причитать въ вину законы пишущимъ, но надлежитъ приписывать оную несмысленности непонимающихъ: хотя и непонимающіе написаннаго невиноваты. Ибо долговременность привела въ забвеніе тѣ слова и обыкновенія, въ которыхъ содержалась сила законовъ. Понеже Таблицы сочинены и написаны въ трехсотое лѣто по созданіи Рима, съ котораго времени доселѣ кажется прошло не много менше седми сотъ лѣтъ. А жестоко написаннымъ въ сихъ законахъ что почесть можно? Развѣ ты жестокимъ почитаешь тотъ законъ, который законно опредѣленнаго судію или посредственника, обличеннаго во мздоимствѣ осуждаетъ на смертную казнь: или тотъ, который явнаго вора отдаетъ въ рабство тому, у кого сдѣлалась покража; а ночнаго вора позволяетъ убивать до смерти? Скажи, скажи пожалуй, любомудрѣйшій мужъ, недостойнымъ ли ты смертной казни почитаешь или вѣроломство онаго судіи, противъ всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ законовъ, клятву свою за деньги продающаго, или нестерпимую дерзость явнаго вора, или злохитростное насильствіе ночнаго грабителя? Не спрашивай меня, сказалъ Фаворинъ, что я о семъ думаю.

маю. Ибо ты знаешь, что я (1) по правиламъ того, котораго держусь, ученія, обыкновенно больше вникаю въ вещи, нежели говорю объ оныхъ опредѣлительно. Но немаловажно и недостойно презрѣнія мнѣніе о семъ Римскаго народа; который хотя почиталъ сіи преступленія достойными мщенія, однако таковыя за нихъ наказанія показались ему весьма жестоки. Ибо онъ симъ о толь неумѣренной казни законамъ попустилъ отъ гнилости и долговременности быть истребленнымъ. Какъ отвергнулъ онъ безчеловѣчно написанное и слѣдующее: Естьли кто нибудь позванъ въ судъ за болѣзнію или старостію итти не можетъ, тому покрытая коляска не дается; но берутъ его, сажаютъ на скотъ, и изъ дому его къ Претору въ Комицій новымъ погребенія образомъ выносятъ. Ибо за чемъ сопернику больнаго, и отвѣтствовать за себя немогущаго, посадивъ на скотъ везти въ судъ? А что сказалъ я, что нѣкоторые законы гораздо кажутся послабительны: то не весьма ли слабъ и тебѣ покажется слѣдующій о наказаніи за обиду законъ: *Si. Iniuriam. Faxit. Alteri. Viginti. Quinque. Aeris. Pœnæ. Sunto.* т. е. *Естьли кто обидитъ другаго; тотъ долженъ заплатить ему двадцать*

(1) *По правиламъ того, котораго держусь, ученія*] Фаворинъ былъ Академикъ. См. кн. 11. гл. 5.

дватцать пять ассовъ мѣди. Ибо кто столь неимущь, что бы не захотѣлъ сдѣлать другому обиды, боясь заплатить за то двацать пять ассовъ? По сему и К. вашъ Лабеонъ, въ книгахъ сочиненныхъ на двѣнатцать Таблицъ, не одобряя сего закона сказалъ. Былъ нѣкто Луцій Вератій, человѣкъ довольно безпутный и весьма глупый. Онъ почиталъ за забаву бить по щекамъ людей свободныхъ. За нимъ ходилъ слуга имѣющій полный карманъ ассовъ: и, кого онъ по щекѣ ударитъ, тотчасъ приказывалъ тому въ силу двѣнатцати Таблицъ отсчитывать двацать пять ассовъ. Для того, говоритъ Лабеонъ, Преторы послѣ сей законъ за благо разсудили отмѣнить и уничтожить, и для цѣненія обидъ определили давать нарочныхъ судей. Нѣкоторые же изъ сихъ законовъ силѣ написанныхъ въ нихъ словъ, какъ я выше сказалъ, показались соотвѣтствовать немогущими; каковъ есть оный законъ о равной отплатѣ, котораго слова, естьли меня память не обманываетъ, суть слѣдующія: *Si. Membrum. Rupit. Ni. Cum. Eo. Pacit. Talio. Esto.* т. е. *Ежели кто попредитъ у другаго какой нибудь членъ такъ, что онъ имъ владѣть не можетъ; то учинить ему тожъ, что онъ самъ сдѣлалъ, буде не примирится съ истцомъ.* Понеже сверхъ жестокости мщенія и самая равная отплата правильно

исполнена быть не можетъ. Ибо естьли тотъ, у кого поврежденъ членъ отъ другаго, захочетъ равнымъ образомъ повредить и у него; то можетъ ли соблюсти точность въ равномъ поврежденіи члена у другаго? И въ семъ случаѣ вопервыхъ сія трудность нерѣшима. Но что, говоритъ, естьли кто повредитъ у другаго членъ неумышленно? ибо что сдѣлано неумышленно, за то и отплата должна сдѣлана быть неумышленно же. потому что ударъ случайный и умышленный не могутъ быть одинакимъ образомъ отплачены. И такъ какимъ же образомъ неумышленно сдѣлавшему можетъ подражать тотъ, который во учиненіи равной отплаты имѣетъ право не своевольства, но неумышленности? Но естьли кто повредитъ и умышленно; то никакъ не допуститъ въ случаѣ отплаты повредить у себя членъ или выше, или больше. А отъ сего какимъ вѣсомъ и мѣрою можно предостеречься, я не понимаю. Да и, естьли что сдѣлается больше или иначе, смѣшная будетъ жестокость, чтобы во взаимной отплатѣ произойти опять противному дѣйствію, и продолжиться безконечному нѣкоторому возврату отплачиванія. О безчеловѣчномъ же ономъ разсѣченіи и раздѣленіи на части человѣческаго тѣла, когда одинъ за долгъ по суду отданъ будетъ многимъ, не хочу я упоминать, да и говорить скучно: ибо что еще можетъ ка-

зать,

ваться звѣроподобнѣе? что съ человѣчествомъ несовмѣстнѣе, какъ то, чтобъ члены и составы неимущаго должника лютѣйшимъ терзаніемъ были развлекаемы такъ, какъ нынѣ имѣніе развлекается чрезъ продажу? Тогда Сек. Цецилій, обѣими руками обнявъ Фаворина, сказалъ: Ты истинно одинъ въ наше время человѣкъ весьма искусный не только въ Греческихъ, но и въ Римскихъ законахъ. Ибо какой Философъ столь хорошо и столь основательно знаетъ законы своего ученія, сколь обстоятельно знаешь ты наши законы Децемвирскіе. Но прошу однако тебя, оставь на нѣсколько времени Академическія ваши словопрѣнія, и переставши стараться, по обыкновенію вашему, доказать и защитить все, что ни захотѣлось, разсуди поважнѣе о томъ, что ты опорочилъ. И не презри за то древность сихъ законовъ, что многіе изъ нихъ Римскій народъ пересталъ уже употреблять. Ибо конечно не безъизвѣстно тебѣ, что полезные и спасительные законы по обстоятельствамъ временъ, и по различному теченію общенародныхъ дѣлъ, и по разсмотрѣнію настоящихъ пользъ, и по усилію пороковъ требующихъ уврачеванія перемѣняются и преклоняются, и въ одномъ состояніи не пребываютъ; но, какъ отъ различныхъ погодъ въ различномъ видѣ показывается небо и море, такъ они по различному состоянію государства и общенародныхъ дѣлъ,

въ разсужденіи надобности или ненадобности, бываютъ различны. Что казалось спасительнѣе онаго Столонова закона о опредѣленномъ числѣ десятинъ земли? Что полезнѣе узаконенія Вокопіева, запрещающаго дѣлать наслѣдницею дѣвицу или женщину? Что признаваемо было столь за нужное для искорененія въ гражданахъ роскоши, какъ законъ Лициніевъ и Фанніевъ, и другіе касающіе до расходовъ законы? Однако все сіе стало заглажено и покрыто богатствомъ, на подобіе нѣкоторыхъ волнъ въ гражданствѣ воскипѣвшихъ. Но почему показался тебѣ безчеловѣчнымъ законъ, весьма, по моему мнѣнію, сходный съ человѣчествомъ, который больному или старому позванному въ судъ повелѣваетъ дать скота? Слова закона суть слѣдующія: *Si. In. Ius. Vocat. Si. Morbus. Aeuitas. Ue. Vitium. Escit. Qui. In. Ius. Vocabit. Iumentum. Dato. Si. Nolet. Arceram. Ne. Sternito.* Можетъ быть ты думаешь, что *morbus* здѣсь называется болѣзнь тяжкая съ сильною и трясущею лихорадкою, и *jumentum* именуется одинъ какойнибудь скотъ на хребтѣ возящій; и потому безчеловѣчнымъ почитаешь дѣломъ, больнаго въ домѣ своемъ лежащего посадивъ на скотъ силою влечь на судъ. Нѣтъ, любезный Фаворинъ, не такъ. Ибо въ семъ законѣ означается не болѣзнь лихорадочная и весьма тяжкая;

и не опасность жизни показывается, но нѣкоторая слабость и изнеможеніе. Впрочемъ болѣзнь тяжкую, много вредить могущую, писатели сихъ законовъ на другомъ мѣстѣ, не просто болѣзнію, но болѣзнію злою или тяжкою [*morbum sonticum*] называютъ. И *jumentum* не то только значитъ, что называется нынѣ; но и телѣгу запряженными скотами влекомую древніе наши назвали *jumentum* отъ *jungendo*. А *arcera* называлась отвсюду закрытая и укрѣпленная коляска, какбы нѣкоторая *arca* устланная платьемъ, въ которую весьма больные или старые полагаемы и возимы были. И такъ почему показалось тебѣ немилосердно то, что позванному на судъ человѣку бѣдному и неимущему, который или за болѣзнію ногъ, или по другому какомунибудь случаю итти не могъ, опредѣлили давать телѣгу? а не приказали нѣжно постилать коляску, потому что для немощнаго довольно было какой нибудь повозки. И сіе учинили для того, дабы сіе извиненіе тѣлесною болѣзнію, уклоняющимся отъ суда и отговаривающимся, не было случаемъ ко всегдашнему отъ онаго избытію. Но поступимъ далѣе. Ты говоришь, что мало положили за учиненныя обиды платить по двадцати пяти ассовъ. Не за всякую безъ изъятія обиду, любезный Фаворинъ, положена сія малая плата: хотя и сія самая многочисленность ассовъ составляла не малую тяжесть мѣди. Ибо

вЪ то время народЪ употреблялЪ ассы фунтовые. Но за жесточайшія обиды, какЪ то за переломленіе кости, не только свободнымЪ людямЪ, но и рабамЪ учиненныя, положили большей платежЪ. А за нѣкоторыя обиды опредѣлили быть равной отплатѣ: которую отплату, ты почтеннѣйшій мужЪ, нѣсколько не справедливо опорочилЪ, и сЪ пріятною нѣкоторою остротою словЪ сказалЪ, что точно оной сдѣлать не можно; понеже отплата равной себѣ отплаты не имѣетЪ, и не можно повредить члена по равновѣсію [какЪ ты говоришЪ], другаго поврежденія. Правда, мой ФаворинЪ, что совершенно равной отплатѣ быть весьма трудно. Но Децемвиры желая уменшить и совсѣмЪ прекратить толь насильственное вредонанесеніе и увѣчье, благоразсудили и симЪ страхомЪ укротить людей; и вЪ разсужденіи повредившаго другому членЪ, и не хотящаго договориться сЪ тѣмЪ о заплатѣ деньгами, безЪ равномщенія увѣчьемЪ же, не почли за надобное смотрѣть на то, сЪ умысла ли онЪ, или неумышленно повредилЪ; или заплату увѣчьемЪ же точно уравнивать, или на безмѣнѣ взвѣшивать: но лучше восхотѣли установить, чтобы вЪ поврежденіи одинакой части тѣла, одинакое было хотѣніе и стремленіе, нежели одинакой случай; понеже образЪ хотѣнія наблюсти можно, а случая, какимЪ сдѣланЪ ударЪ, не можно. И естьли я говорю справедливо, какЪ и самое свойстве

ство правоты доказываетЪ; то оная трудность возвратной твоей отплаты больше есть остроумна, нежели справедлива. Но поелику и сей родЪ наказанія почитаешь ты жестокимЪ: то, скажи пожалуй, какая вЪ томЪ жестокость, когда тоже сдѣлаютЪ сЪ тобою, что ты сдѣлалЪ сЪ другимЪ? а особливо когда ты имѣешь способЪ отЪ сего избыть посредствомЪ договора заплатить деньгами, и когда терпѣть или не терпѣть равную отплату увечьемЪ же зависитЪ отЪ тебя самаго. И какой Преторскій указЪ обЪ оцѣнкѣ обидЪ сходнѣе сЪ истинною быть можетЪ? но я сказываю тебѣ, что и сія самая отплата увечьемЪ по нуждѣ доходитЪ до оцѣнки судейской. Ибо когда отвѣтчикЪ обЪ удовлетвореніи сЪ челобитчикомЪ договориться не хотѣлЪ, и судейскаго повелѣнія о претерпѣніи равной отплаты увечьемЪ не послушалЪ; то судія оцѣнивЪ тяжбу осуждалЪ его на платежЪ денежный. ТакимЪ образомЪ когда отвѣтчику и договорЪ казался тягостенЪ, и жестока отплата; то строгость закона обращалась кЪ наказанію денежному. Остается теперь отвѣчать на то, что вЪ разсѣченіи и раздѣленіи тѣла показалось тебѣ весьма безчеловѣчнымЪ. Римскій народЪ чрезЪ храненіе и наблюденіе всѣхЪ добродѣтелей отЪ малаго начала возникЪ до толикой славы и величества; но онЪ отлично отЪ всѣхЪ и наипаче хранилЪ вѣрность, и за свято оную почиталЪ, какЪ вЪ част-

 ныхЪ,

ныхъ, такъ и въ общественныхъ дѣлахъ, Такъ, для утвержденія общенародныя вѣрности, отдавалъ онъ непріятелямъ Консуловъ, мужей знаменитѣйшихъ: такъ человѣка принятаго подъ покровительство [*clientem*] узаконилъ почитать любезнѣйшимъ, нежели самыхъ сродниковъ и въ случаѣ защищать его даже и отъ своей родни; и ни что столь омерзительнымъ злодѣяніемъ не почиталось, какъ обманывать покровительствуемаго. И сію вѣрность предки наши свято хранили не только въ отправленіи общественныхъ должностей; но и въ договорахъ касающихся до дѣлъ частныхъ; наипаче же въ отдачѣ займа и въ торговлѣ. Ибо почитали они, что то спомоществованіе во временной скудости, въ которомъ всякой живущій въ обществѣ имѣетъ нужду, отъемлется, когда вѣроломство должниковъ останется безъ тяжкаго наказанія. Для того признавшимся въ займѣ денегъ, и приговореннымъ къ платежу, даны тритцать дней сроку для исправы: и оные дни Децемвиры назвали *justos*, какбы *quoddam justitium*, то есть, какбы нѣкоторою перемежкою и остановкою между ими суда; въ которые дни ничего съ ними по суду здѣлать было не можно. Потомъ, естьли они не расплатятся, приводимы были къ Претору, и отъ него отдаваемы были приведшимъ ихъ въ судъ, которые ихъ и сажали въ цѣпь, или заковывали въ желѣза. Ибо слова

слова закона, кажется, суть слѣдующія: *Aeris. Confessi. Rebus. Q. Iure. Iudicatis. Triginta. Dies. Iusti. Sunto. Post. Deinde. Manus. Iniectio. Esto. In. Ius. Ducito. Ni. Iudicatum. Facit. Aut. Quis. Endo. Em. Iure. Vindicit. Secum. Ducito. Vincito. Aut. Neruo. Aut. Compedibus. Quindecim. Pondo. Ne. Maiore. Aut. Si. Volet. Minore. Vincito. Si. Volet. Suo. Viuito. Ni. Suo. Viuit. Qui. Em. Vinctum. Habebit. Libras. Farris. Endo. Dies. Dato. Si. Volet. Plus. Dato.* т. е. *Когда кто признается, что повиненъ платить, и будетъ по суду приговоренъ къ платежу; то заимодавецъ долженъ дать тритцать дней сроку должнику: потомъ можетъ онъ его взять и повесть въ судъ. Ежели должникъ не заплатитъ долгу, а никто его отъ суда не свободитъ; то заимодавецъ можетъ его отвести къ себѣ, посадить въ цѣпь, или закопать въ желѣза, только бы цѣпь не превышала тягостію пятнатцати фунтовъ, или, естьли захочетъ, можно ей быть и легче. Ежели должникъ захочетъ питаться своимъ, то пусть питается: естьли же не захочетъ; то держащій его въ окопахъ долженъ давать ему по фунту мухи на день, или и больше, когда захочетъ.* А между тѣмъ можно было имъ сдѣлать договоръ; естьли же не договорятся, то держимы были въ заключеніи шестьдесятъ дней. Въ сіе время по три дни торговые сряду они выводимы были къ Претору въ соб-

раніе; и провозглашаемо было число взятыхЪ и неотданныхЪ денегЪ. ВЪ третій же торговый день казнимы были смертію, или продаваемы чужестранцамЪ за ТибрЪ. Но оную смертную казнь, для утвержденія, какЪ я объявилЪ, вѣрности уставленную, чрезЪ оказаніе новыя жестокости содѣлали страшною и ужасною. Ибо ежели многіе были заимодавцы, которымЪ по суду отданЪ былЪ должникЪ; то позволили, ежели захотятЪ, разсѣкать и разрубать на части тѣло отданнаго имЪ человѣка. Я скажу и самыя слова закона, дабы ты не подумалЪ, что я боюсь ихЪ показать, и чрезЪ то не произвести кЪ нимЪ ненависти. *Tertiis.* говоритЪ законЪ, *Nundinis. Partis. Secanto. Si. Plus. Minus. Ue. Secuerunt. Sine. Fraude. Esto.* т. е. *ВЪ третій торговый день тѣлу быть разрубаему на части. И на сколько бы частей оно разрублено ни было, бояться нечего.* НѣтЪ подлинно ничего немилосердѣе, нѣтЪ ничего безчеловѣчнѣе: естьли бы, какЪ изЪ самаго дѣла видно, не сЪ тѣмЪ намѣреніемЪ толь безчеловѣчная казнь была объявлена, какЪ чтобы никогда до нея не доходить. Ибо мы видимЪ, что многіе нынѣ должники по суду отдаются заимодавцамЪ, и отЪ нихЪ держатся скованные; понеже негоднѣйшіе люди заключеніе вЪ оковы весьма за мало почитаютЪ. А чтобы ктонибудь встарину былЪ разрубленЪ, того я ни читалЪ,

ни

ни слыхалъ; потому что сія жестокость наказанія не могла быть презираема. Не уже ли ты думаешь, Фаворинъ, чтобы столь много было лжесвидѣтелей, сколь много мы ихъ видимъ; естьли бы не вышла изъ употребленія оная въ двѣнатцати Таблицахъ положенная казнь за лжесвидѣтельство, то есть, естьли бы и нынѣ по прежнему обличившійся во лжесвидѣтельствѣ былъ сбрасыванъ съ Тарпеина камня? Жестокость мщенія за злодѣяніе по большой части учитъ жить честно и осторожно. Повѣсть о Метіи Фуфетіи Албанскомъ и мнѣ, не весьма спѣшно таковыя книги читающему, небезъизвѣстна. Онъ за то, что вѣроломно нарушилъ условіе и договоръ съ Царемъ Римскаго народа, привязанный къ двумъ четвероконнымъ колесницамъ въ разныя стороны влекомымъ разтерзанъ. И кто споритъ, чтобы казнь сія не была жестока и неслыханная? Но посмотри, что говоритъ о семъ Виргилій:

Стоять было тебѣ въ своемъ, Албанецъ, словѣ.

Какъ о семъ и о другомъ сему подобномъ Сек. Цецилій разсуждалъ съ похвалою и одобреніемъ отъ всѣхъ при томъ бывшихъ, и отъ самаго Фаворина: то сказали, что уже Цесаря поздравляютъ: и такимъ образомъ всѣ мы разошлись.

ГЛАВА

ГЛАВА 2.

Что значитъ въ рѣчи М. Катона слово Siticinum.

Siticines, написано въ Рѣчи М. Катона, которой надписаніе, *Ne Imperium Sit Veteri, Ubi Nouus Venerit. Siticines*, говоритъ онъ, *et liticines, et tubicines.* Но Цезеллій Виндексъ *in Commentariis Lectionun Antiquarum* говоритъ, что онъ знаетъ, что *Liticines* lituo cantant, и *Tubicines* tuba: а что также то, quo *Siticines* cantent, онъ человѣкъ правдивый признается, что не знаетъ. А я нашелъ *въ Смѣшанныхъ Запискахъ* Капитона Аттея, что *Siticines* названы тѣ, которые *apud sitos canere soliti essent*, то есть, *vita functos et sepultos*: и что они имѣли собственный родъ трубы, отъ другихъ отличный.

ГЛАВА 3.

Почему Л. Акцій Стихотворецъ in Pragmaticis сказалъ Sicinistas Nebuloso Nomine *esse*.

Называемыхъ въ простонарѣчіи *Sicinistas*, правильнѣе говорившіе называли *Sicinnistas* съ удвоеніемъ буквы *S.* Ибо *Sicinnium* былъ родъ старинной пляски. А пляшучи пѣли то, что нынѣ поютъ стоя. Положилъ сіе слово Л. Акцій Стихотворецъ in Pragmaticis, и сказалъ, что *Sicinistae* называются *nebuloso nomine*: думаю потому *nebuloso*, что неизвѣстно ему было, почему называется *sicinnium.*

ГЛАВА 4.

О томъ, что безчестно и предосудительно имѣть склонность и любовь къ зрѣлищнымъ ремесленикамъ; и приложенныя о семъ слова Философа Аристотеля.

Нѣкто богатый юноша, Тавра Философа ученикъ, полагалъ свою утѣху и увеселеніе въ представляющихъ комедіи и трагедіи, и играющихъ на трубахъ, людяхъ свободныхъ. А люди такое ремесло имѣющіе называются по Гречески οἱ περὶ τὸν Διόνυσον τεχνῖται, *Діонисовы или Вакховы ремесленики.* Тавръ хотя отвести онаго юношу отъ обращенія и содружества съ Театральными игроками, послалъ къ нему слѣдующія слова, выписанныя изъ Аристотелевой книги, которой надписаніе, Προβλήματα Ἐγκύκλια, *Энциклопедическія Запросы*; и приказалъ ежедневно прочитывать оныя: Διὰ τί οἱ Διονυσιακοὶ τεχνῖται ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ πονηροί εἰσιν; ἢ ὅ τι ἥκιστα λόγου καὶ Φιλοσοφίας κοινωνοῦσι; διὰ τὸ περὶ τὰς ἀναγκαίας τέχνας αὐτῶν τὸ πολὺ μέρος τοῦ βίου εἶναι. καὶ ὅ τι ἐν ἀκρασίαις τὸν πολὺν χρόνον εἰσὶν, ὁτὲ δὲ ἐν ἀπορίαις. ἀμφότερα δὲ φαυλότητος παρασκευαστικά. т. е. *Почему Діонисовы ремесленики по большой части люди порочные? Потому ли что они неразумны и не знаютъ Философіи? понеже большую часть своей жизни употребляютъ на нужныя ремесла, и больше препровождаютъ жизнь невоздержно; частію же живутъ въ не-*

недостаткѣ; а и отъ того и отъ другаго происходятъ пороки.

ГЛАВА 5.

Точные списки съ писемъ Царя Александра и Философа Аристотеля.

Сказываютъ, что размышленія и науки, которыя ученикамъ своимъ преподавалъ Аристотель философъ, царя Александра учитель, раздѣлялись на два вида. Одни изъ нихъ называлъ онъ Эксотерическими [*внѣшними*], а другіе Акроатическими [*слушательными*]. Эксотерическими назывались тѣ, которыя служили къ реторическимъ упражненіямъ, къ пріобрѣтенію способности остро и замысловато говорить, и къ познанію дѣлъ гражданскихъ. А Акроатическими назывались тѣ, въ которыхъ заключалась отдаленнѣйшая и тончайшая философія; и которыя касались до созерцанія естества, и діалектическихъ споровъ. Сей наукѣ, которую я назвалъ Акроатическою, обучалъ онъ поутру въ Ликіѣ, и не всѣхъ безразбору допускалъ къ оной; но только тѣхъ, которыхъ онъ напередъ испыталъ разумъ, начатки ученія, и къ наукѣ охоту и прилѣжаніе. Оныя же эксотерическія разсужденія и обученіе въ словѣ дѣлалъ онъ по вечерамъ въ томже мѣстѣ; и преподавалъ оныя всѣмъ юношамъ безразбору, называя сіе δειλινὸν περίπατον [*прохаживаніемъ послѣполуден-*

деннымъ], а оное вышеупомянутое ἑωθινὸν [*прохаживаніемъ утреннимъ*]: ибо онъ и въ то и въ другое время разсуждалъ ходя. И книги свои, въ которыхъ написаны всѣ оныя разсужденія, раздѣлилъ на двое, такъ что одни назывались Эксотерическими, а другіе Акроатическими. Когда царь Александръ узналъ, что книги Акроатическія имъ изданы въ народъ, то хотя въ то время всю почти Азію держалъ въ оружіи, и самаго царя Даріа приводилъ въ затрудненіе сраженіями и побѣдами; при всѣхъ однако оныхъ толь важныхъ дѣлахъ отписалъ къ Аристотелю, что неправо онъ поступилъ, что Акроатическія разсужденія, которыя онъ Александръ у него слушалъ, издалъ въ народъ. *Ибо чѣмъ*, говоритъ, *можемъ мы превзойти другихъ, естьли тѣмъ, что мы у тебя слушали, будутъ пользоваться всѣ безъ изъятія? потому что я больше хочу превзойти ученіемъ, нежели силою и богатствомъ.* Аристотель написалъ ему отвѣтъ въ такой силѣ: *Жалуешся ты, что Акроатическія книги изданы, и потому несохрыты втайнѣ*: (1) *такъ знай, что они ни изданы ни не изданы; понеже они празумительны будутъ однимъ только тѣмъ, которые насъ слушаютъ.*

(1) *Такъ знай, что они ни изданы ни неизданы; понеже они празумительны будутъ однимъ только тѣмъ, которые насъ слушаютъ.*] Хотя изъ сихъ Аристотеловыхъ къ Александру Вел. словъ видно, что Акра-

ютъ. Списки съ обоихъ писемъ взятые изъ книги (2) Андроника Философа я здѣсь прило-

---

Акроатическія книги, отъ него обнародованныя, сокращеннѣе и темнѣе написаны, нежели чтобъ ктонибудь къ Акроатическимъ лекціамъ недопущенный, великую изъ нихъ могъ получить пользу, или чрезъ чтеніе ихъ испытать Аристотелевы мысли, или сокровенныя въ нихъ тайны, по темнотѣ, то есть, слога и матеріи узнать. Однако изъ того не слѣдуетъ, чтобъ Аристотель и въ Акроатическихъ школахъ, когда разсуждалъ при ученикахъ допущенныхъ къ слушанію сокровеннѣйшаго ученія, о разсуждаемыхъ вещахъ упоминалъ коротко и темно, понеже, онъ дѣло имѣлъ съ знающими, и которые уже много успѣли въ ученіи, такъ что какбы искуснымъ каждую вещь больше означалъ, нежели изъяснялъ пространно и обильно, иначе нежели какъ онъ дѣлалъ въ лекціяхъ Экзотерическихъ, въ которыхъ онъ какъ преподавалъ науки больше къ простонародному употребленію приноровленныя; такъ и для простонароднаго понятія о всемъ разсуждалъ пространнѣе и яснѣе, и толковалъ съ большею околичностію словъ. Но никто довольно сумнительнымъ почесть не можетъ того, что Аристотель и въ Акроатическихъ лекціяхъ ученикамъ своимъ вещи, о которыхъ онъ разсуждалъ, не темно и кратко больше напоминая, нежели изъясняя, но весьма подробно и ясно, и сколько требовало ихъ свойство и трудность, продолжительно и вразумительно, хотя и весьма тонко толковалъ. Ибо къ чему Аристотелю предъ ближайшими и предъ учениками своими, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать участниками своего ученія, скрывать свои мысли? И совсѣмъ противное изъ сего отвѣтнаго Аристотелева письма къ Александру видно. Ибо досадующему Александру, нѣкогда его ученику и слушателю, что Акроатическія лекціи, которыя у него слушалъ, чрезъ изданіе книгъ онъ обнародовалъ, и чрезъ то всякому простолюдину явными сдѣлалъ, отвѣчалъ Аристотель, что Акроатическія книги имъ Ари-

ложилъ. Ибо весьма мнѣ полюбился въ письмѣ и того и другаго весьма краткій, но преострый слогъ.

Ἀλέξανδρος Ἀριστοτέλει εὖ πράττειν.

Οὐκ ὀρθῶς ἐποίησας ἐκδοὺς τοὺς ἀκροατικοὺς τῶν λόγων. τίνι γὰρ ἔτι διοίσομεν ἡμεῖς τῶν ἄλλων, εἰ καθ᾽ οὓς ἐπαιδεύθημεν λόγους, οὗτοι πάντων ἔσονται κοινοί; ἐγὼ δὲ βουλοίμην ἂν ταῖς περὶ τὰ ἄριστα ἐμπειρίαις, ἢ ταῖς δυνάμεσι διαφέρειν. ἔῤῥωσο.

Ἀριστοτέλης βασιλεῖ Ἀλεξάνδρῳ εὖ πράττειν.

Ἔγραψάς μοι περὶ τῶν ἀκροατικῶν λόγων, οἰόμενος δεῖν αὐτοὺς φυλάττειν ἐν ἀποῤῥήτοις. ἴσθι οὖν αὐτοὺς καὶ ἐκδεδομένους, καὶ μὴ ἐκδεδομένους. ξυνετοὶ γάρ εἰσι μόνοις τοῖς ἡμῶν ἀκούσασιν. ἔῤῥωσο.

Аристотелемъ обнародованныя, тѣмъ только вразумительны будутъ, которые его изустныя Акроатическія лекціи слушали: понеже они столь темно написаны, что не безъ труда ктонибудь, не слыхавъ его о тѣхже вещахъ яснѣе и обстоятельнѣе разсуждающаго разумъ и силу оныхъ понять можетъ. И такъ книги, Аристотелемъ въ народъ изданныя, кратко и прерывно, а потому довольно темно написаны: а разсужденія Акроатическія предъ слушателями его довольно ясно и вразумительно отъ него предлагаемы были.

(2) *Андроника*] Андроникъ Родянинъ, по свидѣтельству Аммонія, процвѣталъ около 180й Олимпіады, и былъ одиннатцатый изъ Перипатетиковъ въ Аѳинской школѣ. Между прочимъ писалъ онъ противъ Аристотелевыхъ Категорій, также оглавленіе книгъ Аристотелемъ и Ѳеофрастомъ написанныхъ, какъ свидѣтельствуетъ Порфирій въ житіи Платона, и Плутархъ въ Суллѣ; гдѣ и объявляетъ, что Андроникъ описалъ Аристотелевы и Ѳеофрастовы книги Тиранніономъ исправ-

ГЛАВА 6.

Спрашиваемо и разсуждаемо было, какъ правильнѣе говорить, habeo curam vestri, или vestrum?

Я, въ младыхъ лѣтахъ учившись въ Римѣ у Аполлинара Сулпиціа, спрашивалъ его, по чему говорится, *habeo curam vestri*, или *misereor vestri*? и сей падежъ *vestri*, въ томъ мѣстѣ какой имѣетъ падежъ прямой? Онъ мнѣ отвѣчалъ на сіе слѣдующимъ образомъ: Спрашиваешь ты меня о томъ, о чемъ и я уже давно всѣхъ спрашиваю. Ибо кажется надобно говорить не *vestri*, но *vestrum*, какъ говорятъ Греки ἐπιμέλομαι ὑμῶν, καὶ κήδομαι ὑμῶν. гдѣ ὑμῶν лучше говорится *vestrum* нежели *vestri*, и стоитъ въ падежѣ именительномъ, которой ты назвалъ прямымъ. Однако, говоритъ, я во многихъ мѣстахъ нахожу сказанное *nostri* и *vestri*, а не *nostrum* или *vestrum*. Л. Сулла во второй книгѣ Rerum Gestarum: *Quo si fieri potest, ut etiam nunc nostri vobis in mentem veniat: nosque magis dignos creditis, quibus ciuibus quam hostibus utamini, quique pro vobis potius, quam contra vos pugnemus: neque nostro neque maiorum nostrorum merito nobis id contingit.*

Теренцій in Phormione:

Ita

правленныя; и, поелику они прежде извѣстны были не многимъ, издалъ въ народъ. Нѣкоторые почитаютъ его сочинителемъ впервые изданнаго Генисіемъ Парафразиса на книги писанныя къ Никомаху, но несправедливо: потому что премногія причины противное доказываютъ.

Ita plerique ingenio sumus omnes, nostri nosmet pœnitet.
Афраній in Togata:
Nescio qui nostri miseritus tandem deus.
и Лаберій in Necromantia:
Dum diutius detinetur, nostri oblitus est.
Притомъ, говоримъ, несумнительно, что все сіе *nostri oblitus est; nostri miseritus est*, говорится въ томже падежѣ, въ которомъ падежѣ говорится *mei pœnitet, mei miseritus est, mei oblitus est.* А *mei* есть падежъ вопросительный, которой Грамматики называютъ родительнымъ, и склоняется отъ слова *ego*, которое во множественномъ *nos.* Равнымъ образомъ *tui* склоняется отъ слова *tu*, которое также во множественномъ числѣ говорится *vos.* Ибо такимъ образомъ Плавтъ склонилъ in Pseudolo въ слѣдующихъ стихахъ:

Si ex te tacente fieri possem certior,
Here, quae miseriae te tam misere macerent;
Duorum labori ego hominum parsissem lubens,
Mei te rogandi, et in his respondendi mihi.

Ибо Плавтъ въ семъ мѣстѣ сказалъ *mei*, не отъ *meus*, но отъ *ego.* И такъ естьли ты захочешь сказать *patrem mei*, вмѣсто *patrem meum*, какъ Греки говорятъ τὸν πατέρα μοῦ, то скажешь хотя неупотребительно, но конечно правильно, и такимъ же образомъ какъ сказалъ Плавтъ *labori mei* вмѣсто *labori meo.* Такимъ же образомъ Гракхъ сказалъ во множественномъ числѣ *misereri vestrum*, такимъ М. Цицеронъ сказалъ *contentio vestrum* и *contentio*

nostrum: такимъ образомъ и Квадригарій въ девятойнадесять книгѣ Лѣтописца положилъ слѣдующія слова: *C. Mari, equando te nostrum et reipublicae miserebitur?* И такъ почему Теренітій сказалъ *pœnitet nostri*, не *nostrum*? и Афраній *nostri miseritus est*, не *nostrum*? Мнѣ, говоритъ, ничего больше о семъ на мысль не всходитъ, какъ что они сказали сіе последуя употребленію древности, неимѣвшей излишней разборчивости и привязанности къ словамъ. Ибо какъ многократно писалось, *vestrorum*, вмѣсто *vestrûm*; какъ у Плавта in Mustellaria въ слѣдующемъ стихѣ:

Verum illud esse maxima pars vestrorum intelligit,

Такъ иногда и *vestri* говорилось вмѣсто *vestrûm*. Но кто захочетъ говорить правильнѣе, тотъ безъ сумнѣнія лучше скажетъ *vestrûm*, нежели *vestri*. И потому весьма, говоритъ, сдѣлали тѣ непристойно, которые во многихъ спискахъ [exemplaribus] Саллустія испортили въ слѣдующемъ мѣстѣ весьма чисто и правильно написанное. Ибо когда въ Катилинѣ написано было такъ: *saepe maiores vestrûm miseriti plebis Romanae*: то *vestrûm* замарали, и написали сверху *vestri*. Отъ сего во многія книги произтекла сія погрѣшность. Помню, что такъ мнѣ говорилъ Аполлинаръ; и сіе самое отъ слова до слова тогда я замѣтилъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 7.

Сколь различны Греческихъ стихотворцевъ мнѣнія о числѣ дѣтей Ніопиныхъ.

Удивительная и почти смѣшная въ Греческихъ стихотворцахъ усматривается разность басни *о числѣ дѣтей Ніопиныхъ*. Ибо говоритъ Омиръ, что дѣтей мужеска и женска полу было у нея двѣнатцать, Еврипидъ четырнатцать, Сафа осмнатцать, Вакхилидъ и Пиндаръ дватцать. Нѣкоторые же другіе писатели сказали, что было только трое.

ГЛАВА 8.

О тѣхъ вещахъ, въ которыхъ усматривается согласіе [συμπάθεια] съ увеличивающеюся и состарѣвающеюся луною.

Анніанъ стихотворецъ на своей части земли, которую онъ имѣлъ въ поли Фалискомъ, обыкновенно собираніе винограда праздновалъ весело. На оныя дни позвалъ онъ меня и нѣкоторыхъ другихъ своихъ пріятелей. Гдѣ во время ужина прислано изъ Рима множество устерсовъ: которые какъ поставлены на столъ, и многіе изъ нихъ были тощи и сухи, то Анніанъ сказалъ: Поелику (1) теперь луна состарѣвается; для того и устерсы, какъ нѣкоторыя дру-

(1) *Теперь луна состарѣвается, для того и устерсы худы и несочны*] Общее есть мнѣніе, что, во вре-

другія вещи, худы и несочны. А какъ спросили мы его, какія другія вещи при состарѣваніи луны теряютъ свою сочность? то онъ

время приращенія луны, устерсовъ и всѣхъ черепокожныхъ тѣла увеличиваются, а во время ущербленія оныя, паки уменшаются; и сіе мнѣніе по видимому подверждается ежедневнымъ опытомъ. Однако причина сего, почему около полномѣсячія больше, нежели около новомѣсячія, устерсы и прочія черепокожныя большее получаютъ приращеніе, весьма не многимъ, или и никому еще досэдѣ неизвѣстна. Которые ближе къ оной подходить кажутся, тѣ причину относятъ ко влажности Луны: когда въ оную солнечные лучи во время Полномѣсячія ударятъ; думаютъ, что свѣтъ оттуда на землю приходящій есть нѣчто теплое со влажнымъ смѣшенное, и потому растительное и питательное. Чего въ Новомѣсячіи совсѣмъ случиться не можетъ. Однако отъ сего общаго мнѣнія отступаетъ ученнѣйшій мужъ Ис. Воссій въ кн. о *Движеніи морей и вѣтровъ* гл. 16. и думаетъ, что не отъ Луны, и не чрезъ ея дѣйствіе устерсы и прочія черепокожныя получаютъ полноту и тучность, но причину сего полагаетъ онъ въ самомъ прибываніи моря; понеже во многихъ мѣстахъ Индіи, какъ то у Камбаи, Бенгала, острова Явы и въ другихъ мѣстахъ. по объявленію премногихъ очевидныхъ свидѣтелей, въ Новомѣсячіе и Полномѣсячіе, многія черепокожныя бываютъ пусты, въ четверти же первую и послѣднюю полны. А сіе по мнѣнію его происходитъ отъ того, что въ вышеупомянутыхъ странахъ не видно, чтобы сколько нибудь прибывало море во время полной или новой Луны, но прибываетъ оно четьврьмя или пятью днями позже, смотря потому какъ рано или поздо къ тѣмъ мѣстамъ подступаетъ Океанъ. Потому и въ заливѣ Камбайскомъ и Пегуанскомъ въ лунныя четверти наипаче моря надымаются, а въ новую или полную луну ониже убываютъ. А изъ сего, говоритъ сей ученѣйшій мужъ, видно, что не чрезъ явленія луны, но чрезъ прибываніе моря утучняются устерсы.

онъ сказалъ; не ужли не помните вы, что говоритъ нашъ Луцилій?

. . . Полная луна
Даетъ сокъ устерсамъ и полноту ежамъ,
И тучность всѣмъ скотамъ и толстоту мышамъ.

Тѣ же самыя животныя, которыя во время приращенія луны толстѣютъ, во время напротивъ луннаго ущерба худѣютъ. Да и глаза у кошекъ по тѣмже перемѣнамъ луны бываютъ или больше или менше. А то говоритъ, гораздо больше удивительнѣе, что читалъ я у Плутарха въ примѣчаніяхъ на Исиду и Осирида; Лукъ какъ зеленѣетъ и ростетъ подъ исходъ луны, такъ напротивъ засыхаетъ во время приращенія оныя. Сіе самое Египетскіе священники полагаютъ причиною, для чего Пилусіоты не ѣдятъ луку: понеже онъ одинъ изъ всѣхъ зелій уменшенія и увеличенія перемѣны имѣетъ приращеніямъ и ущербамъ луннымъ противныя.

ГЛАВА 9.

Какія слова Антоній Юліанъ любилъ въ Мимiамбахъ Кн. Маттіа.

Антоній Юліанъ говорилъ, что онъ съ пріятностію и удовольствіемъ слушаетъ нововымышленныя слова Кн. Маттіа, человѣка ученаго; каковы были и тѣ, которыя упоминалъ написанныя имъ въ Мимiамбахъ:

Sinuque amicam reficere frigidam caldo:
Columbulatim labra conferens labris.

Также говаривалъ, что и слѣдующее вымышлено пріятно и сладкорѣчиво:

Iam tonsiles tapetes ebrii fuco,
Quos concha purpura imbuens venenauit.

также слѣдующее:

Dein coquenti vasa cuncta deiectat:
Nequamue scitamenta pipulo poscit.

ГЛАВА 10.

Что значатъ слова; ex jure manum consertum.

Ex jure manum consertum. Взяты сіи слова изъ старинныхъ обрасцовъ судопроизводства, которыя и нынѣ говорятся предъ Преторомъ, когда двое или больше о какой нибудь вещи имѣютъ тяжбу, и каждой проситъ Претора что бы оная вещь утверждена была за нимъ. Я спросилъ славнаго и знаменитаго въ Римѣ грамматика, что значатъ сіи слова? Онъ съ презрѣніемъ мнѣ отвѣчалъ: Или ты, молодецъ, ошибаешся, или шутишъ. ибо я учу грамматикѣ, а не суднымъ дѣламъ. И такъ естьли ты имѣешь что нибудь спросить изъ Виргиліа, Плавта, Энніа; то изволь спрашивать. Да и сіе, сказалъ я, господинъ учитель, есть изъ Энніа. Ибо Энній сказалъ сіи слова. И какъ онъ съ великимъ удивленіемъ сказалъ, что сіи слова не стихотворческія, и что ихъ совсѣмъ въ стихотвореніи Энніевомъ не находится: то я слѣдующіе стихи изъ осьмой книги лѣтописца прочиталъ наизусть.

изустъ. Ибо случилось мнѣ оные, какъ отмѣнно хорошо предъ другими написанные, помнить.

Pellitur e medio ſapientia, vi geritur res.
Spernitur orator bonus, horridus miles amatur.
Haud doctis dictis certantes, nec maledictis
Miſcent inter ſe inimicitiam agitantes.
Non ex jure manum conſertum, ſed magis ferro
Rem repetunt, regnumque petunt, vadunt ſolida ui.

Какъ я прочиталъ сіи Энніевы стихи, то сказалъ грамматикъ: я уже тебѣ вѣрю. Но и ты пожалуй повѣрь мнѣ, что К. Энній свѣденіе о семъ получилъ не изъ науки стихотворенія, но отъ какого нибудь законоучителя. Такъ подиже и ты, сказалъ, и научися отъ того, отъ кого научился Энній. Принялъ я совѣтъ учителя мимо себя указавшаго на другаго, отъ кого бы мнѣ научиться тому, чему онъ самъ научить былъ долженъ. И такъ я то, что узналъ отъ законоучителей и изъ ихъ книгъ, разсудилъ включить въ сіи записки: понеже тѣмъ, которые живутъ въ свѣтѣ и какъ надлежитъ жить людямъ, не должно не знать словъ, часто употребляемыхъ въ дѣлахъ гражданскихъ. *Manum conſerere* значитъ, за ту вещь, о которой идетъ тяжба, на примѣръ *за поле, или за что нибудь другое*, вмѣстѣ съ соперникомъ ухватиться рукою, и на самой той вещи обыкновенными словами защищать на оную свое право. Т. е. Защищеніе своего права на какую нибудь вещь

 дѣла-

дѣлалось чрезъ ухваченіе самой той вещи и на самомъ томъ мѣстѣ, въ присутствіи Претора и по закону двенатцати Таблицъ, въ которыхъ написано такъ. *Si. Qui. In. Iure. Manum. Conserunt.* Но какъ послѣ по распространеніи предѣловъ Италіи, въ случаѣ судопроизводствъ, Преторы, заняты будучи дѣлами, почитали себѣ въ тяжесть въ дальнія страны ѣздить для рѣшенія таковыхъ тяжебъ: то въ противность двѣнатцати Таблицамъ по тайному согласію уставлено, чтобы тяжущіеся non in iure apud Praetorem manum consererent, sed ex iure manum consertum vocarent; то есть, alter alterum ex iure ad conserendam manum in rem, de qua ageretur, vocaret: atque profecti simul in agrum, de quo litigabatur, terrae aliquid ex eo, uti unam glebam, in ius in urbem ad praetorem deferrent: et in ea gleba, tanquam in toto agro, vindicarent. И сіе Энній хотя означить сказалъ: non, ut ad Praetorem solitum est, agi legitimis actionibus, neque ex iure manum consertum, sed bello, ferroque, et vera vi, atque solida. И сіе по видимому сказалъ онъ, сравнивая оную силу гражданскую и отъ Преторскаго жезла зависящую, которая изъявляема была словомъ, а не рукою производима, съ силою военною и кровопролитною.

ГЛАВА

ГЛАВА II.

Что значитъ sculna *слово положенное у М. Варрона.*

Есть П. Лавинiа книга не безъ прилѣжанiя сочиненная. Надписана она, *de Verbis Sordidis*. Пишетъ онъ въ ней, что *sculna* просто называется, какбы *seculna: quem qui elegantius*, говоритъ, *loquuntur, sequestrem appellant*. Оба сiи слова произведены a sequendo: quod eius, qui electus sit, utraque pars fidem sequatur. Тотже П. Лавинiй въ той же книгѣ упоминаетъ, что слово *sculna* написано въ Логисторикѣ М. Варрона, котораго надписанiе *Catus*. Но что *apud sequestrem* depositum erat, то *sequestro positum* говорили чрезъ нарѣчiе. Катонъ *о Птоломеѣ* противъ Ѳерма говоритъ:

Per deos immortalis, nolite vos sequestro ponere.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Достопамятныхъ вещей въ А. Геллiи находящихся. Первое число означаетъ книгу, а послѣднее главу книги.

Ака-

Ана-

Ари-

Атти-

В.

Вои-

Г.

Герси-

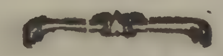

Де-

Другъ

Плу:

Жо-

Зо-

Cateia

 Ксено-

M.

Отвѣ-

П.

Про-

Пти-

Сло-

что

Т.

Фа-

вЪ

Шесть-

